

908
Ю 768

А. А. Бахматов, И. А. Подюков,
С. В. Хоробрых, А. В. Черных

ЮРЛИНСКИЙ КРАЙ

Традиционная культура русских
конца XIX-XX веков

А. А. Бахматов, И. А. Подюков,
С. В. Хоробрых, А. В. Черных

ЮРЛИНСКИЙ КРАЙ

Традиционная культура русских конца XIX–XX вв.

Материалы и исследования

Кудымкар
Коми-Пермяцкое книжное
издательство
2003

908

ББК 63.5 (2)

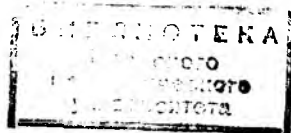
Ю 64.7

Авторский коллектив: **А. А. Бахматов**, руководитель районного историко-краеведческого музея, с. Юрла; **И. А. Подюков**, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного педагогического университета; **А. В. Черных**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Пермского отдела Института истории и археологии УрО РАН; **С. В. Хобрых**, директор Усольского историко-культурного музея «Строгановские палаты».

Научный редактор: **И. А. Подюков**, доктор филологических наук, профессор.

Рецензенты: **Г. Н. Чагин**, доктор исторических наук, профессор ПГУ; Центр-лаборатория этнопедагогики народов Прикамья Пермского областного института повышения квалификации работников образования.

Авторы выражают сердечную благодарность главе администрации Юрлинского района **А. Л. Мелехину** и предпринимателю **Н. И. Бахматову** за оказанную помощь в издании данной книги.

ш. 200-00

876499

ISBN 5-87901-080-5

© Бахматов А. А., Подюков И. А., Хобрых С. В., Черных А. В., Кудымкар, 2003.

© Коми-Пермяцкое книжное издательство, Кудымкар, 2003.

ОТ АВТОРОВ

Русская народная культура Прикамья формировалась на основе переселенческих традиций, так как основу русских края составляли выходцы из других регионов России. Её саморазвитие происходило во взаимодействии культурных традиций различных переселенческих потоков, при адаптации культурных форм к местным природно-климатическим условиям. Становление традиционной культуры русских Прикамья шло также при активном взаимодействии с автохтонным и пришлым иноэтничным населением – финно-угорским и тюркским. Все это привело к формированию ярких региональных особенностей культуры русских Прикамья.

Влияние названных выше факторов в каждом из районов Пермского края сказывалось по-разному. Для раскрытия особенностей местных форм русской традиции Прикамья достаточно актуальным представляется выявление и изучение локальных традиций, не в последнюю очередь тех, в которых активно происходили контакты с соседними этносами. Среди таких групп особый интерес представляют русские Коми-Пермяцкого автономного округа, которые на протяжении длительного времени контактировали с коми-пермяцким населением (Юсьвинский, Юрлинский и Гайнский районы).

Русских Юрлинского района принято считать особой этнографической группой русских в иноэтничном окружении –

юрлинцами¹. Русские юрлинцы сформировались как компактная группа в бассейне двух притоков р. Коса – рек Юм и Лопва. Сегодня эта территория включает 12 сельских администраций с населением немногим более 12 тысяч человек. Соседние районы населены коми-пермяками (с севера – Кочёвский, с юга – Кудымкарский, с востока – Косинский районы, с запада – Афанасьевский район Кировской области с зюздинской группой коми-пермяцкого народа).

О формировании русского «острова» в коми-пермяцком окружении высказывались разные точки зрения. Многие до-революционные исследователи утверждали, что юрлинцы – обрусевшие коми-пермяки². По «Хозяйственному описанию» Н. С. Попова видим, что Юрлинская волость в своё время была населена инородцами-пермяками³. И. Я. Кривощёков отмечает, что в Юрле в конце XVIII – начале XIX вв. происходило обрусение коми-пермяков, а в прошлом (1773 г.) с. Ем-Лопвинское (Юрла) с 35 деревнями составляли «церковный пермяцкий приход». Обрусение местных пермяков происходило, по мнению автора, под влиянием немногочисленных поселившихся здесь русских-старообрядцев⁴.

В 1970-е гг. И. В. Власовой⁵, благодаря привлечению нового источникового материала, удалось доказать, что основу формирования юрлинцев составили русские переселенцы из других регионов России. Юрлинский край начал осваиваться русскими с XVII в., первые сведения о русских деревнях в этом крае встречаются в Писцовой книге М. Кай-

сарова за 1624 г. В ней отмечена «деревня Юмское на ключе, в ней 13 дворов и 2 нежилых, и рыбная ловля в р. Юм»¹. И. В. Власова отмечает, что к 1681 г. по р. Юм появились русские деревни Елога, Таворинская (Крысанова, а, возможно, и Таволожанка), Юм (Ем), Кулич (Келич)². И. Я. Кривощёков указывает, что впервые эти деревни отмечены только на карте 1734–1736 гг.³ К 1773 г. вокруг Юма насчитывалось уже 16 русских селений, к этому году относятся и первые сведения о таких деревнях, как Пож, Юрла, Вятчина, Большая Половина и др.⁴ В XIX в. о Юрле говорят как о русском крае среди коми-пермяков.

Первыми на этих землях обосновались русские крестьяне, выходцы из соседней Вятской губернии. В юрлинских деревнях еще сохраняются сведения о первопоселенцах. В с. Юм записано предание, согласно которому жители этого села ведут свое происхождение от выходцев из Кайгородка, в с. Юрла рассказывают о появлении беглых людей из Вятской губернии⁵. Начало д. Зюздино, согласно преданию, дал «Зюздяк», переселившийся в начале XIX в. из Зюздинского края (Афанасьевский район Кировской области)⁶. По мнению исследователей, среди первых переселенцев XVII в. были выходцы и из других мест: Европейского Севера (Вологда), а также из центральных областей⁷.

Второй поток миграций в Юрлинский край приходится на первую половину XVIII в. и связан с расселением старообрядцев. В 1725 г. в районах Очера, Сепыча и Лысьвы были разорены старообрядческие скиты бывших стрельцов, выходцев из центральных территорий России. Из разорённых скитов старообрядцы бежали в другие пермские

¹ Власова И. В. К изучению этнографических групп русских (юрлинцы) // Наш край. – Кудымкар, 1995. – Вып. 7. – С. 58 – 65; Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX вв. – Пермь, 1995. – С. 80 – 81.

² Кривощёков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. – Пермь, 1914. – С. 459, 804; Смирнов. Пермяки. Известия общества археологии, истории, этнографии при императорском Казанском университете, 1891. – Т. IX. – Вып. 2. – С. 173 – 176.

³ Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. – Пермь, 1804. – Т. 2. – С. 221.

⁴ Кривощёков И. Я. Указ. соч. С. 803.

⁵ Власова И. В. К изучению этнографических групп русских // Полевые исследования Института этнографии 1981 г. – М., 1984.

¹ Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263 – 1881: Второй период с 1613 – 1645. – Пермь, 1882. – С. 184; 242.

² Власова И. В. К изучению этнографических групп русских (юрлинцы) // Наш край... – С. 59.

³ Кривощёков И. Я. Указ. соч. – С. 418.

⁴ Кривощёков И. Я. Указ. соч. – С. 221, 303, 589, 621, 715, 802.

⁵ Власова И. В. К изучению этнографических групп русских (юрлинцы) // Наш край... – С. 59.

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Там же. С. 59.

районы, в том числе и в Юрлинский край. Позднее в этот же край переселились и «кержаки» из поволжских районов¹. Приток старообрядческого населения, распространение старообрядчества среди русских-юрлинцев способствовали консолидации русской группы. В её формировании участвовали также коми-пермяки, о чём свидетельствуют и документальные источники, и антропологические данные. Как видно из записей актов о браках в церковных книгах, русские парни часто женились на коми-пермячках. Так, за 1813–1817 гг. в церкви села Юрлы из 358 заключенных браков 56 (15,6%) приходилось на браки русских с коми-пермячками². Дьякон местного прихода В. Славнин отмечал: «Селились сначала русские, а жён брали из Соликамского уезда, но женщины-пермячки язык родной забывали»³. Последние антропологические данные также свидетельствуют, что русские Юрлинского района являются представителями вятско-камского антропологического типа с примесью коми-пермяцкого компонента. При этом наибольшая близость с коми-пермяками наблюдается у женской части популяции⁴.

В последующее время в Юрлинском крае идут процессы консолидации различных переселенческих групп в единую этнокультурную общность. Важными факторами, способствовавшими образованию «русского ареала», были компактное расселение русских⁵, их оторванность от основного

¹ Арх. Палладий. Обзорение пермского раскола, так называемого «старообрядчества». – СПб., 1863. – С. 44–45; Власова И. В. К изучению этнографических групп русских (юрлинцы) // Наш край... – С. 59 – 60.

² Бахматов А. А. Память: Историко-документальная хроника Юрлинского района. – Кудымкар, 1999. – С. 11.

³ ГАПО. – Ф. 973. – Оп. 1, Д. – 288. – Л. 3.

⁴ Дубова Н. А. Формирование русского населения северо-востока Европейской части СССР (по антропологическим данным) // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. – М., 1986. – С. 119 – 120.

⁵ Так отмечает И. В. Власова: «Расселившиеся здесь русские были немногочисленнее местных коми и стремились к изолированному расселению. К тому же русское заселение происходило поздно – в XVIII в., когда коми уже сформировались как народ, а поэтому не могло произойти обрусения многочисленных местных коми-пермяков (Власова И. В. К изучению этнографических групп русских (юрлинцы) // Наш край... – С. 63).

массива русских Прикамья, иноэтническое окружение, приверженность старообрядчеству. Все эти факторы и стали причинами формирования в Юрле уникальной этнокультурной зоны.

Несмотря на то, что этнография и фольклор русских Пермского края стали предметом научных исследований уже в XIX в., глубокое изучение традиционной культуры русских-юрлинцев началось намного позднее. К XIX в. относятся лишь отдельные фрагментарные сведения о традиционной культуре русских Юрлинского края. В самом раннем и наиболее полном этнографическом описании Прикамья Н. С. Попова, как мы указывали, отмечено, что Юрлинская волость населена коми-пермяками¹.

Более подробную этнографическую характеристику юрлинцам даёт исследователь И. Н. Смирнов. Автор, правда, считает юрлинцев обрусевшими пермяками: «Юмская и Юрлинская волости Чердынского уезда населены уже такими пермяками, дети которых будут только смутно помнить, что когда-то в этом краю говорили на другом, нерусском языке»². Проезжая по названным волостям, исследователь оставил интересные наблюдения, касающиеся вопроса взаимодействия русских и коми-пермяков Юрлинского края. В частности, И. Н. Смирнов отмечает, что «во всех трёх названных волостях Чердынского уезда (Юмская, Юрлинская, Усть-Зулинская) жители считают себя русскими и говорят, что пермяки живут за Косой»³. Исследователь указывает на фонетические особенности говора юрлинцев, отмечает замену звуков «ф», «х», «я» на «п», «к», «ъя», характерные для коми-пермяцкого языка. Кроме того, наблюдения И. Н. Смирнова также позволяют говорить о вхождении в состав юрлинцев коми-пермяцкого субстрата: «...ямщик, вёзший меня отсюда (из с. Юрла) в Усть-Зулу, на вопрос: «Не пермяк ли он?» – ответил: «Нет, я руськой», – но, когда я спросил его, не говорили ли у них

¹ Попов Н. С. Указ. соч.

² Смирнов И. Н. Указ. соч. – С. 173.

³ Там же. С. 174.

в селе прежде по-пермяцки, он ответил, что у него только три года тому назад умер дедушка, который постоянно дома говорил по-пермяцки. Этот же ямщик по моей просьбе сообщил мне, где в их приходе живут русские, которые говорят дома по-пермяцки». Таких селений оказалось в приходе три-четыре близ Юрлы»¹.

Ко второй половине XIX в. относится «Этнографическое описание села Юрлы Чердынского уезда», составленное диаконом В. Славниным. Заметки содержат интересный этнографический материал о быте и культуре юрлинцев, в частности, здесь дано подробное описание поминальной обрядности, храмовых праздников села, некоторых особенностей говора населения. Материалы В. Славнина остаются неопубликованными и хранятся в Государственном архиве Пермской области².

Отдельные исторические и этнографические сведения о русских Юрлы содержатся в «Словаре географическом и статистическом Чердынского уезда Пермской губернии» И. Я. Кривощёкова. О каждом селе и деревне автор приводит исторические сведения, хотя при достаточно тщательном анализе вопроса о формировании юрлинцев ему не удалось выявить истоки местных традиций. И. Я. Кривощёков также считает, что в прошлом Юрла была населена коми-пермяками. Кроме того, автор описывает и некоторые показавшиеся ему наиболее интересными обычаи местного населения (так, в разделе о с. Юрле автор отмечает: «Из обычаев обращает на себя внимание процесс хождения по селу с берёзкой в Троицын день, украшенной лентами...»³)

В дальнейшем, вплоть до 1970-х гг., мы не находим публикаций, в которых характеризовались бы явления традиционной народной культуры края. К этому времени относится лишь рукопись М. В. Мазунина, хранящаяся в Чердынском районном краеведческом музее. В ней представлены традиции народного календаря и семейной обрядности нескольких де-

¹ Смирнов И. Н. Указ соч. – С. 174.

² Государственный архив Пермской области. Ф. 973, оп. 1, д. 288.

³ Кривощёков И. Я. Указ. соч. – С. 805.

ревень Вятчинского сельского совета. Рукопись датируется 1941 г., однако автор отмечает, что в ней описываются те явления, которые он наблюдал в конце XIX в.¹

В 1979–1983 гг. пермским отрядом этнографической экспедиции сектора «Русские» Института этнографии АН СССР проводилось полевое историко-этнографическое и фольклористическое изучение русских Юрлинского района. Отряд под руководством И. В. Власовой работал в сёлах Юрла и Юм, деревнях Кукольная, Осинка, Лопва и др. Внимание исследователей было направлено на изучение таких важных особенностей русского населения края, как история его формирования, особенности расселения, специфика поселений, жилища, костюма и других элементов материальной культуры. Был собран значительный материал по семейной обрядности юрлинцев. Все полученные данные хранятся в Институте этнографии АН РФ, копии аудиозаписей, содержащие фольклорные произведения, опросы по свадебной и похоронно-поминальной обрядности переданы в фонды Пермского областного краеведческого музея. Большая часть материалов опубликована, по итогам работы участниками экспедиции (И. В. Власовой, Т. А. Листовой, Т. С. Макашиной, И. А. Кремлёвой) были подготовлены статьи, в которых нашли отражение история формирования группы², особенности расселения русских Юрлы³, традиционный костюм⁴, похоронно-поминальная обрядность⁵, особенности традиционной культуры русских в

¹ Чердынский районный краеведческий музей, № 3009: Мазунин М. В. Описание бытовых сторон населения Юрлинского района за время с 1870-х гг. по 1917 г.

² Власова И. В. К изучению этнографических групп русских // Полевые исследования Института этнографии 1981 г. – М., 1984.

³ Власова И. В. Сельские поселения в районах Пермской области // Полевые исследования Института этнографии 1978 г. – М., 1980. – С. 3 – 9.

⁴ Листова Т. А. Одежда русского населения Пермской области // Полевые исследования Института этнографии 1978 г. – М., 1980. – С. 10 – 20.

⁵ Кремлёва И. А. Похоронно-поминальная обрядность русского населения Пермской области // Полевые исследования Института этнографии 1978 г. – М., 1980. – С. 21 – 29.

иноэтническом окружении¹. В дальнейшем собранный материал вошел в коллективную монографию по этнографии русского населения северного Прикамья «На путях из земли Пермской в Сибирь»². На основе собранного материала и архивных исследований авторам удалось показать малообоснованность мнения о русских-юрлинцах как об обрусевших коми-пермяках. Авторы показали уникальность региона, назвали его «русским островом», основными факторами складывания которого стали природная, этническая и конфессиональная изоляция; убедительно доказали, что культура русских Юрлинского района близка к севернорусским традициям. Причины общности хозяйства и быта русских юрлинцев и соседних коми-пермяков исследователи объяснили постоянными контактами двух народов и участием коми-пермяков в формировании группы.

При всей масштабности и комплексности проведенных ранее исследований очевидно, что вне поля зрения учёных оказались такие явления традиционной культуры, как календарная обрядность, религиозно-магическая практика, степень контактов и особенности взаимовлияний русских и коми-пермяцких традиций. Далеко не вся территория Юрлинского края была охвачена полевой работой, что затрудняло выявление локальных вариантов.

С конца 1980-х гг. было предпринято исследование русских Юрлинского района московским фольклористом Н. И. Жулановой, в экспедициях этих лет участвовали также студенты и сотрудники пермских и свердловских вузов, Московской консерватории, Свердловского (ныне Екатеринбургского) областного Дома фольклора. Н. И. Жулановой по материалам экспедиций была подготовлена обстоятельная

¹ Макашина Т. С. К вопросу о судьбе духовной культуры русских, живущих в инонациональном окружении (на примере Латгалии и Северного Прикамья) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Русский фольклор в инокультурном окружении. – М., 1995. – Вып. 6. – С. 70 – 76; Макашина Т. С. Традиционный фольклор Пермской области и Коми АССР (по новым экспедиционным материалам) // Традиции и современность в фольклоре. – М., 1988.

² На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии севернорусского крестьянства. – М., 1989.

статья, в которой автор также рассматривает феномен русских юрлинцев. Автор, прекрасно знающий соседние с Юрлой коми-пермяцкие традиции, обратил внимание на формы межэтнического взаимодействия. Н. И. Жуланова выделяет три группы явлений, которые у русских Юрлы можно связывать с коми-пермяцким влиянием. Прежде всего, это способы освоения природной среды (пища, способы охоты и рыбной ловли), вторая – традиционная магическая практика (представления о лешем, баннике, шишах, способы общения с нечистой силой). Третья группа связана с работой физиологического аппарата человека (пение, говорение, пластика)¹. В дальнейшем (до начала 1990-х гг.) в Юрле самостоятельно проводил полевые исследования Екатеринбургский Дом фольклора. К сожалению, материалы этих исследований (они хранятся в Екатеринбургском областном Доме фольклора) не опубликованы.

В 2002–2003 гг. состоялось несколько комплексных фольклорно-этнографических экспедиций, организованных Центром этнолингвистики народов Прикамья Пермского государственного педагогического университета и финансово поддержанных администрацией Юрлинского района (руководитель работ – проф. И. А. Подюков); в этой работе принимали участие также сотрудники и студенты Пермского государственного университета (этнографическими исследованиями руководил кандидат исторических наук А. В. Черных). В ходе полевой работы были обследованы почти все населённые пункты Юрлинского района. Материалы данных исследований поступили в фонды Центра этнолингвистики, копии переданы в Юрлинский районный историко-краеведческий музей. Впервые было предпринято описание особенностей словаря Юрлинского говора, системы календарных праздников и обрядов, особенностей народной медицины, хозяйственной обрядности. Сплошное

¹ Жуланова Н. И. Юрлинцы: русский остров или контактная зона? (О музыкальном фольклоре и традиционной культуре русского населения Коми-Пермяцкого автономного округа) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Русский фольклор в инокультурном окружении. – М., 1995. – Вып. 6. – С. 77 – 88.

полевое обследование позволило собрать интересный материал по вариативности в крае семейной обрядности (родильные, погребальные и свадебные обряды), народной магии (заговорная традиция, хозяйственная магия). Значительная часть собранных лингвистических, фольклорных и этнографических материалов стала основой настоящего издания и публикуется впервые.

Собранные материалы позволили выявить особенности традиций русских Юрлинского района, а также степень сохранности традиционной культуры к настоящему времени. Русский «юрлинский» остров имеет чётко очерченные языковую и этническую границы, в административном отношении – весь Юрлинский район Коми-Пермяцкого автономного округа (за пределами района находится лишь русская деревня Ташка Кочёвского района). Юрлинцы обладают особым групповым самосознанием, выделяют себя из соседнего коми-пермяцкого окружения и русских других районов Прикамья. В качестве самоназвания ими часто используется определение «парёнки», так юрлинцев называют коми-пермяки, так часто и они определяют себя. Происхождение этого названия, по одной версии, связано с активным употреблением в говоре слова «паря» (парень), по другой с распространённым блюдом традиционной юрлинской кухни – *парёнками*. Н. И. Жуланова отмечает, что этническое самосознание не во всех юрлинских деревнях однозначно, можно встретить и такие самоопределения: «*Сорица мы*» (т. е. смесь); «мы не русские и не коми, мы... просто так»¹.

В сознании населения, как видим, сохраняется память об участии в формировании населения края коми-пермяцкого компонента. Оторванность от метрополии, иноэтническое окружение, приверженность старообрядчеству, как справедливо отмечают исследователи², явились причинами закрепления традиций, устойчивого их единообразия на территории всего района.

¹ Жуланова Н. И. Указ. соч. – С. 79.

² Жуланова Н. И. Указ. соч. – С. 80; На путях из земли... С. 265.

При всей цельности традиций русских Юрлинского района в нём можно выделить несколько этнокультурных зон, характеризующихся определённым своеобразием. Большой близостью к коми-пермяцкой культуре отмечена Усть-Зулинская зона. Своёобразен Юмской и Юрлинский куст деревень. В прошлом и настоящем это административные центры Юрлинской территории, сёла Юм и Юрла были центрами ярмарочной торговли. Большая часть населения этой территории считает себя православными. Наконец, как периферийную можно характеризовать Дубровскую зону. Значительная часть её населения связывает себя со старообрядчеством, именно здесь отмечено наибольшее число архаичных представлений.

Отличительная особенность региона – сложная этноконфессиональная ситуация. В русских деревнях трёх волостей – Юрлинской, Юмской и Усть-Зулинской – проживали православные, единоверцы и старообрядцы.

По сведениям 1895 г., в Юрлинском крае было три православных прихода, с центрами в сёлах Юм, Юрла, Усть-Зула. В с. Юм находилась деревянная Христо-Рождественская церковь, в с. Усть-Зула – деревянная Сретенская, а в с. Юрла стояло две церкви – каменная Богоявленская и деревянная Рождество-Богородицкая¹. Православная церковь в XIX – начале XX вв. имела здесь прочные позиции. Часть населения перешла в православие из старообрядчества. По данным земской статистики, в конце XIX в. 48 русских деревень Юрлинской волости были населены исключительно православным населением, в Усть-Зулинской волости православные населяли 31 из 35 русских деревень, в Юмской волости из 82 деревень православными считались 55². Единоверческое население проживало вместе с православными в трёх деревнях Усть-Зулинской волости (Пож, Тимина, Сергеева).

¹ Сведения о церквях и приходах Пермской губернии. Пермь, – 1895. – С. 32.

² Список населённых мест Пермской губернии: Чердынский уезд, Пермь, 1897. – С. 67 – 73; 78 – 92.

Основу старообрядческого населения составили старообрядцы белокриницкого согласия. Большая часть деревень со старообрядческим населением относилась к Юмской волости, по данным земской статистики; в 27 деревнях проживали «православные и раскольники» (деревни Дубровка, Васькова, Вылом, Кормина, Копытова, Деткина, Ваня, Ефимова, Каменный Ключ, Зарубина, Шалгина, Романовский, Подкина, Бражникова, Касаткина, Малый Сулай (Матвеята), Кадчина, Елога, Мухоморка, Мыс, Пугачёва, Липухина, Кузнецова, Чус и др.). В Усть-Зулинской волости старообрядцы с православными проживали лишь в деревне Демидова. Конечно, данные официальных источников, скорее всего, несколько преуменьшали реальную картину расселения старообрядчества, однако, и они позволяют представить картину «многоверия». С известной долей вероятности можно полагать, что в прошлом старообрядческого населения в крае было больше.

Старообрядчество, как уже отмечено, сыграло определённую роль и в формировании регионального самосознания, в противопоставлении юрлинцев и православных коми-пермяков. Полевые наблюдения над религиозной ситуацией в крае показывают ещё более сложную картину. Даже в тех сёлах и деревнях, которые официально считались православными и население которых осознаёт свою принадлежность к православной церкви (Юм, с. Юрла и округа), распространено старообрядческое «двуперстие». В повседневной, бытовой жизни и религиозной практике различий между православными и старообрядцами здесь немного.

Для юрлинской традиции чрезвычайно характерны яркие формы проявления народного православия. Так, ритуал освящения воды в Крещение, как в православных, так и старообрядческих деревнях, совершается достаточно просто: «А вот воду принесут да святят... Иконы вымоют, вот она святая вода опять» (*Чёрная*). В с. Юрла, чтобы освятить воду, горящую свечу и ладан спускали в колодец: «Утром хозяйка встаёт, зажигает свечу, освящает колодец, только после этого мы начинаем воду носить... Это уже называется освящённая вода». На Пасху и в православных, и

старообрядческих деревнях был распространён обычай «гаркать Христа»: «В Паску встанешь, свичку перед иконы ставишь, ладанок пустишь и Христа гаркаешь. Молишься, говоришь: «Христос воскрес!» Сам и отвечаешь: «Воистину воскрес!» (*Пож*). Современная религиозная ситуация ещё более полна парадоксов. В Юрлинском районе активно распространяют своё учение баптисты, и в условиях религиозного вакуума, отсутствия церквей, приходской жизни население нередко их поддерживает. В с. Юм картина выглядит таким образом: население считает себя православным, хотя крестится здесь «двумя перстами», и нередко посещает баптистскую церковь (следует, впрочем, отметить, что увлечение баптизмом не носит массовый характер и достаточно формально).

Активные контакты с коми-пермяцкими традициями развили главные отличительные факторы этноса – групповое самосознание и язык. Русские-юрлинцы не знают коми-пермяцкого языка, в то время как коми-пермяки владеют и родным, и русским языками. Таким образом, языковая и этническая граница прослеживается достаточно чётко, тогда как культурные границы во многом размыты. Этнокультурные традиции во многом перестают играть роль этнического разделителя – такая ситуация характерна и для других регионов, где длительное время контактируют несколько этнических образований.

Яркое своеобразие отличает местную речь. Характерными особенностями юрлинского говора являются не только архаические элементы севернорусских говоров, но и заимствования из коми-пермяцкого языка (как фонетические, так и лексические). Объяснить их можно прежде всего общностью ряда культурных традиций, которая могла возникнуть только в результате длительных межэтнических контактов. Активные взаимовлияния обусловлены длительностью соседского проживания, общностью хозяйственно-бытового уклада, единым социально-экономическим развитием региона, хозяйственными, культурными и брачными связями, общностью религии (христианство). В традициях юрлинцев и соседних коми-пермяков можно проследить

следы иноэтнических заимствований: в коми-пермяцкой культуре – от русских, а у юрлинцев – от коми-пермяков. В некоторых явлениях народной культуры эти следы видны достаточно отчётливо (в частности, в сфере демонологических представлений и магической практики). Об этом часто говорят коми-пермяцкие названия этих явлений, нехарактерность их для русских традиций других регионов. Приведём лишь некоторые примеры. В традиционной кухне юрлинцев суп, приготовленный из пиканов с квасом, называют *шомша* (от коми-пермяцкого *шэма шыд* – кислый суп)¹. В магической практике только у русских Юрлинского района известно широко распространённое в коми-пермяцкой среде знахарское гадание с помощью топора или безмена *чер эшлан* (вешание топора). Юрлинцы при этом употребляют трансформированное название этого явления «черешлан вешать» (иногда в ложной этимологизации – «через шланг вешать»). Как справедливо отмечает Н. И. Жуланова, основные заимствования из коми-пермяцких традиций относятся к способам охоты, вообще освоения лесного пространства, к пище, к приёмам магической практики, к мифологическим представлениям². Многочисленность и разнообразность иноэтнических коми-пермяцких заимствований – одна из характерных особенностей, отличающих юрлинцев от других групп русского населения Прикамья. Целый пласт явлений народной культуры, как справедливо отмечают исследователи, следует интерпретировать совместным формированием слоёв культуры. К таковым можно отнести животноводческую обрядность и связанные с ней мифологические представления, где достаточно сложно развести собственно коми-пермяцкие и русские традиции, способы хозяйствования, календарные праздники и обряды.

Взаимодействие с коми-пермяками по-разному проходило на севере и на юге «юрлинского острова». Наибольшее взаимопроникновение традиций наблюдается на севере, где русские контактировали с северной, косинско-камской этно-

¹ Жуланова Н. И. Указ. соч. – С. 85.

² Там же. – С. 85 – 86.

графической группой коми-пермяцкого народа. Этот факт обусловлен как географическими, так и административными границами. Реки Юм и Лопва – притоки р. Коса, юрлинская территория, таким образом, входит в косинско-камский речной бассейн, как и территория северных коми-пермяков, а не в иньвенский, на территории которого проживает южная группа коми-пермяцкого народа. В прошлом речные пути часто обуславливали вектор соседских, в том числе иноэтнических контактов. В административном отношении юрлинцы, как и северные коми-пермяки, относились к Чердынскому уезду, а к Усть-Зулинской волости относились и коми-пермяцкие деревни, входящие ныне в Кочёвский район Коми-Пермяцкого автономного округа. В итоге при значительной близости русских и коми-пермяцких традиций в Юрлинском крае главным фиксатором русской этничности остается язык и этническое самосознание.

Формирование традиции островного типа в иноэтническом окружении, конфессиональная и природная замкнутость, слабое социально-экономическое развитие региона способствовали консервации и сохранению традиций. Именно в Юрлинском районе сохранились достаточно архаичные формы традиционной культуры, некоторые из них продолжают сохраняться в активной форме до настоящего времени. В то же время современное состояние традиционной культуры в крае весьма своеобразно и зависит от сложной социально-экономической ситуации, маргинализации населения, миграций за пределы района. Там, где сохраняется стабильная социально-экономическая база, традиции поддерживаются лучше. Продолжают функционировать многие архаичные элементы похоронно-поминальной обрядности, до настоящего времени в активном бытовании похоронные и поминальные причёты. Сохраняются традиционные представления, связанные с хозяйственной деятельностью (поиск скота и т. д.). При том, что к современности оказались разрушены цикл календарных обрядов, свадьба, живы многие фольклорные жанры (прежде всего, в сознании старшего поколения), известны ансамбли, сохраняющие многоголосное пение.

Цель настоящей работы – попытка реконструкции основных культурных комплексов юрлинской традиции и публикация материалов, иллюстрирующих её своеобразие. Основу работы составляют собственно полевые материалы, фольклорные тексты, живая речь информаторов, их воспоминания и комментарии. Авторы стремились объективно показать всю сложность, многовариантность и своеобразие традиционной духовной культуры юрлинцев, сведя к минимуму собственные комментарии и пытаясь как можно более точно передать особенности местной речи. Работа состоит из нескольких разделов, посвящённых таким явлениям духовной культуры, как календарные праздники и обряды (автор реконструкции А. В. Черных), свадебной обрядности (автор раздела С. В. Хоробрых). Представлены также родильная обрядность, обряды проводов в солдаты, похоронно-поминальная обрядность (автор И. А. Подюков), хозяйственная обрядность и бытовая традиция (авторы И. А. Подюков, А. А. Бахматов). В сборнике представлена в основных жанрах фольклорная традиция края (тексты заговоров, сказок, быличек, песен, причитаний, загадки, пословицы и поговорки и пр., авторы И. А. Подюков, А. А. Бахматов, С. В. Хоробрых, А. В. Черных). В него включён словарь юрлинского говора (авторы А. А. Бахматов, И. А. Подюков, консультант К. П. Гусева). Вступительная статья подготовлена А. В. Черных и И. А. Подюковым. аспиранты Пермского государственного педагогического университета С. М. Поздеева, Н. В. Жданова и студенты филологического факультета ПГПУ.

Авторы издания приносят низкий поклон старожилам юрлинского края, тем, кто охотно делился своим знанием, гостеприимно и хлебосольно встречал собирателей. В сборнике сохранены (при невозможности перечислить всех) фамилии наших основных информантов. Особая благодарность авторов – главе администрации района А. Л. Мелехину, без помощи которого книга не вышла бы в свет.

Глава I

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ ЮРЛИНЦЕВ

Семейная традиция, представленная в разделе, отражает основные вехи жизни человека. Обрядность в традиционной культуре, как известно, особенно разработана для маркировки тех моментов жизни, которые характеризуются как «стрессовые», наиболее ответственные.

Открывает раздел описание родинного обряда и обрядов, направленных на детей, даётся подробное описание свадебного обряда. Приведены воспоминания местных жителей о проводах в армию, представлена похоронная традиция.

Публикуемые материалы убеждают в чрезвычайной развитости в крае обрядов свадьбы и похорон, в сохранности целого ряда архаических мотивов. Вся обрядность сопровождается значительным количеством фольклорных обрядовых текстов.

РОДИННЫЙ ОБРЯД И ДЕТСТВО

Родинный обряд в крае отчасти прослеживается по данным диалектной лексики. Эвфемические номинации встречаются для понятия «родить» (*родить краснопёрку* – родить девочку, *будёна* – женщина перед родами, *пузання* – о беременной). Предосудительность рождения ребенка вне брака выражена в названиях *мироньца* – родившая без

мужа, *мирон*, *нажиток* – внебрачный ребёнок). «Если была в деревне гулящая девка, позорили её. На воротах тележной мазью писали: «Здесь живёт де такая-то» (*Пож*).

Беременность

Если женщина не могла забеременеть, её сбрызгивали святой водой, с воскресной молитвой. «Хотели, чтобы родился перво мальчик, надо женщину похлестать мужскими штанами» (*Пож*).

Нежелательного ребёнка в прошлом *выживали*. «Чистотел брали бабы, которые рожать не хотели. Много изопьёт отвар, ребёнка вышибает. Ещё в лесу какая-то трава бесплодная есть, ягоды поганые, их ели, чтобы скинуть» (*Пож*).

Беременной не позволялось ходить в лес: «Медведь беременных не любит. Если мальчик у бабы во чреве, то вскрыет брюхо, потому что мальчик же, будущий охотник» (*Мухоморка*). «Мёртвого не надо провожать, это вот когда первый год замужем или беременная. Мне мама говорила: «Вот ты, девка, не ходи, не провожай, ребёнок-от бледный будет» (*Таволожанка*).

Беременная, чтобы узнать, кто у неё родится, стряпает пельмени и один пельмень кладёт с тестом. Потом едят, и если этот пельмень достанется мужчине – родится парень. «Если женщина с мальчиком ходит, лицо пёстрым делается, темнеет. Если на лице женщина красивая, значит, девка будет, парень красоту у беременных крадёт» (*Мухоморка*). «Если у беременной лицо пятнами и смуглое, значит, мальчик; если круглый живот – с девкой ходит, а узкая, как червячок, и не заметишь, то с парнем» (*Ефремова*). «С мальчиком живот как огурчик. Если с девочкой ходит, то, говорят, живот широкий, с пацаном – острый живот» (*Кукольная*). «Девочка если будет, то рвёт мать до половины срока» (*Сергеева*).

Роды

Рожали в прошлом с *бабушками*, т. е. с помощью повитух: «Если неправильно лежит плод, бабка гладит живот по солнышку, и тогда ребёнок поворачивается как надо». Если у роженицы нет *подтуги*, её трясли за ноги (*Ефремова*). «Тяжёлые если роды – под порог встают на коленки, и тогда ребёнок вылетит как пробка. Вот раньше не давали говорить, если больно. Схватки начинаются, лучше никому не рассказывать. Большие муки, говорят, будут, большие боли. Никому не рассказывали, выходили и рожали, во дворе прямо, в конюшне» (*Келич*).

Обстоятельства, особенности родов воспринимались символически. «Я родила парня, поводок от пупу вокруг шен был обвернутой у его, и мне сказали, мол, у тебя он де большой задавится. Так и стало» (*Осинка*). «Когда ребёнок только родился, «делают» ему голову, затылок, лоб и бока гладишь. Он на животике лежит, ты обе ножки тянешь, за лапочки возьмёшь и тянешь» (*Кукольная*).

Пуповину каждого ребёнка в семье прибирали и хранили до самой смерти (обычно в особой коробочке – *Юм*). «Послед в землю закапывают. Попону, детское место, прятали куда-то, в землю, на завалину в голбец закинут. А на улицу нельзя, собакам-то» (*Ефремова*).

«Если после родов женщина болела горячкой, ходит, как ничё не понимает, её заставляли кланяться венику, вот, веник в избс. Она ему поклоны кладёт, ползает, как извиняется» (*Келич*).

О маленьких

С одной стороны, при общении с маленькими выполнялось множество предупредительных магических действий, чтобы ребёнок не заболел, вырос здоровым, с другой – именно маленьких нередко привлекали для лечения у взрослых ряда болезней, для проведения хозяйственных

обрядов. В обрядовых действиях обычно принимали участие *заскрёбыш* (родившийся последним) и первенец. «Вот если бешеный кто – его в корыте перерубали. Положат на больного корыто, дадут маленькому топор, он рубит. Первый который родился, спросит – кого де рубишь, а тот, малинкой: «Беса де вырубаю» (Юм).

Каша и крестины

«Ребёнок непутной, если некрещёный, некрещёный – он как чертёнок. Хоть вовсе малинкой умер, без имени не хороняют» (Юм). «Когда ребёнка крестят, будущий крёстный дарит матерьял, это который примат ребёночка-то» (Юм). «Когда приглашают на кашу, приглашённые идут всяк со своей бражкой, шаньгами, обязательно несут или свежую рыбу сырую, или пирог рыбный» (Осинка). «Самой-то каши не было, шли, когда договорятся, мать ничё не стряпат, гости на кашу и пирог привозили, и вино, и стряпню» (Кукольная). «Подаришь родительнице, маленькому чего-то, скажешь: «Вспоить, вскормить да на коня посадить – если парень, вспоить, вскормить да за прялку посадить, девка дак» (Юм). «Имя как давали – вот ребёнок родился, узнали, тут слушают, какое первое имя в разговоре будет, такое и дадут маленькому». (Зап. от Копытовой Д. Г., 1924 г. р., д. Мухоморка.)

«С маленьким играешь, до потолка подбрасываешь, он *кивкает* (смеётся) – «Кив-кив». А так-ту дети бояться будут. Стукать не надо при маленьком, дрова занёс, кидашь об пол не шумно, чтобы не испугать» (Мухоморка). Маленького ребёнка нельзя подносить к зеркалу: «Если ребёнок сам себя видит в зеркало, то сам себя урочит. Нельзя до года стричь волосы, ногти, ногти мать зубами откусывает. Год ребёнку будет, можно стричь» (Мухоморка).

«Если ребёнок родился недоношенным и неразвитым, его завертывали в одеяло, в тёплое место ложили на печку, или в шубу, как допаривали» (Ефремова). «Если болеет

ребёнок, и ничего нельзя сделать – под корыто ложат. Потом по корыту рубят: «Жить – так жить, а не жить – так умрёт». Рубят сичкой, топором. Это болезнь-то рубят, по корыту-ту тяпают». (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.) «Недокуменный ребёнок, бывает, родится, год большой, а ничё не соображат. Это дьявол над ним. Корытом тогда заложат ребёнка и по корыту тюкают топором». (Зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р., д. Осинка.) «Худоба если маленького бьёт врождённая, поят его овечьим молоком» (Юм). «Худоба бьёт маленького, *тянет* его, надо лечить вересовой серой. Серу разводят в горячем молоке, этой серой надо поить больного» (Булдыри).

Детские болезни

Самостоятельный фрагмент обрядов детства связан с лечением детских болезней, которые воспринимались мифологически. В этом случае большую роль играли обереговые обряды и заговоры.

Коклюш. «От коклюша, говорят, надо в зыбку класть сосну, наломать и накласть к ребёнку. Тоже и ходить по сосняку надо с маленьким. Коклюш сосну не любит» (Юм).

Корь. «Корюшка кокат месяц, полностью мает с первого числа. Ничё не надо лечить, только голос не подавать. Ругать будешь, может ребёнка унести или чё-нибудь, где-нибудь оставить. Корь ходит два сорта, две они ходят. Это во сне я видела. Сначала старушка пришла с котомочкой, пришла и осталася. У меня парень захворал-захворал, на третий день – температура и сыпь, мелкая-мелкая. Но слово ничё не надо говорить ему, больному. Из месяца в месяц он прохворал. Пока он хворал, она с им была. И сердить старушку нельзя – и слово не скажи. Старушка ушла, болезнь ушла, легче ему стало. А второй сорт – мужик ходит, или слепой, или кривой. Уродом оставляет. У Андрея глаз унесло корюшкой – осердили её». (Зап. от Братчиковой А. Ф., 1936 г. р., д. Бадья.) «Корь не любит, когда курят и пьют, нужно выполнять всё, что она попросит». (Зап. от

Мазеиной А. Н., 1927 г. р., д. Осинка.) «Корюшку надо уговаривать уговорами, чтобы не осердить её. Пококала многих, моих не стала, они у меня не заболели. Всю деревню прошла, потом и моих девок задела. Что запросит, то мы и делали». (Зап. от Чеклецовых, д. Кукольная.) «Корюшка — мелкая сыпь. Истопишь баню и паришь, только сухим веником». (Зап. от Трушниковой А. С., 1938 г. р., д. Лобанова.)

Кочерга. «От кочерги молоком грудным мазали в бане. Или в печку залезешь, там солому постелешь, и мажешь спинку» (Юм). «Растворят квашонку, белую, мука чтоб высший сорт, намажут квашонкой через марлю и парят веником, до трёх бань» (Липухина). «На крыльцах выходит кочерга, её в бане выводят. Соплями лечат, мажут тело и трут» (Юм). «Делают квашонку. Идут в баню, натирают ребёнка этой квашонкой, положат марлечку и веником жарко-жарко парят. Такие колышки выйдут, большущие, как шерсть» (Васькова). «Ребёнок ревёт, бывает, тело у него шерстяное, колючее, колет его. Берут тесто, заквасят его маленько, чуть-чуть, потом по телу намажут-намажут, а потом тожно марлю сделают, по марле шоркают. Она, кочерга, как *шшоть* выйдет, как у ёжика, чёрная» (Ефремова). «Муку ржаную и мел бражный, этой гущей мажешь, на красную тряпку, потом мочить и водой горячей шоркать, парить в бане» (Сергеева). «Кочерга — полуношница, не даёт маленькому спать, квашонку на белой муке сделаешь, спинку намажешь, пропаришь, как осот, комочки выйдут, на марлю натычутся» (Кукольная).

Грыжа. «Если грыжа у парнишки, ловят живую мышьку, глаза ей проткнут и рвут пополам, потом этой кровью круг мудышек прикладывают. Или проткнут у петуха гребень иголкой, кровь соберут, и этой кровью тоже смазывают, килу-ту. Тоже вот, грызёт пупик и муди, поймают ворону или голубка, сороку, голову отрубят и выкинут на улицу, а кровью замазывают грыжу, с наговором. У девки на пупочке грыжа, пятак на её обыкновенный привяжешь, она его носит» (Бадья).

От грыжи надо сучки по стенам и по полу крестить: «Как сучок иссохни, исчахни, там и ты иссохни, исчахни!» (Бадья). Наговаривают на пупок, если грызёт: «Возьму топор, сам себя изрежу за пупок!» (Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья.) «От грыжи с трёх ключей воду собирали и этой водой мыли, поили ребёнка. Собирали утром, до солнца. Носили воду к бабушке, там в деревне была, она наговаривала на воду, воду домой привозили, поили» (Юм).

«У нас, у сына-то грыжа была, так мы к соседке тут водили. Некоторые чертят, кто ножом, кто чем-нибудь. Старуха была, она зубами грызла. Задевает губами, зубами тихонько и что-то приговаривает. У меня свекровь ходила, с трёх ключей воду собирала, и этой водой мыли, поили его» (Таволожанка).

«Когда у ребёнка грыжа, грызёт мудышки-те, берут траву тягун девятигодовалый, он от девяти болезней. Он как репochка, цветёт как подснежник. Надо его рвать, когда распускается». (Зап. от Перебатовой А. А., 1929 г. р., д. Миронова.) Когда грыжа, говорят слова: «Иссохни, исчерни, нечистая сила, бездушная тварь. Как сучок иссохнет, так и ты, нечистая сила, бездушная тварь, иссохни». И по грыже суком водят, сук надо от черёмухи, от рябины или от берёзы, чтоб сухой». (Зап. от Копытовой Д. Г., 1924 г. р., д. Мухоморка.) «Безымянным пальцем, у этого пальца имя нет, им и чертят грыжу и говорят: «Грыже места нет. Как на лесинке сучок сохнет, так и ты, грыжа, исчезни, иссохни». И сучок задевать надо, по ему водить». (Зап. от Мазеиной А. Н., 1927 г. р., д. Осинка.) «От грыжи надо положить ребёнка рядом с сучковатым поленом и наговаривать, чертя ножом по грыже: «Как у этого полена сучки высохли, так у раба (имя рек) пусть грыжа высохнет». После этих слов следует сразу бросить полено в печку; всё это повторяется три дня». (Зап. от Черных Л. Б., 1943 г. р., д. Сергеева.)

Бессонница-полношница. «Если плохо спит, *полношница* у ребёнка, кладут в зыбку травку Богородский сон или плат в зголовье, который на кокошник надевали, взамуж

когда идёшь. Девке лопастку в зыбку клади, парню топорик, из лучинки, тогда спать будет» (*Липухина*). «В изголовье девочки кладут пресенку, чтобы полночица пряла, а не маяла ребёнка. Парню топор, вот полночица тюкат, рубится пусть. Это если ребёнок и день, и ночь плачет, день и ночь смешал, отец девке пресенку делал, а парню топорик» (*Мухоморка*). «В изголовье пресенку под подушку положишь ребёнку, только чтобы мать не знала, на палочку кудельку привяжешь» (*Кукольная*). «Ребёнок не спит, какая-та полночица его мает. Сделают лапоточек, маленькой-маленькой заплетут только, не доплетут, его и коточик положат в зыбку: «Занимайся де ты, полночица, этим, а ребёнка не трогай! Не трогай, а плети лапоточек!» Вот ребёнок и спит». (*Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.*) «Не спит когда, топорик парню сделать из щепочки маленькой и положить в зыбку, в изголовье, девочке дак пресенку маленькую, скажешь: «Прядь, привикай-де!» Или в изголовье можно травку Сон-Богородицу, клали в зыбку, чтобы ребёнок спал» (*Юм*).

«Бабушка молитву натворит-натворит, ребёнок уснёт. Кружку наговарят, водичку, водичкой сполоснут ребёнка, брызжут изо рта по всему телу и скажут: «Сбрызнула бабушка де» (*Ефремова*). «Три раза брызнуть в лицо ребёнку изо рта, и ребёнок успокоится». (*Зап. от Черных Л. Б., 1943 г. р., д. Сергеева.*) Чтоб ребёнок легко уснул, говорят, когда его оставляют в зыбке: «Сыр да масло, яичко красно» (*Кукольная*).

Уроки, сглаз. «Когда ребёнок родится, его поят настоем из вереска. Вереск да осина — чертова лесина, говорят. Поили, чтобы не урочился» (*Липухина*). «От уроков брызгали водичкой с углями у порога, ребёнку легче, он и спать будет» (*Юм*). «Наговорить можно молитву «Воскресный бог» или «Сонную молитву», или сказать: «Мария, исцеляю, избавляю, молитва со Христом». Мария, она ещё лучше Господа-Бога помогает» (*Сергеева*). «Взять водичку и наговорить: «От маяты, от ломоты, от всякой от болезни, воскреснет Бог, аминь». И брызнешь на ребёнка. Потом остатки водичку под пятку у дверного косяка выливаешь»

(*Мухоморка*). «Если ребёнок беспокоится, уроки есть. Уголёчек кладут в воду. Бывает, с простой души брызнешь, без молитв, ребёнок реветь не будет и уснёт. А так когда брызгают, говорят: «Уроки, уйдите с водичкой». Крестик положат на воду три раза до того как брызгать: «С Богом, крестом» (*Кукольная*). «Ребёнок когда болеет ни с чего, берут с трёх колодцев воду с наговорами, моют его: «Очисти, батюшко-Господь! Как водичка святая, так и ты будешь». (*Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья.*) Говорят: «Притчи-уроки, убирайся за ворота, ко старой старухе, ко старому старику», и ребёночек уснёт. (*Зап. от Копытовой Д. Т., 1924 г. р., д. Мухоморка.*)

«От сглаза соплями некоторые своими мажут, мало ли, посторонние придут, кто может чем нехорошим занимается. Обмывают ребёнка от сглаза наговоренной водой и обтирают — обязательно тыльной стороной ладони. Брызгают на ребёнка наговоренную воду через сито. Ребёнку по темечку сажей проводят крест-накрест, чтоб не сглазили, если кто урошливый заходит» (*Булдыри*). «От сглаза, когда чужой заходит в избу, взять уголь из печи и крестик на темечко ребёнку углём поставить, или соль из солонички посыпать и перекреститься самому». (*Зап. от Черных Л. Б., 1943 г. р., д. Сергеева.*) «От уроков — воду надо лить через скобу и наговаривать. «Как на скобе вода не держится, так пусть стекают уроки с младенца. Тьфу! Уроки отдам за высокие горы, за тёмные леса, как на пятке вода не держится, уроки пусть стекают, пусть сбегают. Аминь, Свят Дух, аминь, аминь, аминь!» (*Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья.*)

Колыбельные

Бринь-бринь

Бринь-бринь, дурочки,
Золотые струночки,
Где кума моя живёт,
Лисавьюшка,
Лиса да Ивановна,
У её было три дочери,
Одна чучулка, друга паччелка,
Третья – подай челночек.

(«Наговаривашь маленькому, он только смеётся». Зап.
от Вилесовой М. М., 1919 г. р., д. Тимина.)

Перепёлочка

Перепёлочка спать де хочет,
Фить-фирю, фить-фирю,
Спать пора, спать пора.

Баюшки-баю

Баюшки-баю,
Жил татарин на краю.
Он ни беден, ни богат.
У его много робят,
Все по лавочкам сидят.
Все по лавочкам сидят,
Кашку маслену едят,
Каша масленая,
А сон хороший, слатенький,
Спи, мой хороший,
Спи, дорогой.

(Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.)

Баю-баюшки

Баю, баюшки-баю,
Сидит барин на краю,
Он не кучен, не богат,
У его много ребят,
Все по лавочкам сидят,
Кашу масляну едят,
Каша масляная,
Ложка крашеная,
Ложка гнётся,
Кашка льётся,
Душа радуется.

(Зап. от Копытовой Д. Т., 1924 г. р., д. Мухоморка.)

ЮРЛИНСКАЯ СВАДЬБА

«Женитьба — статья хитрая». В этой фразе точно обозначена суть свадебного действия, где всё было продумано до мелочей. В памяти старшего поколения до сих пор хранятся воспоминания о свадебных чинах, обрядовых процедурах, старожилы легко воспроизводят поражающий своей величественностью песенный контекст свадьбы, приводят многочисленные сведения о мистической стороне обряда.

Поведение участников свадьбы регламентировало огромное количество предписаний и запретов. Нельзя было младшей сестре выходить замуж раньше старшей, считалось, что в этом случае она «перешла сестре дорогу». Если такое случалось, говорили, что за *лоханью оставила* (Черепанова); если младший брат женился раньше старшего, также говорили – *брата в колодах оставил* (Миронова). Свадьбу нельзя было устраивать в Святки, в августе и в високосный год. Замечали также погоду на свадьбу: «Вот если дождь со шлякотью, и невесту привезли, тут глядяны-то и ворожили: «Ой, житьё-то чё-то у неё не пойдёт». До-

ждик лёгкий такой, тихохонько идёт, дак тоже нехорошо – плохо де проживут, со слезами» (Юм). «После Крещения до Масленицы всё женились. Раньше как узнавали – на праздниках замечали или друг другу передавали, вот, мол, трудолюбивая, мастерица, красивая, отец-мать хорошие. Выбирали-то всё по природе, боялись, чтобы племя не испортить, не сошлись чтобы один умный, другой безумный. Кому охота жизнь на холщовый мех разменивать. Где-то на празднике подсмострят, приедут враспloh, дело заложат, выглядят, только тогда уж посылают сватов». (Зап. от Мазеиной К. К., с. Юрла.) «Сватать поехали, никто ведь ничё не знает про невесту-то, всё выпросят. И про жениха выпросят, чё в ём заложено. Подкрадше приедут в деревню, у того спросят, у другого, узнают всё помаленьку. По слыху невест искали. Вот кто-то скажет, мол, у нас невеста есть хорошая, вот и поехали». (Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г. р., д. Балда.)

Чрезвычайно развита в крае была магическая сторона обряда, о чём свидетельствует большое число свадебных быличек. «Свадьбы кошкой да собакой спортить могли. У меня мама выходила взамуж, а тут у соседки сын был, она не пошла за него, а пошла за другого, в деревню Жукову. И вот между их старуха бросила кошку. И они разошлись, не стали жить. Это когда по невесту жених приехал, стали уже прощаться, вот тогда кошку-то и бросила. В брагу ещё кошачью шерсть бросят, она как шапка по верху плавает – так молодых портили» (Ананькина).

В прошлом будущие муж и жена нередко были незнакомы до свадьбы. Если нужно было «присушить» парня, женить его на себе, применялись разнообразные любовные привороты. «Пальчик надо уколоть до крови, три капли крови накапать в вино. Вино дать тому, кого присушиваете со словами «про себя»: «Как кровь течёт, как кровь болит, пусть сердце обо мне также болит!» (Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья.) Можно было присушить парня, напоив его кобыльим молоком (так, чтобы он не знал) (Юм). Нужно вымыть какую-либо плотную вещь из одежды того, кого присушивают (напр., рубаху, платок). Воду с

этой вещи льют на каменку в бане и повторяют трижды: «Как пот сохнет – горит, так же у раба Божия (имя рек) сердце шипи, гори по мне, рабе Божьей (имя рек)». (Зап. от Ивановой М. А., 1922 г. р., д. Сергеева.)

В рассказах о свадьбе непременно фигурируют колдуньи, или *знаткие*. «Женился вот один Ванька Пикулев, ему невесту набивали, он её не взял, другу присватал. А у той невесты была сестра колдунья, от венца-то приехали, сели за стол, она собаку пустила. Собака-то в промежности тут и села, а жених-то взял собаку за ушки да и выбросил на улицу. Баба-то ему и говорит: «Ты, Ваня, через пятнадцать годов эту бросишь, другую возмёшь». Так и стало, он через пятнадцать годов эту бросил, другую взял». (Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.)

Большое количество текстов посвящено оборотничеству свадьбы. «Ещё какое дело бывало. Вот знаткой человек, если его кто не приговорит, не позовёт на свадьбу, дак вся свадьба, кто подворотиной, кто куда, волками дельвали. Ивановская женщина была, сделали её. «Пойдём, Мотька, к нам, у меня волчонок приехал». Она была в положении, и вот подворотиной-де выползла волком, сделали её, по-волчьи выла. «Вот, – говорит, – где найду завёртку-то, – оглобли-то завёртывают, вичи такие, – найду, – говорит, – и эту завёртку-то грызу». И вот тожно родила она под забором зимой, парня. Он-то не волчон, она его так называла волчон, раз свадьбу отпустили волками. Кто через забор выпрыгнули, а она не могла, так подворотиной выползла. Её и обратно не вернули. Ходили, искали неделю. Мужики-то в лес убежали, а она около зародов, видно, билася, коло деревни. «Пришла, – говорит, – пришла и перепрыгнула что ли зарод, под зарод легла, выдергала сено лапами. У меня, – говорит, – не свои руки, не свои ноги». Оне фактически-то свои и руки, и ноги, а надета волчья шкура. Потом тожно хозяин зарода приехал, старик, по сено. Она-де зовёт, лошадь у него запрыгала. Она-де сказывают: «Я, – говорит, – видеть-то вижу, а говорить не могу, у меня иногда своё чувство, а иногда волчье». Тожно родила-де, ребёнок-то мокрой, сеном-де закутывает, сама закутывается

и к себе прижимает. Старик увидал, поехал обратно, взял свою старуху: «Пойдём, старуха, там-де ребёнок ревет, волчиха-де, это-де пущены, свадьба». Старуха приехала, она, видимо, знала. До неё добрались, а лошадей связали к ёлке, далеко-де, ладно, связали лошадь, и с неё, с ребёнка-де старуха первой сняла шкуру. Старуха-то снимат, а сама: «Ты меня не бойся, ты меня не тронь», — наговаривает, тожно брызнула-де на неё. «Я-де слышу, чё-ко с меня-де слезат, слезат. Я-де поглядела на себя, опояска на мне связана, гарусная опояска, раньше такую носили, и говорю перво: «Ребёнок-то где у меня?» — «Не беспокойся, старик уж у тебя его завернул». Я чую, он-де в шубейке-то у меня действительно ревет. Меня тожно к ребёнку повели, а я и шагать-то не могу, надо мне-ка на четырёх костях идти, а старуха-то: «Давай, давай, вставай, на вот, ещё это испей маленько, да я тебя брызну ещё». Брызнула меня, я-де ровно: «Э-э-э», — в сознание входит стала, а старик-то этим часом шкуру у меня взял и обрубил, в сено-де её да зажгал. Вот, меня увезли, а мужик-то мой меня ищет. Ему сказали, мол, вот в такой деревне. Он пришёл, раньше ведь на голбцах, голбцы были, я-де на голбце поляживаю, меня уже из бани привели. Хозяйка-то и говорит: «Мы-де бабу неделю ещё не отдадим, пускай она ещё полежит, поправится, в бане мы попарим её сами». Полежала я, попарили они меня, я-де как окрепла, здоровая сама себя чувствую, а тех-де всё ещё мужиков-то ищут». Старуху-то когда домой привезли ещё, сватью-то, так колдун пришёл и говорит: «А где у тебя шкура?» — «Какая шкура? У меня своя шкура одетая. Мне мать которую шкуру дала, отец, ту и ношу». — «Не надо было жечь, не надо было жечь». Старуха-то тогда встряла, она-де со мной была: «А не надо-де было выгонять из ограды». Колдун-то тогда и заревел. Это ведь икотки у его сгорели. Колдун-то ушёл, а перед смертью, сказывали, он сам заходил на коленях». (Зап. от Ефимовой М. А., 1920 г. р., д. Пестерёва.)

Ряд быличек повествует о редких формах оборотничества, о способах обратного превращения: «Были люди раньше такие, колдуны, превращали свадьбы лебедем или

волком. Раньше когда-то свадьба была, и вот они не пригласили одного. Колдун-то взял да за столом всех в волков превратил. Волки из-за стола — фьить, и убежали, через стол повыпрыгивали. А потом нашли другого колдуна, он разделявал их, расколдовывал. Там де на них одежда уже вся изопрела. Назад расколдовываться, я помню, дак тятя сказывал, мужик искал следы волчьи. «Зачем тебе волчьи следы?» — «Да у меня дочь ушла с волком, в волка превратилась. Свадьба была, превратили их. Ты скажи мне следы, да я найду тебе их. Знаю, тут по лесу ходят волки, да не те». — «Те волки далеко в лес не забираются, они около деревни, — мужик-то говорит, — живут». Не помню, как сказывали, нашли — не нашли. Потом он их расколдовал, и стали они опять обратно людьми. Это же представление такое». (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.)

Знатких старались обязательно пригласить на свадьбу. Считали, что «знаткой человек на свадьбе если не сбережёт, дак хоть не спортит. Вот была женщина, вышла замуж в Букрееву, а тут жил колдун, его не позвали, он сделал такую им ссору, так жених-то не залюбил, сказал, что она, мол, душная, с ей жить, мол, не буду. От неё как от козла пахнет. Так и не стал с ей жить» (Тимина); «Раньше волками оборачивали свадьбу-то, вот убивали волчиху-то, и у её опояска там была, под низом-то, под шкурой-то, она обворотень была. Это созлые колдуны были, такие свадьбы так делали. Тут дружка действовал уже, он оберегал свадьбу-то молитвами». (Зап. от Лехановой К. П., 1921 г. р., д. Тимина).

«Вот раньше приехали по невесту, тут пришёл один старик, знаткой, его на свадьбу не пригласили, он пришёл, его надо угостить, а оне то ли забыли или чё. Он раз чё-то невесту сделал, нашептал, и невеста от жениха ушла, села, полати раньше были, из печки на полати две доски — ленивка. Вот на ленивку-то перед трубу невеста-то и села и сидит. И никто ничего сделать не может. Потом догадались, что дедушко её испортил. Старика тогда угостили, за стол посадили. Он ломался, ломался, но всё по-хорошему сделал» (Балда).

Способов порчи свадьбы и молодых множество. «А тут ещё, мама сказывала, вот, мол, раньше жених с невестой по полям едут и дорогу домой найти не могут, тожно кто спортит, его же и заставляют править, напоят его» (*Ананькина*). «А вот свадьбой шли, так я видела, приехали на трёх парах и с дуги отрезали *прозвончик*, тут такой шум поднялся, вот эта невеста-то так и прожила всю жизнь со скандалами» (*Балда*). «Вот если колоколец потеряли, жизнь не пойдёт, кто из супругов нарушится» (*Тимина*). «Старика-икотника одного не взяли на свадьбу, вот он сани-то и приморозил свадьбе-то» (*Таволожанка*). От подобной порчи применялись особые наговоры: «Тятка-то крестника когда женил, все семь подвод обошёл, весь поезд с молитвой, и кони спокойно ушли, а то ведь делают, что лошадь не может сдернуть с места сани» (*Тимина*). «Мак рассыпят по полу, чтобы никто ничё не сделал, и слова скажут: «Нож, шило, жало под язык стало колдунам, еретникам, волошебникам» (*Пож*).

Основные этапы юрлинской свадьбы в целом типичны для свадебной традиции Прикамья, различия связаны с тем, что при исполнении того или иного ритуала здесь применялись особые, местные формы, которые широко варьируются в разных местностях. Свадьбу предваряли невестины смотры и, естественно, сватовство, особые предсвадебные этапы – *просватанье*, *рукобитье*, *поездки по обедам*, *девишники* и *невестина баня*. Свадьба сводилась к основному свадебному дню с пиром (*столованье*) и *пирожному дню*, завершался свадебный обряд *хлибинами*, или *хлебным столом*. Внутри каждого этапа отчётливо выделяются совершенно самостоятельные эпизоды, наполненные разнообразными действиями (так, для первого дня свадьбы характерны благословение молодых родителями, вывод невесты, выкуп, столованье, дарение, подклет).

Невест глядеть

«Вон раньше в Юрле девке, у кого волосы длинные, ленты заплетут: «Сёдне на среду надо ехать». По средам был рынок в Юрле, там церква, там и невест смотрели. «Сёдне на среду надо ехать, – говорили, – сёдне невесты приедут, невест глядеть пойдём». Невесты с лентами ходят, коса длинная, ленты в косе на конце бантом связаны. Девки ходят со своими родителями, раньше ведь товар покупали, лыко, товар смотрят, а их, девок, тоже смотрят. «Откудов это?» – «Вот откуда», – скажут, из какой деревни, как родителей зовут. Потом к им и приезжают, спрашивают, мол, где такие-то живут. А которая просвататся невеста, у неё на голове, на темечко, на платок ленту цепляют, бантом сделают – это просватанная ходит. Невеста так с просватанья и ходит, докуда за ей жених не придет, с женихом-то тоже ходит на рынке». (*Зап. от Ефимовой М. А., 1920 г. р., д. Пестерёва.*)

Сватовство

Ездили сватать обычно осенью, после уборки или после Святка и Крещения, говорили: «Крещение – девушкам решение». «Если богатые были, старались своё дитя отдать добром, бедные так, конечно, не отдавали, чтобы всю родню собрать, всех хорошо угостить, такого у бедных мало было» (*Пож*). «Если невеста не идёт, вот мама у меня не шла, так её бабушка с вичой загнала, сама отдала, силой велела жениться. Вичой от берёзки её стегала, дак она так с синяками и шла, вот плохо и жили». (*Зап. от Першиной Е. Д., 1937 г. р., д. Таволожанка.*)

«Зазнат вот жених там через родных ли, через кого девушку, это вот сейчас ходят по году да как, а раньше ведь это морговали. Зазнают, придут, приедут ли, и вот начнут свататься, мол, пойдём, жить будем» (*Дубровка*). Если невеста нравилась, а родители не отдавали, ездили и раз, и два, «до семи раз ездили, добивались всё же, а как ино»

(Пож). «Кошёвки украсят, дуги все ленточками украсят, колокольцами, приедут, потом ещё раз приедут, поглядят, тожно третий раз приедут, всё сватают» (Юм).

В местной традиции чаще всего ходили сватать мать и отец жениха. Вместе с родителями парня сватовщиками ходили его родственники, хорошо знакомые ему односельчане, в сваты приглашали также крёстного отца новожёна. «Поедут старики свататься, жениха с собой не берут. Жених дома сидит, отец, мать ездят, какого ещё родственника подзовут, вот и поехали» (Булдыри). «Мать да сёстры сватать ходили» (Зарубина), «сватовщиками родителей засылали, маму да соседей двое» (Юрла). Иногда в процедуре сватовства мог участвовать и сам жених: «Сватать отец с матерью шли, он сам тоже шёл» (Черепанова). Желая удачно решить исход переговоров, сватовщики в доме невесты с порога в иносказательной форме заявляли о цели своего визита. «Зайдут в избу-то: «Пол по нам, потолок по нам, матица, не поперечь». Тут уж зайдут, шапки снимут, помолются и сядут. «Пол по нам, потолок по нам, матица, не поперечь нам», — это в звук говорят, чтобы у невесты родители не поперечили». (Зап. от Лехановой К. П., 1921 г. р., д. Тимина.) «Свататься отец, мать, жених ходили: «Пол по нам, потолок по нам, гости по вам ли?» (Дубровка); «Заходят ещё: «Пол по нам, потолок по нам, матица, не поперечь», — и сразу за матицу проходят. «Мать, отец, убирайтесь на печь». (Зап. от Ефремовой А. П., 1930 г. р., д. Зарубина.) Обозначив таким образом свои намерения, сватовщики проходили вдоль по половицам к столу и, не раздеваясь, садились на поперечную лавку, лицом к дверям. «Тут ещё шшиль меж ног забирали, чтобы двумя половицами ноги-то были» (Дубровка). «Перво-то в одежде проходят, ноги ставят так — половицу в середину делают» (Кукольная). «Ноги-то ставят на две половицы, чтобы двое вместе жили». (Зап. от Бартовой Т. И., 1928 г. р., д. Таволожанка.)

«Иные сватовщики знающие были, примечали ещё приметы какие-то, за косы девок дёргали, обманом как забирали. Меня вот женихи много сватались. Потом уж на воз-

расте стала, а капризничала, не по мне были. Три раза был мой-от, только на четвертый раз тятка отдал. Срок неделя была. Сваты в дом пришли, сразу вдоль по полу сели. Они тут меня с полатей спустили. А тожно: «Ох, мы на полатах её застали. Она на полатах де, наша де будет». Ак они, у меня коса долгая была, они за косу подергали, по плечам поколотили. Я и спустилась тогда». (Зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р., д. Таволожанка.) Каждая деталь происходящего была исполнена особого смысла: «Дядя у нас был пронзитель — видел всё сразу. Вот сватать пошли, заходят в дом, а невеста в окно смотрит. Дядя-то сразу: «Э, на молодку не надейтесь, она у вас жить не будет». Вот в окно смотрела, так, мол, в доме не жилец». (Зап. от Пичулевой А. М., 1937 г. р., д. Пож.)

После непродолжительных приготовлений сваты приступали к переговорам: «Можно к вашему дереву постучаться, побрякаться, как ваше дерево будет согласно или нет взамуж идти?» (Зап. от Овчинниковой А. В., д. Кукольная.) «Пришли свататься, вот вырастили жениха, у вас невеста» (Таволожанка); «Пришли мы с добром». — «С добром так с добром, а может, вы с плохим делом-то пришли?» — тятя-то им в ответ. — «Нет, мы с хорошим пришли. Давайте вставайте и поднимайте Зою». А я им говорю: «А чего я к вам пойду делать-то. Если выпивать, так выпивайте». Гляжу, сестра спустилась с печи, вино поставили на стол, я всё лежу, всё вижу, и поняла: «Это, видно, за моей душой пришли». Встала тожно и ушла на кухню». (Зап. от Петуховой З. Е., 1931 г. р., д. Келич.) «Бывало, сразу два жениха сватов засылали: «Кто как выпендрится из них, кто побойчей, кто получше. Вот у его мать-то к тятке на колени села: «Сват, сват, ты у меня будешь сват. Ты ни за кого не отдавай, девка-то моя будет». (Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г. р., род. в д. Балда.)

Переговоры родителей продолжались до тех пор, пока отец или мать девушки не давали своего согласия: «Давайте выдадим, дочь вот у нас на выдаваньи» (Тимина). «В такой-то день приезжайте ещё. Договоримся мы дома», — родители скажут. Сватовщики тожно уже уходят, строк-то

даден, вот его дожидать будут». (Зап. от Овчинниковой А. В., д. Кукольная.) Если у невесты не было родителей, разрешение на свадьбу она могла получить у брата. «Приехали сватать меня, а родители у меня умерли, так они моей сестре-то всё тут говорили, так, мол, и так. Меня уж тут кликнули: «Емельяновна, за твоей душой пришли, так вот давай рассчитывайся уж сама». Там уж пригубилась я маленько, вроде как ихняя сразу делаешься, вроде как согласие дала. Дала я срок: «Вот как до вторника, у меня как брат разрешит, приезжайте тогда уж, сватайте. Вот я слыше брата как не сделаю, он мне как вроде отец, брат-от, отца-то нет дак». (Зап. от Петуховой З. Е., 1931 г. р., д. Келич.)

Получив удовлетворительный ответ, сватовщики отправлялись домой готовить жениха к просватанью. «Едут домой сватовщики. Вот попал кто встречу, спросит, мол, вышло – не вышло дело-то, а ему отвечают: «Всё, уломали». Уломали, значит уже всё, назначают просватанье» (Пож).

Просватанье

«Вот невеста попридумыват идти, мол, покажите жениха, срок дает, в какой день приехать. Тут жениха собирают на срок, и тожно отец, мать, жених или ещё кого возмут, едут на срок». (Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.) «Если худое про жениха чутко нигде, делают просватанье. Вот строк для чего и дается, всё равно где-ниабудь, кого-ниабудь, как-ниабудь узнают, чё он, какой, из какого роду-племени, из хороших или плохих. А если дадут строк, да узнают какой-ниабудь зарок за женихом, откажут, да и всё. Если просватанье, дак у невесты родня собирается, жених привезёт с собой человек пять». (Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г. р., д. Балда.)

Сватовщики с женихом в дом заходят опять со словами: «пол де по нам, потолок де по нам» (Келич). Разместившись в избе, брачующиеся стороны начинают переговоры.

«Сразу-то согласие не давали, выбирали, присматривались. Родители жениха с собой привезут, с ним как уже сватают. Вот у нас приехали сватать, а жених-то мал был и не с желанием женится-то, а у нас ведь раньше сеяли, жали, раз единоличники жили, своё хозяйство, вот им и надо работницу. Ему валенки скатали новые да в валенки шерсть положили, чтобы он повыше был, вот чё. И шубу-то сшили, и тулуп тоже, только женись. Вот, пришли свататься, садятся середь полу, а жених сидит в тулупе, печку топят – жарко. Мать-то: «Чё, мол, тебе не жарко? Чего в тулупе да в шубе сидишь?» – «А чё за жениха-то не идти, у нас жених хороший, всё на ём новое: и брюки, и тулуп», – родители-то за его как разговаривают. Мать тулуп-от распахнула, а на ём и брюки-те нету. Мать щёлк его только по голяшке-то: «Чё-то он не совсем уж, приехал без брюк». Всё, отказали ему, так и уехал». (Зап. от Овчинниковой А. В., д. Кукольная.)

«Женихи тоже разборчивые были. Если не нравится парню невеста, так он шапку в охапку, хрен на плечо, выходит на улицу. Если девушка нравилась, парень-то глазом родителям моргнёт, мол, любá девка, сватайте дальше». (Зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р., д. Осинка.) Знаком согласия на брак в просватанье являлась скатёрка, которую мать или сама девушка стелили на стол. «Долго сидели, мне моего-то жалко стало. Я уж маме-то говорю: «Стели скатёрку-то. Она понесла скатёрку, на стол собирать, согласна дак, тут хлеб-соль, всё несут, сходили тут по хрёстну, по сестру. Всё, просватали меня». (Зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р., д. Таволожанка.) «Если согласны, мать невесты скатёрку на стол стелет. У невесты родители на стол ставят, и у жениха ставят, чё-ко с собой привезли, да тоже на стол» (Кукольная). «Девка согласна, дак берёт скатёрку и на стол настилает, гостей за стол тогда сажит. Тут уже хлебушко, капусту, грибы, блины на стол принесут» (Юм). «Челпан обязательно приносят, он лежит на столе – всё просватанье» (Келич). Угощение здесь приходилось на сторону жениха: «На просватанье-то жених везёт своё вино, хлеб-челпан, пирог рыбный» (Булдыри). «Собрали на стол

тут живёхонько, тут сватовщики-то на стол четыре бутылки поставили, деньги положили, видимо, выкуп за невесту, прямо на стол положили, *калым* назывался. Мама-то: «Раз надумала, девка, не просмей себя нигде, не сядь да не уедь сразу-то с имя». (Зап. от Петуховой З. Е., 1931 г. р., д. Келич).

Жених в просватанье обязательно дарил будущую невесту деньгами. В некоторых деревнях калымом могли также называть мясо, ливо, сарафан или юбку – всё, что *выряжала* от жениха невеста в день просватанья. «Когда приедут на просватанье, сядят невесту просватывать, жених как первый раз приехал на просватанье, вот тогда мама положила на тарелку блины, жених-то тут кладёт деньги на стол. Это как называется калым. Он на блины кладёт деньги-то, блины в бугорчик наложены. Денежки чтобы не свалились ни в ту, ни в другую сторону, скатятся – жизнь раскатится». (Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г. р., род. в д. Балда.) «Тут же, на просватанье, выражали ещё, вот невеста собирает свадьбу, там мяса не хватает или ещё чего, вот выражают жениху-то, привезите там мясо, муку или пиво. Вот это как калым, большого-то калыма не было, а так. Какое приданое за невесту будет, там родители отдельно договариваются». (Зап. от Трушниковой А. М., 1932 г. р., род. в д. Ташинова.)

Невеста не оставалась в долгу перед женихом. Если парень нравился, девушка дарила жениху *знамя*, так называли специально приготовленные невестой к дню просватанья подарки. «На просватанье-то приходит самая близкая родня, на этом просватанье-то девка *знамя*-то и давала, как надежду какую жениху, там, например, перчатки или рукавички, или поясок». (Зап. от Пикулевой А. М., 1937 г. р., д. Пож.) «Жених ещё подарки просил, опояску, перчатки ну, рукавички такие, *пантёшки* ли как их называли. Они просто из шёрстки, холстом-то их не отделявают, в просватанье дарили, как подарочек». (Зап. от Сакулиной А. Г., 1926 г. р., д. Осинка.) «Раньше ведь холсты были, ленты, вот просвататся девка, тогда рубашку дарила, беленькую рубашку-парчонку, расшитую, кто по канве расшивал, кто

крючком, кручёнкой». (Зап. от Ефимовой М. А., 1920 г. р., д. Пестерёва.) «Знамя дают ещё, кто варежки, кто платок носовой жениху-то, чтобы уж не обмануть, не обманно что-бы». (Зап. от Овчинниковой А. В., д. Кукольная.) «Знамя-то давали – кто опояску, поясок, перчатки, кто опять полотенце, шарф приготовит» (Пож). Знамя выступало знаком окончательного согласия со стороны девушки на свадьбу. «Вот было и такое, просватаются, и кто нахулит кого, тогда уж *знамя*-то отберут». (Зап. от Трушниковой А. М., 1932 г. р., д. Ташинова.)

Уже в просватанье обряд мог сопровождаться песнями: «Вот накроют на стол, поедят, попьют, песен запоют: «Проиграла Анастасия свою де вольну де волюшку, свою дивью красотушку, из косы русой ленточку, семибисерну кисточку». (Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г. р., род. в д. Балда.) Особо значимой процедурой просватанья являлось рукопожатие родственников брачующихся сторон. В Юрлинском районе этот обряд получил разные названия – *рукобитьё*, *давание рук*, *рукопитьё*. Несмотря на разную терминологию, временную приуроченность и разное количество свадебных персонажей, задействованных в этом ритуале, суть его не менялась. Пожатие рук родственниками брачующихся сторон свидетельствовало о благополучном завершении важного этапа свадебного ритуала – сватовства. «Если по-хорошему девка замуж идёт, тогда ещё *рукобитьё* делают. Вот придумат она с вытьём идти, так и *рукобитьё* делают, а если попросту, тогда уже нет». (Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.) «Если жених нравится, тожно бьют по рукам: отец даст руку и другой отец даст руку, у их руки разнимут, сваты-то, ударят их снизу. Тут же наметят, в какой день свадьба. Руки разнимут, тогда уже за стол посадят, тут водка, её сваты привозили, потом и те бутылку выставляют. Кому отказ мог быть, тогда уж водку-то не выставляли». (Зап. от Ефимовой М. А., 1920 г. р., д. Пестерёва.) «Когда просватываются, отец, мать бьют по рукам свахе, имались за руки, а один из них вверх поднимал руки, разнимал. Это делали отец и крёстный, крёстная от жениха, не сваты» (Пож).

Битьё рук проходило либо посреди избы, либо на кухне: «Как домой пойдут с просватанья, руку пожмут: «Чтобы наша жизнь совместилася, у наших ребят-то. На середе это было». (Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г. р., д. Балда.) «Сват, сватья, вот выходить-то будут с просватанья домой, руку пожмут. Срок дают дня на три и даже больше, родня большая, по обедам надо ко всем успеть съездить, вот срок-то и дают большой». (Зап. от Сакулиной А. Г., 1926 г. р., д. Черепанова.) В д. Булдыри рукобитьё делали через один или два дня после просватанья. «Невеста когды просватывается женихом, это называется просватанье. Тожно рукобитьё сделают на другой день, пьют опять бражку здесь, позовут своих гостей, родство своё, а потом, кто приедет на этот вечер, тот и невесту к себе зовёт на обед, а у кого не зватится, нечем, может, бедно живет, так он не идёт. Рукобитьё вот – сидят четыре мужика за столом. Эти руки поймают, а пятый разнимат, свои тут, отца-то тут нет. *Вытница* называлась женщина, она все приговоры знала, оне с невестой на середе сидят, невеста под платом под шёлковым, а родственники за столом. Тут опять приговаривают: «Что у тебя, батюшко, сёдне за народ?», это вытница-то прибирает: «Что у тебя, батюшко, сёдне за народ? Чё-де они покупают, торгают, не быка ли де, коровушку, не бычка ли де, не мерина, самолучшую скотинушку? Не сдавайсь, родимой тятенька, на ласковы словечика...» (Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.)

«Была договорённость такая, приедет крёстный у жениха, отец. Вот они и у невесты отец и крёстный становятся за стол, на четыре стороны стола, подают друг другу правые руки и разнимают. Это называлось *рукопитьё*. По рукам сбили, значит, невеста уже просватана, а там девушки начинали уже песни петь: «Ох, не ставай-ко, родимой батюшко...» (Юрла).

Перед выходом сватовщиков из дома невесты родители девушки благословляли молодую пару *челпаном*, специально приготовленным для дня просватанья хлебным караваем. Это происходило следующим образом. Молодые становились на колени, а родители (чаще всего мать невесты)

три раза, по солнышку, кругом, караваем проводила над головами молодых. «Заставили нас в ноги маме моей пасть. Мы пали, нас хлебом, челпаном благословила мама. Его-то благословила, а меня по спине три раз кулаком, за чё я пошла, не хотела отдавать». (Зап. от Кудымовой З. С., 1936 г. р., д. Миронова.) «Вот меня просватали, так мы им поклонились, оба вместе, вышли из-за стола-то, тятке и мамке, они нас подняли». (Зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р., д. Таволожанка.)

Отличительным знаком просватанной девушки являлся *веник*, в местной традиции так называли особым образом уложенные волосы на голове невесты. «Если просвататься, то веник тебе делают на голове» (Юм). «Косы расплетают невесте, как просвататся, в тот же день, она девок собирает, девки ей косу расплетают, невеста им ленты подарит. Волосы-то по очереди расплетают, тот расплетёт, другой, третий, кому скажет, кто любя, а ленты у её сколь есть, она подарит. Ей ленты-то не носить, а девкам надо. Плат-то на глаза нависнет, она только под ноги видит. На голове платок, а сверху плат накинута: «С дубу на дубу роса падёт». (Зап. от Ефимовой М. А., 1920 г. р., д. Пестерёва.) Существовало несколько способов оформления убранства головы просватанной девушки. «Просватанье пройдёт, у невесты косу расплетут, ленточкой у затылка волосы свяжут. А про свадьбу сваха будет заплетать две косы. А так с распущенными волосами ходит, у затылка-то волосы стянут лентой. К этой ленте ещё других лент навяжут, концы-то распущены. Ещё по обедам ездили, невеста едет, ленты раздуваются, так она целую неделю ходит. А потом в церкву с распущенными едет, дак там две косы заплетут». (Зап. от Бартовой Т. И., 1928 г. р., д. Таволожанка.) «Волосы расплели, тут гребёночкой где подхватишь только, и всё, и так до свадьбы ходишь. Веник делаешь – ленточки навесишь вокруг волос, хвост такой». (Зап. от Сакулиной А. Г., 1926 г. р., д. Осинка.)

В некоторых деревнях веник выглядел несколько иначе. В д. Ташкинова «магазинны ленты пучком привязывали на конец косы девушки. Вот просватают, так вешают лен-

ленточки, как веник». (Зап. от Трушниковой А. М., 1932 г. р., д. Ташинова.) «Просватали, так невеста с лентами и ходит, как, мол, перед свадьбой-то. Когда девки сидят с невестой, кто полотенце расшивают, пояски ткнут, кто опояску, перчатки свяжут, дадут, невеста тут в лентах сидит. В косе-то одна лента, а потом привяжут за эту ленту остальные ленты бантом, концы-то распущены, ленты синие, зеленые, красные. В Троицу-то тоже также гуляет, с такими же лентами». (Зап. от Овчинниковой А. В., д. Кукольная.) «После просватанья уже косу и ленточки, штук пятнадцать, заплетут в одну косу, целый букет на косу навяжут. Ленты пучком на конце завяжешь, бантом там ещё». (Зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р., д. Таволожанка.) В д. Балда и д. Черепанова помимо лент в косу просватанной девушки вплетали особую *семибисерну кисточку*. «Вот просватаешься, дак семибисерна кисточка была ещё, бисер брали, из него плели семь подвесок. Она заплеталась в косу с ленточками, на конец косы подвешивали, вязали. Кроме семибисерной, ещё ленточки навяжут пучком, концы распустят. Невесте одну косу надо, а на конце косы эти ленточки и кисточка. Ленты девкам дарили, кисточку тоже дарили, только её самолучшей подруге». (Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г. р., д. Балда.) «Ленточки всякие навешашь, веник целый. Эти ленточки потом, на девисник-то ходили девки, так им раздавали. Одну косу носили, а ленты красные, зелёные, жёлтые, всякие бывали, их вешают на конец косы. Они просто распускались, в бант их не делали, так невеста по обедам ездила. А у кого бисер раньше был, дак делали кисточку на косу, на ленточки-то. Раньше кокошники старухи носили, вот эти кокошники старухи распарывали и делали кисточки, там черненькие, синенькие, блестящие, и на конец косы эти бисерны-то кисточки и делали, бисер на ниточку так, пучком, на ножке». (Зап. от Сакулиной А. Г., 1926 г. р., д. Осинка.) «У невесты одна коса, одна ленточка в косе, а за ленту-то, в косе которая, уже пятнадцать лент других вяжут, во всю спину» (Ташинова). «Ленточку захомутают и под конец косы привяжут все ленточки в грудку, и все на одном месте, концы-то лент

болтаются» (*Таволожанка*); «тут уж говорили, что коса последнее время красуется» (*Балда*).

Со дня просватанья невеста не выходила на улицу без воткнутой в одежду иголки. Это была защита «от недобрых глаз» (*Пож*). «Булавки втыкали, чтобы не видно было, чтобы колдун ничего не смог сделать, булавка – спасительница» (*Липухина*). «Цветы не одевали, ленточку шелковой иголочкой подденут, за платочек зацепят. Сверху платок, а на темечко сверху ленточку бантиком на иголочку приколют, а иголочка острием глядит, это чтобы не урошлива невеста была». (Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.)

Крайне редкой была ситуация, когда брак по той или иной причине уже после сватовства расстраивался. «Если просватается невеста да плохую славу услышит про жениха, едут ему отказывать, сами ездят, отец невесты. Приедет, скажет, что, мол, вот худую славу услышал. А то вот далеко жил один, приехал свататься, а сам уж женатый был. Липа ведь лист стелет, всяко бывает, вот и надо отказываться». (Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г. р., д. Балда.)

Девичники и обеды

С просватанья до свадьбы девушки собирались вечерами в доме невесты готовить приданое и подарки: ткали полотенца, вязали, шили, доделывали всё, что было начато невестой ещё до просватанья. «Не с бухты-барахты всё делается, прежде невеста мерки снимет с жениха, со свекровки ли, по ним и шьёт» (*Юрла*). «Невеста сидит, когда замуж готовится, может, неделя, полторы, зовёт своих подружек, и начинают вышивать – полотенца, рубашку, *нагрудку*» (*Балда*). «Сдарьё все вместе готовили: жениху вышивали рубаху, свёкру рубаху, свекровке *на рукава* дарили (отмеряют, сколько на рукава холста надо – вот холст и дарят свекровке, платок ли), золовкам запоны, деверьям ткали опояски. Коробья были, туда укладывали» (*Пож*). «Невеста нагрудку вышивает на рубашку жениху, поясок делает или опояску – она широкая, долгая. Мужики на

опояске потом дырку сделают и топор за пояс – нигде не выпадет! Мама мне вот сделала кривульки, по этим кривулькам и вышиваешь. Надо опояску. Раньше ведь как говорили: «У меня парень, как топор за поясом!» Значит, всю дорогу со мной везде. Это который послушный» (Юм). Иногда на вечерку приезжал жених *дозират* невесту. «Девки вечерами полотенца расшивают, с невестой сидят, а тут жених придет» (Тимина). «Соберутся все вместе, кто нагрудку вышивает, кто поясок ткёт, девки-то сидят, жених когда один придет, пряники привезёт, конфеты, угощат, даст их невесте, она угощат» (Дубровка).

До свадьбы невеста с подругами (иногда вместе с женихом) посещала свою родню. «Пока всех не объедут, никакой свадьбы не делают» (Юм). Каждый, кто приглашал к себе молодую пару, считал своим долгом обильно угостить приехавших гостей, отчего вся процедура в местной традиции получила название поездки *по обедам*. «До свадьбы по обедам ходили, к сестре ли, к тётке, если родня большая, так неделю, больше ездят» (Ташкинова). Посещение родственников было жёстко регламентировано. Поездки начинались с особого приглашения родственников невесты. «Обед-то приготовят, висть подадут, бывало, просто приезжали и приглашали, мол, сёдне во столько-то к нам. За приглашение-то благодарили» (Юрла). «Я три обеда съела. Меня вся родня приглашала. Вот придут, пригласят: «Вот, Зоя, сёдне у нас вечер». Вместе с женихом ездили. По обедам-то пойдём: «Приглашённые, пожалуйста, заходите» (Келич).

Разграничения касались и порядка посещения родственников. Ездить на обеды начинали с большой родни: ехали к крёстной, крёстному, братьям и сёстрам, затем ко всем остальным. «Сначала крёстная позвала. Крёстная приехала, сказала, в какое время подъехать, мы тогда и подъезжали» (Миронова). «По обедам-то невеста с подружками ездила, ко крёстне сначала ехала» (Булдыри).

К родственникам ехали на лошадях, украшенных ленточками. Обязательно во время дороги пели песни, шутили. «Лошади с колокольчиками, песни, пляска, тряска. Дуги все в ленточках: красные, зелёные, синие, жёлтые, кошёвки, туда

одеяло положат». (Зап. от Кудымовой З. С., 1936 г. р., д. Миронова.) Невесту во время поездки обязательно закрывали большим платком. «По обедам ходили, так невеста-то под платом ходила, закрытая платом, девки её под руку вели, под локоть» (Тимина). «В дом-то зайдут, невеста тоже закрытая идёт. Они садятся середь полу, тут родственники на стол собирают, угощают тожно» (Кукольная). «Девушки остаются с невестой до свадьбы, с неделю готовят приданое, а вторую неделю они ездят по родственникам. Все песни дорогой перespoют, а она под платом под шёлковым сидит, её уже никто не видит. По дороге под платом сидит и всё время всем кланяется» (Юрла).

Приехавшие гости сразу в дом не заходили, в сенях пели *свадьбешны* песни и ждали, когда выйдет мать невесты и подаст каждому из них кружку браги. «К дому родственника вместе с невестой подъедут, начинают причитать: «Уж как к этому ко терему» Девушки пока это не пропоют, не заходят» (Юрла). «Придут, песни поют: «Не во поле шатёр стоит» (Дубровка). «У ворот сначала поют: «Раньше к вам ходила одним одна, а сейчас-то я приехала шумным-то я шумнёшенька. Отперите, отоприте двери, пустите меня». (Зап. от Овчинниковой А. В., д. Кукольная.)

«Приехали, на мосту-то прибирают причёты, тогда крёстная с бражкой выйдет, невесту встретит, тожно входят вдоль по полу, а тут уж *глядены* сидят. *Витница* причитат: «У моста калинова крылечико весёлое, лесенка часторубчатая... Совстреть меня, любима хрестнушка, с теплой-то браженькой...» (Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.) «В доме-то уже запоют другое: «Посидела девонюшка у переднего окошечка» (Дубровка). В избу зашли, немного посидели, хозяева стали на стол собирать. «Угощали кто как мог, шаньги, пирожки ли калижные или морковные, суп картофешница, когда с мясом, когда без. На обедах-то и поешь всё, потом выйдут из-за стола, песни поют, тожно все по домам» (Черепанова). «Пиво, брагу варили на обеда, бражно было хорошее, сделают, искры ходят в браге-то. Выпьешь несколько кружек, в голове шает» (Юрла). «На обедах-то пельмени мясные, грибные, что есть, пиро-

ги. Молодые на обедах одной вилкой едят, сначала жених, потом невеста, пляшут, бывало, а молодые сидят» (*Пестерёва*).

В доме невеста снимала плат и садилась за стол вместе со всеми. Во время пира молодожёны за столом не только угощались, но и играли в игры. «На девешниках невеста с женихом косточками ломались, у петушка или у курочки. Опять кто кого обманет, если кто обманул, значит, ему дары покупали. Если у вилочки косточки разломали, и у кого короткая осталась, тот обманут, он дары дарит. Или вот сидим, я невзначай вилку передаю: «На, мол, передай». Тот, кто взял, ему скажу: «Бери да помни», вот и выиграла». (*Зап. от Кудымовой З. С., 1936 г. р., д. Миронова.*)

Заканчивалось угощение причитанием невесты и словами благодарности за сытный обед. «Когда покушали, тожно спасибо скажут да опять *привывают*: «Я тожно скажу тебе, да крёстной батюшко...» Тут невеста дарила крёстному опояску, а крёстной – рукава» (*Булдыри*). «Когда отгуляют, опять причёты начнут говорить: «Спасибо тебе, спасибо, да спасибо тебе великое, за труды-то твои. Ты ноченьки не спала, трудилась, меня гостьей ждала, во дорожку меня спроводила». (*Зап. от Мазеиной К. К., с. Юрла.*) «Потом опять с песнями поедут, а если в деревне ещё родственники есть, то ещё и к ним заедут. Так целую неделю ездят, а то и две, до самой свадьбы». (*Зап. от Овчинниковой А. В., д. Кукольная.*)

Девичник перед свадьбой, невестина баня

«Свадебный день считали как от Бога, такое ответственное дело, и там лишнее ничего не позволяли» (*Пож*). Начинаясь день с девичника. «Вот утром перед женихом-то девешник делают, тогда воют, страдают, набирают там девке-то, насаживают» (*Тимина*). Переплетение волос невесты и посещение девушкой ритуальной бани являлись основными процедурами последнего девичника. Баню готовили заранее, соблюдая все правила предосторожности, по-

скольку считали, что верно приготовленная баня обеспечит благополучием жизнь будущих супругов. «Вот в баню пошли, мама-то: «Девки, дровёнки мелко наколите, да головёшки-то не колотите, это чтобы мужик бабу не бил». (*Зап. от Волокитиной М. В., 1933 г. р., д. Келич.*) «В девешник в печку бани-то только пять полен можно было класть» (*Зарубина*). «Баню подружки топят, стары-то люди ещё тут приговаривали: «Девки, головёшки-то хоть не бейте, не колотите и не выбрасывайте, дождитесь, чтобы всё дотла сгорело. Головёшку-де колотить будешь, так мужик будет так же колотить тебя, а выбросишь, дак он тебя держит, держит, да так же выбросит» (*Келич*). «Дрова для бани подбирали ровные, чтобы дружно истопились, смотрели, если всё ровно прогорело – жизнь хорошая будет у молодых» (*Юрла*). В д. Пож баню для невесты готовили её братья. Сделав все необходимые приготовления, родственники и подруги вместе с невестой отправлялись в баню. «Невесту девки в баню вели под руки с песнями» (*Таволожанка*). «Вот баню-то истопят, это ведь так на смех только сделают. Под руки невесту возьмут и ведут с песней в баню-то» (*Балда*). «Пошлют невесту в баню, головёшку ещё ей с собой наладят» (*Лобанова*). «С вытьём в баню-то пойдут: «Повели невесту, башмачки-то отвалиться хотят, подвернуться ладят» (*Тимина*).

В местной традиции довольно трудно реконструировать момент смены девичьей причёски на женскую. Волосы девушки могли заплести в две косы до бани, перед самим приездом жениха, в церкви, а то уже в доме брачующегося. «В баню-то невесту ведут с причитаниями, из бани тоже. Невесту держат под пазуху, на ней надет плат, у её коса расплетёна, ленточки-то нет, она её девкам подарила, которые сидели с ней, вышивали». (*Зап. от Ефимовой М. А., 1920 г. р., д. Пестерёва.*) «В бане невеста выла, сидела платом закрытая, наклонялась вниз-вверх, по кругу. У невесты плат иголкой подтыкан, иголка на темечке, остриём ко лбу» (*Тимина*). «В баню водили невесту с девками, волосы распущены, девки в девешник косу расплетут, потом в баню идут» (*Тимина*). Волосы невесты в бане могли

только переплести. «В бане расплетают у невесты волосы девки, голову вымоют и косу обратно заплетут, прямо в бане. А перво-то идут, у её ленточки-то много связаны в бант, в косе-то, потом достанут их, расплетут, дак в сторонку уберут, не мочат». (Зап. от Овчинниковой А. В., д. Кукольная.)

«На девишнике утром выводят невесту в баню. Там косу-то переплетают уже, одной косой уйдёт, одной косой вернётся». (Зап. от Трушниковой А. М., 1932 г. р., д. Ташино-ва.) «В девишник, это в день свадьбы, эти ленты-то отдавали подружкам, в бане, когда днём ходили. Меня вымыли, голову расчесали, волосы-то опять заплели, опять ленты завязали. Домой-то после бани придём, мама полотно уже стелила на пол у порога, невеста на полотно у порога встала». (Зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р., д. Таволожанка.) «Перво ходит с косой и лентами, потом в баню, там переплетают, домой-то из бани с лентами в косе идёт, а дома-то уже распустил волосы. Жених приедет по девуку, тожно сваха-то ленточки у её и достаёт, косу на две делат, плетни плетут и вокруг головы укладывают. Жениха-то дожидает уже с распущенными волосами, ленточки дарит всем девчонкам, по ленте». (Зап. от Овчинниковой А. В., д. Кукольная.) В это время невестой или вытницей исполнялся особый плач: «Расплетите мне русу косоньку, расплетите, подруженьки, вы носите алы ленточки, не теряйте мою красоту» (Булдыри).

«Ленточек столько в косу вплетали, сколько подружек, чтобы каждой подружке отдать потом по ленте, в бане-то» (Миронова). «Волосы распущают, когда девишник. В девишник невеста в бане моется, сидит голая, сама моется, двери открытые, люди песни поют, а крестницы или сёстры у её голову расплетают, песни поют когда, ленточки себе берут». (Зап. от Вилесовой М. М., 1919 г. р., д. Тимина.) «Невеста с подружками в бане-то, если есть крестница, она расплетает косу, а невеста дарит ей ленты, а несколько штук ещё бросит подружкам. Кто из подружек ленту схватит, та и замуж выйдет первой» (Пож). Стоит заметить, что в местных деревнях у невесты существовали самые раз-

личные способы символического наделения подруг невесты жизненной силой, плодоносящей энергией: «В баню невесту поведут, подруги там в одежде стоят, песни поют, а невеста моется. Голик изорвёт, у девок чуть глаза не выкопает, бросат в глаза веник, которым парится. В кого попадёт, та скоро замуж уйдёт» (Ташинова). «Девки моют невесту, обливают, а я их тоже обливаю, чтобы они тоже за мной шли замуж» (Таволожанка). «Ещё невеста рубахой с себя девок хлестат, чтобы они скорей тоже взамуж шли» (Юм). Подруги невесты тоже в стороне не оставались, словами и наговорами снимали с девушки тоску, оберегали её от недобрых глаз и злого человека. «Вот там ещё девки-то караулили, чтобы в баню, в печку-то кто куделю не бросил. Жгать будут куделю-то, у невесты слёзы из глаз, дыму-то полно, так плохо жить будет, примечали. «Ой, девки, дым, дым», – тожно скорес баню открывают да выскакивают все на улицу, чтобы слёзы-те не вышли». (Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г. р., д. Балда.) «Подруги ещё тут пели песни, прибаутки всякие, в бане-то: «Улетела Танина пампушечка в дымное банное окошечко да на Санушкину клюшечку. Хватит на век, исть да не съисть» (Пож). «Или ещё скоромную споют: «Сиди, попарь п... на лавочке, сиди попарь под лавочку, дадут тебе красну палочку!» (Лобанова).

Знаком окончания ритуальной бани служило причитание мастёрой, специально приглашённой на свадьбу женщины, владеющей песенной традицией. «Закончили мыться, тут уже мастёрая начнёт приговаривать, как выходить из бани-то: «Раскатися, наша банюшка, по одному по бревёшечку, раскатися, наша каменна, по одному камешочичку» (Булдыри). «Из бани-то невеста придёт, тогда уже двери откроют, невесте пить подадут. Мамонька пить-то выносила, брагу ли, квас, вытница всё это время причитала: «Не морозь, родимая мамонька, замёрзли мои ноженьки, совстрить меня, горюшечку, с теплой браженькой». (Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.) В д. Пестерёва из бани невесту встречали девушки, подруги невесты. «Девки-то вперёд зайдут и встретят, квасу пить подадут. После бани невесту на го-

лый пол-то не заводят, «родители её встретят, обязательно на половик ли, коврик поставят» (Юрла).

После девичника в доме невесты ещё раз просматривали всё приданое и ждали свадебный поезд жениха. «Девки в это время чесали невесте волосы и распущены оставляли». (Зап. от Бартовой Т. И., 1928 г. р., д. Таволожанка.) «А как стали ждать жениха, мне крёстная косу расплела и ленты все положила. Косу-то не всю расплела, так, волосы распустила, а четверть оставила заплетённой, ленточки свазала, скрутила, ещё девкам ленты-то дарила, они были закручены». (Зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р., д. Таволожанка.) «Перед самым приездом девка-то с вытницей садилась на средку и причитала: «Я-то вздыну, вздыну брови чёрные». Тут жениха-то ещё нет, невеста в ноги к отцу упадёт». (Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.)

В сюжете свадебных обрядов дд. Пестерёва, Таволожанка появляется ещё один композиционно оформленный фрагмент предсвадебных ритуалов, так называемая *вечёрка*. Поскольку девичник в этих деревнях приходился на день до свадьбы, посещение женихом невесты сразу после бани получило самостоятельное оформление. «Невеста после бани-то придёт в избу, шить ли сядет, прогуливаться пойдёт, тут уж жених приезжает со своими друзьями на вечерку после девичника. Невеста где сидела, тут и сидит, подруги домой сходят, управятся. На вечерку жених людно-то не берёт, человека три-четыре. Они сидят, кушают, их водкой поят, невеста с женихом посидит – всё, они уезжают домой, невеста остаётся дома. Жених подшалок на вечерку привозит, а невеста опять дарит ему перчатки» (Пестерёва). «Нагрудку ещё невеста дарила жениху перед свадьбой, в девичник, ещё за день до свадьбы он был». (Зап. от Бартовой Т. И., 1928 г. р., д. Таволожанка.)

Свадебный день. За невестой

Жених начинал свадебный день с благословления родителей. «Парень дома выпарится в бане, оденется» (Зарубина). «Невеста вышьет вот рубашку, подарит жениху-то, он одевает эту рубашку, дарёный поясок одевает, рукавички – всё *невестишно*» (Балда). «Снарядится-то когда, зажгут свечку, среди пола постелят катан войлочек, на него жениха-то и поставят, перед образа. Отец с матерью тогда благословлять начнут иконой, хлебом и солью, с наговорами большой дружки: «Стоит наш князь новобрачный ясный сокол на катаном войлочке, среди полу дубового. У нашего молодого ясного сокола есть мамонька родима, есть тятенька родимой. Наш новобрачный ясный сокол просит вашего благословения». Мать с отцом благословляют, жених стоит, голову опустил, а у его иконой-то круг головы по солнышку водят, потом запевают песню: «Ой, да на восходичке де красного солнышка, ой, да ты куда же, князь, да собираешься, ой, да князь со тысячкой, ой, да князь да со свахонькой, ой, да с нами, дружками, да дружками-боярами? – Ой, да до высокого да всё да до терема, ой, да всё до терема, да всё да до Николая Гурьяновича». (Зап. от Пикулевой А. М., 1937 г. р., Копытовой Т. И., 1941 г. р., Никитиной Г. А., д. Пож.)

Пока жениха готовили к выезду, родственники во дворе собирали свадебный поезд: назначали бояр, чаще всего это были тысяцкий, свахи, лагунники и дружки, составляли кошёвки, украшали лошадей. Обязательным элементом украшения поезда считались колокольцы и ленты, которые вешали на дуги, вплетали в гривы и хвосты лошадей. «Дугу мотали полосами, на дугу два колокольца вязали, в гриву вплетали ленточки, ещё одеяла делали такие, когда ткали, между ткаными полосками лоскутки втыкали» (Ташкинова). «Ленточки навяжут на шлею, ой, как баско, на узду ленточки навяжут, на дугу, тожно колокольчи ещё привяжут, два колокольча на дугу. В кошёвку сено бросят, тряпичу постелят» (Черепанова). «Лошадям на дугу гарусные пояски навешивают, шлею ленточками украшают» (Липу-

хина). «На шлею ещё навешают пояски да опояски, долонь шириной-то, длинные – метра два-полтора. Эти опояски обматывали круг оглобли. Пару колоколец на дугу. Одна лошадь – один звук, другой лошади делали другой звук» (*Таволожанка*). «Ленты повесят на жеребцов, опояски, ко-су ещё русую плетут лошади, да ещё в косу веник навяжут, ленточки кисточками, ещё две опояски. На дугу колокольцы: два большие, в середине один *прозвончик*. На оглоблю чёрную ленту привяжут, в косу лошади вплетают ленточку» (*Зарубина*). «Лошади с *прозвончиками*, на дуге ленты. Два *прозвончика* на первой паре, а друга пара так идёт. На шлею ленты навяжут, сбруя блестящая. Ленты на шлею, ещё на задницу лошади, на горбину-то ленты свяжут бантом, чтобы ленты раздувало, концы-то спустят, и на лоб бантик из лент, красный сатин был, бардовый. Это когда по невесту ехали». (*Зап. от Ефимовой М. А., 1920 г. р., д. Пестерёва.*)

Знающие люди смотрели, чтобы в поезде жениха было нечётное количество лошадей. В кошёвки предпочитали запрягать одних жеребцов: «Свадьба едет обязательно по невесту на жеребцах, и только» (*Дубровка*). «В кошёвках-то жеребцы все были, на кобылах не ездили» (*Ташкинова*). «Лошадей подбирали быстрых, если свои были тихие, то брали у соседей» (*Кукольная*). «Жених приезжал обязательно на трёх лошадях. Вот если даже парами идут, одну обязательно делали, чтобы как непарные были» (*Таволожанка*). «Если поезд свадебный, на лошадях на трёх или пяти, даже до семи было, но не на чётном количестве ехали. По пути пели песни: «По полям-то полям», «У красного солнышка» (*Пож*). «Поедут за невестой, опять поют: «Соколы, соколы» (*Таволожанка*).

Жёстко регламентировался и порядок следования участников свадьбы в дом невесты. Возглавляли свадебную процессию верховые дружки, за ними в кошёвках ехали тысяцкий, свахи и жених, затем все остальные гости. Замыкал свадебный поезд *лагунник*, персонаж, сопровождающий женихово вино или пиво в дом родителей девушки. «Во боярах-то ездили людно, тысячник там, свахи» (*Зару-*

бина). «Первые едут дружки, в руках плётки. Едут верхом, приговаривают ещё всё под окошком-то» (*Булдыри*). «За невестой ехали на трёх лошадях, тысячкой и сваха – это первая лошадь, а вторая лошадь – это гости» (*Ташкинова*). «По невесту на девяти лошадях ехали, две лошади парой запряжены были, одна лошадь санная – пиво везут. Лагунник пиво-то везёт, один в санях едет, последним» (*Булдыри*). «За невестой приезжает свадебный поезд, в который входят *киловозы* – повозки, в которых ездили тысяцкий и жених, и кошёвы, повозки для гостей. На килевозах везли деревянные лагуны с пивом и брагой. Лошади в свадебной упряжке могли идти в ряд или цугом, одна перед другой» (*Юрла*).

Жениху с боярами не так-то просто было попасть в дом невесты. За время следования свадебному поезду несколько раз могли перегородить дорогу односельчане. «Ещё дорогу имеют, жениха-то, мол, водку дай. Это уже когда по невесту едут, бутылки две просят. Пара запряжена лошадей, так прямо под узду ловят, пирог ещё рыбный просят, тут уж улаживают всё. Первая пара мчится с женихом, со свайой с тысячкой, вторая пара едут гости его» (*Пестерёва*). «Дорогу-то ещё сколь раз имеют. Это когда он по невесту ехал, тогда и дорогу имали, бревно да чё кладут, дружка ему помогает, там бутылку бросит ли чё» (*Миронова*). «Вот жених по невесту ехал, ему дорогу перегораживали по насердию, она чья-то подруга была, вот они и перегораживали, раз изменила, ёлками залаживали дорогу, лесину валили, выкуп просили, а когда жених уже невесту вёз, ему дорогу закрывать не полагалось» (*Пож*).

Первым к дому невесты подъезжал дружка. Словами да приговорами он *дознавался*, готова ли невеста к встрече жениха. «Дружки приедут, под окном приговаривают, на лошаде всё, не слезет с коня, под окно приедет, приговаривает, тожно откроют ворота, в ограду пустят, дружка с коня слезат, в избу заходит» (*Пестерёва*). «Ребятишки на печке глядели свадьбу, окно открыли, добыли раму, подъехал дружка на лошаде верхом. Подъехал и приговаривает» (*Мухоморка*). Испытания для участников свадьбы не прекращались и около дома невесты. За то время, пока дружка

в избе осматривал хозяйство, родственники девушки во дворе *куражились* над женихом. «Тут уже жених подъехал, дружка-ямщик, сваха, жених-то со свахой, первой дружка-ямщик, а там приглашённые. Дружка первой-то и вёз пиво, он командует, свадьба если едет, то всё закрывают, здесь уже зарученье, выкуп, кто бутылку даст, кто деньги. «Открывайте ворота, открывайте широки. Выдайте нам наше суженое, наше ряженое» – приговор тут такой нужен. А там девки песни поют: «Не было гостей, вдруг надунуло». *Плясковую* песню пели ещё, вот гости приедут, поют ещё: «Посидела девонюшка» (*Таволожанка*).

«Девки лошадь не пускают под навес – выкуп просят» (*Зарубина*). «Если у невесты были братья, они стояли у ворот, чтобы взять *приворотное*» (*Пож*). «Нальют трёхлитровую банку пива, внутрь ключи, вот выпьешь всё пиво, ключи достанешь – заходи. Ещё чурку перед дверями поставят, расколешь, дак в дом зайдёшь» (*Булдыри*). «По Таню-то приехали, так ещё ключ теряли, уронили в трёхлитрову банку, как вроде жених должен эту банку выпить и ключ достать. Он, жених-то, пиво вылил и ключ достал. Это на мосту-то, когда двери выкупал» (*Миронова*). «Вот жених приедет, его долго не пускают, нальют тут квас: «Пей, дак пустим» (*Кукольная*). «Жених отдаёт приворотное, у ворот, тогда подруги невесты песни поют: «Зять у ворот увивается», «Выведи моё сужено» (*Пож*).

Расплатившись за ворота, сени, крыльцо, жених с гостями заходит в дом невесты. «Тут опять перво-то сваха жениха и сваха невесты у порога друг друга вином поят, свахи поздороваются и наливают друг другу. «Здорово живёшь». – «Здравствуешь», – кивнут друг другу и наливают, каждая своё льёт, нальют и подают друг другу» (*Тимина*). «Вот жених приедет за невестой, тут свахи встречаются на мосту, пьют питьё, бражку ли, пиво, водку, пляшут две свахи, твоя и моя крёстна, встречаются, попили и пляшут» (*Балда*). Вся свадьба тут в избу заходит, «тожно окно-то тут уже закроют, дружка в кое говорил слова-те. Невеста за занавесу уйдёт, за печку, как свадьба-то заходит» (*Мухоморка*).

В Юрлинской традиции существовало множество примет, по которым узнавали будущую жизнь молодых. Так, например, невеста по выражению лица жениха, переступившего первый раз порог её дома в день свадьбы, судила о характере новожёна: считалось, что будущий хозяин будет покладистым, если на его лице улавливали улыбку, хмурое лицо говорило о крутом нраве. «Все зашли, а меня заставили через *грядку* поглядеть на жениха, это полка на середине. Мне сказали: «Мария, смотри-де, какой он зайдёт, сердитый или весёлый». Он заходит и смеётся. Значит, жизнь весёлая будет». (*Зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р., д. Таволожанка.*) «А я через матичу на него поглядела, тут заборка была, а мне говорят: «Погляди, чтоб ты его не боялась!» На стулик встала, поглядела, чтобы мало ли, не бояться» (*Бадья*). «По невесту приедут, она опять сидит на кухне, через *грядку* на жениха смотрит, он зайдёт, должен её увидеть сразу» (*Зарубина*). «Невесту-то ведь прячут, жених ищет её, а найдёт, так уж не отпустит» (*Юрла*).

Перед выводом невесты от жениха и его спутников требовали выкупать место за свадебным столом. «Сидят за столом два человека, и у жениха и у невесты на месте, им в руки дают, сколь запросят они – место-то выкупают, а невесту-то ещё тут не кажут» (*Балда*). «Если были сёстры, за стол садились они, чтобы взять застольный выкуп» (*Пож*). «Место выкупат ещё, там ведь специальные садятся, подружка. Деньгами место выкупают. На лавке одеяло лежит. Место выкупит, то уже сядет и сидит, дожидает невесту, а если опять он куда уйдёт, так место-то опять займут, опять выкупать надо» (*Миронова*). «Вот в свадьбу-то место выкупают, уже приготовленные все, посадят там за сваху, за тысячку посадят, за жениха посадят – вот три выкупа. Жених деньги даёт, сваха своё место выкупат, тысячку своё. Кто двадцать, кто пятнадцать рублей даст. Войлока катанные на лавку стелили, а нет, так одеяло» (*Пестерёва*). «По невесту-то приедут свадьба-то, тогда садят за стол кого-нибудь, чтоб место выкупали, там уж тогда вино дают, конфеты. Выкупят, тожно невесту выводят» (*Тимина*). «Жених место должен купить. Перед ребяташками, кото-

рые за столом сидят, копеечки кладёт, прямо на стол. А кто на печи из ребят, им подадут по-за печки челпан, его там разделят ребятишки, поедят. Раньше *глядены* были, глядеть ходили, дак вот люди, выйти нельзя было, не пройти – всё люди». (*Зап. от Осташовой К. П., 1924 г. р., д. Мухоморка.*) «А у жениховой родни девки деньги выжимают, когда приехали за невестой. Сидят за столом, приговаривают: «Подходи поближе, поклонись пониже, посеребри, позолоти, братик» (*Дубровка*).

Расплатившись за место, жених и участники свадьбы садились за столы. В ожидании вывода невесты гости со стороны жениха угощались домашним пивом, которое привозили из дома. «Они до вывода ещё пили своё, что привезли с собой. Вот жених-то и лагунники-то и везут лагун браги, лагун пива, едут со своим. Пока отец не выведет невесту из-за занавеси, их никто не угощает, голый стол. Столы-то ещё здесь не собраны, на столах тогда ещё стоит только челпан да соль. Они привозят пиво, брагу, ещё еду какую с собой, этим и угощаются, пока невесту не выведут» (*Пож*). «Пока жених дожидал невесту, родственники сидят, чокаются, дружка её пригаркиват. Ведром чакают, ведро за ручку возьмут, оно бринькает, с пивом ли, с брагой. Это уже за столом. Жених сидит, а тысячки, дружки командуют, питьё-то меньше делается, тожно чакают – питьё как добавить надо, поварёшкой о ведро брякают, пить просят». (*Зап. от Ефремовой А. П., 1930 г. р., д. Зарубина.*)

Свадебный день. Вывод невесты

Детально разработанной процедурой является обрядовая встреча жениха и невесты в день свадьбы, получившая название *вывод пред столы*. Обязательными элементами этого свадебного дня являлись дарение и глядины невесты, переплетение волос девушки и её ритуальное обмывание, переодевание жениха и невесты в кутном углу, кормление жениха, вывод брачующихся к столам и, наконец, опевание гостей.

«Как только выкупили место, крёстный невесты и крёстный жениха идут за занавес, несут с собой мыло, полотенце, гребешок в подарок невесте» (*Пож*). «После выкуп, жених приносит невесте на кухню сундучок, там мыло соберёт, гребёнку, по состоянию другие вещи положит, подарит, сам на место, за столы вернётся, дожидать невесту». (*Зап. от Светлаковой Ф. Ф., 1920 г. р., с. Юрла.*) Вручив подарочки будущей супруге, жених вместе с родственниками возвращался к столам, где дожидался первого вывода невесты из-за занавеси. «Сваха на кухню сходит, попросит, чтобы показали невесту, тут девку выводят» (*Балда*). «Невесту на глядины приведут, жениху показывают, невеста в ноги падает жениху» (*Бадья*). «Жених один посидит маленько, тожно невесту выведут, посидят за столом, потом уведут опять, волосы начнут расплетать, косу-то, ленточки она по девкам раздаст». (*Зап. от Бисеровой А. К., д. Дубровка.*) «Первый-то раз так выводили с косой распущенной, а потом повели уже заплетать две косы» (*Таволожанка*). «Девки в бане ещё расплели косу-то, с распущенными волосами невеста из бани вышла, а свадьба-то приехала, она с распущенными так и ходит, тожно ей сваха заплетёт два плетня» (*Миронова*). «Волосы расплетают невесте в бане, жених присхал, она с распущенными волосами. Там две косы сделают, обовьют, шамшуру накинута» (*Зарубина*).

На кухне, прежде чем заплести волосы девушки в две косы, по-бабьи, свахи умывали невесту и расчёсывали волосы, используя при этом подаренные женихом мыло и гребень. «Когда жених приедет на свадьбу, невесту уводят в другую комнату, там ей дают мыло, водичку, сваха умоет её: «Мойся, мойся, умывайся, с нами собирайся». Как к жениху выводить станут, тут невесту сваха моет и наговаривает» (*Липухина*). «У невесты крёсна расплетала косу, они привозили с собой мыло, умывали невесту и косы расплетали. Крёсна женихова приготовила воду, умыла невесту, потом косы расплела, мылась-то невеста сама, а крёсна рядом стояла. Жених придёт, их сначала за стол посадят, потом уже невесту умоют, ну, как на свои руки взять, тожно расплетают. Она голову помыла, да снова за-

плели» (Юрла). «Сваха мылом личико и руки моет невесте. Мыло свое брала, мыла, так чего-то приговаривала. Воду, которой мыла невесту, корове сливали, а мыло с собой девка брала, лечила им потом руки да чё» (Юм). «Мылом мылила, мылом вымыла руки, лицо. Потом это мыло домой привезла и всю жизнь хранила» (Зарубина). «Невесту мыли, а тут же и песню пели: «Красна девонюшка, мойся, умывайся» (Мухоморка).

После обрядового обмывания невесты участники свадьбы приступали к следующей процедуре – ритуальному переплетению волос невесты. Смена девичьей причёски на женскую сопровождалась большим количеством магических действий, направленных на изменение социального статуса брачующейся. «В свадьбу жених приедет, тогда плетни девке плетут, два плетня круг головы уложат, выведут уж молодкой, тожно молодка, только сверху платок». (Зап. от Трушниковой А. М., 1932 г. р., д. Ташкинова.)

«Сваха у жениха да своя у её крестна голову расчесут, волосы, плетни-то, заплетают» (Тимина). «Свадьба вечер, когда полдень приедет, дак на кухне две косы заплетут, это как жених-то уж придёт, как уж вести к себе, волосы заплетут в две косы да ещё плетнями круг головы завертят. Девки заплетают, а у кого крестна есть, так крестна заплетает» (Черепанова). «Сваха моет девку-то, руки моет, лицо моет, плетни заплетает. Сваха одна заплетала. Вдовой только нельзя было, чтобы невеста вдовой не была» (Таволжанка).

Если в традиции невеста дожидалась жениха с заплетённой косой, составной частью ритуала смены девичьей причёски на женскую являлась раздача незамужним подругам лент, выплетенных из косы невесты. «Косу заплетают на две косички, вокруг головы обматывают плетни. Когда свадьба приедет, невесту переодевают, невеста девкам ленты раздаёт, которые были в венке-то, незамужним» (Юм). «Желат невеста, так раздаст ленты-то из венка, а не желат, так хранит». (Зап. от Бисеровой А. К., д. Дубровка.) Вариант смены девичьей причёски на женскую нами зафиксирован в деревнях Пож, Булдыри и Тимина. Со

слов информантов, две косы невесте заплетали в доме тётки жениха, куда молодые заезжали после венчания в церкви. «Волосы невесте плетут, когда уже завенчают молодых. По дороге из церкви они заезжают к тётке, там невесте-то плетни и плетут, её крестна и его крестна, стараются вместе, чтобы дружно заплести. Косу-то девкам кверху плетут, а когда плетни плетут, тут уже книзу, венчанная так и плетёт потом всю жизнь, книзу. Плетни заплели, косыночку на низ оденут, и наряд бабий, там шамшурку, шомму одевают». (Зап. от Пикулевой А. М., 1937 г. р., д. Пож.) «Девичник был у невесты, они в бане косу расплетут, она и волосы не заплетёт, так к венцу и едет, там уже сваха заплетает косы, одна, в церкви» (Булдыри). «Как к венцу свозят, обвенчают, там уже две косы заплетают, платок вяжут на голову концами назад, а раньше кокошники были, шамшурки, а в наши-то года уже платочки, а сверху хороший платок одевают» (Юрла). «Раньше к венцу ездили, а потом куда к родственникам зайдут и тут плетни-то заплетут. Сваха заплетёт женихова. Она плетни заплетёт, вот тебе и молодка. Ещё раньше молодкам-то кокошник одевали с бисером, снаряженный». (Зап. от Лехановой К. П., 1921 г. р., д. Тимина.)

В деревне Липухина две косы невесте заплетали уже в доме жениха. «Когда домой привезут, тогда уже сваха плетни заплетает, круг головы делают, а сверху косынкой, потом платок, полушалки большущие. Сваха пришла, плетни завела, к жениху выводит уже с плетнями». По заплетённым косам свадебжане примечали, какая жизнь ожидает будущую хозяйку. Считалось, что супруг будет *ругачим*, если свахи заплетут невесте плетни втугую. Слабое затягивание волос предначертывало невесте жизнь с супругом в любви и согласии. «У жениха сваха плела плетни, туго заплетут, так невесте тоже туго жить будет, мужик будет туго держать» (Дубровка). «Туго не заплетают, заплетают слабо, чтобы тебя муж не бил», – сваха-то говорила, когда плетни плела (Миронова). «У жениха сваха заплетат невесте две косы вокруг головы, замётывает плетни-то. Потом платки одевает – шамшурку и платок шерстяной

сверху. Сваха туго заплетает косу, чтобы мужик в руках невесту держал. Слабко – сладко жить невеста будет» (Юм). «Мыло подаёт сваха, когда косы заплела, мне подала мыла печатку, в лифчик клали. Потом, когда я уже Серёжу родила, этим мылом-то всё его мыла, чтоб не болел». (Зап. от Кудымовой З. С., 1936 г. р., д. Миронова.)

Во время переплетения волос невесты девушки пели свадебные песни. «На кухне плетут невесте плетни и переодевают в подвенечное платье под песню «Стой-ко, белая берёзонька» (Пож). Жених сидит в это время за столом, ему тоже поют песню – «Среди двора не огонь горит, не огонь горит да не мак цветёт, расцвели кудри жениха» (Ананькина). «Девка-то на кухне где-ко в уголочке сидела, сваха-то её сперва напоит, потом начинает переплетать голову. Тут песню поют: «Белая берёзонька, стой, да не шатайся». Заплетают две косы, плетут плетни, круг головы наматывают, оденут платок» (Балда). «Вот уведут на середь, волосы чешут, вот там поют: «Стой, белая берёзонька, да не шатайся». Тожно расплетают ей волосы-то, косматую её выведут, заплетут ей плетни» (Ташкинова). В д. Пож «Белую берёзоньку» исполняли во время переодевания невесты в подвенечную одежду.

В деревнях района отмечено несколько вариантов вывода невесты к жениху. Один из них предполагал обрядовую встречу жениха и невесты на середине избы. «Полог был, ну потник назывался, под седло лошади его стелили. Его перед выводом на середину избы постеляют, на него встанут жених и крёстный, ждут невесту. Невесту выведут, жених с крёстным, девка со свахой встретятся, перекрестятся, всё на этом, на потнике. Отец передаёт её жениху со словами: «Я держал-де за лычку, а ты держи-де за ремешок». Тожно садятся за стол» (Зарубина). «Невесту-то перво вымоют, так, волосы-то маленько смочат, сваха заплетёт, тожно её выведут к жениху, родители выведут. Сваха снарядит, родители выведут, жених с тысячкой подойдёт. Отец говорит: «У нас была хороша, у вас пусть будет лучше. Я держал за лычко, ты держи за ремешок», – тожно передают жениху у невесты платок связанный, он за платок берёт, и тысяцкий

повёл их за стол» (Мухоморка). «Невесту из-за занавесу выводит отец за платочек, ставит на середину избы, жених выходит из-за стола. Отец передаёт жениху невесту с наговорами, чтобы держал по-хорошему, не обижал. Если нет отца, невесту передаёт мать, она и выводит, также могли выводить братья. Невесту передали, свадебжане поют песню «На обман девка сдалася». Вот только вывели и допели, начинают собирать на стол, под наговоры большого дружки: «Что есть на пече – тащи на плече, что есть в залавке – кати по лавке, что есть в голбче – тащи молча». (Зап. от Пикулевой А. М., 1937 г. р., д. Пож.) «К жениху невесту отец за руку ведёт. Отец первым идёт, за ним невеста, потом сваха, они передают её жениху и говорят: «У нас хороша, у вас пусть будет лучше». Жених тут из-за стола выйдет, встретит их, возьмёт невесту за руку, тожно в ноги упадут, отец и крёстная дают им благословление, на хорошую жизнь благословляют. Они падают в ноги, их поднимают, и так до трёх раз». (Зап. от Светлаковой Ф. Ф., 1920 г. р., с. Юрла.)

Не менее интересным является обрядовая встреча жениха и невесты за свадебным столом. «Когда невесту выводят, жених за столом, стол отодвинут. Невесту заведут, отец передаёт невесту: «У нас была хороша, а ты учи про себя, у тебя пусть будет лучше». Он в руки передаст полотенце, которое держит невеста. С полотенцем в руках молодые садятся на лавку, на ней постлан войлок или подушки положены» (Тимина). «Жених сядет за стол, тожно невесту выводят из-за занавеси. Большой дружка приговаривает, ихнее родство за стол всё просит. Приговаривает да плёткой помахивает» (Пестерёва). «Невесту жениху крёстная выводила за полотенце. Жених тут встанет, деньги на стол положит, перед невестой. Деньги потом невеста себе возьмёт. Невесту посадят рядом с женихом, а полотенце-то тоже тут, за столом сколь сидишь, за полотенце-то и держишься, одной рукой молодые за полотенце держатся, другой рукой кушают» (Черепанова).

В деревнях Дубровка, Таволожанка, Балда, Кукольная жених из-за занавеси невесту выводил сам. Вариант инте-

ресен ещё и тем, что в кутном углу жениха также переодевали в праздничную одежду, специально приготовленную невестой к свадебному дню, а ещё его кормили *журёным* пирогом. «Тожно косу расплетут, жених придёт, тогда выведет её сам» (*Дубровка*). «Вот посидели, а все гости туто, невеста за занавесом ещё, на стол собрали и стали его, хозяина, переодевать, жениха-то. Его увели на середь, надели ему рубаху расшитую, с нагрудкой. Потом надели опояску, поясок, гарусная опояска-то была, её одевала сваха. Вышли мы вместе, свахи выводили. Его сваха вела, а меня крёстная моя, все за платочки держались. Платок-то большой был, кружевами обвязан. Вот садиться стали за стол, так я подтащила рубашку-то у него, чтобы де первой быть в доме-то». (*Зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р., д. Таволожанка.*) «Вот приехали, поздоровались, тожно садятся за стол, чё с собой привезли, на стол ставят. Раз свадьба, дак и у невесты собирают, а невесту пока не кажут ещё. Она где-ко за навесом сидит, попьют, поедят, а тожно и по невесту пойдут» (*Кукольная*). «Через платок, когда уже при свадьбе нас повели за стол, через носовой платок крёстная жениха ведёт, невеста за платочек держит её»; «На кухне уже переплели девку, тут стол накрывают, сваха идёт за женихом, ведёт его на кухню, садит его за стол. Жених тут начинает есть, а сваха его охраняет, стоит, чтобы его никто нечё не сделал. Если девки тут, вот они норовятся кто-нибудь да его дёрнуть, то ли за волосы, то ли за одежду, щипнуть. Если он оглянется, значит, сердитой будет муж. Потом жених поест, другая сваха ему невесту даёт, и его сваха уже ведёт их уже за стол, садит рядом. Ведут за платочек под песню» (*Балда*). Часто исполнялась при выводе невесты песня «Выходило красно солнышко из-за мороку, да из-за мороку, выводили красну девицу из занавесу, из занавесу, да из-за шелкового» (*Пож*).

В местной традиции встречаются случаи, когда ритуальное кормление жениха в доме невесты могло происходить и перед выводом невесты, и после него, перед самым отправлением молодых в дом жениха. «Когда жених приехал по невесту, его отдельно на кухне кормят, пирогом. Его

стали кормить, а там налетели ещё жениха бить-теребить, а его сваха не даёт опять. Это такая мода была, вот бабушка какая подскочит, теребит его, царапат. Всё на шутку. Жених пирог маленько поел, вышел ко столу невесту дожидать». (*Зап. от Пикулевой А. А., 1928 г. р., д. Тимина.*) «Поели, попели, перед самым выходом уже, жених выходит из-за стола с крёстной и идёт за занавеску на кухню есть *журёный* пирог – это перед тем как невесту выводить из дома. Это просто рыбный пирог. Начинают его кормить, а все подружки стараются его дёрнуть за волосы сзади, а сваха-то платком его закрывает, тут опять песню поют: «Тёща для зятя пирог пекла» («Ешь-ко, зятюшка, наедайся, над моей-то дитёй не издевайся, у меня дитё неразумно...»). «Девки-то во время песни дёргают жениха за волосы, вроде как журят, и кормят, и журят. Тёща-то его на залавке кормит, на кухне, одного, без невесты. Тут же пели песню про *журёный* пирог, после чего уезжали на венчание» (*Пож*).

Обеспечивая благополучие будущей семье, *знающие* люди наказывали молодым всё время держать друг друга за платочек, чтобы между ними *созлый* кто не прошёл, жизнь их не испортил. «Невесту выводят ко столу жених да сваха, за *рукоятяшку*, за полотенце. Невеста за один конец, он за другой, чтобы вдоль по полу рядышком. А кто с намерением – будет стараться пройти между них» (*Юм*). «Когда повели нас, носовой платок в руках держали, чтобы между нами никто не прошёл» (*Бадья*). Даже за свадебным столом жениху и невесте свадебный платок не позволяли выпускать из рук. «Отец как передал, молодые как поймались за платок, и рассоединяться уже не имеют права. Если жених уходит из-за стола, то платок передаёт кому-то из своих, чтобы тот невесту держал, одну-то не оставляет. Если замены жениху нет, ну, охранщика, невесту воровали. И невеста если уходила, на своё место садила кого-нибудь. А то ведь на место кто *шмыкнет*, потом уж выкупать его надо. Молодые на катаном войлочке сидят, кушают одной ложкой, вилкой, по очереди едят, чтобы один другого не брезговал». (*Зап. от Пикулевой А. М., 1937 г. р., д. Пож.*)

Существовало много других магических приёмов, направленных на сохранение новой семьи. «Платок-то корманный она вытянула, потом за столом она *вытрелась* и ему дала, он тоже вытерся» (*Зарубина*). «Ещё делали для жениха и невесты – на лавку стелили половики, на голом они не сидели, нельзя. Тут смотрели, как невеста сидит с женихом, если невеста сидит впереди жениха, локоточком прижимает, значит, она хозяйка будет» (*Гашикина*). «Невесту передают жениху на середине пола, они спорят тогда ещё, за голу руку-то не передавали, они держатся правыми руками за полотенце. Ещё идут ко столу, спорят, она в свою сторону тянет, жених в свою, которая переспорит. Идут к столу и втихомолку тянут. Вытянет она, так хозяйство-то её будет. Сядут за стол, иная опять локтем жениха жмёт, а жених-то тогда переспорен». (*Зап. от Ефремова М., Ефремовой А. П., 1930 г. р., д. Зарубина.*)

Как на стол всё *стаскали*, начинали опевание гостей, девушки-подруги невесты исполняли величальные песни родственникам жениха. «Начинают кушать и опоют, сначала жениха, потом тысячка, сваху, большого дружку, братьей жениха, если успеют, сестёр жениха. Свадебжане кушают, а подружки поют, глядяны-те помогают. Глядяны-те – это все неприглашённые, со всех окрестных деревень придут, смотрят, маленькие на полатах, на пече и на голбце, везде залезут, взрослые все под полатами стоят, столько нагрудятся, даже до стола всё глядяны, большие дружки руками их расталкивают, дорогу-то освобождают для молодых» (*Пож*). «Жениха вот восхваляют песней «Ой, да как у солнышка» (*Юрла*). «Ещё ведь тут пели вот: «Ох, Иванушко ходит по двору». После песни сразу припевают: «Да Иванушка, догадайся, да Иванович, domeкайся, да от нас от девиц откупайся, ино нас-то девиц и немножко, только сорок девиц со девицей, только сорок певиц со певицей. Нам де, мил, денег надо немножко, только сорок рублей со рублиной, только сорок полтин со полтиной». Из девок тут кто подойдёт с тарелочкой, кому пели, тот денег даёт, а если девкам большой подарок будет, то она возьмёт ещё да поцелует. Благодарство пели: «Да спасибо, да спасибо, да

от вас нам дары дошли, да от вас нам дары дошли, да дары ведь дорогие. Да первая деньга да золотая, да другая – серебряная, да венец – пива пьяного. Да создай тебе, господи, да жену-ту хорошую да хорошую, пригожую, сыновей – ясных соколов, дочерей – да голубушек». (*Зап. от Пихулевой А. М., 1937 г. р., Копытовой Т. И., 1941 г. р., Никитиной Г. А., д. Пож.*) «Это ответная, а если гость не давал денег или мало дал, тут уж другое пели: «Ох, чуешь ли ты, Ваня». «Те, кто ехал на свадьбу, обязательно брали с собой деньги, как их опоют, так они и платят, чтобы не опозориться, а то девки напоят такое, что с лица не одну краску бросит. Если у кого не было денег, наливали пиво или брагу, что привозили с собой, и откупались, или просто целовали девуку. Вот опевальная свахе – «Свахонька хорошава, она три года рубашку белила, да по кочечкам волочила, да на кочечках колотила, на мутовочке-то сушила, всё во свахоньки собиралась, в хорошавоньки снаряжалась...» (*Пож*). Опевальная большому дружке – «Большой друженька хорош да пригож, да на коне дружка споезживает, он-де сам сидит в седлышке, его ножки во стремёнышке, в левой ручке есть шелковой повод, во правой-то есть нагаечка, левой ручкой принадлеживает да правой ручкой принадлеживает» (*Пож*). «За столом сидели, тоже песни пели: «Все гости хороши, один боярин де лучше всех, хорошее изо всех. На ногах сапожки да лаковые, да всё лёловые, шубочка на ём сорока ли соболин, шапочка на ём сорока ли кунич». (*Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья.*) Вариант подобного величания – песня «Из кути по лавке»: «Из кути по лавке, все по всей середе, всё гости сидят, всё князья да бояра. Один боярин, он повыше всех сидит, хорошее изо всех. Где-то он сидит, тут ненадобна свеча, светит у него злат венец на голове. Златы у него часты пуговицы на груди. На руках рукавки барановые, на ножках сапожки сафьяновые, шуба-то на нём сорока да соболей, шапочка на нём – вострокамский колпачок...»

Девушки, если дружки забывали угощать их, могли спеть особую песню-напоминание: «Все мы песенки да перепели, наши горлышки пересохли, до нас друженьки да не доходят,

до нас, друженьки, доходите, да нам весточки да доносите». (Зап. от Пикуневой А. М., 1937 г. р., д. Пож.)

Гости за столами угощались рыбными пирогами, оладьями, *налевниками* и печёным мясом. «На столе мясо печёное, суп сварён, оладьи, налевники – это крупа наливается на тесто, сечку ячменную с вечера замочат на молоке, на сметане, потом яички бьют и наливают на сочненьк. По невесту приехали, все кушают пироги рыбные: корку разоскут, рыбу наложат без головы и хвоста, и сверху корка из теста, ещё калёжные пироги были: калегу нарубишь, сочни разоскёшь, завернёшь в пирожочек». (Зап. от Ефимовой М. А., 1920 г. р., д. Пестерёва.)

Свадебный день. Отъезд к венцу

Перед выходом из дома родители невесты благословляли молодых иконой. «Попировали уже, поехали, повезли нас, тятка, мамка иконкой благословили, опять мы поклонились. Поцеловать заставили иконку, мы поцеловали, в ноги пали, они нас поднимают, тот и другой: «Благослови, Бог!» И пошли тожно из дома. Спехали уroda, не преля, не ткаля была, бают, узоры не брала, по лесу ходила, лыко драла, х... лапти плела, не ходи, х..., бос, не теряй много слёз». (Зап. от Трушниковой А. М., 1932 г. р., д. Ташкинова.)

«Когда поехали, мама благословляет, перед ней на колени встают, перекрестятся. Она просто так благословила, питьё подала» (Таволожанка). «Отец не голой рукой, рукавом закрывает дочь и благословит три раза, круг рукой проведёт по солнцу. Тожно она благословенье мамоньке причитат: «Благослови, родима мамонька, своей правой рученькой. Мамонька моя жалостливая, я сама была ленивая, поутру рано не вставывала, по вечеру долго не сидывала. Не сама я дары сделала, тут посабливала мне родима мамонька, помогали мне родимы сестрицы, пособляли мне милы подруженьки». (Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Будыри.)

После благословения гости выходили во двор, их по чину рассаживали в кошёвки, соблюдая при этом особые правила. «Дружка рукой хлопает лошадей-то, когда поехали, бережёт молодых» (Черепанова). «Вот мы поехали, знаткой подошёл и стал у лошади хвост дёргать со словами: «Пуд-де гороху, пуд-де невеста, кони ни с места». Сделают такую молитву, и кони встанут. А у нас бабушка была, она через решето брызнула на лошадь-то, молитву сотворила. Всё, кони-то и пошли. Ещё невеста в подол втыкала иголку с ниточкой, жалом-то поперёк, а жениху тоже иголку за ворот, около шеи-то, с изнаночной стороны, с ниткой, тоже поперёк». (Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г. р., д. Балда.) «От меня выходили когда, за полотенце держались, оба с мужиком, сваха нас выводила» (Миронова).

«Невесту с женихом станут выводить во двор, песню запоят: «Ты гонись, гонись, батюшка»; «когда забирают невесту к жениху, песню поют: «По вершиночке свяжете»; «как тронется поезд, другую песню поют: «В лужах вода разливается» (Юрла).

По дороге в дом жениха молодые заезжали в церковь. «Вперёд ехал дружка верховой, за ним ещё двое верховых, жених с крёстным, потом невеста, они с женихом в разных кошёвках сидят, это уж обратно поедут, так молодых в одни сани посадят, потом остальные едут» (Пож). Когда молодые венчались, примечали – если у кого-то из молодых венец тяжело на голове лежит, жизнь ему тяжёлая будет (Липухина). По дороге в церковь или сразу в дом жениха по приметам пытались определить будущую жизнь новожёнов: по бегу лошади, деревьям, по встретившимся по дороге животным. «Когда повезли, кошёва у нас извалилась, так и жизнь у нас извалилась: муж рано умер» (Усть-Зула).

Пока шло венчание, дружки отправлялись к родственникам молодых и особыми словами приглашали их на столowanie в дом жениха. «Меня повезли, так перво-то мы записываться заехали в сельсовет. Если богатые свадьбы были, десять верховых дружек было, а победнее, так пять, они едут перед свадьбой. Вот когда уже невесту отправили к венцу, дружки вёртываются обратно. Они едут по всем

домам, собирают на свадьбу людей, приглашают, а без приглашения не шли. С собой гости вместо подарков брали мясо, рыбу, кто хлеба буханку. Соберётся вся родня, тогда уже столование начинается» (*Пож*). «Когда гостей на свадьбу приглашают, дружка подъезжает к дому, кого желают на свадьбу привезти, в окошко стучит: «Пожалуйста, приглашают вас на свадьбу к тому-то». Он верхом на лошади, у него бант красный, костюм. В окошко всё говорит, с лошади не сходит» (*Липухина*). «Плат ещё оденут, такие платы на них были, как платок, только расшитые канвами, одевали их дружки на себя, завяжут под подбородком, а там со спины раздувает. Под окошко подъедут, кричат, плёткой стукнут: «Кто дома? Хозяин с хозяйшкой, со всей семейшкой дома?» Поглядят в окошко, опять приговаривать начнут: «Хозяин, иди вот на пир туда-то. Иди – хозяйку не веди. Хозяйка, иди – детей не веди. Дети, идите – собак не ведите». Это уж у их такая присказка была, это они на пир, на столование приглашали». (*Зап. от Пикулевой А. А., 1928 г. р., д. Тимина.*)

Чуть позже, вслед за свадебным поездом в дом жениха отправлялись и *погоняхи*, так называли родственников невесты, которые являлись ответственными за доставку приданого девушки к её новому месту жительства. «Вот невесту-то увезут, погоняхи дома всё маленько приберут, потом уже уезжают, а когда и вместе уезжают. Они приданое везут» (*Балда*). «От невесты придано когда везли погоняхи, тоже на жеребцах. Погоняхами-то называются родители у девки. Они приданое везут, едут уже вслед за поездом» (*Дубровка*).

В доме жениха

В доме жениха молодых встречали песней «Среди двора не огонь горит» (*Юрла*). Следующую песню «Ох, не было ветру» свадебжане начинали петь, когда жених и невеста заходили во двор (*Пож*). «Приехали, нас сразу всех встретили, нам пива кружка, на нас поставлена специально, и браги миска, песню поют «Не было ветру»,

и браги миска, песню поют «Не было ветру», жених первый пьёт понемножку и пиво, и брагу, потом – невеста. Потом нас за стол, опевать начали». (*Зап. от Першиной Е. Д., 1937 г. р., д. Таволожанка.*) В д. Келич исполнение песни во время обрядовой встречи молодожёнов получило название *ломать соколов*. «Свадьбу с питьём встречали, соколов ломают тут. Это песня поётся такая: «Соколы да, соколы ясные, бояра переезжие, вы куда-де, бояра, ездили, вы-де с городу на город...». (*Зап. д. Келич.*)

В местной традиции существует несколько вариантов встречи молодых в доме супруга. Чаще всего перед крыльцом дома родители жениха вручали молодым каравай хлеба и икону. Положив хлеб на голову, невеста заходила в избу, за ней с иконой на голове шёл жених. «Мне всё крёстная делала, она все *свашила* за мной. Мы приехали к жениху, нас встретили, двор большущий, две житницы было. Встретили молодых, взяли хлеб каравай и иконку, вот мы вошли, нам поклонились, мы тоже, и мене на голову каравай наложили, а Коле – хозяину у меня – иконку на голову. Вот мы идём тихонько. Я придарживаю, а он стал на крыльцо подниматься, у него иконка-то упала. «Ой, иконка-то чё-ко де упала, ой, ой, господи, господи!» Зашли с хлебом, с иконой в избу, и нас сразу за стол провели. Хлеб положили на полку за икону туда. Этот хлебушек надо было съесть, бросать не надо». (*Зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р., д. Таволожанка.*) «Родители у жениха встречали молодых, вынесут пить, невесте челпан, а жениху иконку. Он несёт икону, она – челпан, он икону прижмёт ко лбу, она – челпан, так в дом и идут». (*Зап. от Осташовой К. П., 1924 г. р., д. Мухоморка.*) «В дом к жениху-то приедут, тут невесту челпаном встречают, она на голову его положит, так в дом-то и заходит, потом его на стол положит. А перед этим хлеб-то откусить велят и жениху, и невесте. По выкушенному смотрят, какие ребята у их будут, *жоркие* тамока или нет. А потом хлеб на стол положат, нарежут его ломтиками, и все уже едят» (*Черепанова*). В деревнях Таволожанка и Кукольная икону в дом заносили родители жениха: «Ещё вот молодых встречали с иконой, хлеб-

челпан, родителям тут в ноги падают, родители их поднимут, в сенях встречают, челпан кусать заставляют. Раньше народ смотрели много. Сначала в ноги пали, им икону подают, потом челпан. В избу-то родители с иконой идут, за ними молодые». (*Зап. от Бартовой Т. И., 1928 г. р., д. Таволожанка.*) «К жениху приехали, их встречают, миску браги несут, каравай, хлеб несут, велят укусить каравай. Если как невеста жениха будет держать в руках – хлеб больше укусит. Ещё иконку выносили. Невеста хлеб несёт на голове, а жених несёт миску с пивом или брагой. Зайдут, хлеб на стол положат» (*Кукольная*).

Известны и более простые формы встречи молодых: «Привезли невесту в дом к жениху, свадьба в ограду захватила, мама с хлебом-солью вышла встречать, тут ещё по рюмке налили. Свекровка говорит: «Ну, молодые, сошлись, давайте-ка живите по-хорошему, чтобы люди завидовали» (*Миронова*). Самостоятельный сюжет обрядовой встречи молодожёнов зафиксирован в деревнях Пестерёва, Булдыри и Ананькина. Встреча здесь сопровождалась ритуалом благословения молодых родителями жениха: «От венца молодых благословляли хлебом, свечка теплилась, её мать держала, молодые в ноги им пали. У отца в руках питьё. Хлеб выносят свадьбу встречать в ограду. Отец-мать хлеб выносят, благословлять, молодые в ноги падут, родители кругом по солнцу хлебом водят, в хлебе маленькая иконочка воткнутая, как благословили, пить подали, тут уж столовать стали». (*Зап. от Ефимовой М. А., 1920 г. р., д. Пестерёва.*) «Невеста от венца приедет, отец, мать её встречают с питьём, с хлебом, с иконой. Вот челпан, на него икону, молодые в ноги падут. Родители благословляют, у молодых головы вместе, родители челпаном по очереди по солнышку водят. Икона на челпане положена, одной рукой её придерживают. После благословения челпан на стол кладут, икону на божницу» (*Булдыри*). «Ещё благословляли, иконку в хлебушек воткнули, так и благословляли» (*Ананькина*). «Хлебом встречали молодых и иконой, благословляли, короваем круг головы водили, иконка тут. И раньше ведь и покойника провожали, иконку в хлеб втыкают, опять и же-

ниха с невестой благословляли, иконка в хлебе. Большой дружок говорит: «Чтоб не бросал, чтоб не обижал, чтоб было всё в порядке» (*Ананькина*).

Перед тем как зайти в дом, молодых по разу заставляли откусить каравай хлеба. По откусанным краям каравая судили также, кто из молодожёнов будет *большинной* в доме. «С ограды молодые идут, их мать и отец с хлебом-солью встречают. Кусают молодые рядышком, кто больше укусит, тот хозяин в доме будет» (*Пож*). «Девка одна шла, дак ей дали челпан-то, она укусила много, оторвала полчелпашника, а он тоже укусил, чтобы верх-то захватить евоный» (*Дубровка*). «Когда невесту привезут к жениху, родители жениха встречают с челпаном. Челпан дают укусить невесте, сколь рот хватило – половину откусила! Невеста держит икону, когда хлеб кусает. Потом икону передает жениху, и жених тоже кусает» (*Юм*). «Вот к родителям жениха приезжали, так там челпаном-то ещё в голову невесте стучают, чтобы де подчинялася. По кругу так челпаном-то сделает и три раза ударит». (*Зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р., д. Келич.*)

После благословения девушку и парня провожали в дом. Желая обеспечить благополучие будущей семьи, путь молодожёнам по двору, сеням, избе заблаговременно устилали соломой, заставляли невесту смотреть на образа, печь. Со слов местных жителей, делали это для того, чтобы невесте в новом доме легче было жить. «Невесту на голый пол не вели, солому стелили, потом утром солому молодые убирали, а свадебжане мешали, деньги бросали» (*Таволожанка*). «Приехала свадьба, молодым под ноги сено стелют, на голый пол не заводили. Невеста обязательно на образа смотрит. Молодых сразу за стол провели, от порогу» (*Пож*). «А чтобы весело жить было, невеста зашла в дом жениха и тут же стала смотреть на печку» (*Тимина*). «Невеста от венца приезжает, сразу подает свекровке одежду верхнюю и называет её первый раз матушкой, а отца – батюшкой, это уж на всю жизнь» (*Пож*). «Тожно в избу зашли, невесте и говорят: «Давай, снимай пальто, валенки передавай свекровке». И с того момента я её так мамой и звала»

(Миронова). «На соломенный ковёр сядут молодых – солону в тряпичу сделают. Сваха садится с невестой, а тысячка садится с женихом рядом» (Юм). «Молодые на подушках сидят, а на коленях держат полотенца» (Тимина).

За столом парень и девушка «на шутку» соревновались друг с другом за право держать верх в хозяйстве: засиживали подол, прижимались локтями, наконец, наступали друг у друга на ноги. «За стол садились, так ещё локоточком-то его придавила, чтобы опять он мне подчинялся» (Келич). «Чтобы она хозяйка была, неподчинённая, всяко выделявали, вот, например, за стол садятся, так невеста жениху сесть на полу стремится, а жених опять у её юбку подтягат, чтобы он был хозяин над ней» (Тимина).

Вариант состязаний молодоженов за трапезным столом, отмеченный в д. Дубровка, касается времени проведения ритуала. Спорить парень с девушкой начинают в этой деревне только после того, как невесте в доме жениха на кухне переплетут волосы и выведут девушку к столам. «Молодых встретили, за стол провели. Жених у невесты подол захватывает, а невеста давать не будет, она опять к нему на колени садится быстро, чтобы верх держать, а чтобы она опять под ём была, он подол захватывает. Это ещё у невесты, когда косу-то расплетут». (Зап. от Бисеровой А. К., д. Дубровка.)

В местной традиции существует несколько вариантов начала столования. Так, например, в д. Кукольная, д. Дубровка обрядовая трапеза начиналась сразу после переодевания невесты в доме жениха и вывода девушки из-за занавеси *пред столы*. «Как к жениху приедут, там невеста переодевается, жениху пить подавать будет и всем гостям. Переоденется, полотенца все развешат, сама невеста это делает, ей сваха помогает. Перво сваха идёт одна, невесту там снаряжать, а потом выйдет и жених, они двое выведут невесту. Оба за руки возьмут и ведут, садятся за стол, жених по праву сторону, а сваха по левую сторону» (Кукольная). «За полотенце жених выводит, а потом опять это полотенце на колени» (Дубровка). Здесь же, за занавесью, невесте втыкали иголки в одежду, в волосы, пытаясь таким

образом сберечь девушку от колдунов: «Вот иголочку с ниточкой в подол сделает невеста, и иголлка была в платок, вот так, на голове, тоже с ниткой, кромку-то подгибали, напротив лба за эту кромку-то и сделают иголлку». (Зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р., д. Таволожанка.)

В с. Юм, д. Ташкинова, д. Пож столование начиналось после возвращения молодожёнов с *подклета*. К этому времени в дом жениха уже приезжали *погоняхи* – родители невесты, привозившие приданое. «Родители привезли сундук, тожно свадьба началась, весельство, тогда подарки молодка дарит, свадебжан там призывают, всё песнями» (Тимина). «Молодые посидят, поедят, одной вилкой и ложкой, потом их сразу на подклет уводят, это ещё до приезда родителей невесты. Молодых зимой нередко уводили в голбец – для испытания верности. В это время им поют песню: «Как да во в тереме свеченьки ясно горят, как да во всё да притаивают, Ваню с Ириной спать да укладывают». Пока молодые на подклете, свадебшане готовятся к *столованию*» (Пож). «Вот ещё родители ехали, погоняхи как, привозили чемодан у невесты. Родителей встречают, родители у жениха выйдут навстречу, поклонятся друг дружке, напоят их брагой, пивом» (Таволожанка). «Погоняхи приехали, их в сенях встретили, там поклонились и подали им пиво, брагу, водку. Мать у невесты привезёт подарки-то, повесит полотенце на печки, скатерть обязательно на стол постелет, полотенца повесят длинные» (Пож). «Вот приедут со сдарьём, заносят коробью. Если невеста богатая, не ленивая, у неё должны быть полотенца, много полотенец. Приезжают столовать, стол ещё голый, на столе только челпан и соль, ждали всю родню, до тех пор не садились за стол и не начинали пировать, пока родители у невесты не приедут. Их встречали, они бутылку привезут, пирог рыбный» (Пож). «Едут к жениху. Лошадь вся с ленточками. Тысячка везёт брагу и всех поит. Молодые посидят немного со всеми, их ведут на подклет, спать уложат. Невеста должна снимать сапоги у жениха, а у него там денежки. А потом каких-нибудь там полчаса-час не пройдёт, поднимают, снова ведут, опять гуляют, тут уж родители приедут»

(Юм). «На подклет провожает сваха – немытая рубаха, неколоченный дубас. Вот она скажет: «Ложитесь вдвоём, вставайте втроём, на поле пойдём пятеро да шестеро». У жениха тысячка, у невесты сваха – они ведут их спать, укладывают. Там целоваться велят, обниматься. Молодым-то ещё покажут, как уложить надо невесту, ей – на руку к жениху, ему – ногой обнять. Погоняхи приедут, на стол скатёрочку стелют, полотенце тоже» (Ташкинова). «На подклет дружка провожал с нагайкой, в голбец где-ко немного уведут полежать и обратно» (Тимина). «Спать будут ложиться, постель стелет сваха и тысячка. Потом ведут молодых спать, песни поют. Вели тысячка и сваха, зимой клали на полати. Родители-то приедут, их уже будят, молодых-то» (Таволожанка). «Когда приезжали отец и мать невесты, тогда столованье. Молодых тут же подняли, стали проверять на верность, хоть простыню не выносили, а слава разносилась» (Пож). «Вот у жениха-то гости все собрались, погоняха приезжает, приданое привозит, с ней сестра старшая. Они зайдут, постель стелют, пирог рыбной, украсят там всё». (Зап. от Першиной Е. Д., 1937 г. р., д. Таволожанка.) «Приданое привезут погоняхи в дом жениха и развешивают на стены, вот какая невеста, мол, рукодельница». (Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г. р., д. Балда.)

Существуют варианты традиции, где завершением обрядового отправления молодых на брачную постель является переодевание жениха и невесты: «Мы посидели, покушали, нас на подклет повели, в голбец. Сваха повела. На подклет-то побыли, тут уже тятка, мамка приезжают, мы стали выходить из голбца, нас водой тут брызгали. Кружечка была, брызнут, и ещё сдували, наливают воду, дуют. В сторону сдуют, налево, раза три так сделают, это сваха делала. Тут уже сели за стол, а до того нас опять переодевали. Сразу на середь, всё снимают, мама невесты привезла сменку, а хозяин тоже снял, надел которо моё привезли, его снарядили, за стол уже тогда нас посадили». (Зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р., д. Таволожанка.)

Обрядовая трапеза, именуемая *столованьем*, в Юрлинской традиции включала не только угощение за столом и демонстрацию приданого невесты. Во время праздничного обеда свадебжане обменивались дарами, пили за здоровье молодых, *золотили столы*. «Как в дом зашли, молодых за стол посадили, тут большая дружка приговаривает: «У этого родимого батюшка есть родима матушка. Подойди поближе, поклонись пониже, спей пива пьяного, спей, не поморгуй, повыкушай всё». Ко всем по очереди подходит, каждому эти слова говорит, и каждого за стол сажает, по очереди, перво родню, а потом гостей приговаривает. Вот выпили, дружка опять: «Голове на веселье, душе на спасенье, по костям как постное масло». Тут дают деньги невесте и жениху, кладут их. Если выпьет человек, деньги в кружку ложит, отвечает: «Спасибо-де вам, спасибо». – «Спасибо великое за ваши подарки», – дружка отвечает. Дружка-то вино наливает сам и сам подаёт, ведро ставят. Кого приглашает, те к нему подходят, он сам-то за столом. Кого пригласит, тот пьёт, потом денежку молодым даёт. Всех гостей приговаривал, потом на столы накрывают и кушают, а дружка уже всё, отходит». (Зап. от Черемных А. М., 1922 г. р., д. Липухина.) «Когда нас за стол посадили, дак гости всё под стол, под скатёрку нам деньги клали, где сидели». (Зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р., д. Таволожанка.) «В столованье ещё стол золотят. На стол кладут тарелочку, хозяин первый подходит и мелочь в тарелку «чак», столик золотит, кто рублёвку, кто копеечку, каждый кладёт» (Булдыри). «Пить тут дружка подаёт, по рюмочке: «Пожалуйста, подходите, кто желает. Я наливаю маленькую чарочку, чарочка у меня золотая, серебряная». Так он наговаривает, подойдут к нему, выпьют» (Миронова). «Всех за столы усадит дружка, а сам продолжает: «Мой-де новображной ясной сокол со тысячкой, со свахонькой с хорошаванькой. У нашего князя молодого, новображного ясного сокола есть тятенька родимой, есть мамонька родимая. У нашей княжны молодой есть тятенька родимой, есть мамонька родимая. Можно – не можно пиры пировать, пора – не пора столы столовать?» – «Пора!» – «Что есть в печи,

тащи на плече. Что есть в залавке, кати по лавке. Что есть в голбце, тащите молча». (*Зап. от Пикулевой А. А., 1928 г. р., д. Тимина.*) «Первое угощение — рыбный пирог, его обязательно тысячка резал, корку снимал» (*Таволожанка*). Дружка велит родителям молодых: «Подойдите поближе, поклонитесь пониже», — подаёт по стопке. — «На тук, на силу, на божью милость, голове на похмелье, душе на веселье, пусть будет сладко, пусть будет ясно, испейте немножко, да выпейте всё». (*Зап. от Копытовой Т. И., 1941 г. р., Никитиной Г. А., д. Пож.*) Еще один приговор дружки — «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, стоит наш князь новобрачный, ясный сокол, за столами дубовыми, за скатерками шелковыми, за яствами медянными, за питьями сахарными, со княжной молодой. Есть же у князя молодого, у князьины молодой родимый батюшка, есть ли у князя молодого, у князьины молодой родимая матушка? Не будьте вы упрямы, не будьте уклемы, будьте веселы, радошны, сердцем потешны. Подойдите поближе, поклонитесь пониже, примите винную чару — горяч пировару! Испейте маленько, повыкушайте всё!» (*Пож*).

«Все сидят за столами, молодые кушают одной ложкой» (*Юрла*). «Невеста всё тут же сидит, никуда отлучиться не может, караулят её. Вот если куда поведут, так дружка ведёт через людей: «Простите меня, чтобы на ножки не наступить, за белы груди не хватить, бесчестье-то не заплатить». Место невесты тут уж караулили, там жених, тысячкой, крёстна, как только невеста пошла, дружка тут же заговорит, жених-то место тогда и караулит». (*Зап. от Пикулевой А. А., 1928 г. р., д. Тимина.*)

Особым ритуальным действием столования являлось дарение подарков и угощение гостей квасом и пивом. Невеста величала по имени каждого гостя, которому подавала пиво. «С подклета приведут, тожно невеста пить подаёт, кринку делит» (*Ташкинова*). «Она переболокётся, переоденется, уведут на середь её и тожно ей дадут кружку, поставят ведро брагу, поварёшку дадут, и она всех родственников поит, всех гостей». (*Зап. от Бисеровой А. К., д. Дубровка.*) «Пить подавать невеста будет, тогда полотенца вешают.

Невеста сама наливает квасок, пиво, брагу, а водку жених подаёт. Невеста никого не вызывает, сама ходит ко всем» (*Пестерёва*). «Невеста подаёт перво-то матери да отцу, спросит: «Как звать?» — «По старинному зови». Вот она и скажет: «Батюшка, пей, матушка, пей», — потом также к баушке, деверьям» (*Липухина*). Пить невеста кое-где подавала под матицей (*Таволожанка*), платье, в котором она подавала, затем хранила как реликвию (*Пож*).

Нередко в этот момент дружка произносил особый приговор: «Есть у нас в этом доме, в этом терему, есть у нас хозяин с хозяйшкой, со своею семеюшкой, есть князина молодой со тысячкой, со свахонькой, с хорошахонькой? Время ли, сват, пиры пировать?» — «Время!» — «Есть у нас хозяин родимой?» — «Есть!» — «Приступись ты поближе, поклонись ты пониже, не будь ты упрям, не будь ты вихлям, сердцем потешный, словом радостный, испей маленько, голове на веселье, душе на спасенье». Под эти слова хозяин подходит к столу, а жених и невеста ему подают пить. Отец пьет, потом приговаривает: «Вот живите хорошо, да нас не бросайте». Потом так же мать приговаривает». (*Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.*) «Невесту заставят пить подавать: «Вот тебе миска ли, кринка, подавай. Тут песню поют: «Кому-де пить подавать?» Как родителям будет подавать, тут свадьбовшана и запоют. Вынесут поближе кринку ли, миску с брагой, на стул поставят, вот и наливать невеста начнёт. К каждому подходит и подаёт, называет именем, потом уже всем по очереди подаёт» (*Кукольная*). «Невеста перво жениха поит, ему поднесёт и по имени назовёт, мол, выпей, потом свёкру, свекровке подаёт, их тоже по имени называет, раз пришла на чужой пол, надо ведь как-то назвать там, братьям подаёт, деверям, золовкам — всех надо напоить, всех надо как-нибудь взвеличать. Вот невеста подала, потом уже жених начинает подавать, он должен всю родню невесты напоить и тоже взвеличать на имя, а как пить подали, тогда уже подарки дарить начинают. Пить подавать начали, так у нас запели: «Ой, баяли Светлане, мы бы стали говорить» (*Пож*). «Невеста угощает, а кто-нибудь скажет: «Ой, со-

лома что ли попала в кружке?» – это надо, значит, целовать жениха» (Юм). «Говорят: «Ой, горько, да ой, у вас там мякины накладено», – целовать велют жениха» (Кукольная). «Бросят мусор или солому в кринку, скажут: «Ой, чё-ко де там тычет в губы-те». Это целоваться надо, невесте жениха, молодке-то» (Таволожанка). «Вот со столованья-то и начинают гонять жениха и невесту. В кружки соломы положат, крошек и кричат: «Ой, не пьётся, попало мне где-то там, ну-ко, жених, доставать надо». Жених тогда встаёт, и невеста тоже, и начинают целоваться. Гости опять орут: «Чё-то в губы тычется, кто ко мне в губы прямо ткнул, тараканы нападали, что ли, ой, де хлам тамо!» Молодые опять целуются». (Зап. от Пикулевой А. М., 1937 г. р., д. Пож.) «Невеста идет целовать жениха, раз гости кричат, до того его исцелует, щеки изнаются» (Ташинова).

«Вот, поели, попили, заставили невесту всё развешивать, ящик-то. Развешиват полотенца, на окна занавески, всё своё развешала, тожно подарки свекровке, свёкру дарит. Много полотенце, так богата невеста-то. Мне чемодан на стул поставили и подходить велели, кому подарки. Всех по имени звали, а свекровку-то уж мамкой, ей ведь передала я подарок и назвала её» (Миронова). «Невеста сама дарить начинает, тогда уже она к себе пригаркивает по имени, там «батюшка», «матушка», дарит всем, кому на рукава, золовкам – пояски, деверьям – опояски. Вот так первый-то день, пока сном не пали – всё гуляли» (Пож). «Песнями вот вызывают какого человека, тому и дарят, он подходит, ему невеста и дарит. Дружка и свадебжана были, например, вызовут кого, он деньги несёт, должен стол позолотить – копейки в чашку бросить. Деньги положат, тожно «спасибо» скажут. Если парень бросит, ему девки невесту посулят, девке опять парня хорошего» (Юм). «В столованье-то невеста дарила поясочки тканые, холст отрежут на рубашку, на рукава сватье три четверти, тысячке холст на штаны давала, дружкам невеста дарила по платку, пояса дарила маленьким ребятишкам. Слуга-то мать ходит, дарит подарочки-то, в запоне носит тому-другому» (Булды-

ри). «В столованье дарят, а вот у нас дружка был, ему-то ничё на руки не бросили. «Ох, ох, ничего не подарили. О, ручки-то жжёт, болит жо, а живите как кошка да собачка», – сидит и руками трясёт, вертит всяко, пальцами перебирает» (Тимина).

В д. Мухоморка подарки родственникам жениха дарила не сама девушка, а её родители. «Папа, мама ездили в погоняхи, всё привозят, потом дарят, тут ещё песню пели: «Есть калиновый ящичек». Там дарили крёстному, крёстне. Это невеста дарит не сама, а отец да мать дарят-то. Они откроют ящик ли, в мешке ли привезут, богатые, дак в ящике. Вот привезли, поужинали, тожно дарят. Родственники сидят, а мать с отцом подарок-то им подносит, кому чё». (Зап. от Осташовой К. П., 1924 г. р., д. Мухоморка.)

Подклет

Ближе к вечеру молодых уводили ночевать на подклет. Свадебные гуляния на этом не заканчивались, веселье продолжалось до самого утра. «Свадьба к концу, тожно молодых поведут на подклет *вечью пробивать*, сваха ведёт, остальные остаются догуливать». (Зап. от Овчинниковой А. В., д. Кукольная.) «Молодых в голбец уводила крёстна» (Келич); «спать в голбец уводили сваха да тысяцкий, крёстной» (Липухина); «сваха от невесты, а дружка от жениха ведут молодых на подклет» (Липухина). Стараясь обезопасить молодожёнов от всяких напастей, сваха обязательно проверяла приготовленную для молодых постель: «Были случаи, что собачью шерсть положат, так молодые поссорятся. Сваха ходила, все это смотрела» (Кукольная); «в постель-то могли положить мясо кусок или церковную свечку, спортить чтоб» (Усть-Зула).

На подклете сваха и крёстный укладывали молодых в постель. Процедура укладывания сопровождалась всевозможными магическими и игровыми действиями названных родителей жениха и невесты. «На подклет повела крёстна,

невесту на ручку к нему уложит» (*Черепанова*). «Невесту на подклет ведут, дак шубу оденут, платок, шаль, да столько узлов навяжут, на спине-то. Шаль под подбородок, потом подмышками и на спине завязывают узлами, много узлов навяжут, чтобы жених потрудился. Жених ее развязывает, снимает всё. Узлов-то много – это чтобы ребят де много было, это всё сваха вяжет. На подклет-то принародно одевают, на смех будто, варежки оденут ещё». (*Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г. р., д. Балда.*) В районе зафиксировано ещё несколько вариантов надения жениха и невесты особой силой, направленной на воспроизведение потомства, на приплод скота и урожай: «Тысеча и сваха молодых вели в чулан ли в житницу, зимой на полати, с собой молодым пирог нашивали» (*Ананькина*). «Молодых уведут спать на подклет, с собой дают пирог позорённый, рыбный, так звали» (*Липухина*). «Сваха молодых в голбец провожала, там пирог несли, молодым на колени клали. Жених с невестой пирог поедят, тогда им скажут: «Ложитесь вдвоём, вставайте втроём» (*Булдыри*). «Хлеб с собой давали, ак хлеб-то этот в голбце, три ночи вот мы спали в голбце, как на подклет увели, там этот хлеб заставили исть. Дружка стоял с нагайкой: «Давайте, ешьте хлеб». Нагайкой хлоп» (*Миронова*). «Чтобы плотно друг к другу легли, тысячка, дружка ли – раз ремнём молодых-то, стегал: «Ложитесь вдвоём, вставайте втроём». (*Зап. от Лехановой К. П., 1921 г. р., д. Тимина.*)

«На подклет ведёт сваха, тысячка: «Ложитесь вдвоём, вставайте втроём». Водили в голбец, в хлев ли, в чулан, летом дак, зимой в голбец». (*Зап. от Ефимовой М. А., 1920 г. р., д. Пестерёва*). Свадебжане старались контролировать молодожёнов на брачном ложе. Для этого сваха несколько раз за ночь ходила к жениху и невесте, наблюдала, советовала, после чего шла к гостям и докладывала обо всём, что увидела. «На подклет сваха-то ходит дозировать молодых, как раздеват он её тамо, как чё. Потом приходит к гостям, сказыват всё: «Шевелятся де, шевелятся». Или так: «Уложил де её на руку, обнял, поцеловал», – все это сваха-то сказывала». (*Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г. р., д. Бал-*

да.) «Когда молодые спали, дружка ложился на порог и слушал, чё там делают молодые» (*Тимина*).

«Когда молодых повели спать, невеста должна была разуть жениха и взять себе деньги из сапога. Когда ложились в постель, жених ложился первым, а невеста прыгала через него со словами: «Мне рожать, тебе мучаться», – и так три раза перескакивала через жениха» (*Пож*). «Невеста ложиться станет, скажет: «Пусти меня ночку почевать, с тобой век коротать». (*Зап. от Пикулевой А. А., 1928 г. р., д. Тимина.*)

Пирожный день

Пирожный день (или «*пирожное*» – Таволожанка), второй день свадьбы, считали в местной традиции одним из самых ответственных для жениха и невесты. С раннего утра до поздней ночи свадебжане устраивали испытания для новожёнов, заставляли каждого из них демонстрировать навыки ведения хозяйства.

Крёстный и крёстная шли будить жениха с невестой, проверяли верность невесты жениху и под наговоры большого дружки собирали столы (*Таволожанка*). «Утром молодых будили сваха и тысячка. Жениху и невесте надо было дружно встать, враз вскочить. Кто дольше оставался в постели, того чирьи потом будут мучать». (*Зап. от Пикулевой А. А., 1928 г. р., д. Тимина.*) Чаще всего утро молодые начинали с уборки помещения: выметали солому, застилали столы скатертями из приданого невесты, готовили питьё для свадебжан. «У нас столькостряпни настряпано было, вот угоры. Гляжу, на улице народу, ну, как вроде нанесло лес водой – все спят. Мужики напились, а бабы нет, играть начали. В пирожный день похабщины не было, пировать пировали, но не наряжались, плясали, пели только» (*Пож*). «Первая девка должна вставать. Встанет, в избе выметет, весь мусор уберёт, ей жених помогает. Тут опять мусор бросают, деньги» (*Пестерёва*). «Утром кричат: «Давайте, подъём, молодёжь, вставайте». Это собирать

сено-то, деньги-то. Тут уж все свадебшана помогают» (*Миронова*). «Невеста выпалась, встали они, умылись, невеста начинает прибирать в доме. Вот тут один солому несёт, другой сено, кто деньги бросат. Вот набросают, она сметёт кое-что. Сгрудит, а зайдут да снова всё распнут. А раз ты рассвистал, брось денежку. Вот она собирает эти деньги. Ещё на потолок деньги-то лепили, а потом надо, чтобы невеста языком достала. Её жених поднимал». (*Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г. р., д. Балда.*) «Свадьбу раньше на голый пол не приводили. Вот пляшут, эту солому мнут, ночь всю, соломы-то до лавки было, потом утром жених убирает, невеста метёт, над ней *быргают*, снова бросают с деньгами, мусор бросают, она собирает, ей снова бросают» (*Таволожанка*). «Зашли в избу, стала невеста пол мести, навалили денег-то и соломы. Жених-то сильный был, вёрткой, бабы-то еще ничё, а мужики-то больше всего ломаются, как он начал их выкидывать из дверей, а сами быстро солому в мешок собрали. Всё замели, они опять начали на потолок деньги лепить на слюну, тут невеста стул поставит, собирает. Они ещё пнут стул-то. Жених-от сам хватат только, хватат. Дак они с потолка только рублей пятьсот нахватили» (*Юрла*).

«Второй день невесту сразу к *шошку* поставят, пироги печь» (*Пож*). «Молодых опять дрова пилить заставляли» (*Тимина*). Очень часто невесту отправляли за водой. Посещение молодой колодца или реки считали важным событием, своеобразным знаком приобщения девушки к новой родне, хозяйству, наконец, к новой социальной роли замужней. «Молодых отправляли за водой, хлеб отрежут, деньги в него сунут, это чтобы вода приняла нового человека, чтобы было ей тут хорошо, она в колодец это опускает» (*Пож*). «Пока не съездим к матери, мне не дали стряпать, по воду не пускали. «Чё так сидеть-то буду?» Воткнула в кусочек хлеба денежку и пошла. «Ну, ладно, иди, хлебушко-то брось в воду!» Я пошла, хлеб с денежкой бросила, тожно стала воду носить». (*Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья.*) «По воду ходят, смотрели, как невеста воду несёт, если вода плескается, жених пьяница, выльют ещё

свадебники-то, пусть, мол, ещё сходит невеста раз» (*Чужья*). «По воду ходили: придут, денежку бросят, невеста в реку бросала, воду черпала, выкупала как и домой несла полные вёдра» (*Пестерёва*). «За водой уж невеста пошла, подарок готовит воде, каку ленточку или кусок хлеба в колодец или реку, чтоб воду подарить, прямо в колодец бросат, а потом воду черпат: «Я тебя подарила, а мене попить дай» (*Тимина*). «Невеста даже мыться на реку пойдёт, тоже воду выкупат. Воду выкупают до солнца, домой-то несут полведра, чтобы никто не видел» (*Зарубина*). «За водой пошли мы с Ваней оба, надо ведь поновить де, серебро бросить, хлебушко кусочек. Мы успели, нас никто и не успел облить-то. Это я поновила воду-то, хлебушко бросила, деньги бросила». (*Зап. от Петуховой З. Е., 1931 г. р., д. Келич.*) «Ещё по воду ходили, невеста рано утром идёт, каравай хлеба несёт в колодец. На колодец-то нас не пускают, на крышечку-то сели, выкуп просят. Черпнули мы, а они вперёд нас, да нас обливает водой-то» (*Таволожанка*). «В колодец-то невеста обязательно краюшку хлеба кидала, колодец причащат. Кто эту краюшку потянет, к кому в ведро попадёт, тому счастье» (*Таволожанка*).

«Утром невеста идёт на колодец, там в колодец хлеб обязательно бросит, а воду несёт скоту» (*Ташкинова*). «В колодец невеста кусочек хлеба и деньги бросала. Это как подарок от себя. Деньги в хлеб воткнёт и хлеб в колодец бросит. Если наверху плавает, его потом зачерпнут и воду скотине вместе с хлебом скормят» (*Кукольная*). «Ещё пирожный стол, невесту за водой посылают, она хлебушек краюшку отрежет и в колодец бросит. Четвертинку так бросит, только ведром-то не велят причерпывать, другой уже раз пойдёшь, тогда хлебушко-то можно черпнуть обратно в ведро. А первый-то дружок несёшь, не надо поддевать. А уж потом можно черпнуть, скотине его выпоят. Свекровка-то скажет: «Иди, пой корову-то» (*Черепанова*). «Вот по воду пошла невеста, в колодец-то бросает хлебушек, денежку и соль ещё. Вот воду подарила, как ведь люди делают, так и безлюдье. Это когда по воду пошла первый раз, на колодец-то, как пришла жить, мы оба с жени-

хом пошли. Вот если черпнул ведро с хлебом, скотине его выпоят, собакам-то кормить не надо, плохая примета. Надо, чтобы скотина его съела» (*Балда*). «Молодку отправляют на колодец и дают ей краюшку или денежку. Набирая воду, молодка приговаривает: «Матушка водица, прими меня в свою семью» (*Юрла*). Иногда невесте, перед тем как ей идти *золотить колодец*, в карман клали клей, чтоб он пал в колодец («сам по себе, незаметно для неё»), чтобы не тосковать по родителям (*Липухина*).

Обязательным для невесты в пирожный день являлось изготовление морковных, *калежных* пирогов, *картошных*, *заспанных*, сырных шанег. «На утро уже столованье. Вот встали, невесту заставили делать *египку*, тесто как: «Вот, давай, мол, делай, сёдне будем стряпать, пирожный стол ведь» (*Таволожанка*). «Свекровка с утра кудельку принесёт, испытывают невесту: «Ну-ко, бойкая, нет?» Она прядёт, а жених скотину кормит. Потом печь истопят, муку принесут, велят тесто заводить, сочни скать» (*Юм*). «Утром невеста должна угощать гостей. Вот у нас Клавдия Селиверстовна говорила: «Меня к шестку поставили, дали две сковородки. А мне двумя-то и делать нечего: «Дайте, – говорю, – три, я на трёх буду пекчи» (*Пож*). «Невеста пироги, ватрушки обязательно делает и сочни скёт: «Умеет ли, нет, делать-то» – на неё смотрят. Ей помогают, раз привезли, дак надо ведь выхвалить невесту-то» (*Балда*). «Простолуют, а тожно онять пирожный стол. Утром встаёт невеста, а её везут, она муку гребёт, дадут ей тазик, покажут, где мука, она нагребёт, шаньги, пироги пекёт, челпашки делат» (*Дубровка*). «Во второй день-то у нас ещё пельмени стряпали, в них угли накладывают, в тесто-то, соль, заветные как делали, вот если исполниться чему, пусть этому попадёт» (*Пож*).

После приготовлений невеста начинает собирать на стол. «На другой день, вот, невеста ночует, на стол накрывают, большая дружка встаёт, все встают, и дружка начинает: «Вот, мол, давайте, несите, завели прибыль в доме. Работница, неси на стол всё, что есть в голбче – неси молча» (*Балда*). Гости не садились за стол до тех пор, пока

снова не выкупали место, посуду, приготовленные невестой свадебные пироги. «На второе утро выкупают пирог, ложки выкупают, рюмку. Когда пирог выкупали, клали на него деньги. Пока ложки не выкупят, за стол не садятся, ложку выкупил, сел» (*Усть-Зула*). Приготовленные блюда появлялись на свадебном столе в определённом порядке. Чаще всего столованье начинали с рыбного пирога, потом приносила коврига, заканчивали подношения кислой капустой. «Ковригу запекали на второй день, в неё деньги запекали, её выносили после пирога, там надо было деньги искать, вот молодые и глядят, где-ко чё. Жених начинает ковригу с середины резать, деньги ищет» (*Усть-Зула*).

Во время столованья невеста подавала свадебжанам питьё, приготовленное из воды, принесённой ей утром с колодца, раздаривала подарки. «Невеста за водой идёт, и этой водой невесту заставят брагу цедить. Потом этой брагой поит гостей. Все сидят, она к каждому подходит» (*Таволожанка*). Во это время гости куражились над молодыми, шутками да прибаутками заставляли их целоваться, мешали невесте и жениху наливать брагу в стаканы. «Заставляли пить подавать: «Ну-ко, бойкая, нет у нас будет сноха. Если бойкая, быстро нальет, тихая – рукав сунут в бочку-то, до плеча запихают. Если рукав-то обмочили, выйдешь с мокрым рукавом, свадьба вся засмеются, надо переодеваться. Состряпались, люди собрались, за стол их опять. Обедать гостей посадили, ой, меня и погоняли тут с питьём. Вот то иголка попадёт, то палка – это велят целовать жениха» (*Таволожанка*). «Пить подаёт невеста, на второй день ведро пиво поставят на стол, она всех и поит, а гости кричат: «Горько, там сено попало». (*Зап. от Светлаковой Ф. Ф., 1920 г. р., с. Юрла.*) Застолье последнего дня заканчивалось всеобщим весельем, песнями и пляской. Здесь же продолжались испытания жениха и невесты. «Чурку занесут, мелочь начнут деньги забивать, чтобы он успевал, добывал. Невеста жениху-то: «На пассатижи в карман». Он ходко-ходко все деньги выдернет. Тожно деньги клали ещё и на стол. Он победил, значит, ему должны благодарность дать» (*Келич*). «Мужа заставляют

ещё сделать прясницу, он в первые же дни и делает» (Пож). «Ещё в стиральном корыте тащили свекровь в баню. Это на второй день уже, после свадьбы» (Келич).

«Пирожный стол пройдёт, все разъезжаются. Последнее тут подавали грибы или капусту» (Черепанова); «заканчивали свадьбу квашеной капустой». (Тимина). «Второй день — пирожный, всё, последний был, а засидевшихся гостей выгоняли: «Добрые люди, ближние люди, попили, поели, а теперь пора гостям к лешему. Добрые люди, дальние люди, разъезжайтесь, ближние люди, расходитесь» (Пож). «Молодые провожают гостей не до ворот, только за двери выведут, и всё» (Пестерёва). «Молодке нельзя провожать свадебшан» (Ананькина). Так завершали свадебные гуляния в доме жениха, но не сам обряд бракосочетания. Проводив гостей, жених и невеста начинали готовиться к *хлебному вечеру* и *гоститьбе* (так в местной традиции называли посещения молодожёнами родителей невесты и близких родственников в течение нескольких месяцев, а то и года после свадьбы).

Хлебный вечер. Гоститьба

Хлибины, нахлибенное, хлибенное, хлебный вечер — так называли в местной традиции первое после свадьбы посещение женихом и невестой родителей девушки. Визит молодожёнов начинался с ритуального приглашения: «На *хлибенное* едут когда, утром приедут с челпашком или *мушником* — это как приглашение. На нахлибенное ездил и жених, а также свёкор и свекровка, деверья, золовки. Зятя теща блинами кормит» (Ананькина). «Приглашать на хлибины шли с пирогом. Пригласят, а вечером уже хлибины. Ещё к пирогу-то что-то вроде подарка несут» (Пож). «Пирожный стол отпировали, а на завтра мы пошли к моей маме как на хлебный вечер, на блины, поели и спать. Жених говорил: «Спасибо, теща, за то, что жена заменила мать». (Зап. от Першиной Е. Д., 1937 г. р., д. Таволожанка.) «Нахлибины сделают, теща блины пекёт для зятя, для же-

ниха, жених за то деньги теще клал». (Зап. от Густеровой М. А., 1930 г. р., д. Келич.) «Мама позвали на хлебины, вот мы с хозяином ездили. Блины, пироги у нее, всякая всячина. На блины жених клал платок, на платок деньги. Мама блины стряпает, носит, а хозяин-то мой блины бросат на лавку, за стол: «Ну, теща, я ведь у тебя всё опрял. Больше не стряпай». (Зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р., д. Таволожанка.) «Родители в гости зовут зятя с женой уже, гоститьба, нахлебины. Сделают блины, поставят латку масла, чтобы зять макал. Который бойкий, теща пекёт, а он всё прячет. «Ты чё, зять, такой жадный?» Он спрячет, а она всё пекёт, старается. Если деньги есть, то выкупать заставляют блины-то. Это как блины золотят, теще за труды». (Зап. от Трушниковой А. М., 1932 г. р., д. Ташикинова.) «Первый раз в гости едут молодые на блины, подарок ложит теща на блины, там опояску ли, чего ли, жених деньги кладет, теща эти деньги забирала. На стол теща блины поставит, на блинах уже подарочек. Он берёт подарок, а потом деньги на блины кладёт». (Зап. от Бартовой Т. И., 1928 г. р., д. Таволожанка.) «Хлибенное — тут в первую очередь молодых родители невесты приглашают. Вот пришли к теще, тут стопочку блинов большим блином сверху-то закрыли, а на блины жених деньги ложит, теще-то, блины выкупает. Верхний блин жених берёт и выкусывает серёдку, маленько, раз жена хорошая. На хлибенное едут, подарки везут ещё родителям-то». (Зап. от Черемных А. М., 1922 г. р., д. Липухина.) «Блины принесут, первый блин жених укусыват в середине. Умная, целая девка дак, маленько выкусит, девка бает: «Мамэ, гляди!» А там уж, если пролетёная, то уж он выкусыват окошко цело». (Зап. от Ефремовой А. П., 1930 г. р., д. Зарубина.) «Перед зятя ставит теща сковороду, а зять должен так показать, если девушка хорошая была, он блин немножко кусал. А ещё ему на голову теща блин положит». (Зап. от Светлаковой Ф. Ф., 1920 г. р., с. Юрла.)

«После свадьбы-то ещё мы ко крёстне пошли, так она горячий блин жениху-то бросала, ещё материал ему на рубашку на блиночки положила, газетку и этот материал,

потом опять газетка, а тожно блин, это с головы парня». (Зап. от Кудымовой З. С., 1936 г. р., д. Миронова.) «На хлибины ездили на Масленицу, к теще на блины. У тещи жених с невестой обязательно должны были ночевать. Утром теща блины напечёт, зятю ещё в постели, теща возьмёт первый блин со сковорды-то, зятю бросит на голову, бросит да ещё не на голову попадёт, на шею куда-ко, прикалит» (Пож). «К теще на блины ездили, так теща со сковорды первый блин жениху на голову бросала, потом уже всю стопку блинов вынесет, сверху на блины теща клала портянку, свёрнутую и обвязанную опояской, так и подавала. Жених брал портянку себе как подарок» (Тимина). «Позовут на хлибины-то, теща блины-то состряпат, портянки, портя на блины-то положит, ещё блин зятю на лоб кинет, сначала на лоб кинет, потом на сковороде уже на стол принесёт блины, сверху портянки свернут, поесья вокруг портянок навьют и на блины положат и тащат на стол. Жених берёт эти портянки с поесьями себе, а потом все едят блины». (Зап. от Вилесовой М. М., 1919 г. р., д. Тимина.)

Обрядовые посещения молодой парой родных и близких называли *гоститьбой*. Считалось крайне важным побывать жениху и невесте с ответным визитом у тех родственников, которые были на свадьбе. «После свадьбы всех родственников приглашали в гости — этот была гоститьба» (Юрла). «Гостей зовут у жениха родители, родню невесты-то, это уж мы неделю прожили, и наоборот. Утром с пирогом, с питьём едут сначала звать родню, а тожно они тоже. Это уж гостятся. Утром с приглашением едут, а вечером уже гостятся. Родители с приглашением приедут утром, пирог покушают» (Тимина). «Как подольше поживут, сделают гоститьбу, новую гоститьбу сначала делают, как к невесте, потом уже к жениху, там уже близкая родня приезжает» (Миронова).

Свадьба убегом

В деревнях, где были сильны старообрядческие традиции, нередко можно услышать рассказы о свадьбе *убегом*. Эта форма заключения брака предполагала кражу девушки, выкуп, так называемую *мирову* и гостевание.

«Подкрадыва я, крадом ушла замуж. Вот в Масленку катались раньше, дак даже с угору девку увозили. Её как сватать приехали, родители заперечили. Убегом уваживали, если девка согласна, а родители не отпускают, она уйдёт к соседям, отсюда её и заберут. Потом мириться приезжали» (Дубровка). «У одной невесты как-то два жениха враз сидели. Вот она не идёт, ни за какого жениха не идёт как бы. И родители не отдают. Ну, они сидели-сидели: «Ну, что мы сидеть-то будем, если невеста не идёт, поедем». Поехали, а невеста-то за имя вышла. Они её в тулуп завернули да увезли. А родители сидят, ждут — убегом ушла девка-то» (Кукольная).

«Свадьба убегом была, дак потом ездили мириться свекровь, отец у жениха, сам жених с невестой. Сестры у невесты тут за стол сели, не пускают, а чё, надо выкуп. Пять бутылок привозили с собой, это на стол было приготовлено, по углам ставили и в середину. Молодые родителям в ноги падали, родители поднимали молодых, икону заставляли целовать (Пож). «Убегом ушли вот мы, а потом мириться пошли, там все приготовлено было. Свёкор пошёл и свекровка, хозяин мой. Нам там говорят: «С молитвой живите». Свёкор, свекровка вино принесли. Вино пили, *свадебешны* песни пели» (Келич). «Придут молодые, в ноги падут, бывало, родители нашлапают девку, навьют, когда мирятся. Потом их благословят, поднимут» (Дубровка). «Не спросила не у отца, не у матери, ушла взамуж. Ходили на мировую потом, вино уносили четыре бутылки, стол четырёхугольный, вот и надо, чтобы на каждый угол по бутылке. Мы с Витюшей стояли два с половиной часа на ногах, пока мама, папа не помирились. Не садились, ждали всё. Потом как согласились тятя и мама, мы пали на колени, оне нас подняли и стали накрывать на стол, поели, по-

пили, песен запели, вот и всё, и мир стал. На мировую-то пришли, мы-то за брус в избе не переходили, тут стояли. А родители его за брус перешли, уговаривали тятю с мамой, с тем поговорят, с другим, помирили. Ещё когда на мировую поехали, хлеб челпан взяли, вино. Пока не помирили, вино и хлеб на стол не ставили, потом как уже согласились, тятя покойный: «Чё, старуха, сделаешь, как ушли, так пусть живут, помирим уже, куды её девашь, как она будет жить». Пожалели. Мама-то сковородником меня ещё по спине зданула, на кухне-то, как могла, так и пздёрнула». (Зап. от Фадеевой М. Д., 1939 г. р., д. Балда.) «Добром отдавали, а вот ещё убогом отдавали, крадом, потом молодые едут мириться. Едет мать жениха, отец, жених, невеста, крёстного возьмут. Приедут мириться, ещё тут ломаются, не мирят, бьются. Водку тут привозили, пироги рыбный. Приедут, разговорят, с полатай родителей спустят, тожно молодые падали в ноги. Раз падут, их поднимут, два падут – их опять поднимут, третий раз падут. Три раза падут в ноги, тожно гоститься будут. Дня три пройдёт, тожно в гости зовут молодых-то. Отец съездит, позовёт: «Давайте, едьте в гости, кого надо, с собой привезите». Дак ещё не одно хозяйство соберутся, три-четыре, все же праздник». (Зап. от Остаховой К. П., 1924 г. р., д. Мухоморка.)

Свадебные песни Юрлы

В разделе представлены наиболее распространённые в крае свадебные песни, приуроченные к различным этапам свадебного обряда. Среди публикуемых текстов – свадебные плачи, величания, шуточные и корильные песни, песни, сопутствующие таким этапам свадьбы, как выкуп, вывод невесты, дары. Ряд песен приведён в зафиксированных в районе вариантах и контаминациях. По техническим причинам в текстах не во всех случаях обозначены припевы и повторы.

Ох, не вставай-ко, родимой батюшко

Ох, не вставай-ко, родимой батюшко, поутру, утру
ранёшенько,
Не умывайся, родимой батюшко, ты белым-то, белым-то
белёхонько,
Не зажигай-ко, родимый батюшко, свечки восковы,
воску яровы,
Не пропивай-ко, родимый батюшко, ты мою-то, мою косу
русую,
Не отдавай-ко, родимый батюшко, на чужую меня сторону.
(Плач, исполняемый в рукобилье. Зап. от Мазеиной К. К., с. Юрла.)

Трою-двою да сердче да юныло (I)

Трою-двою да сердче да юныло,
Ой, как мила-та дочерь да народилась,
Как второй-от раз сердче да юныло,
Ой, как родна-та дочерь да на возрасте,
Как на возрасте да на отдаване.
Как третий-то раз сердче да юныло,
Как родна-та дочерь да во взамуж пошла,
Ой, да во взамуж-то пошла да молодёхонька,
Недорослая да в поле травонька,
Ой, да недоспелая да с кусту ягодка.
Ко чужому да свёкру да батюшку,
Ой, ко чужой да свекровке да матушке,
Ко чужим-то деверьям да братчикам,
Ко чужим-то золовкам-то да ко сестричам.
Как чужой да свёкор да батюшко,
Ой, да он взглянет-ту да по-звериному.
Как чужая свекровка да матушка,
Ой, да она взглянет-ту да по-змеиному.
Как чужи-те деверья да братчики,
Ой, да словно вороны они чёрные,
Как чужие золовки да сестричи,

Да как сороки они вещицы,
Они с мосту на мост перелётывают,
Ой, они весточки да перенашивают.

(Плач невесты. Зап. от Пикулевой А. М., 1937 г. р.,
д. Пож.)

Трою-двою сердце уныло (II)

Трою-двою сердце уныло, трою-двою не одинаково.
Как первый раз сердце уныло – да моя-та дочи родилася.
Как другой раз сердце уныло – да мила-та дочи
на возрасте.
Как третьей раз сердце уныло – да мила-та дочи замуж
пошла
На чужую дальнюю сторону, на чужую, незнакомую.
Ко чужому свёкру-батюшку, ко чужой-то свекровке-
матушке,
Ко чужим-то деверьям-братчикам, ко чужим-то золовкам-
сестрицам,

Ко чужому ко чуженину.
Как чужой свёкор-батюшко, он глядит-то по-звериному.
Как чужая свекровка-матушка, она пышет по-змеиному.
Как чужи-те деверья-братчики – ровно чёрные, чёрные
вороны.
Как чужие-те золовки-сестрицы, как сороки-перевещицы,
Из избы в избу перелётывают, они весточки перенашивают.
Как чужой-от, чужой чуженин – ровно зимонька студёная.
Без морозу сердце вызебнет, да без ветру глаза выдует,
Без дождя-то лицо вымоет.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Не во поле шатёр стоит (I)

Не во поле шатёр стоит, во чистом бел-полотенной.
Ко этому ко бел шатру да никто не приступится.
Да никто не приступится, да никто не пришатнётся,

Приступался, приступывался да удалой добрый молодец,
Да Михаилушко Юрьевич.
Да он ходил, будил девицу, да пробуждал душу красную:
«Да уж ты стань, девица-дева, да я не пить-то, не ести
пришёл,
Да пошутить, позабавиться, да поиграть, позамешкаться».
Да проиграла красавица да свою вольную волюшку,
Да свою дивью красотушку.
Да тожно догадалася, да кидалась, металася
Да во все четыре стороны, да во все четыре разные.
Она кинулась, бросилася да во леса во настойнички,
Да Михаилушка за нею да с князевьями, с боярымя,
Да всё со дружками-князевьями, да с топорами широкими.
Да уж мы вырубим, высеком, да ино все леса настойнички,
Ишшо белые березнички.
Да только доступим, доручим да всё душу, красную девицу,
Всё Наталью Ивановну.

(Плач, исполняемый во время поездок невесты по обе-
дам. Зап. от Моисеевой Е. А., 1930 г. р., д. Дубровка.)

Не во поле шатёр стоит (II)

Как не во поле шатёр стоит, да в чистом бел полотняный,
Да как ко тому белу шатру, тут никто не приступится,
Приступался, пришатывался да удалой добрый молодец,
Николаюшко Иванович.
Он ходил будил девицу, убуждал душу красную:
– Уж ты встань, встань, проснись, дева, убудись, душа
красная,

Да всё Мария Ивановна,
Я не пить-то, не есть пришёл, я пришёл поиграть
да потешиться,

Да с добрым словом, да со сватаньем.
Проиграла Мария-дева да свою волю вольную,
Из косы русы ниточки, да семибисерну кисточку,
Да семикосную косоплётчку, со правой ручки злат
перстень,

Со с мизиннова колечико.
 Да што кисть рассыпается, бояра собираются,
 Бояра Николаева, да молодые Ивановича,
 Тожно Мария догадалася, она кинулась, бросилась
 Да во в леса да в настойничные, да во белы березнички,
 Да во горьки осиночки, да во сладки малиннички,
 Да Иванушка да её да Иванович с молодыми удалыми,
 С топорами со вострыми:

– Уж я вырублю, вырублю все леса настойничные,
 Белы березнички, горьки осиннички, сладкие малиннички,
 Уж я доступлю дорогу душу, красну девицу,
да Марию Ивановну.

Она кинулась, бросилась во луга во зелёные, во цветы
во лазоревые.
 Да Николушко за её, да Николушко да со молодцами
удалыми,

Со косами вострыми:
 – Уж я выкошу, выкошу луга зелены, все цветы лазоревы,
 Я доступлю, доступлю душу красную девицу,
Марию Ивановну.

Она кинулась, бросилась во море рыбой-щучиной,
 Да Николушко за её, Иванович за её,
 С молодцами удалыми, с неводами широкими:
 – Уж я выловлю всю рыбу щучину,
 Уж я доступлю, доручу да душу, красну девицу,
Марию Ивановну.

Она кинулась, бросилась в куть за занавесу широкую,
 Да Николушко за её, Иванович за её, с молодцами удалыми:
 – Уж я доступил, доручил душу красну девицу, всё
Марию Ивановну.

*(Плач невесты, исполняемый при поездках по обедам.
 Зап. от Копытовой Н. М., 1913 г. р., д. Елога.)*

Как во светлой, во светлице

Как во светлой во светлице, в столовой белой горнице,
 Тут сидят князя-бояра.
 Выбирают боярина, самолучшего крестьянина.

Все из лучших-то лучшего, из хороших хорошего,
 Из дородних дороднего.
 Они выбрали боярина, самолучшего крестьянина,
 Все Сергея Аркадьевича.
 Похотели поженить со душой, красной девицей,
 Все с Галиной Анатольевной.
 А Галинушка хитра была, Анатольевна мудра была.
 Она кидалась, бросалась да на все четыре стороны,
 Да на все четыре разные.
 Она кинулась, бросилась во леса, во настойнички,
 Во белые березнички.
 А Сергеюшко за ей всё с молодцами удалыми,
 С топорами широкими.
 – Уж я высеку, вырублю все леса, все настойнички,
 Все белые березнички.
 Уж я доступлю, доручу
 Я душу, красну девицу, да Галину Анатольевну.
 А Галинушка от его,
 Она кинулась, бросилась во луга во зелёные,
 Во травы, травы шёлковые, во цветочки лазоревые.
 А Сергеюшко за ей
 С молодцами удалыми, с косами булатными.
 – Уж я выкошу, выкошу всю траву, траву шёлковую,
 Все цветочки лазоревые.
 Уж я доступлю, доручу я душу, красну девицу,
 Всё Галинушку Анатольевну.
 А Галинушка от его.
 Она кинулась, бросилась, да во путь за занавесу,
 А Сергеюшко за ей
 С молодцами удалыми, он со дружками, с боярами.
 Тожно доступил, доручил он душу, красну девицу.
(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Сидела девонюшка... (I)

Сидела девонюшка у переднего окошечка,
 На белой брусчатой лавочке, на укатанном на войлочке.

Шила, брала шириночку, вышивала нагрудочку,
 Уронила иголочку,
 Посмотрела в окошечко, ино что в поле деется,
 Ино что работается, не мои ли братья тешатся.
 Они тешатся, нежатся, надо мной куверкаются.
 А вы, братья ли, братчики, вы сходите в лес-

настойничек,

Вы срубите по вершиночкам, вы свяжите по метёлочке,
 Разметите скатну улочку да на все четыре стороны,
 Да на все четыре разные.

А на пятую сторону вы поставьте высок терем,
 О двенадцати углов, о тринадцати маковок,
 Вы повесьте большой колокол, вы звоните в большой
 колокол,

Да донесите же весточку да родимую матушке,
 Что ведут слугу верную, позаочь неизменную –
 И во доме метельщицу, перед печкой стрепельщицу,
 Ещё воду ношельщицу, ещё баню топельщицу.
 Проиграла моя Анна-дева свою вольную волюшку,
 Свою дивну красотушку, семибисерну кисточку,
 Из русы косы алу ленточку, со правой руки злат
 перстень,

Со мизинного – колечко.

Да тогда догадалась, вот тогда заметалась,
 Она кинулась, бросилась да в леса, леса-настойнички,
 Да во белы березнички, да во горьки осиннички,
 Да во сладки малинички,
 А Иванушка за нею, Николаевич за нею.
 Уж я высеку, вырублю все леса-настойнички,
 Уж я доставлю, доручу всё душу, красну девицу,
 Всё, мол, Анну Ивановну.
 (Зап. в д. Липухина.)

Посидела девонюшка... (II)

Посидела девонюшка у родимого у батюшки,
 Да у родимой у матушки, во любимом во местичке,

Да на белой брусчатой лавочке, у холодного окошечка,
 У немецкого стеколышка.

Шила, брала шириночку, вышивала криулечку,
 Да Ивану нагрудочку, да Андреевичу остепенёй,
 Да потеряла иголочку, да поглядела в окошечко,
 Да во чисто поле раздольиче, да ино что во поле диётся,
 Ино что во поле диётся да ино что удивляется.
 Да не мои ли братья женятся, они женятся, тешатся,
 Да надо мной издеваются, над моей-то русой косой,
 Над моей-то русой косой да над моей дивьей красотой.
 «Ой, вы, братья ли, братчики, вы, братья, ясны соколы,
 Соколы перелётные, да молодцы переезжие,
 Да вы чего чули-видели?»

«Мы де чули, чули, видели да серу утицу на заплеске,
 Да красну девицу в занавеске».

«Ой, вы, братья ли, братчики, да вы пошто её не
 поймали?»

«Мы поймать-ту не поймали, да право крылышко
 оторвали,
 Право крылышко оторвали, да по чисту полю
 распустили,

Да собирай-ко, Настасьюшка, да себе на подушечки,
 Себе на подушечки, на мягкие периночки».

(Прочитание невесты на обедах у родственников.)

Зап. от Пихулевой А. М., 1937 г., д. Пож.)

Посидела девонюшка... (III)

Посидела девонюшка у переднего окошечка
 На белой-то лавочке, на укатальном-то войлочке.
 Она шила шириночку, вышивала кривулечку,
 всё Иванушку.

Поглядела во шёлочку, поглядела в окошечко –
 Возле лесу, возле тёмного, ино чё в поле деется, ино чё
 пиво льётся,

Не мои ли братья тешатся,
 Ух, они тешатся, надо мной они ломаются,

Надо мной, красной девицей.

– Уж вы, братья, вы братики, вы же скуйте де кузенку,
Вы же скуйте по топорiku, по булатному ножичку,
Вы бежите в лес, вы срубите по вершиночке,
Вы свяжите по метёлочке, разметите скатну улочку
На все четыре стороны, на все четыре разные,
Да на пятую сторону вы поставьте-ко высок теремь,
Вы поставьте-ко высок теремь,
Во тринадцатугловую, во тринадцативерховую.
Вы покройте белым шатром, вы обейте частым гвоздём,
Чтобы дождичком не брызнуло, ветерочком не дунуло,
Красным солнышком не глянуло.

Вы поставьте-ко лесенку в двадцать два ступеника,
Вы полезьте по лесенке, вы полезьте ко большу колоколу,
Ой, вы ударьте по колоколу, по престольному городу,
Ой, да ведут слугу верную, позавочь неизменную,
Её баню топельщицу, да скотом управельщицу,
В доме работницу, с мужем в баню хотельщицу.

(Причитание на обедах у родни. Зап. от Моисеевой
Е. А., 1930 г. р., д. Дубровка.)

Посидела девонюшка...(IV)

Посидела девонюшка да у переднего окошечка,
Да она шила шириночку, да вышивала кривулечку,
Да Николаю нагрудочку, да потеряла иголочку,
Да поглядела в окошечко, да во в то ведь во чисто поле.
– Ино чё в поле деется, да ино чё удивляется,
Да не мои ли братья тешатся?
Да они тешатся, нежатся, да надо мной они ломаются,
Да надо мной коверкаются.
Да вы, братья вы, братья, да вы возьмите по топорiku,
Да по булатному ножичку,
Да вы сходите в лес-настойничек, да срубите
по метёлочке,
Да разметите скатну улочку да на все четыре улицы.
Да в пятую сторонушку да вы поставьте высок терем,

Да о двенадцати углов, да о тринадцатой маковой,
Да повесьте вы, братцы, большой колокол,
Да ударьте вы по колоколу,
По застольному городу.
Да несите батюшке весточку.
Что ведут, ведут слугу верную, слугу верную,
да помощницу,

В баню топельщицу, воду носельщицу,
За скотом ходельщицу, за хозяином ухапельщицу.

(Песня при встрече жениха. Зап. от Моисеевой М. А.,
1930 г. р., д. Таволожанка.)

Спокутили, споженили

Спокутили, споженили да удалого добра молодца,
Удалого добра молодца со душой, красной девицей.
Всё-де Аннушка хитра была, да Геннадьевна мудра
была.

Она хитрилась, мудрилась, да во все стороны
бросалась.

Она кинулась, бросилась во леса, во в застойнички,
Во в белые березнички.

Да Михаил-от за её, да Николаевич за её,
С молодцами с удалыми, с топорами широкими:
– Мы-де вырубим, высекем все леса, все застойнички,
Да таки её доручим, да таки её доступим.
Аннушка хитра была, да Геннадьевна хитра была,
Она хитрилась, мудрилась, да во все стороны
бросалась.

Она кинулась, бросилась во колодцы дубовые,
А Михаил-от за её, да Николаевич за её,
С молодцами с удалыми, с пилами булатными,
с топорами широкими.

– Да мы-де вырубим, выпилим все колоды дубовые,
Да таки её доступим, да таки её доручим.
Аннушка хитра была, да Геннадьевна мудра была,
Она кинулась, бросилась во синё море щучиной.

А Михаил-от за её, да Николаевич за её,
 С молодцами удалыми, да с неводами шелковыми.
 Мы-де выловим, поймем во синем море щучину,
 Да таки её доступим, да таки её доручим.
 (Плач невесты после просватанья. Зап. от Пикуле-
 вой А. М., 1937 г. р., д. Пож.)

Я тожно скажу тебе, да крёстной батюшко...

Я тожно скажу тебе, да крёстной батюшко,
 Да спасибо я скажу да великое да за рыбочку за белую.
 Чем меня потчевать будут, горюшичу, на чужой
 дальней сторонushке.
 Я да скажу тебе, крёстна матушка, я скажу да тебе
 спасибо,
 Я спасибо да великое.
 Ты-де стряпала да трудилася для моих-то богатых
 гостей.
 Я-де кушала да ела белу рыбочку да гуся серого.
 Не осуди-де, крёстна матушка, на моих здарьях
 малых.
 Не сама ли я здарья делала, припасала да мне
 родима мамонька,
 Помогали мне милые подруженьки.
 (Причитания невесты за столом при прощании с род-
 ными. Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.)

Я-то вздыну, вздыну брови чёрные...

Я-то вздыну, вздыну брови чёрные, я взведу, взведу
 очи ясные
 Всё по батюшкиной белой горенке да по матушкиной
 светлой светлице.
 – Ты доступись-ко, родимой тятенька, да Иванушко
 да Григорьевич,
 Ко мне, ко горюшиче.

Благослови, родимой тятенька, да своей правой рученькой,
 Хоть от роду и не в первой раз, к красной красоте
 последний раз.

(Причет невесты перед приездом жениха. Зап. от Су-
 воровой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.)

По полям-то полям

По полям-то полям, да по частым полям, тут бежат-то,
 бежат кони борзые.
 Наперед-то бежит, бежит сивой конь, да на том жо коне
 да есть катан войлочек,
 Да на войлочке есть седёлышко, у седёлышка есть
 стремёнышко,
 Да во седёлышке добрый молодец сидит, его ноженьки
 да во стремёнышках,
 В левой рученьке да есть шёлковый повод, в правой
 рученьке да есть нагаечка.
 Левой рученькой принадлеживает, правой рученькой
 принадлеживает.
 Ино сам-то коню да наговаривает: «Ты бежи-ко, бежи
 да бежи, сивой конь,
 До высокого ты до терема, да до терема да до Иванушкина,
 До крылечика да до Марьюшкиного, да до окошечка
 да до Татьяниного».
 Всё Татьяна-дева у окна сидела, у окна сидела,
 полотно ткала.
 Полотно ткала да полушёлковые, посередке брала
 круги золоты,

По краям-то брала кони-соболи.
 Круги золоты расплывались, кони-соболи разбегались.
 (Песня, исполняемая по дороге к невесте. Зап. от Пику-
 левой А. М., 1937 г. р., Гусевой К. П., 1937 г. р., Лехано-
 вой А. П., Трушниковой В. С., 1951 г. р., Копытовой Т. И.,
 1941 г. р., Лехановой А. А., 1946 г. р., д. Пож.)

Ой, у красного солнышка (I)

Ой, у красного солнышка лучи да морьявы,
 Ой, да как у светлого, светлого месяца звездоньки частые,
 Ой, ой, да как у доброго, доброго молодца кудри
 да чёрные.

Ой, ой, да кудри чёрные, кудри завивались
 Всё да на три статьи, ой, да всё на три статьи,
 На три да разные.

Ой, ой, да на первую статью из кольца в кольцо,
 Ой, ой, да на вторую статью чистым серебром,
 Ой, да на третью статью скатным жемчугом.

Ой, ой, да всё на каждом-то было волосочике всё
 по жемчужочку.

Ой, ой да волосочки, волоса стрехнулись, жемчуги
 скатнулись,
 Ой, ой, да по сырой-то земле, земле да матушке они
 раскатились.

– Ой, ой, да ино кто же тебя, доброго молодца, кто тебя
 спородил?

– Ой, ой, да спородила меня родная матушка.

– Ой, ой, да ино кто же тебя, добрый молодец, кто тебя
 споил, скормил?

– Ой, ой, да всё споил, скормил меня родный батюшка.

– Ой, ой, да ино кто же тебя доброго молодца, кто тебя
 обшил, обмыл?

– Ой, ой, да всё обмыл-то, обшил – родные сестричи.

– Ой, ой да ино кто же тебя, добрый молодец, кто тебя
 на коня садил?

– Ой, ой, да на коня садили родные братчики.

– Ой, ой, да ино кто же тебя, добрый молодец, кто тебя
 споженил?

– Ой, ой, да споженили меня да крёстный батюшка
 да со крёстной матушкой.

(Песня, исполняемая во время поездки за невестой. Зап.
 от Пикулевой А. М., 1937 г. р., Гусевой К. П., 1937 г. р.,
 Лехановой А. П., Трушниковой В. С., 1951 г. р., Копыто-
 вой Т. И., 1941 г. р., Лехановой А. А., 1946 г. р., д. Пож.)

Ой, да как у солнышка, у красного (II)

Ой, да как у солнышка-то было, у красного, лучи были
 яркие,

Ой, да как у светлого месяца звёзды да были частые.

Ой, да как у доброго молодца кудри да чёрные,

Ой, да кудри чёрные, кудри завиваются всё да на три
 статьи.

Ой, да на первую статью кудри завивались всё из кольца
 в кольцо.

На втору статью кудри завивались всё по жемчужочек.

Ой, да на третью статью кудри завивались всё по ветрочек.

– Ой, кто тебя, доброго молодца, спородил?

– Ой, да спородила меня, доброго молодца, да родная
 матушка.

– Ой, кто тебя споил, скормил, доброго молодца, кто тебя
 споил, скормил?

– Ой, да всё да меня, доброго молодца, мой-от да батюшка.

– Ой, ино кто же тебя, доброго молодца, кто тебя споил,
 скормил?

– Ой, да всё да родная сестрица.

– Ой, да и кто же тебя, да доброго молодца, кто тебя
 поженил?

– Ой, да поженили меня, доброго молодца,

Крёстные батюшка да крёстные матушка.

(Песня жениху. Зап. от Бугаевой М. М., 1924 г. р., Пе-
 ребатовой Е. М., 1926 г. р., Светлаковой Ф. Ф., 1920 г. р.,
 Баландиной В. А., 1925 г. р., Мазеиной Л. И., 1933 г. р., Са-
 раниной Р. А., 1927 г. р., Мехоношиной А. Н., 1927 г. р.,
 Бахматовой М. Д., 1927 г. р., с. Юрла.)

Как у красного солнышка (III)

Как у красного, красного солнышка лучи моревы.

Ой да как у светлого, светлого месяца звёзды частые.

Ой да как у доброго, доброго молодца кудри чёрные.

Кудри чёрные, кудри заивались все да на три статьи.

Ой, да всё на три статьи, на три разные кудри заивались.
Ой, да на первую статью кудри заивались да из кольца

в кольцо.

Ой, да на другую статью кудри заивались чистым серебром.

Ой, да как на каждом-то было волосочике всё

по жемчужочiku.

Ой, да волосочки тожно состряхнулись, жемчужки

скатились.

Ой, да по сырой-то земле, земле-матушке они раскатились.

– Ой, да ино кто же тебя, доброго молодца, кто тебя

породил же?

– Ой, да породила меня, доброго молодца, мать да сыра земля.

– Ой, да ино кто же тебя, доброго молодца, согрел –

красное солнышко.

– Ой, да ино кто же тебя, доброго молодца, кто тебя

обшил, обмыл?

– Ой, меня обшили, обмыли, доброго молодца, частые

звёздоньки.

– Ой, да ино кто же тебя, доброго молодца, кто тебя на коня

садил?

– Ой, да на коня-то садили, садили доброго молодца ветры

да буйные.

– Ой, да ино кто же тебя, доброго молодца, кто тебя

поженил же?

– Ой, да поженил-то меня, доброго молодца, млад светел

месяц.

Ой, да уж вы люди же, люди вы глупые, люди

неразумные,

Ой, да породила доброго молодца родная мамонька.

Ой, меня споил-то, скормил, доброго молодца, родной

батюшко.

Ой, меня обшили, обмыли, доброго молодца, родные

сестрицы.

Ой, да на коня-то садили, доброго молодца, родные

братчики.

Поженил-то меня, доброго молодца, хрестной да батюшко.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

На ковре было, на ковричке

На ковре было, на ковричке, на ремесленном да

на стуличке,

Ой, да на ремесленном стуличке, на укатанном ложечке,

Ой, тут сидел жо доброй да молодец, добрый молодец

да ещё он сокол,

И он, ясен сокол, да Иванушко, и он сидел да кудри

расчёсывал.

Он сидел, кудри расчёсывал и всё он Аннушке

да наказывал,

Всё он Аннушке наказывал, всё Ивановне да навеливал.

Ты, мол, Анна, перевей кудри.

– Ох, захочу я да перевью, ой, я тепере не твоя,

Ох, я тепере, сударь, не твоя, ох, я не слушаю,

сударь, тебя,

Ох, я отцовска, сударь, материнска, ой, на своём полу

да у батюшка,

Ох, на своём полу у батюшки, ох, у родимой да у матушки,

Ох, у родимой-то у матушки.

Ох, когда буду, сударь, я твоя, ой, буду слушати, сударь,

да тебя.

(Песня молодым. Зап. от Тотмяниной М. С., 1932 г. р.,

Моисеевой М. М., 1935 г. р., д. Васькова.)

Соколы, соколы (I)

– Соколы, соколы, соколы перелётные, да бояра

переезжие,

Да вы куда, бояра, ездили?

Да мы-де ездили, споездили да с городу на город,

Да с терему на терем.

– Да вы кого, чули, видели?

Мы-де чули, де видели да серу утицу да на песке.

– Вы пошто её не поймали, вы пошто её не привезли?

Мы-де чуяли, видели красную девицу за навесом.

– По чё вы её не привезли?

Мы-де рады её привезти, у неё де русы косы
расплетёны,

По крутым плечам да разбросаны.

*(Песня, исполняемая, когда ехали за невестой. Зап. от
Моисеевой М. А., 1930 г. р., д. Таволожанка.)*

Соколы, соколы (II)

– Уж вы, соколы, соколы, да перелётные соколы,
Перелётные бояра, переезжие бояра,
Вы куда, бояра, ездили?
Мы-де ездили, споездили мы де с городу на город,
Мы-де с терему на терем.
– Вы кого чули, видели?
– Мы слышали, видели красну девку за занавесой.
– Почему её не привезли?
– Мы привезли, не привезли, у ней коса руса расплетёна,
Алы ленточки развязаны, по подругам раздаваны.
(Зап. от Мазеиной К. К., с. Юрла.)

Не было ветру (I)

Не было ветру – вдруг надунуло.
Не было гостей – вдруг наехало.
Полон-от двор вороных коней,
Полон ограда золотых колец.
– Тёща божья, ты де выдай моё,
Ой, кое суженое, ой, кое ряженое.
Вынесли ему сундук полно добра.
– Ох, это не моё да не сужено,
Ох, это не моё да не ряжено.
Вывели ему да быка за рога.
– Ох, это не моё да не ряжено,
Ох, это не моё да не сужено.
Ой, дай же моё, кое ряжено,
Ой, дай же моё, кое сужено.

Ой, вывели ему да коня с седлом.
– Ой, это не моё да не ряжено, да не сужено.
Ой, выдай моё, моё ряжено, моё сужено.
Ой, вывели ему красну девицу.
– Вот это моё, моё ряжено, моё сужено,
Ох, добрыми людьми заporученное
да обрученное.

*(Песня, исполняемая при приезде жениха к дому не-
весты. Зап. от Бисеровой А. К., д. Дубровка.)*

Не было ветру (II)

Ох, не было ветру, вдруг надунуло,
Ох, не было гостей, вдруг наехало,
Ох, полон во двор вороных да лошадей,
Ох, полон в ограду всё в новых да кошевах,
Ох, полон во терем молодых князевей.
Ой, все гости сидят всё князья да бояра.
Ой, один боярин, он де лучше всех.
Хороший из гостей всё Иванушка весел,
Николаевич весел.
Ой, где-ко он сидит, там не надобно свеча.
Свеча восковая да воскуяровая.
Ой, светит у него да злат венец на голове,
Светят у него да чаши-бляши на груди.
Рукавки у него да барановые,
Ой, на ногах сапожки да всё сафьяновые,
Ой, шуба-то на нём сорока да соболей,
Шапочка на нём туркменская.

*(Песня при встрече жениха у дома невесты. Зап. от
Пикулевой А. М., 1937 г. р., Копытовой Т. И., 1941 г. р.,
Никитиной Г. А., д. Пож.)*

Ой, белая берёзонька, стой да не шатайся,
Ой, красная девонюшка, мойся, умывайся,
С нами собирайся.
С нами, бурлаками, дунскими казаками.
У нас, бурлакушков, домики да новы,
Домики да новы, крышечки да шатровы,
Амбарики новеньки, сусечики полненьки.
Под горой-то речка, речка непростая,
По ей бежит струйка, струйка медвяная.

Ох, чуешь ли ты, Ваня, да разумеешь ли того,
Ох, мы ведь про тебя, мы де песенок поём,
Да честь-хвалу да воздаём.
Ох, тебе честь да ненадолго дана,
Ох, только дана, только на три дня,
Ох, только со денёчком.
На единый на денёк, на сижаный вечерок.
Вот если ты не чуешь, уши сверлом просверлим,
Долотом-то продолбим.

(Песня гостю. Зап. от Пикулевой А. М., 1937 г. р., Копытовой Т. И., 1941 г. р., Никитиной Г. А. Если гость не благодарил или давал мало денег, допевали другие слова: «Да создай тебе, господи, да жену-ту кикимору, да суку пещёрскую, сыновей-то разбойников, дочерей за угольницей».)

Из кути по лавке

Из кути по лавке, да по всей середе всё гости сидят,
Всё князя да бояра, а один князь повыше всех сидит,
Он подороже всех.

Посадили Иванушка всех повыше, повыше всех,
подороже,

Ещё мы на него поглядели, да Марии деве нахвалили:

«Мариинка, хорошенек, Ивановна, пригожен,

У него тело-то белобумажное, борода-то

подзолоченная,

У него косточки с пережьем.

Ходит Иванушко по двору, водит Мариюшку за руку,

Водит Ивановну за правую.

Он баёт ей, да наказывает:

«Принеси-ко ты, Мариюшка, сына белоличенького,
Бассеньким во себя.

Мы выучим сына-то грамоте, а возьмём для сына

князью дочь,

Ишо пусть наше дитятко князю зять».

(Зап. от Копытовой Н. М., 1915 г. р., д. Елога.)

Ох, Иванушко ходит по двору

Ох, Иванушко ходит по двору, да Иванович гулят

с-по широко,

Он-де Мариюшку водит за ручку, он Ивановну водит

за праву.

Да он-де Мариюшке баёт, баёт, говорит:

«Да принеси ты мне сына, сына сокола,

Да принеси-кося, Ивановна, дочь во в себя.

Да мы-де выучим сына грамоту писать, да мы-де

выучим дочь шёлком шить,

Всё-де шёлком-то шить да золотом садить.

Всё-де золотцо с-по золотцу сыплется, всё-де

жемчужок с-по блюдечку катится,

Да всё Иванушко у Мариюшки допрашивается:

«Ино кто у тебя, Мариюшка, жил в родне?»

«У меня жил спомилёшенёк батюшка родной».

«Ох, Марья моя, неправда твоя. Всё неправду

ты баешь, не в быль говоришь,

Да всё-де не в быль говоришь, моё сердце гнєвишь».

Всё-де золотцо с-по золотцу сыплется, всё-де

жемчужок по блюдечку катится,

Всё Иван-от у Мариюшки допрашивается:

«Ино кто у тебя, Мариюшка, жил в родне?»

«Мне мила-то спомилёшенька матушка родна».

«Ох ты, Марья моя, неправда твоя, неправду

ты баешь, не в быль говоришь,

Не в быль говоришь, моё сердечко гнєвишь».

Всё-де золотцо с-по золотцу сыплется, всё-де

жемчужок по блюдечку катится,

Всё Иван-от у Мариюшки допрашивается:

«Ино кто у тебя, Мариюшка, жил в родне?»

«У меня жил спомилёшенёк ты, мой дорогой».

«Эх, Марья моя, это правда твоя, правду ты баешь,

в быль говоришь,

Всё-де в быль говоришь, моё сердце веселишь».

(Песня жєнєху, которой начинали величания гостей.

Зап. от Пикулевой А. М., 1937 г. р., Копытовой Т. И., 1941 г. р., Никитиной Г. А., д. Пож.)

Ой, сокол взрос

Ой, сокол взрос да во Муромском городе,
 Ой, соколина выросла да в Московском городе.
 Ох, да оне за одним столом сидят,
 Да одной ложкой едят, да одной вилкой едят,
 Да вино одно вместе пьют, одну думу думают:
 «Ой, как же будем, как семейку наживать?
 «Ой, кыску заведём, заведём мы кысочку,
 Ой, наживём собачку да пустолаечку,
 Заведём корову да сухолобую,
 Ой, наживём овечку всё бергунечку,
 Ой, наживём мы свинку да вислоухую,
 Ой, легем спать вдвоём, дак ишо встанем втроём,
 Ой, на поле пойдём да впятере да вшестере,
 Ой, да с поля пойдём да всемере да восьмере».
 (Зап. от Комаровой Т. С., 1924 г. р., д. Ананькина.)

Во горенке, во новой

Во горенке, во новой, стоит столик дубовой,
 Да под скатёркой шалевой стоит чара золота,
 Стоит чара золота, полна мёду налита.
 Ишо кто чару наливал, да ишо кто да дополнял?
 Петрованушко наливал, да Иванович дополнял,
 Он Настасью вызывал:
 «Да ты, Настасья, подь сюда, да ты, Ивановна,
 подойди,
 Да выпей чару золоту, да полну мёду налиту».
 «Да не хочу я чару пить, я теперя не твоя.
 Я теперя не твоя, я не слушаю тебя.
 Когда буду я твоя да буду слушати тебя».
 (Зап. от Мазеиной К. К., с. Юрла.)

С-по бережку...

С-по бережку, да али-али,
 По широкому, крутому, да али-али,
 Да никто туда не ходит, да али-али,
 Да никто и не гуляет, да али-али,
 Только ходит да гуляет, да али-али,
 Всё Микитушка ходит, да али-али,
 Да Иванович гуляет, да али-али,
 За собой паву водит, да али-али,
 Паву водит золотую, да али-али,
 Всё де Настю молодую, да али-али,
 Он де водит да и баёт, да али-али:
 «Да я ведь дам те волю, да али-али,
 Ещё волю со приволей, да али-али,
 Да я ведь дам те негу, да али-али,
 Ещё негу со принегой, да али-али,
 Слушай батюшка родного, да али-али,
 Слушай матушку родную, да али-али,
 Да куда пойдешь, спросися, да али-али,
 Откуль будешь, скажися, да али-али,
 Да ты-де робь, не ленися, да али-али,
 Ешь, пей, не стыдися, да али-али».
 У котка муди отпали, да али-али,
 Их де кошке привязали, да али-али.
 (Зап. от Пикулевой А. М., 1937 г. р., д. Пож.)

Ехе-хе, кабы на лугу...

Ехе-хе, кабы на лугу, на зелёном на лугу,
 На лазоревых цветах, тут высок терем стоит,
 Со с солоним со окном, со новыми со сеньми,
 Во в новых-то во в сенях есть кровати жестковы,
 Кровать гипсовая, вся исписаная,
 Исполосована, изрисована,
 Ножки точеные, подзолоченые,
 Есть подушка перьева, есть перина пухова,

Одеялышко тепло, тепло, смольно.
 Красна девица лежит, она спит, не спит,
 Пробудить её не смир.
 Тут и мимо-то её свёкор-батюшка идёт,
 Шёлковой плёткой трясёт,
 Принатраживает, приговаривает:
 – Ты, Мария, встань, лебедь бела, разбудись.
 – Не могу я встать, голова моя болит,
 Ретиво сердце шумит,
 Болит спина, голова, не об кумушков,
 Не об батюшке, не об подруженьках,
 Не об матушке, не об родимой стороне,
 Об милом дружке, об Иванушке, об Михайловиче.
 (Зап. от Копытовой Н. М., 1915 г. р., д. Елога.)

Есть калиновый ящичек

Есть калиновый ящичек, я не год его копила,
 Я-де двадцать лет копила, да за один вечер раздала.
 Я-де свёкру-де батюшку полотняны штанички,
 Я свекровке-то матушке коленкорову рубашечку,
 А деверьям-де, соколам-де – им по тканой опоясочке,
 А золовкам-то, сестрицам, им по шёлковой ленточке.
 (Зап. от Осташовой К. П., 1924 г. р., д. Мухоморка.)

Как по морю (I)

Как по морю корабль плывёт, ладу, ладу,
 По синему морю, ладу, ладу,
 Плыл удалый в этом во кораблике, ладу, ладу,
 Да немножко, немало людей, ладу, ладу,
 Только семьдесят семь человек, ладу, ладу,
 Да восьмой корабельщик, ладу, ладу,
 Да девятой подношельщик, ладу, ладу,
 Да десятой удал молодец, ладу, ладу,
 Удалой добрый молодец, ладу, ладу,

Да Григорий Григорьевич, ладу, ладу,
 Он по кораблю похаживает, ладу, ладу,
 С ножки на ножку поступает, ладу, ладу,
 Да сапог о сапог поколачивает, ладу, ладу,
 И увидела теща его, ладу, ладу,
 Из высокого терема, ладу, ладу:
 «Да не мой-от ли зятюшка, ладу, ладу,
 Подарить ему подарочек, ладу, ладу,
 Шиту брану шириночку, ладу, ладу».
 «Да не надо, мне не надобится, ладу, ладу.
 Да ещё подарочек, ладу, ладу,
 Свою милую доченьку, ладу, ладу,
 Да Настасью Ивановну, ладу, ладу».
 (Зап. от Мазеиной К. К., с. Юрла.)

Как по морю (II)

Как бы с-по морю кораблик плывёт, по синю морю
 лёгонкий,
 Как на этом корабле не много, не мало людей,
 только семьдесят семь человек,
 Да восьмой корабельщик, да девятый направельщик,
 Да десятый удал молодец, удалой добрый молодец,
 Всё Иванушко Михайлович.
 Он по кораблю похаживает, с ножки на ножку
 постукивает,
 Сапог об сапог поколачивает, рукавицами пощалкивает.
 Рукавицы-то барашковые, за них денежки
 не плаченные,
 Пятьдесят рублей не дадены, пятьдесят рублей
 не денежки:
 – Мне-ко надо красну девицу, всё Марию де Ивановну,
 Марина-то матушка, она бойкая, вострая,
 Усмотрела, узорил с печки кирпичатые,
 Через трубочку кладчатую,
 Сквозь окошка околонна, сквозь стеколышка
 немецкова.

– Кабы этого молодца, Ивана Михайловича,
Его взять бы во в зятюшки, подарить бы подарочки,
Полотяные штанишки.
– Это мне не подарочки, это мне да не надобно.
Я что бы раз подарила – шиту браную шириночку.
– Это мне не подарочки, это мне не надобно.
– Я ишо бы раз подарила душой красной девицей,
Своей милой дочерью, всё Марией Ивановной.
– Вот это мне подарочек, вот это мне и надобно.
(Зап. от Копытовой Н. М., 1915 г. р., д. Елога.)

Как по морю (III)

Как с-по морю корабль плывёт, ладу-ладу,
По синю морю лёгонькой, ладу-ладу.
На том корабле да немножко, не мало людей,
ладу-ладу.
По моёму счёту семьдесят семь человек,
ладу-ладу,
Да восьмой кошевар кашу варил, ладу-ладу,
А девятой водонос воду носил, ладу-ладу,
А десятый сам удал молодец, ладу-ладу.
Он с-по кораблю похаживает, ладу-ладу,
С ножки на ножку поступает, ладу-ладу,
Он сапог о сапог поколачивает, ладу-ладу,
Чёрны кудерцы расчёсывает, ладу-ладу,
Дорогим рыбьим гребешком, ладу-ладу,
К круту бережку причаливает, ладу-ладу.
Изувидела тёща его, ладу-ладу:
Да не мой-от ли зять у ворот, ладу-ладу,
Да не мой-от ли ласковый, ладу-ладу?
Повстречала, пожаловала, ладу-ладу,
Подарила подарочками, ладу-ладу,
Полотняными штаничками, ладу-ладу,
Трёхполосенной рубашечкой, ладу-ладу.

(Пели, когда дарили подарки. Зап. от Пикулевой А. М.,
1937 г. р., д. Пож.)

Как по морю (IV)

Как-де по морю, как-де по морю, по синю морю,
ой да волынскому,
Радость ли ой да моя,
Тут-де плавали, тут-де плавали всё серые малые утицы,
Радость ли ой да моя.
Они плавали, плавали, золотую струечку правили.
Наперед-ту плавала, наперед-ту плавала всё
серая большая утица,
Радость ли ой да моя.
Она плавала, она плавала, золотую струечку правила,
Радость ли ой да моя.
Тут-де надлетал, тут-де надлетал всё серой большой
да селезень,
Он-де соклюнул, он-де сорванул большую утицу,
Радость ли ой да моя.
Тут-де склыкали, тут-де склыкали всё серые малые утицы.
Радость ли ой да моя.
У нас некому, у нас некому наперёд-ту будет плавати,
Радость ли ой да моя.
Тожно по полю, тожно по полю, по чисту полю-
раздольицу,
Радость ли ой да моя,
Тут-де ходили, тут-де гуляли всё-де юрлински
красные девицы,
Радость ли ой да моя.
Они ходили, они гуляли, путь-дороженьку они торили,
Радость ли ой да моя.
Они торили, они торили, чеботами траву топтали,
Радость ли ой да моя.
Они топтали, они топтали, рукавами цветы ломали.
Тут-де наезжал, тут-де наезжал удалый добрый молодец.
Молодец, молодец, всё Василий Леонидович,
Радость ли ой да моя.
Он-де сохватил, он-де сохватил самолучшую
красну девицу.
Девицу, девицу, всё-де Аннушку да Аркадьевну,

Радость ли ой да моя.

Туто сплакали, туто сплакали всё-де юрлински
красные девицы.

У нас некому, у нас некому путь-дороженьку
будет торить,

Радость ли ой да моя.

Торити, торити, чеботами траву топтати,

Радость ли ой да моя.

Топтати, топтати, рукавами цветы ломати.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Как по морю (V)

Как бы с-по морю, морю синему, с-по синю морю,
Ох, там ведь плавали, плавали всё серые малые утоньки.
Ох, они ведь плавали, плавали, золотую струночку правили.
Ох, наперед-ту да плавала, плавала всех побольше серая
утица.

Ох, тут ведь да сплывал всё большой да сер селезень.

Ох, он да сохватил всех побольше серую утицу.

Ох, и слышали все серые маленьки утицы.

– Ох, у нас ведь некому, некому на середку плывати.

Ох, по полю, полю, по чисту полю, ох, да ветры продули.

Ох, там ведь ходили, гуляли всё девушки красные.

Ох, они ходили, гуляли, путь-дороженьку торили.

Стоптали, стоптали дороженьку, радость, ох, да моя.

Ох, тут ведь на середку да ходила, гуляла самолучшая
красная девица,

Девица, девица, всё Матрёнушка Ивановна.

Ох, тут ведь тут да наезжал, наезжал удалой молодец,

Молодец, молодец, Петрованушка да Петрович.

Ох, потом ведь да сплакали всё кудымкарски красные
девушки.

Ох, у нас ведь некому, некому на середку ходить, гулять,

Ходити, гуляти, путь-дороженьку торити,

Радость, ох, да моя.

(Зап. от Мазеиной К. К., с. Юрла.)

Ино круг-то двора (I)

Ино круг-то двора да круг-то широкова
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Тут-то ездил, споездил удалой молодец.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Приворачивал коня ко широкому двору.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Ко широкому двору да ко точёному столбу.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Ко точёному столбу, да ко витому ко кольчу.
Притоптана трава, притолочена муровая.
Да он-де скок-поскок на крыто крыльцо.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Ино жаль, жаль, жаль золото крыльцо,
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Совстречай-ко, жена, свеличай, молода.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
«Недосуг встречать, недосуг взвеличать.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Я в одной становинке без дубаса,
Я в одной шамшурке без кокошника.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Я-де зыбочку качаю, себе сына-де начаю.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Я-де зыбочку качаю, себе зятя-де начаю.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Я ведь сына-то качаю, себе сношеньку начаю.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Я ведь дочерь-ту качаю, себе зятюшка начаю.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Я-де сочни сочню да пирожки пеку.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Соченёчки согну да пирожки пеку.
Приутоптана трава, притолочена муровая.
Пирожки пеку да зятя в гости жду».

(Зап. от Пикулевой А. М., 1937 г. р., д. Пож.)

Ино круг двора (II)

Ино круг двора, круг широкого
 Приутоптана трава, приутоптана муровая.
 Туто ездил, поездил удал молодец,
 Да удал, да удал, да удаленький,
 Да удаленький, да сам маленький.
 Приворачивал коня ко широкому двору,
 Ко точёному столбу, ко витому ко кольцу.
 Ино бряк, побряк золото кольцо,
 Золотое, витое, серебряное.
 Он по лесенке бежал и ступенечки считал,
 Он ступенечки считал, сорок девять насчитал.
 «Ино дома ли жена, дома ль барыня моя?
 Встречай, жена, встречай, молода».
 «Недосуг встречать, недосуг величать.
 Я в одной ведь шашмурке, без кокошника,
 В одной становинке, без дубасичка.
 Я де зыбочку качаю, тебе сношеньку начаю,
 Другу зыбочку качаю, тебе зятюшка начаю».

(Зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г.р., с. Юрла.)

Во тереме гусельчки лежали (I)

Во тереме гусельчки лежали, да э-хе-хе, ой, да лежали,
 Во высоком звончатом да лежали, да э-хе-хе, ой лежали.
 Да некому гусельцы направить, э-хе-хе, ой, да направить,
 Некому звончаты наладить, да э-хе-хе, ой, да наладить,
 Ивана – сокола да дома нету, да э-хе-хе, ой, дома нету,
 Ивановна да не случилось, да э-хе-хе, ой, не случилось,
 Да он у тестя, у тестя, он у тестя, у тестюшка
 Да за столами, да э-хе-хе, ой, за столами,
 У тёщеньки да за блинами, да э-хе-хе, ой, за блинами,
 Уже он-то сидит за винами, ой, за винами,
 Да тестенёк за дарами, да э-хе-хе, ой, за дарами,
 Тесть зятя почитает, да э-хе-хе, ой, почитает,
 Ещё зятя он наряжает, да э-хе-хе, ой, наряжает,
 Ешь-ко, зять, да наедайся, да э-хе-хе, ой, наедайся,

Пей-ко, зять, да напивайся, да э-хе-хе, ой, напивайся,
 Надсажат коня, да не шатайся, да э-хе-хе, ой, не шатайся,
 Дороженькой, ой, да не валяйся, да э-хе-хе, ой, не валяйся,
 Придешь домой, да не ломайся, да э-хе-хе, ой, не ломайся,
 Наша-та дитя да не учёна, да э-хе-хе, ой, не учёна,
 Встретить-проводить да не умеет, да э-хе-хе, ой, не умеет,
 Трепать-целовать да не догонёшь, да э-хе-хе, ой, не догонёшь,
 К сердцу прижимать да кого жо, да э-хе-хе, ой, да кого жо,
 Ей земля-то не родима, да э-хе-хе, ой, не родима,
 Одну деву да породила, да э-хе-хе, ой, породила,
 Ивановну да воскормила, да э-хе-хе, ой, воскормила,
 Ивана-сокола да надарила, да э-хе-хе, ой, надарила,
 Ивановича да поженила, да э-хе-хе, ой, поженила.

(Песню исполняли во время поездок молодожёнов на блины к тёще. Зап. от Тотмяниной М. С., 1932 г. р., Моисеевой М. М., 1935 г. р., д. Васькова.)

Во тереме гусельцы лежали (II)

Во тереме гусельцы лежали, ехе-хе да лежали,
 Во высоком звончаты лежали.
 Некому гусельцы направить, некому звончаты
 наладить.

Сергеюшка дома нету, Аркадьевича не случилось.
 Там-то ушёл он уехал, он у тестюшка за столами.
 Он у тёщеньки за блинами, у шурьев-то за винами,
 У свестенек за дарами.
 Тесть-от зятя почитает, тёща зятя наряжает.
 Ешь-ко ты, зять, наедайся, сядешь на коня, не шатайся.
 Приедешь домой, не ломайся.
 Наша-та дитя не учена, не учена она, не строжена.
 Встретить, проводить не умеет, трепать, целовать
 таково же.

Ко сердечiku прижать не догонит.
 Наша-то земля не родима, Галину деву народила,
 Сергеюшка наградила.
 (Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Как бы с-по мосту (I)

Как бы с-по мосту, да али, али по калинову частому,
 Никто туда не ходит, не ходит, не гуляет,
 Только Иванушко ходит, всё Михайлович гуляет,
 Коней пару запрягает,
 Коней пару вороную, каретушку золотую.
 Во карете-то княгиня, всё княгиня-то Мария,
 Она плачет и рыдает, её Иван-то унимает:

– Ты не плачь, не плачь, Мария, не рыдай же,
лебедь бела,

Ещё дам я тебе волю, ещё волю со привольей,
 Ещё негу со принегой.

– Я у батюшки жила красовалась,
 Пила-ела, угощалась, ровно сыр в масле каталась,
 Куда пойду, не спрошуся, откуль буду, не скажуся.
 Спать ложилась я раненько, и вставала я поздненько,
 Умывалась водою, всё водою ключевою.

На чужой дальней сторонешке спать ложуся я
поздненько,

Поутру встаю раненько.
 Умываюсь я слезами, утираюсь рукавами,
 Куда пойду, я спрошуся, откуль приеду, я скажуся,
 Это, чёрт, твоя не воля, это, чёрт, твоя не нега.

(Зап. от Копытовой Н. М., 1913 г. р., д. Елога.)

Как бы с-по мосту (II)

Как бы с-по мосту, мосточку, да али, али,
 По калинову чистому,
 Да никто туда не ходит, да никто же не гуляет.
 Иванушка ходит, Иванович гуляет,
 Коней пару запрягает, коней пару вороную,
 Каретушку золотую.
 Во карете – княгиня, всё княгиня удалая,
 Всё моя Анна молодая.
 Она плачет и рыдает, Иван её стювает.

«Ты не плачь, моя Анна, не тужи, лебедь бела,
 Я ведь дам тебе волю, ещё волю со привольей,
 Ещё негу со принегой.

Куда пойдёшь, ты спросися, откуль будешь,
ты скажися».

«Это, чёрт, твоя не воля, это, чёрт, твоя не нега.
 Я у батюшки жила же, не жила, а красовалась,
 Пила, ела, потешалась, словно сыр в масле каталась.
 Куда пойду, не спрошуся, откуль буду, не скажуся».
 (Зап. в д. Липухина.)

В огороде-то гряда (I)

В огороде-то гряда, е-хе-хе, зеленым-то зелена,
зеленёхонька.

Всё Мария-то дева молодым-то молода, молодёхонька,
 На ней шуба-то нова, всё новёхонька.

Шуба дуется, надувается, Мария сердится, осержается:
 – Уж ты, муж, ты мужик, ты поедешь на базар,
 Ты купи мене товар, купи шубу лисячью,
 Я сама же заплачу, сама выкуплю, сама выручу,
 Сама денежки отдам, до копейки, до гроша,
 Будет слава хороша.

(Зап. от Копытовой Н. М., 1913 г. р., д. Елога.)

В огороде-то гряда (II)

В огороде-то гряда, да зеленым зелена,
да зеленым-зелена, зеленёшенька.

Ек-ек, всё-де Марья молода да, всё-де Марья
молода да, молодёшенька.

Ек-ек, всё-де Мишенька сокол да, всё Иванович
весёл да.

Ек-ек, свёкор-батюшка идёт да золотой казной
трясёт да,

Принатраживает, наговаривает.

Большой друженька хорош да хорош

Большой друженька хорош да хорош.
 На коне дружка поезживает,
 Ременный повод надёргивает,
 Шёлковой плёткой настёгивает.
 Ты бежи-ка, бежи, сивый конь,
 Ко Лобановскому городу,
 К Анатолеву ко терему,
 Ко Галинину окошечку.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Уж ты вдовка ли, вдовка моя

Уж ты вдовка ли, вдовка моя, уж ты, вдовьюшка,
 прибранивашь меня,
 Позаочь, вдовья, голытьбой назвала.
 Ты голытьба, голытьба моя, у голытьбы ни скота,
 ни живота,
 У голытьбы есть ограда широка.
 У ограды столбы точёные, вервеюшки подзолочёные.
 Ворота были хрустального стекла, подворотенка
 чистого серебра.
 Посреди двора бел камешек лежит, из-под камешка быстра
 речка бежит.
 Вот бежит, бежит, пожурчивает, по той речушке гоголюшко
 плывёт,
 Выше бережка головушку несёт, выше леса крылья
 взмахивает.
 Выше леса крылья взмахивает, калёну стрелу
 направливает.
 Ты лети, лети, калёная стрела, ты пади, пади, калёная
 стрела,
 Всё не на воду, не на землю, серой утице под правое крыло.
 Сера утица – есва моя, красна девица – невеста моя.
 Будто Аннушка не прядля была, будто Аннушка
 не ткаля была.

Будто Аннушка не ткёт, не прядёт, будто Аннушка узоры
 не берёт.
 Заводились у Аннушки кросна, ино тем кроснам девятая
 весна.
 По-за ниченкам суметы нанесло, по-за бережку
 закуржавело.
 По-за стану трава выросла.
 Уж я эту траву выкошу косой, по ленивочке колёшки
 свожу.
 По ленивочке колёшки свожу, на полатчиках зарод намечу.
 (Плясовая песня; исполнялась чаще не на свадьбах, а на
 святочных игрищах. Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р.,
 д. Миронова.)

Красное солнце во лунах (I)

Красное солнце во лунах да во лунах,
 Сокол-то Иван да во домах, да во домах,
 Всё Матрёна-дева во думах, да во думах.
 То и есть да во думах.
 Мы тебе, Матрёна, мы тебе, Матрёна,
 Мы пытали, говорили, жить наказывали.
 Не вставай, Матрёна, не вставай, Матрёна,
 Ты поутру всех ранней.
 Не ходи, Матрёна, по новым да по сеням.
 Не слушай, Матрёна, Николаевы гусли.
 У Николая гусли-гусельцы обманчивые,
 переманчивые.
 Переманят гусли на чужу сторонку жить,
 По чужу полу ходить.
 На чужой сторонке по три воли в день дают.
 Первая воля – тетива да таволга.
 Другая воля – варовинная возжа.
 Третья воля – всё ременная плетъ.
 Как же мне будет, мне свёкра называть?
 Свёкром называть, то бесчестице моё.
 Батюшком называть, того много будет.

Звать-то назвать свёкор – батюшко-отец.
 Как же мне будет, мне свекровку называть?
 Свекровкой звать, то бесчестьице моё.
 Матушкой звать, того много будет.
 Звать-то назвать свекровка – матушка родна.
 Как же мне будет, мне деверьев называть?
 Деверьями звать, то бесчестьице моё,
 Братчиками звать, того много будет.
 Звать-то назвать деверья – братчики мои.
 Как же мне будет, мне золовок называть?
 Золовками звать, то бесчестьице моё,
 Сестрицами звать, того много будет.
 Звать-то называть золовки – сестрицы родны.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Красное солнце во лунах (II)

Красное солнце да во в лунах, кои есть, да во в лунах,
 Всё Иван-сокол да во в новых да в домах,
 Ещё Мария-дева во в слезах, да во в слезах,
 Кои есть да, во в слезах.
 Мы тебе, Мария, мы пытали, говорили и наказывали:
 Ох, не ходи, Мария, с-по новым с-по сеням,
 И не слушай, Мария, всё Ивановы гусли.
 Ох, у Ивана гусельки и обманчивые, переманчивые,
 Ох, переманят оне да в чужу сторонуку жить,
 По чужу полу ходить да.
 Ить на чужой сторонке по три воли в день дают:
 У первая воли – твердая таволга,
 У другая воли – всё тасьмяная узда,
 У третья воли – всё шелковая плеть.

(Зап. от Мазеиной К. К., с. Юрла. Вариант концов-
 ки песни, записанной в д. Елога от Копытовой Н. М.,
 1915 г. р.: «На чужой сторонке по три гульбы в день да-
 ют. Первая гульба – до лужечка зелена, другая гульба –
 круг широкого двора, третья гульба – до речушки-
 матушки».)

Ой, мы баяли... (I)

Ой, мы баяли Светлане, мы бы стали говорить,
 Да мы наказывали, наговаривали:
 «Ой, вставай-ко, Светлана, поутру да всех раней,
 Ох, не слушай, Светлана, Леонидовых гуслей,
 Ох, Леонида гусли-те обманчивые да переманчивые,
 Ох, переманят гусли на чужу сторонуку жить».
 На чужой сторонке по три воли в день дают:
 Ой, первая воля – всё твердая таволга,
 Ой, другая воля – всё ременная вожжа,
 Ой, третья воля – шёлковая плёточка.
 Ой, как же мне будет во чужой сторонке жить?
 Как же мне будет по чужу полу ходить?
 Как же мне будет ко столечку подойти?
 Как же мне будет мне-ка пить наливать?
 Ой, как же мне будет мне-ка свёкра называть?
 Ой, как же мне звать, звать-то не звать
 Да свёкор, батюшка, отец.
 Ой, как же мне будет мне свекровку называть?
 Ой, звать-то не звать мне бесчестьице моё
 Ой, звать-то не звать свекровка, матушка родна.
 Ой, как же мне будет мне деверьев называть?
 Ой, звать ли не звать деверьев братчики родны.
 Ой, деверьями звать, то бесчестьице моё.
 Ой, звать-то назвать деверья, братчики мои.

(Пелась во время угощения невестой гостей. Зап. от
 Пикулевой А. М., 1937 г. р., Копытовой Т. И., 1941 г. р.,
 Никитиной Г. А., д. Пож.)

Ой, баяли мы...(II)

Ой, баяли мы Анне, мы пытали, говорили,
 Мы наказывали да наговаривали:
 Ой, не вставай ты, Анна, с-по утру всех раней,
 Не слушай ты, Анна, всё Ивановых гуслей.
 У Ивана гусли всё обманчивые да переманчивые,

Переманят гусли на чужу сторону жить,
 Ой, на чужой стороне по три воли вдруг дают.
 Первая воля – всё твердая таволга,
 Вторая воля – всё ременная узда,
 Третья воля – шёлковая плёточка.
 Приплыли насады ко Иванову двору,
 Ко Марьиному столбу,
 Ох, не ступить, не ступить, да не ступить же будет,
 Родного батюшку да прогневить же будет,
 Родную матушку расслезить же будет,
 Чужую матушку да взвеселить же будет.
 (Зап. от Пикулевой А. М., 1937 г. р., д. Пож.)

Нынешна весна (I)

Нынешна весна, нынешна весна прибыла вода,
 Круты бережочки принаполнилися.
 Зелены лужочки призеленилися.
 Приплыли насады ко Иванову двору.
 Ну-ка ты, Матрёна, выходи-ка на насад,
 Выступай-ка на зелен.
 Не ступить, ступить, не ступить же будет,
 Родимого батюшка прогневить же будет.
 Лютого-то свёкра звеселить же будет.
 Родимую матушку расслезить же будет.
 Лютую свекровку рассмешить же будет.
 Как же мне будет на чужой сторонке жить.
 Как же мне будет по чужу полу ходить.
 На чужой сторонке по три гульбы в день дают.
 Первая гульба до широкого двора.
 Другая гульба до большого до скота.
 Третья гульба до быстрою до реки.
 На чужой сторонке по три воли в день дают.
 (Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Нынешна весна (II)

Нынешна весна, нынешна весна,
 прибыла вешна вода.
 Круты бережочки принаполнилися.
 Зелены лужочки призеленилися.
 Приплыли насады к Анатолеву двору.
 Ну-ка ты, Галина, выходи-ка на насад,
 выступай-ка на зелен.
 Не ступить, ступить, не ступить же будет.
 Лютого-то свёкра взвеселить же будет.
 Родимого батюшка прогневить же будет.
 Лютую свекровку рассмешить же будет.
 Родимую матушку расслезить же будет.
 Как же мне будет на чужой сторонке жить,
 Мне свёкра называть – свёком назвать?
 Свёком назвать – то бесчестьице мое,
 Батюшком звать, того много будет.
 Звать-то назвать свёкор, батюшка, отец.
 Как же мне будет мне свекровку называть?
 Свекровкой называть – то бесчестьице мое.
 Матушкой звать, того много будет.
 Звать-то назвать свекровка, матушка родна.
 Как же мне будет мне деверьев называть?
 Деверьями их звать – то бесчестьице мое.
 Братьями звать, того много будет.
 Звать-то назвать деверья, братчики родны.
 Как же мне будет мне золовок называть?
 Золовками звать – то бесчестьице мое,
 Сестрами звать, того много будет,
 Звать-то назвать золовки, сестрицы родны.
 (Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

На горе стоит ёлочка

На горе стоит ёлочка, под горой стоит светёлочка.
 Во светёлушке девонюшка сидит, всё девонюшка
 Маланюшка,

Лебедь белая Игнатьевна.

Она белится-румянится, хорошо ли снаряжается.

Хорошо ли, право лучше всех, право лучше,

право вежливее.

Кличет, кличет её батюшка домой, я нейду домой,
 не слушаю его.

Ночи тёмные, не месячны, леса частые, проходу нет.

Реки быстры, перевозу нет.

Во второй раз кличет матушка, я нейду домой,
 не слушаю её.

Третий раз кличет Саввушка, я пойду домой,
 послушаю его.

Ночи светлые и месячны, леса редкие, проходу есть,

Реки тихи, перевозы есть.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Гордёна (I)

Как бы у броду, броду, уреди, редила да моя,

У калинова мосту, уреди, редила да моя.

У ракитова кусту, уреди, редила да моя.

Тут стоят два комонья, уреди, редила да моя.

Два комонья под коврами, два комонья под седлами.

Да один конь не кован, он не кован, не сёдлан,

Да никто коня не дозорит, да никто коня не досмотрит.

Всё Иванушко дозорит, Александрович досмотрит.

Ино пал коню в ножку, ино пал коню в праву.

Да в правое копытце.

Сослужи-ко, конь, службу, ино службу без нужды.

По гордёнущу съездить.

Да гордёна горделива, да Надежда ломлива.

Как на эту гордёну надо плётку-семихвостку.

О семи-то хвостичей, о восьми хомутищей.

Как первый раз стегнет, так гордёнуща вздрогнет.

Как другой раз стегнет, горяча кровь пробрызнет.

Как третий раз стегнет, так кусок мяса вырвет.

Так тожно покорила, свысока поклонилась.

Тожно скок на кроватку, башмачки под кроватку,

Да чулочки на спичку, да Иванушка на ручку,

Александровича на праву.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Гордёна (II)

У реди, реди, лада, у каменного мосту,

У реди, реди, лада, у ракитового кусту,

Тут стоят два поморья, два поморья под коврами,

Два коня под седлами.

Один конь не кован, он не кован, не сёдлан,

Иван круг коня ходит да по хрестьям колотит:

«Сослужи-ка, конь, службу, службу во дружбу,

По гордёнущу съездить.

А гордёна горделива, всё, мол, Анна ломлива».

Как на эту гордёну взять бы плётку-семихвостку,

Во семи-то хвостиче, во семи-то плетище,

Во первый раз ударит, тут гордёнуща дрогнет.

Во второй раз ударит, ала кровь-та пробрызнет.

В третий раз он ударит, целый клок мяса вырвет.

Вот тогда покорила, свысока поклонилась.

Скок на кроватку, башмачки — под кроватку,

А Иванушка — на ручку, Николаевича на правую.

Она правую положит, она левой одёжит.

(Зап. в д. Липухина.)

ехать, по деревне парень ходит, созывает на вечер, ему дарят деньги – кто десятку, кто пятёрку, в кружку-ту, это «на отдачу» (*Чужья*). «Людей приговаривают, созывают на проводы, солдата провожать. На вечер всех зовут, родню, знакомых. Перед вечером его сводят в баню, один идёт, после бани за стол сели» (*Юм*).

«Рекруту *покойничку* иголку в карман заделывают, или под воротник, ей чтобы он свои подворотнички подшивал, дырочки там какие» (*Юрла*). «Собирали когда в дорогу – крестик в карман клали, и парень в армию раньше всё в лаптях уходил» (*Васькова*). «Кто в армию уходит, ему, когда в печку посмотрит, дают с собой печину, в пояс зашьют» (*Таволожанка*). «Давали с собой новобранцу платочек, кисет. Кто провожали, все ему деньги давали с собой, как взаймы» (*Тимица*). «Когда провожали парня, ему ленточку вешали на грудь, розового цвета, на левую сторону, завязывали бантиком» (*Юрла*).

«С некрута волосы состригали и за печку клали, хранили. А когда вернётся, волосы эти в печку кинут. В голбец бутылку ставили, чтоб домой пришёл» (*Келич*). «За столом когда сидели, «бутылочку подписывали», все на одной бутылке писали свои фамилии. «Вот он придёт из армии, в деревне гостей соберёшь – эту бутылочку распиваешь. Сын три года служил – три года стояла бутылочка». (*Зап. от Тотмяниной М. С., 1932 г. р., Моисеевой М. М., 1935 г. р., д. Васькова.*) «Мать одевала на стеклянку (на бутылку) галстук красной, и бутылка закапывается на время, пока прослужит» (*Дубровка*). «Делали три бутылки, на бутылках с водкой заставляли парня расписываться. И эти бутылки на завалине в землю закапывают, пока он служит, эти бутылки стоят. А потом приходит, его встречают этим» (*Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья*). «Пишут на бутылке, чтобы дождаться из армии. Пока из армии не пришёл, бутылка все стояла. Отец на бутылке писал: «Жди, бутылка, сына!»» (*Ефремова*). «Бутылка водки два года в голбце сидела, на ней все расписывались, когда за столом сидели, и бантик красный повязут на неё» (*Юм*).

«Соберутся, погуляют, песен попоют. Были такие *прожанные* песни, пели некрутам. Частушки тоже: «Некрута, некрута, чем же вы обижены, были волосы кудрявы, а сейчас обстрижены» (*Келич*).

Уход из дома

«Уходит парень из дома, ему заставят в печку посмотреть, в хлев сходить, все конюшни поглядит, на вышку слазит. Зайдет в дом, по солнышку повернётся и снова выйдет» (*Юм*). «Парня выведут под руки, потом вернут, заставят в печку поглядеть. Налют рюмку, он выпьет, и рюмку об стену вдребезги» (*Шестина*). «Как выходить, нужно поглядеть в печку и сказать: «Как печка-матушка хороша, так и служба пусть будет моя хороша»» (*Липухина*). «Солдат смотрит в печку, чтобы печка ждала его» (*Лопва*). Смотреть новобранцу в печь было принято не везде, в некоторых деревнях (*Юм, Осинка, Сергеева, Бадья*) в печь смотрят только тогда, когда провожают покойника: «Нельзя в печку смотреть, набажишь ещё» (*Осинка*).

«Сначала выйдет парень без котомки. Выйдет и вернётся, котомка лежит на лавке, солдат заходит за ней один в дом. В котомке хлеб, мясо. Ему говорят: «Благослови тебя Господь!» Утром провожают в путь, все выйдут из дому. Зовут новобранца: «Вернись да ещё иди!» Он в дом вернётся, попьёт, бокал разобьёт» (*Бадья*). «Стопочки ломали – выпьют и ломают, когда уже уходил некрут, его возвращали» (*Васькова*). «Некрут вернётся, его заставят на шестке маленько поесть, отломить от пирога или чего там жарено. Он съест, прямо на ногах, рюмку выпьет, или бражку. Его обязательно благословят молитвой, икону над головой покружат, по солнышку» (*Пож*). «Когда возвращается в избу, на шестке прямо поел пирожок да питьё – и пошёл» (*Ефремова*). «Вернётся, попьёт, поест маленько, посуду изломает одну в печке, в челе» (*Зарубина*).

«Повезут парня, в машину берёзки поставят. На берёзки банты привяжут красные, девки юбки вовсе не пожале-

ют, изорвут на ленты-те» (*Липухина*). «Некрутам наряжали машину, на которой они ехали *«до призыву»*, поставят ёлочки в кузов, если весной, летом, дак берёзки. Прежде чем сесть в машину, некрут должен был всем, кто присутствует на проводах, пожать руку – и женщинам, и мужчинам» (*Юм*).

«Когда уходил, желали ему, чтоб вернулся. Давали в руку платочек, в уголок платочка зашивали бумажку с воскресной молитвой: «Воскресная молитва помогает». Крестик обязательно на себя парень одевал» (*Васькова*). «Платок дарила девушка парню. Раньше на платках вышивали какой-нибудь цветочек. Цвета у ниток были разные. Вышивали девки, мода была, вышивали *верёвочкой*. Женных должен был хранить этот платочек в кармашке. Девка своему парню вышивает платок. Он ей бантик отдаёт, она ему платок вышитой» (*Бадья*).

Парень прощается с отцом, с матерью, девушку обнимает, целует её. Родители благословляли: «С Богом!» (*Лопва*). «Благословляют новобранца – он в ноги родителям падёт, его целуют. Целуют как крестятся, как Богу молятся. Раньше иконкой благословляли, распятием, а счас крестом так целуют». (*Зап. от Трушниковой Е. И., 1912 г. р., с. Усть-Зула.*) «Тут же мать благословила: «С молитвой, со крестом, чтобы Бог пас» (*Ефремова*). «С молитвой едешь, служи правдой, верой, как надо тебе, подчиняйся, не хулигань, не ругайсь, не матерись!» (*Осинка*). «Коля, вперёд не суйся, сзади не вставай, в серединочке болтайсь! Коля, вернись!» (*Зарубина*). «Во имя отца и сына, ладом-чередом, чтобы служить и домой вернуться!» (*Бадья*). «Давали ещё крестик с собой, зашивали в воротник, без вязочки» (*Ефремова*). «Уйдёт парень, хлеб клала мать на полку, два года на полке сидел кусочек» (*Зарубина*).

«Уезжает – с трактора платочком машет всем. Кто на дороге встретится, останавливались. Руку давал, если свои, знакомые» (*Ефремова*). «Кто далёко не провожает, машет докуль видно» (*Осинка*).

Рекрутские песни

Уж вы, лесы, вы ли да лесочки (I)

Уж вы, лесы, вы ли да лесочки,
Лесы серые ли да борочки.
Ничего в лесах и да не видно,
Ничего в серых и да не слышно.
Только видно, скажем, только слышно,
Зародился, скажем, сын – мальчишка,
Да сын – мальчишка, тожно некрутишка.
Он вспоился, тожно воскормился,
Во солдаты парень пригодился.
Да я солдатства, скажем, не боюсь,
Казной-деньгой тожно откуплюся.
Казна-деньга, скажем, не помога,
Добру молодцу да путь-дорога.
Путь-дорожка, скажем, непростая,
Столбовая, скажем, трактовая.
Да уж вы братья, скажем, мои братья,
Да уж вы братчики мои родные,
Да запрягайте коня вороного
В каретушку, скажем, золотую.
Каретушки, скажем, дома нету,
Каретушка, скажем, на базаре,
На базаре, скажем, во Казани.
Вы садитесь, братчики, на козлы,
Вы берите, скажем, в руки вожжи,
Во правую руку, скажем, плётку,
Да вы везите меня прямо в город,
Прямо в город, скажем, во в приёмну,
Да посадите-ко меня на стулик.
На полу-то ой лежат дорожки,
Все дорожки, скажем, ковровые.
Во приёмной, скажем, стоят стулья,
Стоят стулья, скажем, непростые,
Стоят стулья ой да дубовые.

На их лежат сукна дорогие,
 Дорогие сукна, непростые.
 Как на сукнах, скажем, лежат бритвы,
 Лежат бритвы, бритвы золотые.
 Ой вы, братчики мои родные,
 Вы берите бритвы, скажем, в руку,
 Да вы сбейте тожно мои кудри,
 Да и свяжите тожно в узелочек,
 Да покиньте тожно в передочек,
 Да малым детонькам да на поминоков,
 Да молодой жене да на поглядку.
 По плечам русы кудри валяются,
 По лицу слёзы, слёзы катятся.

(Зап. от Тотмьяниной М. С., 1932 г. р., Моисеевой М. М.,
 1935 г. р., д. Васькова.)

Уж вы, леса, вы ли да лесочки (II)

Уж вы леса ли, лесочки, леса серые были борочки.
 Как во этих было во лесочках, заводилась было
 девчоночка.

У девчонки было три сыночка.
 Один сын был, сын был Иванушка,
 Другой сын был, сын был Степанушко,
 Третий сын был, сын был вор-мальчишко,
 Вор-мальчишко, скажем, негодишко.
 Никуда-то парень не годился, во солдаты парень
 пригодился.

Я солдатства, скажем, не боюся, казной-деньгой,
 скажем, откуплюся.

Казна-деньга, скажем, не помога, добру молодцу-ту
 путь-дорога.

Путь-дорога, она широкая, широкая, скажем,
 столбовая.

Уж вы братья, скажем, мои братья, запрыгайте-ко
 вы коней пару.

Коней пару, скажем, вороную, каретушку, скажем,
 золотую.
 Вы садитесь, братчики, на козлы, вы возьмите-ко
 да в руки вожжи,
 Вы везите меня в Перемь-город, заведите меня
 во приёмну,
 Посадите-ко меня на стулик, вы возьмите-ко
 да в руки бритву,
 Уж вы сбейте-ко да мои кудри, брейте,
 брейте кудри, не жалеите.
 По плечам, плечам кудри валяются, по щекам,
 щекам слёзы катятся.
 (Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Как во городе во Питере

Как во городе во Питере, по крестьянской славной улице
 Тут де шёл, прошёл полковничек, всё полковничек
 наборщицек.
 Набирает он некрутиков, всё некрутиков-солдатиков.
 Мне кого будет в солдатушки отдать,
 Мне большого сына жалко отдать, мне среднего
 не хочется.

Малый сын у нас малёшенек, умом-разумом глупёшенек.
 Посмотри, мати, в окошечко, там некрутики катаются.
 На них шапочки мелькаются, алы ленты развиваются.
 (Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

За лесом солнце закатилось

За лесом солнце закатилось, там чёрный ворон прокричал.
 Слеза на грудь мою скатилась, последний раз «прощай»
 сказал.

Последний нынешний денёчек гуляю с вами я, друзья.
 Завтра рано, чуть светочек заплачет вся моя семья.
 Заплачут братья мои, сёстры, заплачет мать и мой отец,

Ещё заплачет дорогая, с которой три я года жил.
 С которой три я года жил, с которой под венец ходил.
 Тележка к дому подъезжает, колёса о землю стучат.
 В коляске старший отвечает: «Готовьте сына своего».
 Крестьянский сын давно готовый, семья вся замертво лежит.
 Лежат все братья мои, сёстры, лежит и мать, и мой отец.
 Ещё лежит и дорогая, с которой три я года жил.
 (Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья.)

ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД

Тема смерти в силу своей метафизичности в народной культуре воспринимается и до настоящего времени весьма специфично. Во многом поэтому похоронный обряд хорошо сохраняет в своём составе детали магического и мистического характера, которые одновременно адаптируют человека к явлению смерти с психологической стороны. В традиции края сохраняются формы, которые редуцировались, а то и практически выветрились не только на других территориях Прикамья, но и в целом на Русском Севере (дифференцированная, развернутая традиция похоронных плачей-причитаний, обряд «Проводов души», особая поминальная кухня и пр.)

В настоящем разделе поэтапно раскрываются наиболее характерные для края детали обряда – обмывание и обряжение умершего, погребение, поминки. Поскольку обряд на территории края сопровождается пением большого количества стихов (*пропевов*), в описание соответствующих моментов обряда включены тексты причетей. Предваряет описание материал, дающий представление о народной религиозно-мистической интерпретации смерти. Приведены устойчивые народные приметы к смерти, тексты снов, в которых воссоздается образ того света, говорится о культе умерших. Завершают описание тексты похоронных причитаний, представленные в территориальных вариантах, духовные стихи.

Представления о смерти и том свете

В словаре Юрлинского наречия немало эвфемических характеристик смерти. Об умирающем здесь скажут: «землёй пахнет», «сгорает», а о покойнике – «ушёл книзу», «склал моготу». Сама по себе смерть нередко персонифицируется – как мужчина в плотническом одеянии, как женщина в белом, нередко как маленькая девочка. Смерть, как правило, «даёт о себе знать»: показывается во сне или в видениях человеку, которому скоро умереть, предвещает какие-либо события. Образы того света чаще всего проявляются в снах: «Покойники часто снятся, бегают за мной, а я от них. По небесам поднимаюсь, убегу. Вот если свекровь приснится – обязательно заболеть, если сестра снятся, Нюра-покоенка, то ко снегу, к дождю. А чё там – на том свете темень, больше ничё. Мои ребята, умерли которые, Мария и Вася, снятся, что коров пасут. А так что, умер – и небо с землёй сошлось, больше ничё». (Зап. от Чеклецовой З. И., 1926 г. р., д. Кукольная.)

«Снилась сестра мне, сама во всём белом, и там все тоже в белом ходят, в белых халатах. Так уж там надо. И на работу так ходят. Сестру-ту спрашиваю: «Ты куда пошла?» – «На работу». – «А кем работаешь?» – «Дак тоже учительницей, как и раньше». (Зап. от Ефремовой К. М., 1928 г. р., Юм.)

«Умрёт человек – к Богу уходит. Ноги у бога на земле, а голова на небе. Он все видит и слышит, что он прикажет *приспёшникам* – они то и делают. Распорядится: «Гром!» – гром гремит в небесах. Вот, если бы он допустил (а он не допустит), то земля и небо вместе сойдутся, всё, конец жизни». (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.)

«Все умрём. Умрёт человек, его душу возьмут на каторгу, смола кипучая ждёт, как же, грешник. Богородица, когда умрём, она скажет: «Ну, было тебе на свете, всё воля была!» – «Ты меня пусти хоть на денёчек, хоть на часочек!» Она: «Нет, тебе была воля, была! Что хотела, то и делала!» – «Ну хоть на часочек отпусти!» – «Не отпущу!» – «Ну хоть на минуточку!» – «Не отпущу!» Вот скажет: «По

правую руку пойдут праведники, по левую – грешники», разделит. А там, это я слыхала у старух, будет берег и другой берег. Она поставит всех грешников, скажет: «Берег с берегом, сойдитесь!» Берег с берегом сойдутся, там смолу пустят, так и будешь булдыхаться в ней, как в реке. А праведники, они на берегу останутся. Бог подберёт их в свои руки. На небесах наши-те души живут, вот когда умрём. Вот еще божий суд-то не был, когда он будет, а наши-то души господь Бог сто километров вокруг не допускает. А туды подлетим, туды, когда умрём, то он скажет: «Отвечайте!» Божий суд будет, тогда все живые и мёртвые пойдут. Вот тогда будет страсть-то божия!» (*Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.*) «Старые люди говорили, будет конец света. Сосна-де к концу света будет блёкнуть. Она первобытное дерево, первая появилась, первая и блёкнуть будет. Громы будут большие» (*Пож*).

Представление о конце света, приходе на землю Антихриста ярко воплощено в духовном стихе, который до сих пор исполняется, когда умершего провожают на кладбище (поют его также и в *сорочины*):

Ой вы, вы рабы ли, рабы ли, рабы,

вы да рабы да грешныё,

Молитесь да богу со слезами.

У нас да антикрис да по сырой да земле ходит.

Нам да живаться Крестом да Богом.

Вы да рабы ли да, вы да рабичи, вы да

за друга, за друг друга постоите,

Божью да веру да не бросайте.

Под ад-конец-ту будет да ой житьё коротко,

Красное солнышко да потемнеёт,

Млад-от месяц, ой да залуднеёт,

Часты да звёздоньки да с небёс да скатятся.

Да не будёт ни дождя да ни росы,

Темны леса-те, ой да же поблёкнут,

Быстры да речушки, да ой, оне иссохнут.

Да не будет да белой да жизни, только

да будут да ой лихи собаки,

Будут да ой да ой, сороки-вещицы.

Да Михаил-от да ой Аркангел со небёс
да спустится

Да прозвенит трубой золезной.

Да сыра-та земля да матушка стрясётся.

Живыё да мёртвыё станут да на ноги.

Правельники станут на правую сторону,

Грешники станут на левую сторону.

Пре-да святая ой да наша Богородица

Возьмёт да ой прутья железныё,

Да погонит да грешных да грешников всё
за реку-ту да реку да огненну.

Суд придет да страшный, да Крестос сказал да,

Там будут-де грешные и негрешные.

За ребра-те грешные, за ногу негрешные.

Много да детные да ой усы небретыё.

Вы да кидайте да невода шелковыё,

Вы тяните ой да того народа.

На суд, да на суд-то Божьёй.

(*Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.*)

Повсеместно в крае распространено поверие о чрезвычайной греховности самоубийства: «сам на себя руки накинёт – дак это он Антикрису трёхпалому сдастся» (*Булдыри*). От самоубийства существуют особые заговорные обряды: «Надо взять петлю, на которой человек пытался повеситься. Потом скручивают эту петлю палкой со словами «Давлю того чёрта, который толкал раба божьего в петлю». В это время такой ветер подынется, вой такой будет» (*Юм*). В быличках о самоубийцах постоянно подчёркивается, что именно чёрт, бес заставляет человека лишиться себя жизни: «Вот, слыхал – был солдат один. Раз говорит другим солдатам: «Ребята, поглядите на меня. Говорят, на койке можно задавиться. Ну-ко, задавлюсь нет на ремне? А вы, если плохо будет, меня де вытащите». «Но», – сказали остальные солдаты, их человек двадцать было, рота, они тут на поле, в палатках жили. И чё – тот взял ремень: «Вы, ребята, за мной посмотрите, мне неохота в лес идти, я тут буду. Можно – нет на ремне задавиться?» На то время

заяц выбежал, когда он стал давиться. И все солдаты за зайцем бросились, ловить. Заяц – это чёрт-то и выбежал. И зайца не поймали – убежал, и парня прокараулили. Это чёрт превратился в зайца. Чёрт в любого может превратиться, и в человека даже. Это чёрт-то и пихнул парня, тот на коленках так и задавился. (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.)

«Умрём – там нас заставят реку бурную переходить. Чтоб легче было переходить, надо при жизни как можно больше полотенец подать, их там свяжут, и пойдешь, дак держаться будешь». (Зап. от Кудымовой Н. И., 1932 г. р., д. Лобанова.) «Никто не знает, что нас там ждёт. Одна девка обмирала, семнадцать дён лежала, потом проснулась. Дак ничё не сказала, чё она там видяла. Только одно сказала – там де нельзя ножом железным квашонки скоблить, только лопаткой деревянной» (Чужья).

Устойчиво поверье, что покойник кажется не перед добром (Липухина). Старые люди считают это знаком смерти: «Вчера во сне видела – мужики дорогу на кладбище разгребали. Это уж мне весть была, хватит, нажилась». (Зап. от Голубчиковой М. Н., 1921 г. р., с. Юм.) «Если покойника во сне увидишь – нужно обязательно подать милостыньку. Говорят: «Царство небесное, спокойное место», и молятся» (Бадья). «Снилась мне дорога на кладбище, что пришла я на кладбище, на папину могилу, могила будто открылась, вижу, там половичок постланный, около могилы столик стоит. Я и говорю: «Ой, папа, как у тебя тут красиво». Он отвечает: «Я тут хорошо обустроился, чистенько». А вот через сколько-то дней брат у меня заболел и умер, вот дорожка-то приснилась дак» (Пож). Повсеместно считается, что «приходящий покойник – это «бес», нечистая сила, «он только кажется как родной, а копыта у его лошадиные» (Юм). Колоритное описание беса-мертвеца представлено в быличке о погибшем муже: «У нас у сестры муж в германску погиб, дак ходил к ей. Сестра жать уйдёт, потом приходит и говорит – ко мне де Гришка был, он живой. Тогда наш дядя сделал ей туесок берестяной, отдал. Говорит: «Вымой его с молитвой и унеси в лес. Он к тебе

придёт, ты ему дай тусок, будто пить. И сними с ноги у ево сапог». Она так и сделала. Он пришёл, открыл крышку-ту, пить-ту, да как заорёт: «Каку ты заразу тут наклала»? И пить не стал. Она сапог с его сдёрнула, а у его нога в шерсти. Вот у её волосочки-то и подняло. Говорит: «Гришка, я квас замешала, мне надо идти брагу делать, завтра принесу тебе», – и убежала. Дак он зачал к дому ходить, она на *постать-ту* не ходила больше. Велели смолой на ворота крест класть, сказали – к которому окошку ходит, ты к этому окошку с иконой подходи. Она так и сделала. Он приехал, как увидел икону, заорал: «А, догадалась, а то бы худо тебе было!» И больше не бывал (Пож). Еще один сюжет с объявляющимися покойниками, умершими не своей смертью – рассказ о «худых местах, где блазнит»: «Мы с подружкой собирали ягоды, чуть не по полному туеску набрали, домой собрались. Расклонились – перед нами стоит женщина, высокая, худая, вся в верёвках запутана, от лица до ног самых. Мы бежать. А потом узнали – на том месте когда-то мужик бабу убил, замаял её. Вот, на худое место нашли» (Таволожанка).

Умершие особенно часто дают о себе знать, если похороны проходили с нарушением обряда: «Тут старик умер, гроб-от мал ему был. Вот потом он и приснился – «живу де я хорошо, только дом-от мне-ка маловат» (Ефремова). «Босиком умерший приснится – с ним что-то неладно. Надо обязательно подать кому-нибудь носки» (Юм). В прошлом нередко гроб сверху закрывали берестой: «Прямо большие листы берёста через весь гроб ложат. У меня свекровь умерла, забыли берёсту взять, а просто на гроб землю набросали, так и захоронили. Потом она во сне увиделась: «У всех людей крыши, а я ведь без крыши, дождь на меня дождит» (Липухина). Если умершего не поминать, он также может присниться: «Мне приснилось, печка пала, и скоро после того внушек *нарушился* у меня. Я так захворала с этого, и на девятины не ходила к ему. Потом снова вижу во сне – он идёт, лесом, я бы его поймать хочу, не могу. Он мне и бает – вот, баушка, ты к нам ходить не стала» (Чужья).

Широко распространены приметы на смерть: «Если с *потылицы* складка кожи на руке защипнется длинная», – скоро умереть (Юм); голос не *тенется*, плохо говорит человек – умереть скоро (Кукольная). Считается, что перед смертью человека «берет скука, сон»; умирающему мерещится много маленьких детей. Женщине перед смертью может присниться человек, который приезжал когда-то сватать её в жёны. Характерно для Юрлинского края представление смерти в облике мужчины с пилой, молотками и прочими плотницкими инструментами (оно полно отражено в одном из духовных стихов, исполняемых до сих пор в обряде похорон – см. ниже стих «Уж вы ангелы да вы господниё», записанный от Моисеевой М. М., 1935 г. р., д. Васькова. Как кажется, в этом случае отражено распространенное в прошлом по всему Прикамью явление – по деревням раньше ходили *гробовики* – плотники с рубанком, пилой, топором, которые и воспринимались как вестники, слуги смерти.

О душе

«Бабушка умирала, мамка туесок ставила на шесток, трубку в печке открывала, чтоб душа в трубку вылетела. Когда умирает человек, сначала в туесок, потом в трубу улетает душа». (Зап. от Черных Л. Б., 1943 г. р., д. Сергеева.) «Когда человек умирать ладится, рядом ему воду ставят, душе-то умыться, обмыться надо, она выйдет дак» (Юм). «Если плохой человек умирает, то ему ставили поблизости воду – вот душа де тут умоется, она де купается и выйдет из человека, чтоб он не мучался» (Бадья).

Душа умершего, по устойчивым представлениям, до шести недель находится дома, а потом ее провожают. «До 40 дней душа дома, знаки подаёт, брякает. После сорокового дня на другой день уходит, сама двери отворит. Она богом сделанная, нам не покажется. Если покажется, дак это уж не к добру, неприятность кака-то будет». (Зап. в д. Пестерёва от Андреевой М. П., 1931 г. р.) Бытует и другое

поверье: «До трёх годов душа на углу дома вертится, три года поминки, три года дома душа. У меня одна знакомая умерла. А я уснула как, и слышу: «Ой, меня домой-то не пускают, – говорит. – Дом-де закрыт, а я есть хочу». Я проснулась, к соседке прибежала, говорю: «Манька, я во сне про Нинку видела». Вот, душа живёт на переднем углу до трёх годов. Она где-то всё над твоим домом». (Зап. от Сабуровой А. А., 1938 г. р., д. Лобанова.) Душа может показаться в птичьем облике: «Когда-то старик со внуком шёл по реке и три де птички пуркаются. Три птички де летают, одна птичка по земле пуркается, пуркается, пуркается. Вторая на ветке, а третья – выше куста. Внучек спрашивает: «Почему одна птичка не может слететь, а вторая слетела на половину куста? А третья, смотри, как высоко летат?» – «Вот одна богу де не молилася, она не может с земли улететь-то, значит, душа чья-та была. Плохо молилася, на земле и осталася. А вторая, поменьше, у куста-то и осталася. Третья-та молилася, она улетела высоко. Это птички – воробы. Вот они, души, в воробушков превратились». (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.) Ср. также: «Тётка сказывала, мама её как-то сон видела. Наши душеньки птичками летают, к деревьям припадают. То на то дерево скачет, то на друго скачет птичка. А это и были души. Если в семик идёшь пораньше, там птички только чик-чик-чик, чик-чик-чик, на ту ёлку перелетят, на другу, ждут родителей-то. А солнышко вздынется, народ де грешной пойдёт, собаки де побежат, дак мы, души, уж нету там...» (Юм).

Частые облики души – бабочка, муха, комар: «Появился комар большой такой, до 40 дней я всё ладан пускала. Он этот ладан слышал, а так и летал до 40 дней, такой большущий. И мы не убивали его, как вроде душа. Стали душу провожать, и его не стало. Такой большой, длинный, серый. Ходила, ладан пускала каждое утро, а он его не боится. После 40 дней исчез» (Пож). «Замечали людные, когда поминашья, до сорока дён, муха большая летает над столом, над едой. Её не трогают, вот де душа-та летат» (Юм). «Муха на стол падает, её трогать нельзя – это

душа. Тараканов, птичек, когда поминаются, тоже нельзя трогать». (Зап. от Сабуровой А. А., 1938 г. р., д. Лобанова.)

Обмывание умершего

Когда душа выходит (умирает человек), перед умирающим ставят миску с водой («душе надо будет умыться, выходить будет дак» — Юм). Сразу, как человек умрёт, ставят на стол или подоконник стакан с водой, сверху кладут краюшечку хлеба с солью, до сорока дней их меняют. «Потом краюшку скотинушке дают, чтобы Бог леготу дал скотине» (Лобанова). «Умрёт человек, его перед святы положат. Женщину, дак на женску лавку, на поперечную, мужика — дак на мужскую, потом уж в гроб перекладывают» (Пож). У икон вывешивают белое неподрубленное полотенце, которое затем висит сорок дней: «на проводах души его отдают тому, кто обмывал» (Юм).

Один из начальных значимых этапов похоронного обряда — обмывание. «Обмывают покойника те, кто пожелает, кому умерший завещание даст. Только гульна если баба, ей грех умершего обмывать» (Булдыри). «В жизни надо обмыть трёх покойников; зарабатывать надо, чтобы и тебя обмывали» (Бадья). «Надо трёх покойников обмыть и три могилы выкопать на белом свете, пока человек живет: надо заработать, чтобы тебя обмыли. Кто обмывает, тот грехи замаливает» (Ефремова). Покойника снаряжают и целуют все, кто обмывал (Ефремова). «А кто обмывал, умыльщики, потом, когда душу провожают, им дадут одёжу — и рубаху, и кустюм» (Липухина).

«Покойных моешь, пока не закоковел, пока тело тёплое, моешь сija. Перекрестишь его и сам перекрестишься, разговариваешь с покойником, когда моешь, так он лучше дается, будто живой. Моешь только тряпочкой мокрой, не надо, чтоб вода стекала» (Ефремова). «Обычно моют сверху вниз, моют — как крестики ставят. Моют без мыла, с мылом моют только лицо» (Бадья). Воду, которой обмы-

вают покойника, обычно выливают в передний угол дома (Пестерёва) или туда, «где собака не ходит». Мыло и тряпочку выносят в огород. «В яму, к черёмухе бросим, летом, дак в речку, а тряпочку лучше сожечь» (Бадья). «Из чего мыли умершего, разломают и выбросят в передний угол, горшок изломают об заугол передний. Потом, весной, за угор собирают и выносят осколки от этого горшка» (Липухина). «Если мыли из стеклянного блюда, его надо разбить или бросить в палисадник, под угор. Можно просто вымыть его ключевой водой и бросить на крышу» (Ефремова).

«Всё потом надо убрать, мыло, воду, тряпку, а то есть, которые *декаются* над людьми, колдуют. Напоят с *покойнишной* воды — это человек умрёт, его обмоют, и кто-то воду возьмёт. И той водой поят, кого если вот не залюбят. Чахнет-чахнет человек и умрёт, никто уж тут не поможет» (Усть-Зула).

Когда моют человека и обряжают, поётся особый стих «На белом свете человек как трава растёт»:

На белом свете человек как трава растёт,
Как трава растёт да разрастается,
Как цветок цветёт да распускается.
Как вчера да молода да во беседушке была.
Во беседушке была, во ряду сидела.
Во ряду сидела да речь-говорюшку вела.
Речь голосную, речь хорошую.
Со полуночь человек да приступаться стал.
Его резвы ноженьки подсекались,
Его белые рученьки опустились,
Его ясные очи помутнились,
Буйная с плеч да головка повалилася,
Ретиво сердечко становилось.
Понесли ино раба всё на лавочку,
Всё на лавочку да на скамеечку.
Пред иконой святой да свечка теплится,
Обмывать раба хотят да снаряжать ладят.
Снаряжать раба ладят, огроблять хотят.
Огроблять раба хотят да провожать ладят.

Провожать раба пришли да дети родные,
 До путинушки, до дороженьки,
 До дороженьки до широкие,
 Всё до ямочки, ой, до глубокие,
 До глубокие, ой, до могилочки.
 Тело белое червям на съедание,
 Кости грешные да на предание.
 Душа грешная, она в ответ пойдёт,
 Ой, в ответ пойдёт, на собрание,
 На собрание, ой, на всемирное.
 Ты куда, душа, спешишь, ты куда летишь?
 Не туда, душа, летишь да не туда спешишь,
 Где огонь-от горит, разгорается,
 Где смола-та кипит, раскипается,
 Где черви шипят да расползаются.

(Зап. от Копытовой Т. И., 1941 г. р., Пикулевой А. М.,
 1937 г. р., Никитиной Г. А., д. Пож.)

Обряжение умершего

«Человек одевается на всю жизнь, когда умер, надо, чтобы красиво было. В белое снаряжают, можно в тёмное, только шерстяное и красное не одевают. Раньше лапти надевали, себе ещё заживо плели лапти, или бродни, они как калоши, из берёста» (Ефремова). «Летом умершего одевают так же, как и зимой, только на голову зимой шапку, летом фуражку. А женщине, у мамы, к примеру, *плетни* были, дак ей *шашмурку* оставят. Чаше сейчас на низ тоненькой белой платок одевают, а сверху-то ещё надо цветной платок» (Юм). Волосы обязательно расчёсывают, женщинам заплетают («обязательно плетёшками книзу» – Таволожанка).

Раньше на умершего надевали саван из холста: «два полотна сошьют, как мешком, в гроб постелят и покойника уложат. Прикроют бока-те саваном, и *покрышка* (покрывало) сверху холщовая» (Юм). Своеобразная замена савану – надевание на умершего халата: «обряжают как – оде-

жду снадели, а потом ещё халат сверху. Можно даже медицинский белый халат или серенький, только чтоб не красный» (Ефремова). «Надо умершего положить в бледном» (Кукольная); «Раньше шивали саваны белые, сейчас хот в чём кладут, только в чистом, и не в красном, без яркого – цветы если есть на одеже, их на том свете выводить заставят» (Пож).

На покойника раньше старались шить холщовое, старые люди до сих пор хранят холст «на *умиране*». Иглу, которой шили покойнику, хранят и не используют: «которые новобранцу отдают, в армию парень пойдёт, эту иголочку ему с собой. Нитки тоже расходовать нельзя, их потом положат, так и должны лежать» (Осинка). Когда шьют на покойника, «обратным шагом не шагают, только вперед» (Пож). «Если женщина честно жила, ее могут и в вечном положить в гроб, а *кривляла*, дак нет» (Чужья). «Матра-сик и подушку из ваты делают, только не пуховые. Которые кладут в подушечку берёзовый лист от веника, да, говорят, не надо этого, лист, он шумит, а надо, чтобы там шума не было» (Липухина). На днище гроба расстилают листья (реже ветки) веника, при этом обязательно нужно у веника предварительно отрубить и сжечь комель.

С замужества копят свои волосы, их кладут в подушку (или под подушку), «потому что волосы долго не гниют». Говорят в этом случае, что «волосы за свой век надо накопить» (Кукольная). Кладут в гроб также не только волосы-очёски, но и ногти, которые также собирают, когда стригут («под мышку ногти складёшь, их надо, там ведь на гору лезти заставят» – Лобанова). В ряде мест ногти у покойника не стригут, если они собраны, когда умер человек, их надо сжечь: «разбросашь, дак на том свете собирать заставят» (Таволожанка).

«На ноги раньше надевали лапти с онучами, сейчас тапочки. Резиновую обувь нельзя на покойника, туфли тоже нельзя, только тапочки *нарошние*» (Бадья). «Мама вот изольна себе тапочки сплела, *тюпорошни*. Если носить лапти, ивой заплетали, то на умирание из *нагольного* берёста делали» (Таволожанка).

Умершему свечку в руки дают: «чтобы черти не подходи-

ли» (иное объяснение – «свечку надо, чтобы там светло было» – Юм). «Платок носовой с собой обязательно, может, где запотеет – дак пот вытереть, или руки где замазает, лицо, надо ведь вытереть, ведь на всю жизнь человек идёт. Крестик покойного надо вымыть и с собой ему положить, без креста там никто не бывает. А того лучше – новый крестик дать с собой, а старый оставить, здесь носить» (Ефремова).

Умершему, пока он в доме, кладут под подбородок («под чуху») или к ушам варёные яйца: «покойник будет баской, хороший» (Осинка). Воду (часто с марганцем или уксусом) ставят под гроб, чтоб не пахло (воду нужно чаще менять). В это ведро в ряде случаев опускают один конец проволоки, другой привязывали к руке покойника (иногда проволоку пропускали до земли, Юм).

«В последний путь с цветами провожают, чтобы красиво ему было там жить, но в гробу цветы нельзя оставлять. Если газеты человек читал, надо газеты с собой положить» (Келич), полотенце и мыло, которые использовали при обмывании умершего, клали в гроб (Юм). Как отголосок старого обряда, сохранившееся кое-где обыкновение класть (либо просто в гроб, либо на лицо умершего) небольшой кусочек бересты (Липухина).

«В свадебном платье хоронят девушку, которая замуж не ходила, не творила блуд, её и хоронят как невесту, и фату накидают, будто она под венцом стоит» (Ефремова). «Младенца хоронят с молитвой. Без имени хоронить нельзя, надо, чтобы имя было, даже, если сутки прожил – к Иисусу Христу душа-то как пойдёт без имени. Некрещёные дети, они в саду на том свете не сидят, их где-то в лесах гулять выпускают, а крещёные дети у бога на руках, они где цветут сады» (Ефремова). Когда ребёнка хоронили, ему в ручку правую давали крестик, а в гробик клали маленькую иконку, «чтоб на иконке женщина сидела» (Кукольная). «Кто гульный был (гулящий), много мужиков или баб имел, обязательно вокруг 40 свечек ставили» (Келич).

При обряде умершего, как и при обмывании, исполняются стихи о душе:

Два ангела, да два были господние.
Вы да куда же, куда да летали-сполетали?
Да мы летали-сполетали да по свету да белому,
Да по всей-то матушке, да матушке сырой земле.
Мы туда были же да на расстанушке.
Ино чё же где да чули да видели?
Да мы ведь да видели, мы-ту да чули же,
Как да душа да с телом белым расставалася.
Расставалася да слезно расплакалася.
Ты-ко прости да прощай, тело мое белое.
Тело белое да понесут на лавочку,
Все да на лавочку, все да на соломоchку.
Тело-то белое тожно обмывать будут,
Обмывать будут, да тожно снаряжать будут.
Тожно огроблять будут, до тожно кадить будут,
Кадить-то будут, да тожно провожать будут.
Провожать-то идёт да милая ладушка,
Провожать-то идут да малые детоньки,
Провожать-то идут да братья да сестрицы,
Да все родные да племяннички.
Провожать-то идут да дяди да тетушки,
Провожать-то идут да сродные братаннички,
Провожать-то идут да сваты да сватьюшки,
Провожать-то идут да кумы-кумушки.
Провожать-то идут да нижние суседушки.
Провожать-то идут да все друзья-товарищи.
Провожают раба да тожно до дороженьки.
До дороженьки да тожно до распутинушки
до широкие,
Да тожно ведь до ямочки до глубокие.
Да тожно до могилочки.
Тело-то белое да червям да на съедение.
Кости грешные земле да на предание,
А меня-то, душу, да душеньку грешную,
Душу грешную, да тожно непокаённую,
Непокаённую да тожно неисповеданну
Все на суд отведут, да меня на собрание.
На собрание да тожно на всемирное.

«По солнышку вокруг покойника пройдут, молитвы прочитают. Обязательно шерсть через гроб подадут, овечью, в платок завяжут и подают. Тоже курицу, в белое запутают

и подают, родственникам» (*Таволожанка*). Подают через гроб родне живую курицу («загребат-де курочка могилу-то» – *Липухина*), считается, что эта курица будет особо *ноская*.

Одежду, которую покойник носил при жизни, родственники хранили и надевали в каких-либо затруднительных ситуациях (существует поверье, что эта одежда охраняет от суда).

Лавки, на которых стоял гроб, раньше нередко уносили на кладбище: «Там из них лавочки сделаешь или сжигали, счас так не делают» (*Пож*). Обычно за гробом кидали ветки пихты, хотя в ряде мест верят и в то, что «нельзя бросать пруточки за гробом, на том свете их собирать заставят» (*Чужья*). Гроб несут те, кто подойдёт, можно и женщинам, и мужчинам, только нельзя нести детям умершего. Обычно крышку и гроб несут родственники. «Беременной нельзя провожать покойника, или кто первый год замужем – ребёнок-де бледной будет, блёклой» (*Черепанова*). Перед выносом и во время выноса умершего пелся особый «запрощальный стих»:

Да прощается Нина душенька со своим-то
любезным батюшком,
Со своей-то родимой мамонькой.
Вы простите меня, благословите меня на житьё идти
да на приветное.
Мне ведь с вами будет больше не видеться,
век с-по веки не слыхатися.
Нам на лавочке будет не сиживати, речь-говоряшку
не говаривати.

Да прощается Нина со милыми братьями,
Да прощается Антоновна с любезными сестрами,
Да прощается Нина со племянничками,
Да прощается Антоновна со соседучками,
Да прощается Нина со белой лавочкой –
Мне-то будет на лавочке не сиживати.
Да прощается Антоновна со окошечками –
Мне-то будет в окошечко не глядывати.
Да прощается Нина с печкой-матушкой –

Мне-то будет на ей больше не лёживати,
Да прощается Антоновна со своей скатной улочкой –
По тебе я много хаживала, со своими друзьями-
подружками...

(Текст записан в с. Юм в 2003 г.)

В день похорон и особенно при провожании умершего предпринимались самые разнообразные действия, чтобы покойник «не ходил». Для этого нужно было покадить в доме и в голбе, под полом (*Шестина*), поглядеть в печь: «Покойника провожают, в печь глядят. Как вынесут из избы, тогда скорей в печку глядят, чтобы не бояться» (*Юм*); «когда выносят покойника, во дворе надо заглядывать. Когда его вынесут, нужно прятаться везде, заглядывать в углы, а потом надо во дворе всё покадить» (*Липухина*). «Родные около покойного посидят, чтобы не бояться, глядят, как покойника снарядили. Чтобы не бояться, в лоб поцелуешь, простишься с ним, ноги еще пошевелишь, заденешь: «Прости, мол, меня», – а он слышит ведь, покойник-то. Подумаешь своей мыслью, а он слышит, будто мысли читает, – что, мол, я тебе не мешал, и ты меня не пугай, не желай» (*Ефремова*). «Чтобы не бояться покойника, после того как гроб снесут, на табуретках или лавке, где стоял гроб, нужно посидеть, потом дверями *похропать* три раза; маком, *коноплём* перед порогом посыпать» (*Липухина*).

Когда выносят гроб, стараются ничего им не задеть, «несут потихоньку, вежливо, чтобы не уронить, не состукать, чтобы всё хорошо было» (*Ефремова*). «Если кто гроб несёт и споткнётся, это ему к худому, беда худая примета» (*Таволожанка*). «Гроб выносят из дому, три раза по солнышку поворачивают» (*Юм*).

После похорон, если *блазит*, предпринимались особые действия. «Если тебя умерший пугает, кладут взголовье татарин траву – колючая она, хвататься за нее нельзя, а цветочик сверху делается алой, как колокольчик» (*Чужья*). «Приходящего» покойника нужно ругать, нужно передвигать стол (*Шестина*). От приходящего покойника нужно со всей силой стукнуть по тому месту, где он привиделся.

Когда выносят умершего, прощаются с «покойным телом», причитают также обо всём, что окружало умершего:
Ты прости-ко, прощай, да моя горенка, моя новая,

моя весёлая,

По тебе мне будет не хаживати.

Ты прости-ко, прощай, да печка тёплая, печка тёплая

да сугревная,

На тебе мне будет не сиживати, да в окошечко будет

не глядивати.

Вы простите-ко, мосты калиновы, мне по вам больше

не хаживати,

Ты прости-ко, прости, моя лесенка, моя лесенка

мелкоступчата,

По тебе мне больше не ступывати.

Ты прости-ко, прости, широкая улица, по тебе мне

больше не хаживать,

Зелену траву больше не таптывать.

Ты прости-ко, прости, дорога торная, по тебе мне больше

не езживать,

Вы простите-ко, поля широкие, я на вас, поля, много

рабливала.

Вы простите-ко, леса тёмные, ты прости-ко, прости, речка

быстрая,

Вы простите-ко, люди добрые, люди добрые, люди

хорошие,

Мне со вами уж да не видеться, мне со вами уж да

не встретиться.

(Зап. от Пикулевой А. М., 1937 г. р., д. Пож.)

Первая встреча

На первую встречу шили мешочек, в который клали полотенце, скатерть, кружку, чашку, ложку, какое-нибудь угощение (пряники, конфеты, пироги, печенье, «демянский» ладан). В последнее время чаще всего берут с собой только мешочек с угощениями (пряники, конфеты – Юм). «На покойника что шьют, дак вот те ниточки, ту иголочку

в котомочку кладут, и яички ещё» (Келич); «на первую встречу в белый платок завяжут пряники, печенье, просто хлебушко, как милостинку, нитки, чашку, ложку в котомочку положат. Кто первый попадёт, тому дарят» (Осинка).

Погребение

В день погребения примечали, какая погода. «Мелкий дождик в похороны – хорошо, а крупный – значит, покойный ругал погоду. Вот, тут мужика хоронили, дак такой был дождь: сияло, гремело, вода с метру, с полметра в логгах. Все до нитки промокли. А в яму, могилу, стали лезть, там сантиметров двадцать была вода-то. Это покойный, видно, грозу ругал. Вот ему и отомстила погода, не надо ругать погоду» (Ефремова).

Кидают красные денежки в могилу, перед тем как гроб опустить – землю окупают (Пож). «В могилу раньше на холстах спускали, сейчас на полотенцах да на верёвках, кто как» (Келич). «Гроб спустили, три раза надо в могилу бросить земельку. Уходить, дак все кругом обойдут могилу, попрощаются. Иконку на могиле оставляют до сорочин, рюмку ставят, если пил человек. Оградку на кладбище многие не делают. Один матери сделал, тут ему мать-та приснилась: «Пошто ты меня от людей отделил, загородил в оградку; мне-ка с людьми охота» (Тимина). Старались высаживать на могиле мелкие белые цветы, землянику. В ноги умершему нередко садили мелкие кусты калины, а также берёзку или ёлочку.

Кто копал могилу, тех тоже кормили, они прямо на могиле ели. Рассчитываясь за работу, им отдавали полотенца, на которых гроб опускался в могилу.

Когда умерший предан земле, исполняется стих «Солнце праведное», в котором говорится о вынимании души:

Солнце праведное, ой да на закат пошло,

На закат солнце пошло да закаталось.

Закаталось солнце, ой да сомеркалось.

И да на правой-то руке и стоят два ангела,

Два-те ангела, да два господние.
 На левой-то на руке и стоят два дива,
 Два-те дива, а два заклые.
 У Константина у раба, а да вынимали душу.
 Вынимали душу, душу грешную,
 На востром копье, на большом ноже.
 А в сырую землю, туда душу брякнули.
 Соскочила душа, а да сохватила
 Все за ангела, а да за господнего.
 Ты уйди-ко, уйди, а душа грешная,
 Душа грешная, а не покаённая,
 Не покаённая, не исповеданная.
 Ты не нам же душа, а да веровала,
 По утрам-то душа, а рано не вставала,
 Свечку господовую утром не затепливала,
 Правы, а слова, а ты да не пускивала,
 Ты во божий да крам ой да не захаживала,
 Со слезами богу, ой да не молилася.

(Зап. от Копытовой Т. И., Пихулевой А. М., Ники-
тиной Г. А., д. Пож.)

Поминки

Первые поминки устраивались на третий день, в день похорон (*третины*). Затем поминают на девятый день (*девятины*), на сороковой (*соротины*, или *сорочины*). Кое-где отмечают и *полусорочины*, при этом обычно поминают умершего только в кругу семьи, без приглашения знакомых. Через год отмечают *первые години* (на эти поминки должны обязательно приехать все, кто не смог приехать на похороны), через два года вторые години, через три – третьи (*Юм*). Особое время предназначено для поминания самоубийц. Удавленных поминают только в первую субботу осени (*Юм*), в Митриевскую субботу поминают утопленников (*Липухина*). Считается, что первые три года после смерти всей родне обязательно нужно собираться на поминки.

Главное поминальное блюдо – кутья (обычно из риса с изюмом или сушёной малиной), ей и заканчивают поминать. Помимо кутьи обязательно готовили *яичинку* (*яичницу*) или *селянку*, нередко просто раздавали по яйцу (по поверью, одно яичко заменяло сорок милостыней). Готовят на поминки рыбные пироги, рыбу («только щукой покойника не поминают, у ей крест в голове, и скумбрией, у ей не чешуя, а змеиная кожа»). Обязательны кисель и брага. «Брага кружка стоит, дак вот эту кружку подают всем, кто за столом богу молится» (*Келич*).

Кроме рыбных пирогов, на поминки делали *заспённые шаньги* (с крупой, чаще из пшённой сечки), *налевники* (наливные булочки или шаньги с начинкой картофельного пюре – *Юм*). Сначала за киселём помянут, потом яичком (*Келич*). Сусло и брагу на поминках ставят на стол и кадят, читают «Достойную молитву», потом пьют обязательно *кажёное*. Пирог, если режут, то только на кухне, но обычно ломают.

Своёобразно представлены в местной традиции особые поминальные молитвы, выстроенные во многом по аналогии с заговорами. По местному выражению, в поминки с умершего снимается особая железная *сковка*, и эта тема отдельно обозначена в молитвах на третий, девятый, сороковой день, а также на години:

Молитва за умершего в день похорон:

Сидели три ангела, играли крылами,
 Говорили: Господь с нами.
 Играли не мы, а божьи рабы.
 Одни отпели, другие терпели,
 А третьи пришли не играть, а с раба божьего
 (имя) смертну сковку снять.
 Ангелы, спасите и помогите, кто раба отпелал,
 тот на себя сковку забрал.
 Ключ, замок, язык. Аминь, аминь, аминь.

Молитва на девятый день:

Тринадцать сестёр Ирода, приводите сковку рабы божьей (имя), помяните. Аминь.

«Провожают – пропевы пропоют, накормят всех. Потом собирают котомку умершему, на всю жизнь душа-то должна уйти, и вот ей на всю жизнь собирают котомку, чтоб она

там сыта была, одета. Раньше шили мешочек беленький, шили иголкой вперед, обязательно на долгую, на живую нитку шили. Ложат туда ей тапочки запасные, одежду, чтоб ненешеное было, платочек положат, пирожок, ложечку, кружечку, чашечку маленькую, хлебушка краюшечку» (Ефремова). «В котомочку кладут полотенце, брюки, носки, майку, фуражку, мужчине дак, челпан, свечку, бутылку вина. Свечку надо, хлеб или пирог кладут рыбный» (Лобанова). «В белый мешочек кладут чашку, ложку, кружку, яйцо, пирог рыбный, хлеба челпан, одежду тоже – платье, рубаху, носки, чулки, платок, кофту. На улице кто душа – в каждый угол подходит, крестится. Все помолются, простятся с им – как вроде его провожашь, кого-нибудь уж попросят, если мужика хоронили, то мужика, он и идёт с котомочкой, выйдут на улицу с молитвами, со свечкой, к переднему углу, крестят угол-от. Потом он уйдёт, все в дом, за стол» (Пож).

«Кто обмывал, тот средь полу богу помолится, а все прощаются, его целуют, плачут, стихи поют, будто это душа идёт. А с котомочкой кто, прощается с домом: «Прости, моя горенка, прости, *любая* моя. Ты меня грела, спасала, сохраняла, пожила я, покрасовалася». И в тот угол, и в этот, и в третий поклонится. Выходит на улицу, в передний угол там встаёт, ему кланяются. И он уходит, домой к себе, потом, конечно, возвращается, поминать-то. Если далеко живёт, пройдёт огородами, и заходит назад в избу. А котомочку себе домой приносит, пирог разламывает и всех дома накормит» (Ефремова). Тот, кто с котомочкой, уйдет, как на кладбище идёт, по дороге маленько, а другие его выпроводят. К ему всех приглашают, чтобы прощались: «Прощай, моя душенька, с родимой бабушкой, с родимым папенькой!» Все ему молятся и собирают в котомку, а он стоит. Оне подходят, и его целуют, потом ему дают котомочку. Поют душе: «Прости-ка, прощай, да милый ладушко, не видаться будет нам веки с-по веки» (Дубровка). «Душа за угол за передний выйдет на улицу, простится. И там прибирают: «Прости-ка, прощай, Петюшка родимый». Он уходит и обратно воротится с котомочкой. Чё надо, возьмёт

себе. А если бутылку в котомочку кладут, он говорит: «Ну, давайте по рюмочке выпьем, а я ещё ведь вернусь, две ночки ночую и уйду». Считается, что после проводов душа две ночки ночует, потом уходит. Душа на сорок второй день уйдёт». (Зап. от Сабуровой А. А., 1938 г. р., д. Лобанова.)

Несколько иной сценарий разыгрывается в ряде деревень Юмского куста. Провожающие после пения стихов и небольшой трапезы со свечой (всё происходит рано утром) выходят на улицу, к переднему углу. «Тот, кто с котомочкой, пошёл, все четыре угла перекрестит, поклонится во все четыре угла. Все прощаются с душой, целуют её, крестятся, падают в ноги. «Выходят на улицу со свечами, с иконой, душу на улицу проводят со свечами. Проводим, потом за столом сидим, пьём по рюмочке, кто богатый, тот больше. Двое берут котомочку на плечо и уходят» (Юм). Уходят обычно тот, кто обмывал, *умыльщик*, и любой по желанию. Они идут по дороге, по которой увозили покойника, дойдя до ворот изгороди деревни, возвращаются (мешочек уже под мышкой, у того, который не обмывал; он получает его навсегда).

Проводы души сопровождаются большим количеством причитаний и исполнением духовных стихов, в причитаниях нередко комментируются действия участников обряда. Частый сюжет причета на проводы души – сборы в дорогу:

Собирай-ко котомочку, иди в дальну вечну сторонушку,
Клади же со стола скатёрочку, со стены полотёнышко,
Клади же чайну ложку да еще кружечку.
Клади свечу восковую, клади вересовый ладаночичек,
Клади же ниточку-иглочку, клади божью милостину...

(Плач записан в с. Юм в 1986 г.; упоминаемая в тексте милостыня – хлеб, или поминальная стряпня; см. ниже более полный вариант плача – «Собирается душенька...», «Уж какой же праздничек...»)

Поминки в Радольницу

В Радольницу идут на кладбище. «На могилке ладанком покадишь, еду принесёшь, раскладёшь на могилку, её тоже покадишь, все покушают кажёное, помянут родителей. Уходишь, крошки, скорлупки птичкам оставишь, чтоб птички могилку *оверяли*». (Зап. от Ивановой М. Н., 1932 г. р., с. Усть-Зула.) «На кладбище каждую могилу кадить надо своих умерших, а то на том свете им голодно». (Зап. от Деткиной М. И., 1928 г. р., д. Келич.) «Уходишь, посыпать крупой надо, сыпать можно только в ноги. Если посыпать могилку крупой в головах, покойник приснится и скажет: «Все мне глаза птички выклевали» (Пож).

«Если на Радольницу птички поют, то птички Радольнице веселятся, это души веселятся. Рано выходишь – птички поют в этот день, а если птички не поют, так не тот день Радольница» (Ефремова). «В Радольницу яичко с Паски носили на кладбище, искрошат его, посыплют на могилу, где голова» (Бадья). В Радольницу красят яйца, обычно яйца оставляют на Радольницу после Пасхи, если останутся, если нет, красят новые. «На кладбище яйца разламывали, кушали, поминали. Разламывали без кожуры и поминали. Яйца приносят, в первую очередь за яичком нужно помянуть». (Зап. от Верхованцевой Е. П., 1927 г. р., д. Лопва.)

Поминки в Семик

«У нас поминальный день в четверг. Идут на кладбище, яйца красят, как и на Паску. На кладбище яйца расколу-пывают, разламывают, нож не берут, ну, некоторые и дома надрежут. Пирог тоже на кладбище не режут, а разламывают. Пирог рыбные, рыбу целиком запекают. Только щукой не поминаются, она хищник, *самоедь*, рыбу ест» (Ефремова).

«У нас поминальная суббота перед Троицей. На могильник настряпаешь, бражку несёшь, можно и яйца покрасить, свою могилу покадишь. На могиле поплачешь» (Бадья). «Где в Троицкую субботу ходят помянуть умерших, где ходят на семик в четверг, вот в Юрле так» (Лопва). В Троицкую субботу на кладбище ходят *кадиться*, родителей поминают. Приговаривают, когда каются: «Донеси, ангел Господний, ладанок церковный до всех, до своих, до родителей, до знающих, незнающих, донеси, Господь Бог». Несёшь блины, оладьи, шанежки, раскладываешь посреди могилки. Раньше много кто читали причёты, кто как знает, как умеет. Как прожил человек, всё это приговаривали: «Солнышко, ты, да родимая мамонька. Ой, ты зачем жо, ой ты меня о да родила жо, ой, да на такую жо муку вечную?» (Зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р., д. Осинка).

Причёты исполняли вытницы, которых специально приглашали (таких остаётся в настоящее время всё меньше). Сами вытницы считают исполнение причётов за плату грехом: «Я вот грешу – по поминкам хожу, читаю, по могилам причитаю, накажет, наверно, Бог» (Юм).

Ниже приведён семицкий плач, записанный в с. Усть-Зула от Ивановой М. Н., 1932 г. р.:

Налетите, птички-пташечки, разгребите сыру
земельку,
Налетите, ветры буйные, распахните белы саваны.
Стань-проснись (имя рек), сядь-расскажи же мне
Про своё житьё-бытьё, про бытьё красное.
Расскажу же я тебе да про своё житьё, про своё-то
житьё-красованье.
Встану я одним-одинёшенька, погляжу же я
в окошенько.

Да ни с которой со сторонушки ты не придёшь.
Да ни с которой сторонушки не видать, не с кем
мне думу думати,
Не с кем же мне словечко молвити...

Причёты и поминальные стихи

В разделе приводятся тексты плачей-причитаний, до сих пор бытующие в крае (в том числе и варианты к приведенным выше стихам). Полевые записи, при всей близости многих текстов, дают возможность говорить о широко распространенной в крае свободной (импровизационной) манере исполнения похоронных причитаний. Кроме традиционных народных плачей, приводятся образцы духовных стихов на библейские сюжеты, часто исполняемые на поминках, а также стихи более позднего происхождения, в последние годы активно используемые в функции причитаний.

Закатилось да красно солнышко

Закатилось да красно солнышко
За леса дремучие, за болота зыбучие,
Да за горы высокие, да за стены каменны.
Прощай, ай да белая горенька,
По тебе-то не будет хаживать,
По тебе не будет гуливать.
Ты прости-ко, прощай ты, дороженька,
По тебе-то мене будет не хаживать,
Вы простите, прощайте все мои грехи,
соседушки,

Мене-то с вами будет больше не видеться
Да не на работушке, да не на праздничке,
И не в божьей церкви не будет меня.

*(Исполняется во время проводов покойника. Зап. от
Пикулевой А. М., 1937 г. р., Пож.)*

Уж какой же праздничек...

Уж какой же, какой у Петрована праздничек,
Невесёлой он да не радостной.
Да пришли да пришли да гости да званые,

Гости да званые, да гости да жданные.
Да сидят же гости да вдоль да по лавочке,
Вдоль да по лавочке, да вдоль да по скамеечке,
Не по-старому да оне да не по-прежнему.
Да прижали они да белые рученьки
Ко ретивому они да ко сердечiku.
Да свисили оне да буйные головушки.
У Петрована душа по горенке похаживает,
Собирает душа себе она котомочку,
Да кладёт же она да белую скатёрочку,
Да кладёт же она да чисто полотенчикo,
Да кладёт же она да росного ладану,
Да кладёт же йона да свечку да восковую,
Да кладёт же йона святу честну милостинку,
Неужаленную, неопаренную,
Да кладёт же йона свое да моленьице,
Да кладёт же йона свое да благословленьице.
Кладёт она чашку, ложечку, духовой ладан...

*(Исполняется перед тем, как гости сядут за стол.
Зап. в 2002 г. от Пикулевой А. М., 1937 г. р., Пож.)*

Сёдни праздничек...

У Григория сёдни праздничек, у Федоровича
развесёлой день.
Сбиралися гости званые, гости званые, гости жданные.
Все гости сидят по лавочкам, все по лавочкам,
да по скамеечкам.
Все гости радостные, у Григория душа да
не радостна, не весела.
Она ходит по своей-то светлой горенке,
На своих-то гостей она поглядывает.
Все милой моей ладушке не спалоса,
Тёмною ноченькой не лежалоса.
Она вставала раным-ранёшенько, умывалась
да горячими слезами,
Утиралася тоской, кручинушкой.

(Стих исполнялся на поминках. Зап. в с. Юм.)

Ох ты солнышко... (I)

Ох ты солнышко, право крылышко,
 Ты прости-ко меня, душу грешную,
 Не видаться будет веки с-по веки,
 Не видаться будет, не встречаться будет.
 Вы простите-ко, мои детоньки,
 Не увидите вы мою походочку,
 Не услышите вы моего голосочика.
 Вы простите-ко, люди добрые,
 Люди добрые, люди хорошие,
 Не видаться будет веки с-по веки,
 Не увидите вы мою походочку,
 Не услышите вы моего голоса.
 Вы простите-ко, все сваты-сватьяшки,
 Сваты-сватьяшки, ближны соседюшки.
 Вы все простите меня, грешную,
 Простите меня, люди добрые,
 Не видаться будет веки с-по веки.
 Вы простите-ко, дома шатровые,
 Вы простите-ко, зелёны улочки,
 Вы простите-ко, леса дремучие,
 По лесам-то мне уж не хаживать,
 По рекам-то мне уж рыбу не лавливать,
 Милых детонек мне не кармливать.

(Плач на проводы души в сорочины. Зап. в д. Пестерёва от Андреевой М. П., 1931 г. р.)

Ох ты солнышко... (II)

Ох ты солнышко да моя жёнушка,
 Да моя жёнушка, да Нинушка Макаровна,
 Да куда же ты у нас девалася,
 Да куда же ты да затерялася,
 Ведь мы прожили сорок денёчиков,
 Показалось да сорок годочиков,
 Да нигде мы да не увидели,

Да нигде мы да не услышали,
 Да куда ты у нас девалася,
 Не с подружками ли застоялася,
 Да не в лес ли ты ушла да по ягодки,
 Да не в лес ли ты ушла да по губочки.

(Исполняется на сороковой день. Зап. в д. Пестерёва от Андреевой М. П., 1931 г. р.)

Ох ты солнышко (III)

Ох ты солнышко да моя сношенька, да построили тебе
 домичек,
 Построили без окошечек, без дверчиков и без печушки-
 матушки.
 Ино как же ты там будешь жить, да без коюшки,
 без постелюшки,
 Да без стулика, да без столика, без матраца
 да без простыни.
 И как же ты там будешь жить, не видаться нам будет
 веки с-по веки...

(Плач по снохе. Зап. в д. Пестерёва от Андреевой М. П., 1931 г. р.)

Ох ты солнышко (IV)

Ох ты солнышко, родимая мамонька, ой, ты была у нас
 ласкова,
 Ой, ты была у нас приветлива,
 Теперь не к кому нам приступить, ой, у нас не с кем
 слово молвити.
 Ой ты солнышко, родимая мамонька, ты была у нас гора
 каменна,
 Не давала на нас ветру дунути, ветру дунути, дождю
 канути.
 Не суди ты нас, родима мамонька, не учёны мы на эти
 почести,

Не осуди ты нас, нас горюшечек, за все наши хлопоты, за
наши почести.
И желаем мы тебе, родима мамонька, во житье-то жить
в поднебесном,
Да во царстве-то жить во господнем.
(Плач по матери. Записан в с. Юм в 2002 г.)

Ох ты солнышко (V)

Ох ты солнышко, родима мамонька,
Куда же ты у нас снаряжаешься, куда
сподобляешься?
Во какую же во путь-дороженьку?
Снарядилась в путь-дороженьку, неизгаленную,
неизъезженную.
Что из той-то пути-дороженьки нет ни весточки,
ни грамотки,
Нет ни выходу, нет ни выступу.
Зарастёт сюды путь-дороженька частоколами,
буреломами,
Суметами высокими.
Зарастёт она крапивой жалучей да щипицей
колючей...
(Исполнялась в поминки и особенно в похороны. Зап
от Голубчиковой М. Н., 1921 г. р., с. Юм.)

Ой ты солнышко (I)

Ой ты солнышко, о, да моя сношенька,
Нарядилась ты, да куды же у нас сподобилась,
Улететь хочешь белым лебедем,
Улететь хочешь сизым голубем
На ту-то сторонушку незнакомую.
На той-то сторонушке нету ни ходу ни выступу,
Не пошлешь ты нам ни вестку ни грамотку.
Не взойдет же к тебе да красно солнышко,

Не взвосияют тебе да частые звездоньки,
Не посветит тебе да благ месяц...
(Зап. в д. Пестерёва от Андреевой М. П., 1931 г. р.)

Ой ты солнышко (II)

Ой ты, солнышко, мила ладушка,
Ты оставила да своих детонек,
Почему же ты да так сделала?
Так ты сделала, не подумала,
Оставила свое право крылышко,
Оставила ты нас среди полюшка,
Среди полюшка, среди нёбушка,
Недорослые будто ягодки,
Недозрелые будто ягодки.
Ты оставила право крылышко
Среди морюшка среди широкого.
Не знат он, куда приплыти,
Ко какому берегу пристати.
Да была ты у нас стена каменная,
Да была же ты у нас гора высокая.
Развалилася стена каменная,
Раскатилася гора высокая,
Сейчас-топери ветер дует-то,
Сейчас-топери дождик брызгает-то...
(Зап. от Андреевой М. П., 1931 г. р., д. Пестерёва.)

Ой ты солнышко (III)

Ох ты солнышко, моя Нинушка,
Ты оставила своих детонек,
Своих детонек на обидушку.
Держи же ты их у сердечика у ретивого,
Не давай же ты на них ветру дунути,
Не давай же ты на них дождю брызнути.
Ох ты солнышко, моя жёнушка,

А у Анниной души того больше грехов.
 Ино Господи, прости Аннину душеньку
 Во больших-то грехах, во худых-то делах.
 Да породила земля много грибочиков,
 Есть крушкие, есть и мелкие,
 Всякого звания, всякого прозвания,
 Ино мелких грибочков-то больше всех.
 А у Анниной души того больше грехов,
 Ино Господи, прости душеньку Аннину
 Во больших-то грехах, во худых-то делах.
 Ино породила земля много травоньки
 Всякого звания, всякого прозвания,
 А на травоньках много цвету цветёт,
 Цвету белого, цвету жёлтого, цвету синего,
 Ино синего цвету больше всех,
 А у Анниной души того больше грехов.
 Ино Господи, прости Аннину душеньку
 Во больших-то грехах, во худых-то делах.
 Ино есть на земле много речушек,
 Есть большие реки, есть и мелкие.
 В мелких речушках много галечек,
 Есть крушкие галечки, есть и мелкие,
 А у Анниной души того больше грехов.
 Ино Господи, прости Аннину душеньку
 Во больших-то грехах, во худых-то делах.
 Ино есть в реках много рыбочек,
 А на рыбочках есть чешуечки,
 Есть крушкая чешуя, есть и мелкая,
 Ино мелких чешуечек больше всех.
 А у Анниной души того больше грехов.
 Ино Господи, прости Аннину душеньку
 Во больших-то грехах, во худых-то делах.
 Ино есть на небе много звёздочек,
 Есть крушкие, есть и мелкие,
 Ино мелких звёздочек больше всех.
 А у Анниной души того больше грехов.
 Ино Господи, прости Аннину душеньку
 Во больших-то грехах, во худых-то делах.

Ино кто с неба спускается, –
 Аннина душа испугалась, –
 Не по мою ли по грешную душеньку?
 Вот спустились две птички,
 Носы длинные, когти острые,
 И сохватили душу, потащили её
 Да за три горы Троянские.
 Притащили же душеньку
 Ко тёмной темнице-подземельнице,
 А у той темницы двери открытые.
 Завели душу в тёмную темницу,
 Завели её, двери заперли.
 На правой-то руке печка топится,
 На левой-то руке смола кипит, колесо вертит,
 На колесе сидят да души грешные,
 Где рука, где нога, где буйна голова.
 Уж, мамонька родимая, на что меня породила,
 Где бы ты породила, там бы и растоптала,
 Не видать же мне свету белого,
 Не слышать же будет слуху алилуйского,
 Ох, родимая мамонька, алилуйя...

(Стих исполняется во время проводов умершего и на поминках. Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.)

Ты земля, земля-матушка

Ты земля, земля-матушка, народила ты,
 земля, много лесу тёмного,
 Народила ты, земля, много кустики ракитовы.
 Народила ты, земля, много грешников-беззаконников.
 Народила ты, земля, много речки быстрые,
 Народила ты, земля, много бережочки крутые,
 лужочки зелёные.
 Народила ты, земля, много ключики холодные.
 Как у реченьки да по быстрине, туто плавали
 утицы серые.

«Мы не утицы, мы не серые, мы ангелы,
ангелы господние».
Как по бережку, по крутому ходит душенька,
да она богу молится,
Она молится, сегодня домой просится:
«Ох, вы, ангелы, вы, господние, отпустите
вы меня в божью церковь».
Отвечают ангелы, отвечают господние:
«Да была-то пора, было времечко да сходить
богу помолиться».
Как по бережку, да по крутому ходит душенька
да богу молится,
Да она просится, отпрошается: «Ох, вы, ангелы,
вы, господние,
Отпустите вы меня в родимый дом, хоть
перекрестится».
Отвечают ангелы, отвечают господние:
«Ты перекрестилась, когда легла вдоль по лавочке,
Вдоль по лавочке, вдоль да по скамеечке».
(Зап. в с. Юм в 2003 г.)

Сидит раб божий у воротчиков

Сидит раб божий у воротчиков,
слёзно плачет.
Богородица его спрашивает: «О чём ты,
раб, плачешь?»
«Да как же мне не плакать, как мне
не горевать,
Я оставляю всё своё богатство,
всё своё хозяйство.
Оставляю дом свой благодатный,
Печку тёплую, сени новые.
Оставляю я скотинку-животинку,
Коровку рогатую, свинку-рюшку,
Овечек, курочек, уток.
Оставляю я чашки-ложки и поварешки.

Это всё со мной да не положат,
Это всё со мной да не покинут.
Только со мной положат,
Только со мной покинут господню
милостинку,
Неужаленную, неубавленную,
От своих трудов праведных,
От своего поту тёплого.
Ещё положат мне свечку восковую
да ладанок...

(Исполняется на поминках. Зап. от Голубчиковой М. Н.,
1921 г. р., с. Юм.)

Растянулся раб по лавочке

Растянулся раб по лавочке, на прямой соломошке.
Прилетели тут два ангала, два архангала.
Носы длинные, когти вострые.
Стали они душеньку добывать.
Они что пилой пилили, душеньку добывали.
Душеньку добыли да схватили.
Схватили да потащили что на три горы Саянские.
Как ведь первая гора – гора высокая.
Грешна душенька испужалася, да за ангелов
сохвatalася:
«Не оставьте меня на эту муку грешную».
Потащили её на вторую гору.
Как втору-то гору черви точат.
Грешна душенька испужалася, да за ангелов
сохвatalася:
«Не оставьте меня на эту муку грешную».
Потащили её на третью гору.
Гора тёмная, подземельница.
Тут стоят двери закрытые, висят же замки всякие.
У дверей стоят два притворничка, два ключника.
Грешна душенька ждёт, что ей будет.
Отворились замки всякие,

Распахнулись двери двустворчатые.
 Завели душеньку в тёмну темницу,
 В тёмну темницу, подземельницу.
 Тут стоит же печка двучельная,
 Она стоит же да топится.
 С правой стороны топка топится,
 С левой стороны котлы стоят.
 Что котлы стоят, в них смола кипит,
 В их смола кипит, колесо вертит.
 А в котлах-то грешны душеньки,
 Где рука, где нога, где буйна головушка.
 Грешна душенька не успела оглянуться,
 Не успела повернуться,
 Как исчезли ангелы господние,
 Закрылись двери двустворчатые,
 Повесились замки висячие.
 Вздохнула тут грешная душенька:
 «А-люли-люли, родима мамонька,
 И зачем ты меня породила,
 На эту муку меня оставила.
 Не видать мне больше свету белого,
 Не слышать стихи алилуйские».
(Стих исполняется во время проводов умершего и на поминках. Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.)

Лежит раб на лавочке

Лежит раб на лавочке, на прямой соломинке,
 Протянул же раб свои резвы ноженьки
 Да сложил же свои белы рученьки на свою же
 грудь исхудалую.
 Вы де, ангелы господние, вы куда летали-сполетали,
 Вы де что же чули, видели?
 – Мы летали, полетали по всему свету белому,
 Мы де чули де, видели, лежит раб на лавочке.
 Подлетели тут два ангела, стали душеньку ему
 добывать.

Дав два копыя острые, они добыли эту
 душеньку грешную,
 Подхватили её, потащили её да за три горы
 Троянские.
 Потащили её да до первой-то горы, душенька
 грешная испугалася,
 Пресвятая Мать Богородица до пояса в окно
 оглянулася.
 Ой вы ангелы, ангелы господние, почему де к нам
 вы не заглядываете?
 Почему же де к нам не приворачиваете?
 У нас в царстве-то весело, у нас жить-то ведь некому.
 Эти ангелы, они господние, подхватили они
 эту грешну душеньку,
 Потащили её до второй-то горы.
 Да на второй-то ох на той горе, тут червей кипит.
 Да грешна душенька испугалася, да за ангелов она
 ухватилася:
 Ой вы, ангелы господние, не оставьте меня,
 да мою душу грешную.
 Подхватили её да ангелы господние, потащили её
 до третьей-то горы.
 Да на этой-то горе тёмна темница, да на веки
 заключница.
 Подлетели тут-де два ангела, да ворота-те были
 закрытые,
 Да замки-то были повешены.
 Тут стояли да два подключника, два подключника,
 два предвратника.
 Попросили их ангелы господние, вы де откройте
 да двери широкие,
 Вы откройте замки висячие.
 Да открылись двери широкие, да зашли же туда
 два ангела,
 Завели же они душу грешную.
 На правой-то руке печка топится, на левой-то руке
 тут смола кипит,
 Смола-та кипит, колесо вертит.

На колесе-то сидят сами души грешные,
 Где рука у них, где нога у них, где буйна голова.
 Грешна душенька, да она испугалася, да за ангелов
 ухватила:

Ой вы ангелы вы господние, не оставьте меня
 в эту муку вечную.

Не успела душа повернуться, не успела она оглянуться,
 Как закрыли двери широкие да навесили замки
 висячие.

(Зап. от Мазеиной А. Ф., 1923 г. р., с. Юм.)

Ангелы вы господние (I)

Уж вы ангелы да вы господниѣ,
 Да куда же вы ся, да ангелы, летали?
 Мы де летали, да мы сполетали
 Да по всему же ся да свету да белому,
 Да по всей же ся России да матушке.
 Да кого же ся вы чули да видели?
 Мы де чули же да мы де да видели –
 Ино гроб-от лежит да он да на лавочке,
 На прямой-то на белой он да соломочке.
 У во ноженьки, они отрупельѣ,
 Белы рученьки у во, они околелѣ,
 Да на белую грудь ручки да сложены.
 Да пришла же к ему да страшная смёртонька,
 С топорами-те она с широкима,
 Со косами-те она да со вострыма,
 Да с всякими мелкими пилочками.
 Подкосила она да резвые ноженьки,
 Подрубила она да белые рученьки,
 Подпилила она да кровные жилочки.
 Прилетели же тут да ангелы господниѣ,
 Подхватили оне да грешную душеньку,
 Потасили её за три горы высокие.
 За первой-то горой, горой да высокою,
 Ино тамо же кишат червы жалючиѣ.

За другой-то горой кипит смола кипучая,
 За третьѣ-то горой да стоит киленка.
 Как у етой-то у киленки
 Ино три двери, двери да железныѣ.
 Да на тех-то дверях висят замки висячие.
 Отвалилися да все замки висячие,
 Отворилися да все двери железныѣ.
 Заташили туда да грешную душеньку.
 Аллилуйя, да слава тебе, Боже наш.
 (Зап. от Моисеевой М. М., 1935 г. р., д. Васькова.)

Ангелы вы господние (II)

Ангелы же вы господние, вы куда это,
 ангелы, вы летали?
 Мы летали, да мы сполетали да по всей-то
 России-матушке,
 Да по всему-то же да свету да белому.
 Вы кого же ся-то чули, видели?
 Мы де чули же де, мы тожно да видели,
 Да лежит раб да на лавочке.
 У него же ся глазки призакрытые,
 Да на белую грудь да у его ручки сложены.
 Да пришла же к ему смерть да лютая
 Со всем-то, со всем да инструментиком,
 Да со пилкими она со острыма,
 Да с топорами-то да со широкима.
 Подпилила она да резвые ноженьки.
 Подрубила она да крылые крыльчика...
 Ангелы же ся да господнюю душеньку
 Спотасили же за три горы высокие.
 Да на первой горе, горе да высокой же,
 Тут кипят котлы да чугунные.
 Испугалась да грешная душенька,
 Да за ангелов она да поймалася.
 Потасили её да ангелы господние,
 Да тожно грешную-ту да, грешную душеньку

Да на другу-ту гору да на высокую.
 На другой-то горе, горе высокой же,
 Там кипят же ся котлы кипучие.
 Испугалась же да грешная душенька,
 Да ко ангелу-то она поймалася.
 Поташили же да грешную душеньку
 Да на третью гору, гору да высокую.
 Там стоит же кильечка закрытая
 Да на трёх да замках, замках да висельчатых.
 Да замочки тожно приоткрылися,
 Ворота-те чугуны отворилися.
 Заташили же да грешную душеньку,
 Ворота-те призатворилися,
 Да замочки-те тожно да закрылися.

(Зап. от Моисеевой У. А., 1930 г. р., д. Дубровка.)

Да прощается душенька

Да прощается Григорий-душенька
 Со своей-то любимой ладушкой, с Анной Ивановной:
 «Ты-ко прости меня, благослови меня
 На житьё-то идти на правечное, вековечное.
 Нам с тобою больше будет не видаться, не слыхаться,
 На лавочке не сиживать, в окошечко не поглядывать.
 Ты живи-ко, живи помаленечку,
 Ты расти-ко своих деточек потихонечку,
 Ты держи их в тёплой пазухе, у ретивого сердца».
 Всё прощается Гришенька-душенька
 Со своим-то милым сыночком, с Егором Григорьевичем:
 «Ты прости-ко меня, благослови-ко меня
 На житьё правечное, вековечное.
 Ты живи-ка, милый сынушка, слушай свою матушку».
 (Зап в с. Юм в 1986 г.)

Сидят гости невеселы

Сидят гости невеселы да буйны головы повесили,
 Руки к сердцу к ретивому да плаксивому
 Да в праздник, да не в весёлый, не в радостный.
 У Клавдии душа да подпрыгивает,
 Она просится домой на праздничек:
 «Отпустите меня домой да на праздничек».
 «Отпустили тебя да на три денёчка».
 «Спасибо вам, не забыли вы про мой праздничек,
 Спасибо тебе, брат и сестра».
 «Выходили мы на улицу да на широкую,
 Смотрели, не идёт ли милая сестрица,
 Не увидели, не услышали.
 Затопили печку, брали дрова да из поленицы,
 Настряпали мы да стряпню хорошую,
 Накрывали столы дубовые,
 Накрывали на столешницы кедровые
 Скатёрочки да самобраные.
 Вы садитесь, гости жданные, званые,
 Попитайтесь да стряпней хорошей,
 Попейте не забудьте воды,
 Вспомните наши душеньки грешные».

(Зап. от Андреевой А. В., 1927 г. р., д. Демидова.)

Пресвятая Богородица (I)

Пресвятая наша Богородица, а где спала да ночевала?
 Где спала да ночевала – а я де в городе да Расуме,
 Во божьей церкви на престоле, во божьей церкви
 на престоле.

Ты кого ночесь да приносила?
 Приносила я Христа, сына божьёго.
 Пеленала его в пелёночки, в пелёночки-те шелковые.
 Поясами да миткалиныма.
 И стали Христа, Христа крестити.
 Принесли Христа крестити во большую реку Рыдань.

Горе будет на земле ино той грешнице,
горе-горькое и смола кипучая».
(Зап. от Пикулевой А. М., 1937 г. р., д. Пож.)

Две вдовушки

А и жили же две вдовушки, да одну-то
они думу думали,
Да один-то совет советовали – ну как же
мы будем жить-поживать,
А мы как же будем детей питать,
Мы пойдем же с тобой к Господу Богу
На прощеньице, на благословленьице,
Не завелит ли нам Господь замуж идти,
Замуж идти во вторые венцы.
Вот пошли они дорожками мелкими,
Дошли они до речушки быстрые.
Тут нету переходчика, нету перевозчика,
Они сели же на крут бережок,
на зелёный лужок.
Вдоль с-по речушки плывёт кораблик,
Против вдовушек останавливался,
Во кораблике сидит да Иисус Христос:
«Уж вы вдовьюшки вы, вдовы,
Да вы куда пошли, куда потекли?»
«Да мы пошли же, пошли на прощение,
На прощение, на благословление,
Не завелит ли нам Господь замуж идти
да другие венцы одеть».
«Ох вы, вдовьюшки, вдовы, благоверные
души,
Как первые венцы – светлы светлицы,
А другие венцы замедены,
А третьи венцы темней тёмной темницы.
А первые дети – птички-пташечки,
А другие дети – словно голубчики,
А третьи дети – чёрны вороны.

Ох вы, вдовьюшки, вдовы,
Вы бежите домой да к малым детонькам,
А возьмите их на белы рученьки,
Посадите их на коленочки
Да прижмите их к ретивому сердцу,
К ретивому сердцу, ко белому лицу.
Будут они сытые, будут одетые,
Будут поёные, будут кормлёные»,
Аллилуйя, Серафим, Серафим,
слава тебе Господи, Бог наш.
(Зап. в 2003 г. в с. Юрла, исполнялась на поминках.)

Шла Елена по дорожке

Шла Елена по дорожке, шла Прекрасна по широкой,
Шла она пеньями-кореньями да болотами зыбучими,
Да лесами дремучими, выходила она во чисто поле.
В чистом поле стоят три дрява.
Первое дерево – белая берёза, второе дерево –
горькая осина,
Третье дерево – куст ракиты.
Под ракитой сидят малы детоньки, они плачут-
рыдают.
– Вы о чем же, дети, плачете?
– У нас мамоньки нету.
– Вы не плачьте, малы детки, ваша мамонька родимая
Вас родила, счастье не просила, Богу не молилась.
Я дала бы вам мушную гору, я дала бы вам
медову воду –
Отберут у вас богаты мужики.
Тут будет много убийства, тут будет кровопролитие.
Я вам дам Христово имя.
Выходите с крылечка на крылечко, с лесенки
на лесенку,
Вы де двери отворяйте, вы Христа не забывайте,
Будете вы сыты, будете вы кормлёны, поёны и согреты.
(Зап. в с. Юм, исполнялась на похоронах.)

Дочь Еленушка

У Владимира была дочь Еленушка,
 Приезжали ко ей много сватальчишков,
 Много сватальчишков, много мальчишков.
 Не хотелось да ей да взамуж идти,
 И сказала: «Дайте мне котомочку,
 Положите в её да свечу восковую,
 Положите в её да святой ладаночичок,
 Положите в её да хлеба краюшочку,
 Положите в её да чашку, ложку, кружочку,
 Положите в её да мене переменочку».
 И пошла жо она во путь-дороженьку,
 Ино шла жо она полями широкома,
 Да лугами-те шла она да зелёныма,
 Да лесами-те шла она да дремучима,
 Да болотыма шла она да топучима,
 Да по кручичкам шла она да вертучим жо.
 Ино шла она, дошла да до киленки.
 «Уж, киленка, уж да матушка,
 Да пусти-ко меня да тожно поквартировать!»
 «Уж ты, матушка, да я бы да рада,
 Я бы рада бы да пустила,
 Ино нет жо у мя да хлеба да крошочки,
 Ино нету у мя воды да капочки».
 Пошла жо она тогда да, Ленушка,
 Ровно тридцать лет она да три годочика
 Ино питалась она гнилой да колодиной,
 Да пила жо йона да воду болотную,
 Обросла жо йона да мохом зеленым жо,
 Жила жо йона, жила да нажилася жо.
 И пошла жо йона к дому да родительскому,
 Ино шла жо йона по кочечкам вертучим жо,
 Да болотыма шла она да топучима,
 Да лесами-те шла она да дремучима,
 Повстречала она да злых охотников:
 «Вы, охотники, да вы да, разбойнички,
 Вы не бейте меня да ой, да не стреляйте меня,

Я не зверёк да я да не пташочка,
 Ино я жо была да дочь да Владимира!»
 И пришла жо йона к дому
 да родительскому,
 У ворот жо стоят да стража да верная,
 Не пускают оне да в дом да Еленушку.
 И заставил их отец да Владимирушко:
 «Вы пустите её, да тожно заведите её,
 Заведите её да тожно да под поличом!»
 А наутром жо да пахнуло ладаном,
 Да пришла жо с ей да стража верная,
 У её в левой руке да была свеча да восковая,
 Во правой-то руке была да записочка,
 Не дала жо йона эту да записочку,
 Подошел жо к ей отец да Владимирушко,
 Отдала жо йона эту да записочку.
 А в этой записочке было написано:
 «Ино я жо твоя дочь Еленушка».
 Одолели его слёзы да горячие,
 Алиллуйя да слава тебе, боже наш!

(Исполнялся как причёт по дочери. Зап. от Тотмьяни-
 ной М. С., 1932 г. р., Моисеевой М. М., 1935 г. р., д. Вась-
 кова.)

Святая Еления

Ты, святая Еления, да ты, святая Богородица,
 Где ты летала-сполетала?
 Я де летала-сполетала по всему-то белу свету,
 Да по всей-то земле матушке, да слёзно плакала-
 рыдала.

Повернула же да по дороженьке.
 Да тут навстречу идут да два-то неприятеля,
 Два неприятеля, два потребителя.
 Да они же вели Иисуса Христа, да они вели-убивали,
 Да не вы ли убивали, да не вы ли потребляли?
 Убивали де наши деды, потребляли де наши старцы.

Пресвятая Елениа повернула в чистое полё.
 Это поле немалое, немалое-занятое, занято оно
 под дрявами.

Здесь стояло де три-то дрява.
 Как и первое было дряво-то стоит бела берёза.
 А другое было дряво-то стоит зелёна кедра.
 А и третье было дряво-то стоит де куст малина.
 Этот куст-то непростой же, непростой же
 да занятой же,

Тут стоит церква господняя.
 Эта церковь непростая, непростая-занятая.
 Занята да она под гробами.
 Как во первом-то было во гробе, тут лежит
 Иван Креститель.
 А в другом-то было во гробе, тут лежит
 Иисус Христос.
 А в третьем-то было во гробе, тут лежит
 Дева Мария.

Как на первом-то на гробе тут де свечки теплятся.
 На другом-то было гробе – тут Евангелы читают.
 А на Марие-то на Деве, тут сидят дети сиротские.
 Они песни поют, песни херувимские.
 Аллилуя, аллилуя, да слава тебе, Боже.
 (Зап. от Андреевой М. П., 1931 г. р., д. Пестерёва.)

Зелёная кедра

Ой, зелёная кедра, ой подле той под кедрой,
 Подле той под кедрой, ой сидит монах
 да в чёрной ризе.
 Сидит монах в чёрной ризе, он и плачет, възрыдает.
 Он и плачет, възрыдает, к ему пришел да монах
 да в чёрной ризе.
 – Ты об чем же, монах, плачешь?
 – Ой, потерял я божью веру, я зачем рано постригся.
 Потерял я божью книгу, потерял ключи от рая.
 Ему сказал да монах в черной ризе:

– Ты сходи-ко в божий храм, к Пресвятой да Богородице.
 Отпери двери дубовые, она даст тебе да книгу нову.
 Она высушит да сине море, она выбросит ключи
 на берег.
 (Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.)

Все вы братья мои, сестры

Все вы братья мои, сестры, вы сидите за столом,
 А моя душа прегрешна обитает за углом.
 Всё я вижу, всё я слышу, обо мне помин идёт,
 А мои уста закрыты, Господь воли не даёт.
 Все вы сродники родные, помолитесь обо мне,
 Помолитесь обо мне, о моей грешной душе.
 А ты, ангел мой, хранитель, что стоишь возле меня?
 А я ангел твой, хранитель, не могу хранить тебя.
 Жил ты, жил на белом свете и добро ты не творил,
 И своей душе прегрешной ты ничем не угодил.
 Все вы сродники родные, постарайтесь о себе,
 Постарайтесь о себе, о своей грешной душе.
 (Зап. от Мазеиной А. Ф., 1923 г. р., с. Юм в 2003 г.)

Хожу, хожу вокруг я дома

Хожу, хожу вокруг я дома, родные видят ли меня?
 Войду, войду я в дом родимый, войду и Богу
 помолюсь.
 Здесь обед мене готовят, хотят меня тут помянуть.
 Зажгут лампаду они в доме, будут канун мене читать,
 Зажгут свечи восковые, меня тут будут поминать.
 Прощайте, все мои родные, прощайте,
 все мои друзья,
 Хоть с вами я уже простила, но смертный час
 ко мне пришёл.
 Обитель мне давно готова, Господь и ангелы стоят.
 Они за ручку меня взяли, ко престолу повели.

Спаситель спросит, вопрошает про мои добры дела.
 Как же я буду бояться, как же буду я стенать,
 Прощайте, все мои родные, прощайте, вся моя семья.
(Исполняется на поминках. Зап. в с. Юм в 2003 г.)

Мы живём на белом свете...

Мы живём на белом свете и не думаем ни о чём.
 Наша жизнь всё ближе к смерти с каждым часом,
 с каждым днём.

Все старались украсить свои грешны телеса,
 А об этом не мечтали, куда пойдёт наша душа.
 Чем мы душу украшаем, что для неё мы припасли,
 И какую же угодку мы для Бога принесли?
 Вот настанет это время, вот настанет страшный час,
 И от ангелов небесных из трубы услышим глас.
 Все живые и мертвые будут где-то там стоять.
 Все мы встанем пред престолом, нас Господь
 придёт судить.

Только праведные души будут радостно вздыхать,
 А мы грешные, несчастные, тяжко будем воздыхать.
 Будем мы просить у Бога, чтоб Господь послал
 для нас

Для души на покаянье помолиться один час.
 А Господь тогда ответит: «Поздно, поздно вы
 хватились,

Были вам года свободны, почему вы не молились.
 Раньше вы меня не знали, теперь я не знаю вас,
 Вы получите в награду, кто чего себе припас.
 Только праведные души встанут в правую сторону,
 А налево вы идите, утешайте Сатану.
 К ней с скрежающими зубами прочь идите от меня,
 Вы за божье непочтение не минуете огня».
(Зап. в с. Юм.)

Глава II

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ

Календарные праздники и обряды – одно из самых ярких проявлений традиционной народной культуры. Народный календарь представляет сложное явление, в котором тесно переплелись наблюдения над природой, обряды и магические действия, поверья и мифологические представления, произведения устного народного творчества.

Календарные праздники и обряды в традиционной культуре являлись многофункциональной системой, чётко и слаженно регламентировали повседневную жизнь крестьянина-земледельца. Они представляли сложную систему будничной работы, праздничного отдыха и ритуального поведения. Особый статус праздника закрепился в запретах на работу в праздничный день, в ритуализации многих форм праздничного поведения. Праздники и обряды выполняли и религиозно-магическую функцию. Многие действия были направлены на обеспечение хорошего урожая, приплода скота; не последнюю роль в праздничной культуре играли досуговые формы, игры и развлечения детей, молодёжи и взрослых.

Материал в разделе помещён по основным сезонам народного календаря: весна, лето, осень, зима. Следует, правда, помнить, что традиционное деление года на сезоны не вполне совпадает с современным. Так, начало весны в народном календаре приходится на праздник Пасхи. Троица и Заговенье были последними весенними праздниками.

Период от Троицкого Заговенья до Ильина дня считался собственно летом, с Ильина дня до Покрова – осенью, с Покрова до Пасхи – зимой. Начало нового земледельческого года приходилось на весну, поэтому раздел и начинается с весенних праздников и обрядов. Основные праздничные и обрядовые циклы: святочный, масленичный, пасхальный, троицкий – также выделены отдельными подзаголовками. В то же время мы старались отметить и небольшие, с точки зрения обрядовой наполняемости, даты народного календаря как элементы целостной системы, включающей и крупные обрядовые циклы, и небольшие значимые даты (к ним нередко тоже приурочиваются отдельные поверья, приметы, обрядовые действия).

Публикуемый материал позволяет представить состояние традиции на период первой половины XX в. Именно к этому времени относятся события, представленные в собранных уже в XXI в. воспоминаниях информаторов; несомненно, многие формы календарной обрядовой культуры уходят своими корнями в глубокую древность.

В своей основе календарная обрядность юрлинцев имеет много общего с традиционным календарём русских других регионов, прежде всего, Европейского Севера России. Много общих черт прослеживается с другими традициями русских Прикамья, особенно северных его районов. В то же время необходимо отметить и некоторые характерные особенности, которые ярко характеризуют юрлинскую традицию. Как и другие явления народной культуры юрлинцев, народный календарь отличается единством на всей территории группы, локальные отличия, варианты лишь подчёркивают эту общность.

Можно с уверенностью говорить о том, что на территории Юрлинского района сложился единый комплекс календарных праздников и обрядов.

Занятия сельским хозяйством, в первую очередь земледелием, определили направленность календарных праздников и обрядов в крае. Народный календарь бытовал как земледельческий, хотя в то же время в нём достаточно полно представлен комплекс животноводческих обрядов. В мень-

шей степени он фиксирует ритуалы, связанные с такими традиционными занятиями, как рыболовство, охота и собирательство.

Календарь русских Юрлинского района отличается сохранностью всех основных праздничных и обрядовых циклов. Многие из них бытовали в активной форме вплоть до 1950-х гг., а отдельные элементы, типа святочных гаданий, ряженья, ритуалов Великого четверга, календарного поминального комплекса, сохраняются до настоящего времени. Причины такой сохранности традиции следует усматривать в замкнутости юрлинской группы, удалённости её от городских центров, в сельскохозяйственном характере здешнего производства, в стабильности состава населения. Хорошая сохранность традиции объясняет развитость, многочисленность и вариативность многих ритуальных действий. Одним из самых развитых и ритуализированных комплексов обрядности является комплекс представлений и магических действий Великого четверга. Развёрнутая ритуализация характерна и для обрядности первого выгона скота, посадки капусты.

Сохранность многих архаичных форм обрядности обусловила и хорошую сохранность фольклорных текстов. Собственно календарные песни, за исключением рождественских славок, в Юрлинском районе, как и в большинстве районов Прикамья, не известны. Однако рождественских игровых, летних хороводных и игровых песен зафиксировано достаточно много. При этом в районе почти не известны такие поздние формы досуга молодёжи, как кадрили, ланца и др., широко бытовавшие в других районах Прикамья; влияние поздних, городских форм досуга было в Юрле незначительным.

Для календарных традиций юрлинцев характерна развитая мифологизация времени. Один из наиболее развитых комплексов мифологических представлений соотносится со святочным периодом. Мифологические рассказы о шишах, шишках, шишигах, появляющихся в Святки, многочисленны, разнообразны и вариативны. Подобные представления характерны для русских и других регионов Русского Севера.

ра. Сакральным временем считался и летний период цветения травы и хлебов – Цветьё. Комплекс животноводческих обрядов тесно переплетается с представлениями о лесном пространстве и его обитателе – лешем. Тесное «взаимодействие» с лесной стихией, «неосвоенным» пространством объясняется особенностями местной системы природопользования. Именно в мифологических представлениях традиционного календаря у юрлинцев наблюдается значительная близость с коми-пермяцкими традициями, что не исключает влияния достаточно развитых коми-пермяцких мифологических представлений на юрлинские русские традиции.

Приверженность старообрядчеству, хотя и сохранившаяся в размытой форме, привела к широкому бытованию народных форм христианства. Яркий пример – многочисленные ритуалы освящения воды на Крещение (заметим, что подобные ритуалы бытовали и в тех деревнях, население которых считало себя православным).

Описание календаря показало развёрнутость основных обрядовых комплексов: святочного, масленичного, пасхального, и в то же время слабую представленность троицкой обрядности. Неразвитость троицких обрядов компенсируется развёрнутостью в юрлинском крае представлений об Ивановом и Петровом дне (на Петров день также было принято водить хороводы, а игровой комплекс праздника полностью повторял Троицкий).

ВЕСЕННИЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ

Весенние праздники и обряды у юрлинцев, как и у других групп русских Прикамья, открывались с праздников пасхального цикла (Благовещение, Вербное воскресенье, Великий четверг, Пасха).

Благовещение (7 апреля)

Благовещение, как правило, приходилось на время Великого поста. Праздник считался «строгим», на него распространялись запреты на работу: «В этот день не работают. В Благовещение-то даже голову не чешут, вошку не бьют. Ничё не делают, не робят» (*Келич*). Запрет на работу фиксирует поговорка: «В Благовещение девка косу не плетёт, птичка гнёздышко не вьёт»; строгость его подкреплялась легендой о кукушке, нарушившей запрет: «В Благовещение кукушка-де вила гнездо да без гнезда осталась» (*Осинка*).

Праздник связывался с весенней встречей птиц. В д. Лопва отмечали: «На Благовещение вылетают скворцы». Погода на Благовещение считалась переходной от зимы к лету, по этому поводу бытовала поговорка: «До Благовещения две недели на саях не досзят (т. е. тепло установится за две недели до праздника), либо две недели переездят» (*Щеколова, Мазуни М. В., ЧКМ 3009.*)

К Благовещенью приурочивалось «прыганье на досках», неизвестное в других районах Прикамья: «А молодёжь-то прыгать ходят. В Благовещение надо обязательно попрыгать. Ну вот, положат чурку, или полчурки, доску, один конец туда, другой сюда, встанут и прыгают. Кто с кем хочет, станут, вот и прыгают. Один день, в Благовещение, на улице прыгают» (*Чёрная*). Прыганье, «скакание» на досках отчётливо связывается с весенними обрядами, с «играющим», качающимся, брачующимся весенним солнцем. Символика этого действия подобна пасхальному качанию на качелях (в других районах подобные обрядовые игры устраивали не на Благовещение, а на Пасху).

Пасхальные праздники и обряды

Вербное воскресенье (Вербно, Вербенно воскресенье). Вербное воскресенье «живёт» в последнее воскресенье перед Пасхой. В этот день или накануне было принято ходить в лес за вербой (её ставили к божнице, украшали цветами). В д. Осинка на веточки вербы после Пасхи закрепляли разноцветную яичную скорлупу: «Вот яички-то красят перед Пасхой. Если со смяткой яичко-то, его как высоскашь, смятку-то, а это вешашь на вербу, на сучьё-то. Всякие были яички, и белые, и красные» (*Осинка*). Считали, что веточки вербы, стоящие на божничке, способны защитить дом от беды: «От всякого бедствия охраняет вербочка» (*Усть-Зула*); «Вербу на полку ставили, чтоб ветер сильно не дул, урагана не было» (*Осинка*).

Веточки вербы связывались и с символикой плодородия. Чтобы курицы неслись, их хлестали в Вербное воскресенье вербой: «Верба, кстись, курица кладись, несись», — так старики говаривали. Курочку надо вичкой почухать». (*Зап. от Голубчиковой М. Н., 1921 г. р., с. Юм.*) Так поступали не только в праздник: «Если курочка ичка не несёт, её надо стегать вербой, котору в Вербно воскресенье собирали» (*Таволожанка*). В с. Юм ветками вербы хлестали и маленьких ребят: «Били, маленьких ребят особенно: «Верба хлёт, верба хлёт, бей до слёз, бей до слёз». Чтоб выросли» (*Юм*).

Старые веточки вербы с божнички использовали затем при первом выгоне скота на пастбище, в другом случае старую вербу «отпускали» по воде: «В печке вербу старую не сжигали, если речка близко, дак по реке пустят» (*Осинка*).

Великий четверг. Среди других праздничных и почитаемых дней по многочисленности совершаемых магических действий заметно выделяется Великий четверг. Многие действия, выполняемые в этот день, связывались с магией на-

чала, так как в прошлом именно на это время приходилось у славян празднование нового земледельческого года.

Среди обрядовых действий Великого четверга существует много интересных форм народной магии. Для достижения одной и той же цели часто выполнялись разные ритуалы, и наоборот, одни и те же служили для достижения разных целей. Все обрядовые процедуры Великого четверга можно разделить на несколько групп по целевым установкам.

Сакральность Великого четверга, его статус начальной точки года нашли отражение и в некоторых гаданиях, приуроченных к этому времени. Утром, заходя в конюшню, смотрели, как лежал скот: «Если придёшь в конюшню и скотина лежит головой на север — это к плохому» (*Кукольная*). В других вариантах гадания так определяли, будет ли в этом году вестись скот: «Утром скотина должна смотреть на дом. Вот выйдешь, посмотришь, если так, она тогда не сгинет» (*Липухина*). В некоторых деревнях (*Таволожанка, Елога*), отправляясь в лес за вереском по насту, загадывали, провалится под человеком наст или нет: «Если провалится — умрёшь в этом году» (*Таволожанка*).

Несмотря на то, что время Великого четверга не считалось праздничным, в дд. Лобанова, Ефремова, с. Юм существовали запреты на работу в этот день: «В Великий четверг ничё не делают, не робят даже. Рано встаёшь, Богу помолишься: «Господа Бога прошу, чтобы во весь день господний жить хорошо, да здоровому быть!»» (*Ефремова*). Многие ритуалы были направлены на обеспечение урожая, благополучия и богатства. Чтобы в будущем году был урожай, «с вечера при солнышке выносят, на полку под божницу кладут чё есть у кого: зерно, муку, хлеб, картошку, луковку — всё это кладут, чтоб всё родилось». (*Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.*) В д. Келич накануне Великого четверга готовили квашонку, чтобы утром испечь хлеб, блины, оладьи. Этим обычным действиям в этот день также приписывались магические свойства, их выполняли для того, «чтобы хлеб был». (*Келич, зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.*) В с. Усть-Зула для достижения этой же цели обходили всё хозяйство: «Скота сходишь пораньше прове-

ришь, круг огорода пройдёшь, чтобы летом всё цвело, курочек считаешь, чтобы велись и клались». В Великий четверг старались ничего не отдавать из дома, «вестись не будет» (Юм). Повсеместно на Великий четверг считали деньги, «чтоб велись». «Деньги считали, чтобы весь год с деньгами быть. Считают до зари: «10 тысяч, 15 тысяч», кладёшь 10 копеек, 15, а тысячами разговариваешь, как будто это тысячи» (Ефремова). В д. Тимина счёт денег на Великий четверг был и детской забавой: «Деньги надо было считать. Мы недоростки ещё были, нам велели копить мелочь, вот, копишь копеечки, потом считаешь».

В Великий четверг, чтобы был успех в делах, принято было имитировать сбор грибов, ягод, рыболовство, охоту. «Ходят по огороду, возьмут корзину и ходят, будто де грибы собирают, чтоб с грибами быть» (Пож); «По насту в огороде ходили, чтобы летом не лениться по грибы ходить, по ягоды. В Великий четверг ягоды и грибы собирали» (Лобанова). Рыбаки в этот день окуривали рыболовные снасти: «Прокуривают мерёжи, тенёта насобирают в голбце в баночку, потом зажжешь. Морды, всякие сети, это всё подкурят» (Дубровка); охотники в этот день «оружие своё подкуривали» (Дубровка), носили лесному хозяину подарки: «В Великий четверг подарки лесному несут, кладут вино, хлебушко. Это сделаться гостем, к нему приходиться, когда идёшь охотиться» (Дубровка). «Берут тряпку вместо сетей и ходят, будто рыбу ловят» (Бадья).

Особыми свойствами наделялась вода Великого четверга. В дд. Зарубина, Дубровка четверговую воду считали святой: «На ключ в четверг бегают по воду. С трёх ключей надо воду принести, это святая вода называлась. Попили её, скотину побрызгали, чтобы не поурочилась, брызгали изо рта». В других деревнях в этот день было принято умываться ключевой водой: «На ключ ходят, умываются рано утром, чтобы болезнь не ходила. Чтобы не хворать, чтобы никакая болезнь не вязалась. Тут ещё говорят: «Здравствуй, вода-Татьяна, ключ-Иван, а земля-Ульяна, дай умыться для хорошей жизни, чтобы болезнь никакая не держалась» – и тут умоются. Ребятам эту воду домой в по-

судине-то принесём». (Зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р., д. Келич.)

Способностью защитить от болезней, сглаза обладала четверожные соль и хлеб: «Хлеб и соль на столе живут, накануне Великого четверга их кладут на полочку. А утром четверожную соль и хлебушко скотинке давать и самому есть надо» (Осинка). Солью Великого четверга посыпали скот: «Четвергову соль-то, вот ей корову обсыпают, хрестё, от хвоста, так же делаешь, как богу молиться, так же солью на корову сыплешь, от хвоста до головы, потом от голях так же делаешь» (Липухина). Чаще так поступали тогда, когда отправляли скот первый раз на пастбище: «Соль клали над воротами усадьбы, над дверью конюшни, чтобы никто икоты скоту не клал» (Липухина), «чтобы знала скотина дом, домой ходила» (Келич). Хлеб с божнички в Великий четверг также скармливали скоту: «Положить надо при солнышке зёрнышки, хлебушко. Утром встать, кормить скотину-то, рано, хлебушком, зёрнышки курочкам» (Мухоморка).

Множество ритуалов выполнялось для того, чтобы скот возвращался с пастбища домой. Наиболее распространённым было действие, когда скотину утром звали в трубу: «В трубу на Великий четверг кричали, чтоб скотина домой шла. В трубку гаркали: «Путень-путень-путень, иди домой, баль-баль-баль-баль-баль!» (Сергеева); «В трубу кричат: «Егорий Храбрый, загоняй в мой двор», чтоб не спала она там, в лесу». (Лопва, зап. от Верхованцевой Е. П., 1927 г. р.) В округе села Юм, в деревнях Кукольная, Черная, Осинка для этого бегали вокруг усадьбы с колокольцем: «Бегают круг двора, раньше бегали с колоколом, чтобы скот домой ходил. Обежать три раза или идти, трясти, а колокол тринькает» (Осинка). Иногда при этом произносился и ритуальный диалог: «Дома ли овечки? Коровы?» Отвечают: «Дома, дома!» (Кукольная). В деревнях Бадья и Ефремова с той же целью в Великий четверг «шерсть у скота вырывают и кладут под матицу». В д. Чужья «чтоб скотина во двор ходила, краюшку хлеба с вечера положишь перед Богом, и тожню на двор несут, скотинке

кормят». В д. Кукольная с этой же целью кормили скот четверговой солью и хлебом с заслонки: «Ещё на заслонку клали хлебушко и соль и кормили скот, чтобы ходили домой сами. Говорили: «Ешь, да домой иди» (*Кукольная*). В д. Шестина в Великий четверг обрезали скоту хвосты и складывали над воротами усадьбы, «чтобы всё лето скотина ходила домой». (*Шестина, зап. от Полудницыной Е. С., 1922 г. р.*)

Чтобы защитить скот, на Великий четверг в некоторых деревнях «прогоняли волков»: «В Великий четверг мы ранёхонько по насту с палками, колотушками по насту бежим в лес, угоняем волков якобы, чтобы волки не ходили, овец не задирали». (*Юрла, зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р.*) Действия со скотом в ритуалах Великого четверга составляют одну из самых многочисленных групп.

В Великий четверг «завязывали», «закрывали» коршуну глаза, чтобы он не таскал цыплят и куриц. Для этого прибегали к нескольким способам. Вешали на колья изгороди старый лапоть – «отопок» и обвязывали его соломой: «Да вот раньше мы маленькие были, нас заставят лапоть повешать на кол и его связать соломой, коршуну глаза завязать» (*Юм*); в д. Лобанова вместо лаптя с соломой в ритуальном действии использовали сапог и верёвку: «У коршуна глаза завязывали – сапог верёвкой обвязывали, чтобы коршун не клевал цыплят». (*Лобанова, зап. от Трушниковой А. С., 1938 г. р.*) В некоторых деревнях просто завязывали колья изгороди соломой или тряпкой, к таким же действиям прибегали и «завязывая» глаза у куриц, чтобы последние не ходили в огороде: «Вот огород, два кола, соломой завяжешь их, чтобы в огород не лазили курицы-то» (*Таволожанка*). В д. Келич одновременно «завязывали» глаза курицам и вороне, при этом совершался особый ритуальный диалог. «На кол вешали лапоть, его обматываешь соломой и говоришь: «Кого ты завязываешь?» – «Я у куриц глаза завязываю, чтобы в огородец не ходили, харч не ели». – «Вяжи гораздо, чтобы курицы не ходили». Так три раза побоешь. Потом ещё у вороны глаза завязываешь, чтобы куриц не ели. У вороны-то тот же лапоть, тоже вяжут

солому. «Кого вяжешь?» – «У ворон глаза, чтобы куриц не таскали». – «Вяжи гораздо». На этом же лапте вязали, а можно и другой лапоть взять». (*Келич, зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.*) В д. Ефремова к выполнению этих действий прибегали и в других случаях: «На огороде стоит кол, завяжут на него соломой: «Глаза я председателю завязала, не будет видеть, что я буду делать».

Повсеместно на Великий четверг ходили за вереском (можжевельником), верили, что ветки вереска в доме способны защитить от болезней и нечисти. «Верес – это святое дерево, вот, чтобы в дом болезни-то не мешало» (*Шестина*). Вереск «под матицу заворачивали, чтобы никакая болезнь не пришла» (*Келич*), втыкали в косяк дверей, «чтобы болезни запутались» (*Шестина*), над дверью – «он де лукавых отгоняет» (*Пож*), воротами – «чтобы скот вёлся и корова не урочилась» (*Осинка*). Вереск помещали не только в доме, но и в конюшне, во дворе усадьбы. «Утром идёшь за вересом, возьмёшь две-три веточки. Одну в матицу в избе воткнёшь от сглаза, а другую в конюшне над дверью, для скота» (*Ефремова*). Магическое значение вереска как оберега перекликалось с представлениями о его рациональной пользе: «его для того втыкают, чтоб сырость не была у хлебов, где скот живёт, под двери втыкают» (*Чёрная*); «в матицу втыкали верес, чтобы потолок не потел» (*Осинка*). Принесёнными рано утром ветками вереска хлестали тех, кто долго спит, со словами: «чтоб раньше вставал, долго-то не спал» (*Келич, зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.*); «чтоб бойким был весь год» (*Чёрная*).

Великий четверг был временем, когда с помощью магических приёмов можно было вывести из дома клопов и тараканов. «В коробок таракана положат и к соседу: «Ты иди, там живи, у меня не живи» (*Липухина*); «В отопок кладут тараканов и за верёвочку везут этот отопок по улице, от самого дома, рано утром, и спрашивают у них: «Куды вы поехали?»» (*Зап. от Копытовой Д. Т., 1924 г. р., д. Мухоморка*.) Чтобы вывести клопов, необходимо было совершить ритуальный обход дома и произнести магический диалог: «Когда клопов выводят, бегают круг дома.

Хозяин бегаёт с коробочкой, накладывают ему в спичечную коробочку клопов, а хозяйка сидит в доме. Он бежит, а хозяйка спрашивает: «Что, хозяин, клопы-то у вас есть?» – «Есть, – говорит, – клоп-де клопа съел, сам себя доедает». – «Больше не будут!» Бегаёт вокруг дома три раза, потом выбрасывает коробочку хоть куда, на улицу». (*Лопва, зап. от Верхолаицевой Е. П., 1927 г. р.*)

Чтобы в гости приехали родственники, утром Великого четверга их «кричали» в трубу: «И это всё гаркаешь, родственников, кто на чужой стороне, сестра или кто там: «Приди домой, приедь в гости нам!» Кричат утром, до солнышка». (*Сергеева, зап. от Пикулевой Н. Н., 1939 г. р.*) К этому же приёму прибегали и в том случае, если хотели заманить жениха: «Жениха надо, дак в печку в трубу кричишь: «Дорогой, тут имя скажешь, какое надо, иди ко мне, полюби меня» (*Усть-Зула*).

Есть и более специфические действия, совершаемые в этот день. В д. Ананькина считали, что «надо сесть на печку голой задницей, чтобы бабуха парилась, с цыплят не бегала, с яиц-то». (*Ананькина, зап. от Комаровой Т. С., 1924 г. р.*) В д. Осинка и с. Юм в Великий четверг ходили за мутовками: «Приносили на Велик четверг из лесу мутовочки, надо чтоб три было – на сметанку, на брагу, квас мешать, и пиво делать, тоже отдельную» (*Осинка*). В д. Тимина считали, что на Великий четверг необходимо просушивать одежду, в дд. Чёрная и Лобанова мешали сметану, чтобы летом было много молока и сметана густая была. В Великий четверг в д. Дубровка начинали красить пасхальные яйца.

Подобные многочисленные действия и поверья Великого четверга известны во всех регионах проживания русских, встречаются они и у других народов. В Юрлинском районе комплекс этих представлений чрезвычайно развит. Характерными его особенностями можно назвать многочисленность обрядовых действий и их вариативность. Значительное число ритуалов было направлено на взаимодействие с природной, «неосвоенной» стихией, прежде всего, лесом: хождение в лес, подарки лешему, сбор грибов и ягод. Причиной этого стали особенности

местного хозяйственного уклада, развитость мифологических представлений о лесном пространстве и особый характер взаимодействия с ним.

Великодённая пятница. Пятница накануне Пасхи в Юрлинском районе известна как Великодённая (от одного из названия Пасхи – Великий день), или Страстная пятница. Некоторые действия, приуроченные к этому дню, повторяют магические ритуалы Великого четверга: «Набирают золу со Страстной пятницы, хранят её и используют в лечении, добавляют в питьё, когда лечат от сглаза, от тоски, пьянства» (*Юм*). «В Страстную пятницу углы дома обметают тряпкой, затем эту тряпку хранят и используют для лечения, обвязывают ей больную поясницу, вытирают ей ноги в бане, чтоб не болели». (*Юм, зап. от Мазеиной А. Ф., 1923 г. р.*) В д. Мухоморка отмечали, что именно в этот день красили пасхальные яйца: «Яйца в пятницу красят с луковкой».

Красная суббота. Субботу накануне Пасхи называли Красной. «Называется Красная суббота, так как яички красят, и ещё потому что Иисус Христос детям яйца раздавал». (*Сергеева, зап. от Бабиковой М. П., 1933 г. р., Пикулевой Н. Н., 1939 г. р.*) В саму Пасху красить яйца было не принято: «В воскресенье яйца уже нельзя варить, Господа Бога сваришь, Иисуса Христа испечёшь» (*Ефремова*). Самым распространенным приёмом было окрашивание яиц в красно-бордовый цвет отваром луковой шелухи. «В честь Христова дня яичко должно быть красным» (*Ефремова*). Однако даже в этом случае наблюдается множество вариантов окраски. «Яички красишь из шелухи лука, на них написать можно «Спаси и сохрани», или крестик нарисовать» (*Ефремова*). «Яйцо разрисовывали, или ниткой туго перетягивали – уже узор получался, или куколку – бумажку приклеим и в шелуху лукову, или ещё ольхой красили, которой-то». (*Юрла, зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р.*) «В Пасху яйца красили луковым пером, а ещё листочки подорожника насобирают и на яички прилепят, тожно кра-

сят. Потом листочек отпадёт, яички такие красивые. Чтобы не отпало сразу, листочек марлей обматывают, потом уж убирают. Такие узористые будут» (*Дубровка*).

В православных деревнях яйца освящали в церквях, в тех же деревнях, где сохранялись старообрядческие традиции, пасхальные яйца кадили ладаном. Одно или два крашеных яйца клали на божничку: «В субботу яйца красят и одно яйцо на полку кладут» (*Лобанова*). «На полку кладут два яичка. Почему два? А, кажется, ему, Богу, мало. Одно яйцо – Иисусу Христу, а второе – Деве Марии» (*Лопва*). Существовали запреты употреблять яйца в пищу до Пасхи: «До Пасхи не положено яички есть – грех будет» (*Лопва*). «Если до Пасхи яичко съешь – летом комары заедят да мошки» (*Лобанова*).

Пасхальные яйца наделялись способностью отводить грозу. «Старые яйца перед большой грозой в речку бросают, бог пасёт». (*Сергеева, зап. от Пикулевой Н. Н., 1939 г. р.*) В с. Усть-Зула считали, что отвести грозу можно, выбросив в Пасху крашеное яйцо на улицу. «Трехгодовалые яйца можно бросать в пожар, от грозы» (*Юрла*). Старые, пролежавшие год или несколько лет пасхальные яйца выбрасывали в реку, сжигали в печи, бросали на крышу: «После Пасхи речка откроется, лёд откроет, тожно по речке яйца спускают» (*Ефремова*); «старое яйцо бросали через крышу на улице, когда ветры сильные, чтоб ничё не случилось». (*Лобанова, зап. от Трушниковой А. С., 1938 г. р.*) Примеры обрядовых манипуляций с яйцом в крае раскрывают богатую символику яйца в народной культуре – символику жизни, нового рождения, плодородия.

К Пасхе повсеместно мыли и чистили избы. В д. Лопва отмечали, что перед Пасхой «иконы моют, эту воду скоту поили, чтоб не болел». В д. Осинка и с. Юм дом к празднику украшали соломенными фонариками: «На Пасху делали из соломы фонарики. Солома-то прямая была, рожь долгая растёт. Её нарежем ножницами, на нитку их вздеваем, фонарики делали. Фонарик в середку большой, там маленький ещё фонарик сделаешь, среди потолка повесишь, яички на него кладёшь. Ой, как красиво! Он висит, крутится так». (*Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.*)

Христов день, Пасха. Как для одного из самых больших и значимых праздников в году, для празднования Христова дня большое значение имели церковные обряды. Православное население старалось посетить пасхальную службу в церквях: «Ночью на воскресенье идут читать молебны в церкви. Туда носят крашеные яйца, а потом сами кушают» (*Лопва*). В тех случаях, когда не ходили в церковь или придерживались старообрядческих традиций, ритуал встречи Христа совершали дома. «В Паску встанешь, свичку перед иконы ставишь, ладанок пустишь, и Христа гаркашь. Молишься, говоришь: «Христос воскрес!» Сам и отвечаешь: «Воистину воскрес!»» (*Пож*). Атмосферу встречи праздника Пасхи достаточно полно передаёт рассказ М. Н. Голубчиковой (1921 г. р.) из с. Юм. «Отец прежде с вечера с матерью идёт в церковь на вечерню. На вечерню мать сходит, из церкви приходит и начинает стряпать. А у нас большой стряпни не бывало – шаньги да пироги. Отец там, на вечерней, а она стряпает. Приходит отец из церкви, мать собирает на стол, всех нас будит: «Умывайтесь!» Отец говорит: «Ну-ко, головки приголубьте», – поцелует. Ну-ка, станьте, девушки, у меня хорошими», – садимся за стол, наедемся. В Пасху никогда работать не ходили. Отец с матерью своими делами заняты. А мы – бегать».

В пасхальное утро обязательным было застолье, главным на котором были крашеные яйца. «А как за стол сядут, «Христос воскрес!», – и мама даёт яичко. Первые два яичка на божничку со словами: «Христос воскрес!», они до следующей Пасхи живут» (*Юрла*). В д. Кукольная отмечали, что яйца на Пасху варили по-особому: «Мужикам яйца пекут со смятку, а бабам надо есть вкрутую, а то омужится, как мужик будет». (*Кукольная, зап. от Чеклечевой З. И., 1926 г. р.*)

Пасхальное время, как и другое праздничное время, было наделено особой сакральностью, в это время «просят у бога здоровья всем, и чтоб всё велось и жилось хорошо» (*Ефремова*). В д. Дубровка считали, что на пасхальной неделе нельзя не только работать, но и спать днём – «корова домой ходить не будет». На пасхальную неделю распро-

странялся запрет «жарить на сковороде», нарушивший запрет «Христа жарить будет». (Юрла, зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р., родом из д. Дубровка.)

Всех пришедших в гости в пасхальные дни приветствовали: «Христос воскрес!» «Вот кто войдёт: «Христос воскрес, Христос воскрес», скажешь: «Воистину воскрес!» (Осинка).

Главным развлечением молодёжи на Пасху было качание на качелях. Качели устраивали по-разному. «С берёзы на берёзу положат слегу, и на эти слегу вешают качели, на цепях или на тросе» (Кукольная). Чаще качели устраивали на козлах: «Бабка делалась из жердей, жерди сложат, вершины завяжут крепко, поднимут и там их разделяют, и на эти верхушки положат переклад, верёвки повешают. Качулю делали большую, на доску больше десяти человек вставали. Сильно не качались, если много встанет, лишь бы шевелиться маленько. Если немного, два-три человека, они, конечно, раскачиваются сильно» (Кукольная). Качание на качелях имело особый магический смысл. Исследователи связывают его как с «качанием», игранием весеннего солнца, так и с движением в иной, потусторонний мир (в верованиях некоторых народов, например, марийцев Прикамья, души умерших попадали в загробный мир, качаясь на качели). Присутствует в качании на качелях и брачная тематика, которая хорошо представлена местными материалами. «На Пасху на качелях качались. Парни встанут на качелю, девки спрашивают: «Кто у тебя невеста?» Если качаются девки, парни хлещут их вицей или палкой и спрашивают: «Кто жених у тебя?» А кто и скажет: «Ты жених!» Девки песни поют, ленточки навешают, в косы заплетут, штук десять навешашь, кверху их раздуют, юбки широкие оденешь, красивые. Ленточки не бантиком, а просто так, и заплетут их в косу, они до пояса вешаются: зелёные, синие, красные, белые, голубые – всяких цветов. Песни поют». (Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.) Качание на качелях, как и празднование Пасхи, продолжалось всю неделю.

Радунца (Радольница). Вторник на следующей неделе после Пасхи, как и повсеместно в русских традициях, считался днём поминовения умерших: «Это живёт Радольница, после Пасхи через неделю» (Чёрная). В этот день принято было посещать кладбище: «Радонца будет, на Радоницу ходят на кладбище кадить своих родителей». (Чёрная, зап. от Мазеиной А., 1930 г. р.) Традиция кадить родителей (окуривать могилы ладаном) распространена как среди православного, так и старообрядческого населения: «Кадили: кадиленку возьмём, ладанку разожжём, угли из дома принесём, покадим могилку». (Чёрная, зап. от Черемных А. П., 1924 г. р.) Главным поминальным атрибутом в этот день было пасхальное крашеное яйцо. «В Радольницу красят яйца. Обычно яйца оставляют на Радольницу после Пасхи, если останутся, нет – красят новые. На кладбище яйца разламывали, кушали, поминали. Яйца приносят на могилу – в первую очередь за яичком нужно поминать». (Лопва, зап. от Верхоланцевой Е. П., 1927 г. р.) Яйца оставляли на могилах, посыпали могилы зерном: «Зерно для птичек оставляют, потому что птичка – святая» (Лобанова). В д. Мухоморка к Радольнице приурочивали и своеобразное гадание о будущем: «В речку шаньги кидали и говорили: «Если я умру, то пусть моя шаньга утонет, а если нет, то не умру». (Мухоморка, зап. от Копытовой Д. Г., 1924 г. р.) Ещё одна особенность праздника – «Как Радальница, на сковороде стряпашь. А на Крестовской неделе на сковороде не стряпают, не блины, не чё» (Тимина).

Праздники и обряды от Пасхи до Троицы

Егорьев день (6 мая), первый выгон скота. Первый выгон скота на пастбище в Юрлинском районе, как и в некоторых других районах Северного Прикамья, приурочивался к 6 мая, Егорьеву дню. Святой Егорий Храбрый считался в народе покровителем скота: «Егорий Храбрый на коне воинственный был. У скота Егорий Храбрый – бог»

(*Лопва*). В Егорьев день ему «отдавали на поруки» скот. При передаче скота произносили заговоры-заклинания, прося Егория хранить скот, охранять его от лесных зверей, отправлять домой. Бытовало многочисленное количество вариантов этих заговорных формул: «Егор Храбрый, храни наших скотинок, никуда не девай» (*Чёрная*); «Егорий Храбрый, не оставляй скотину нашу на воле, веди домой!» (*Лопва*); «Иди, матушка, коровушка, на волюшку. Храбрый батюшка, Егорушка, проводи коровушку у меня» (*Чёрная*); «Скотинка иди, Егоре на поруки сдаём, чтобы пас тебя бы, хранил» (*Елога*).

В с. Юм отмечали, что выгонять скот следовало с иконой и зажжённой свечой: «Господня скотинка, шагай с Христом, с Богом, на Божию благодать Егорию Храброму»; добрые люди со свечой, с иконой провожали скотинку-то на волю да говорили: «Спаси мою скотинку от зверя лютого, от дерева падучего, от ушиба, от удара, от потравы. Дай ей, Господи, силу-моготу, чтобы сама себя сохранила и силы набрала. Со свечой в Егорий день скотину провожали». (*Юм, зап. от Голубчиковой М. Н., 1921 г. р.*) В д. Келич, как, видимо, и в других деревнях, где скот пас пастух, в Егорьев день передавали стадо пастуху: «Скота передают пастуху де в Игорев день». (*Келич, зап. от Гашиковой Д. С., 1920 г. р.*)

В первом выгоне скота задействованы многие пасхальные, весенние атрибуты: веточки вербы с Вербного воскресенья, вереск, хлеб, соль с Великого четверга, яйца. «Скота отпускают, скот выгоняют на волю вербочкой с Вербного воскресенья или вереском с Великого четверга» (*Лопва*). В д. Чёрная, выгоняя скот, брали с собой яйца, которые выбрасывали на пастбище: «Яйцо брали, говорили: «Егору Храброму скотинку сдаю», яйцо на поле выкидывают, где на поле скота выгоняют, там и выбросят». (*Чёрная, зап. от Сакулиной А. И., 1936 г. р.*) Яйца участвовали в ритуале первого выгона скота и в русских традициях северо-восточного Прикамья.

В д. Липухина к Егорьеву дню приурочивалось подрезание скоту хвостов: «В Егорьев день, на пастбище гоним

первый раз, хвосты подрезают, их не бросают, в угол во дворе куда заткнут. Говорят, вот ворона утащит, и скот не поведётся, вот их хвосты-то и подбирают»; «вот толды, это в Егорьев день, когда отпускают, хвост, кончики обрежут и на ворота, в шилочку, положат». В других деревнях, как мы отмечали, этот ритуал исполнялся в Великий четверг. Чтобы уберечь скот от порчи и сглаза, «вот вязки, бывает, вяжем, красим. Привязать надо скотине на хвост или на рога тряпочку, чтобы не так порча брала, не так урочилась скотина. Это когда первый раз отпускали» (*Елога*). Следует заметить, что в Егорьев день совершался чаще всего лишь ритуальный выгон скота – северные климатические условия не позволяли в столь ранний срок выгонять скот на пастбище. «Шестого мая живёт Егорьев день. И вот тогда первый раз ты должна скотину пустить и сказать, что сдаём тебя на поруки Егору Храброму. Если снег, то хотя в огород выпускают» (*Чёрная*).

Егорьев день отмечен и как один из сроков посадки капусты: «Капусту салят в Егорьев день – мошки ещё нет» (*Лопва*). В д. Осинка, наоборот, отмечали, что сеять рассаду в Егорьев день не следует: «В Егорьев день посеешь рассаду, мошкарка поест её, рассаду сеют до 6 мая, до Егорьева дня». (*Осинка, зап. от Мазеиной А. Н., 1927 г. р.*) В районе записано значительное число вариантов заговоров, произносимых при посадке капусты: «Расти с молитвой, капуста, не поддавайся ни мошкарке, никому, чтобы не ела мошкарка» (*Елога*); «Со Христом, с молитвой, расти, капуста, на добрых людей». (*Келич, зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.*) «Вырастите, листы, шире маминой п...ды!» (*Осинка*); «Не троньте мою капусту. Расти, капуста, большая, кочанистая, добрым людям на пользу!» (*Шестина*). «Для добрых людей, для малых детей, для братьев, для нищих, для прохожающих, для заезжающих, расти с молитвой» (*Ефремова*). «Расти, капуста, большая, кочанистая, добрым людям на похвалу, а лихим на завиденье». (*Шестина, зап. от Полудницыной Е. С., 1922 г. р.*)

По погоде Егорьева дня определяли погоду на будущее лето. «Считалось, что «Егорий даст обязательно дождик, а

если не даст – летом будет засуха» (*Лопва*); «если в Егорьев день подожжит – трава вырастет хорошая, большая. Егорьев день – с водой, Никола – с травой». (*Кукольная, зап. от Чеклецовоу З. И., 1926 г. р.*)

Марьи-погиболки. Этот день в народном календаре связывался с началом ледохода на реках. Происхождение названия праздника объясняет легенда, записанная в д. Лопва: «А вот эта погибелка вот почему. Где реки большие живут, плиты (льдины) раздернет по бокам, река села, а плиты остались. Это погнули плиты, значит, погнули и Марьи».

Арина-рассадица (18 мая). День известен как время посадок в огороде: «В него всё садят». Сроки посадки некоторых культур определяли и по другим приметам: «Первая ласточка прилетит – сеют горох». (*Ефремова, зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р.*) Посадить лук старались до Николина дня (22 мая): «До Николы луковки садят, чтобы раньше росли, поспедали» (*Юм*). При посадке редьки наговаривали: «Господь Бог, спаси и сохрани мое растение, мою редечку!» (*Осинка, зап. от Мазеиной А. Н., 1927 г. р.*) Время посадки зерновых в традициях Прикамья определяли по разным приметам. В Юрлинском районе, чтобы определить, какой сев – ранний, средний или поздний – будет удачным, смотрели, как высыхают первые снесённые куриные яйца: «Куручка перво яичко снесёт, его запятнают; другое – его запятнают; третье тоже пятнают. Опять было это, заповедь: какое яйцо не шибко усохнет, первое, второе или третье, такой и сев хороший, ранний, второй или последний. Это опять сев признавали. Это перво-наперво куручка-то снесёт, его караулили. Как бы пятнали от одной куручки». (*Мухоморка, зап. от Осташовой Е. П., 1924 г. р.*)

Николин день (Никола, Никола Весенний; 22 мая). Николин день считался одним из сроков начала посевных работ. Связывались с этим днём и природные приметы. Повсеместно была распространена поговорка «Егорий с водой – Никола с травой». Полагали, что за 13 дней до Ни-

колина дня прилетает кукушка: «Николин день живёт 22 мая, кукушка прилетает за 13 дней до Николы» (*Лобанова*). В д. Чёрная с Николиным днём связывали наступление тёплой погоды: «Николин день пришёл, да и тепло принёс». (*Зап. от Сакулиной А. И., 1936 г. р.*)

Первое кукование кукушки, первый гром. С магией первого действия в весенней обрядности связывались многие приметы. По первому кукованию кукушки, первому грому определяли, какой будет весь год. Кукушка в народной культуре наделена отрицательной символикой, появление её на усадьбе дома – к покойнику. Плохой приметой был прилёт кукушки в деревню: «Перед войной кукушка прилетала в деревню, куковала, это тоже к беде» (*Шестина*). По тому, с какой стороны человек впервые слышал кукование кукушки, определялось благополучие будущего года: «Вот услышал кукушку «в глаза» первый раз – весь год плакать буду, «в затылок» – умру, «в правую щёку» – хорошо буду жить, «в левую» – плохо». (*Чёрная, зап. от Сакулиной А. И., 1936 г. р.*) В д. Келич отмечали, что, кроме женской особи – кукушки, кукует и самец – туткун: «Туткун, он сильнее, он всё время «ту-ту» делает так. Если туткун стутает куды-нибудь, это уж правда будет. Взад кукует, это к плохому. В правое ухо – к хорошему, левое – это хворать, взад – умрёшь, вперёд – тебя всё время поносить будут, говорить нехорошее. В правую кукует – это ведь богато жить будешь ещё». (*Келич, зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.*) По первому грому также определяли благополучие будущего года: «Плохо погремит, дак и плохой год будет». (*Чёрная, зап. от Сакулиной А. И., 1936 г. р.*) Ранний гром сулил холодную и длинную весну: «Гром рано гремит – холод долго будет» (*Дубровка*). При первом громе следовало перекувыркнуться, «переметнуться, чтобы спина не болела» (*Чёрная*).

Вшивая неделя. Одна из недель после Пасхи называлась вшивой, в это время старались не высаживать рассаду капусты. Название связывалось с тем, что посаженную в

этот срок капусту съест мошка (вша). «Она, неделя вшивая, всегда парная — четвёртая, шестая, восьмая от Пасхи. А в девятую неделю от Пасхи надо капусту садить». (*Кукольная, зап. от Чеклецовой З. И., 1926 г. р.*) При высадке капустной рассады в д. Осинка посыпали её золой, набранной в Великий четверг: «Капусту подсыпать сверху надо золой четверговой и говорить: «Бросаю, глаза бусом залепляю!» (*Осинка, зап. от Мазеиной А. Н., 1927 г. р.*)

Иван-берестенник. С этого дня народного календаря начинали снимать с берёз берёсту. «В Иван-берестенник по бересту ходят, для печки там готовят, туес можно делать». (*Келич, зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.*)

Троицкие праздники и обряды

Вознесенье (Вознесеньев день). С Вознесеньем связывали наступление летнего тепла: «Вознесение Христово Господне, после Вознесения тепло будет. Вознесеньев день придет на землю-матушку, тепло принесёт» (*Осинка*). Повсеместно бытовали представления о том, что в этот день Иисус Христос поднимается на небо: «Иисус Христос поднимется на небеса и тепло спустит на землю». (*Чёрная, зап. от Сакулиной А. И., 1936 г. р.*) В д. Келич считали, что в этот день обязательно следует стряпать шаньги и укладывать на столе стопочкой, «по этим шаньгам в Вознесеньев день Иисус Христос подымается обратно наверх. Горкой кладут шаньги-то, вот по ним-то Иисус Христос или в небеса поднимается, или спускается. В Пасху-то Иисус спускается, там ведь тоже пекут, так он спускается, а в Вознесеньев день он поднимается». (*Келич, зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.*)

Поминальный день, Семик, Троицкая суббота. Поминование умерших в Юрлинском районе, как и в других русских традициях, приурочивалось к неделе перед Трои-

цей. В некоторых деревнях поминальным днём считался четверг, т. е. Семик, в других — суббота (Троицкая суббота). В эти дни было принято посещать могилы умерших. «В четверг идут на кладбище» (*Ефремова*); «суббота Троицкая живёт, в субботу на кладбище ходили кадиться. Своих родителей кадили, поминали» (*Осинка*). Как на Радольницу и другие поминальные дни, на кладбище кадили могилки родственников: «Приходишь на могилку: «Царствие небесное, там кто (имя называешь)», потом раскладёшься, помянёшь, спички берёшь с собой, бересточка, возмёшь там, еловые шишечки насобираешь, веточки сухие. Приговаривают, кадятся: «Донеси, ангел Господний, ладанок церковный до всех, до своих, до родителей, до знающих, незнающих, донеси, Господь Бог». (*д. Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.*)

Для поминовения умерших стряпали рыбный пирог, приносили с собой яйца. В дд. Ефремова и Бадья отмечали, что на Семик, как и в пасхальные дни, для поминовения вновь красили яйца: «Яйца красят. На кладбище принесут, разламывают»; «На могильник настряпаешь, бражку несёшь, можно и яйца покрасить, на могиле поешь» (*Бадья*).

До настоящего времени в районе сохраняется причитание на могилах умерших: «Читали причёты, кто как знает, как умеет. Как прожил человек, всё это приговаривали. Причитают на могилке: «Солнышко ты да родимая мамонька, ой, ты зачем жо, ой ты меня ой да родила жо, ой, да на такую жо муку вечную?» На каждой на своей могилке плачут и причитают. Гул только поднимается везде». (*Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.*)

Троица. Во многих деревнях считали, что в этот день «лес — именинник», «у леса в Троицу день рождения бывает». В этот день запрещалось рубить лес, выполнять другие хозяйственные работы: «Если будешь рубить — считается грех большой» (*Лопва*). Как и везде, на праздник украшали берёзку: «Берёзку в деревню приносили, украшали ленточками. Берёза радуется дню рождения». (*Лопва, зап. от Верхоланцевой Е. П., 1927 г. р.*) Для украшения берёзки

использовали пояски, холсты и ленты: «Играли берёзкой по дороге. Чем попало украшали: пояски да опояски, холсты есть, дак холсты повешаешь» (*Осинка*); «Украшали цветами луговыми, купальницей, лентами» (*Дубровка*). В д. Чёрная принести из лесу в деревню берёзку должен был парень, высватавший невесту: «Жених несёт (берёзку), который невесту высватал». (*Зап. от Сакулиной А. И., 1936 г. р.*)

Единичны в районе записи других троицких ритуалов. Только в д. Дубровка отмечали, что девушки на Троицу завивали венки и отправляли их по воде: «На головы плели венки и бросали их в воду». (*Юрла, зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р., место рождения – д. Дубровка.*) В других деревнях подобные гадания, но совершаемые с первым венком, приурочивались к Иванову дню.

В д. Ананькина особыми свойствами наделялась вода на Троицу: «троицкая вода святая, мылись в воде, лошадей в воду заводили». (*Зап. от Комаровой Т. С., 1924 г. р.*) Поверья о «святости» воды, возможно, перекликаются с представлениями о том, что в один из дней Троицы «вода – именинница».

С Троицы начинались уличные игры молодёжи: «С Троицы уже начинали «дорожкой» играть, через человека ходить по всей деревне» (*Дубровка*). Игры на Троицу разнообразны и многочисленны; характерно, что они приурочиваются не только к Троице, но и к последующим летним праздникам, например, к Петрову дню. Самыми распространенными были игры «кругами» («кругом»), «ходить через человека», «трубу чистить»: «А играли у нас во всей деревне, все соберутся. Соберутся все вечерами, всю ночь ходят, играют всякими играми. «Кругом», «через человека ходят», всю деревню пройдут, а кругом на одном месте ходят, песни поют» (*Чёрная*).

Духов день. Следующий день после Троицы, понедельник, известен как Духов день. Считалось, что в этот день «земля – именинница». В Духов день не выполняли никакой работы, связанной с землёй: «В Духов день, говорят, землю не ворошат, даже не задевают, хоть какая работа, не

задевают» (*Чёрная*); «В огород садить нельзя, землю в руки не берут» (*Липухина*). В дд. Таволожанка и Липухина считали, что в Духов день «босиком нельзя было ходить, дак валенки оденут».

Заговенье. Воскресенье через неделю после Троицы известно в русских традициях как Троицкое Заговенье перед летним Петровским постом: «Больше молочную пищу есть нельзя, ни мясо, ничего, до Петрова дня» (*Осинка*). В это воскресенье, как и на Троицу, гуляли и играли: «Заговенье отмечали: попируют, поиграют, по дороге походят с песнями». (*Чёрная, зап. от Сакулиной А. И., 1936 г. р.*)

ЛЕТНИЕ ПРАЗДНИКИ

Девятая пятница

Многие праздники и почитаемые дни летнего периода народного календаря считались «грозными», «сердитыми». «Грозность» и «сердитость» праздников связывалась не только с тем, что эти дни в редкий год обходились без грозы, но и с мифологическими представлениями о природе «грозы», «сердитости» святого Ильи-пророка: «Илья-пророк, где телегу проволок, там на телегах и молния» (*Осинка*). Именно этому святому молились и в случае засушливой погоды. Поэтому особо почитались все дни, считавшиеся в народе «грозными», строгими были запреты на выполнение хозяйственных работ в эти дни. К таким «грозным» праздникам относилась и почитаемая Девятая пятница после Пасхи: «На Девяту всегда грозы» (*Пож*). В «грозные дни» запрещалось выполнять некоторую домашнюю работу: «Грозные дни – Девятая пятница, Ильинская пятница. Кирики-Улиты, они тоже сердитые живут. В эти дни стирать, мыться нельзя. Одна женщина постиралась, полы по-

мыла, а была Девятая пятница, гром ударил, и убило её». (Елога, зап. от Овчинниковой А. П., 1939 г. р.)

Иванов день (Иван Купало, Иван-цветник; 7 июля)

Названия и эпитеты Иванова дня говорят о том, что с этим днем связывалось множество поверий и ритуалов. Праздник называли Иваном-цветником: «Трава цветёт до Петрова дня, так вот Иван-цветник живёт, и хлеб-от цветёт». (Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.) В Иванов день начинали сбор лекарственных трав: «Трава открывается в этот день, у неё надо брать корни. В 12 часов она самая светлая трава, даже горит, вот на лугу посмотришь, она горит аж. Она лечебная. На горе растёт. Идешь, у неё даже огонёк горит, её по огоньку и можно узнать. Вот в речке кувшинки растут. Их надо брать домой, их сушат. Это тоже в Ивана-Купалу ходили». (Келич, зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.)

В Иванов день в д. Дубровка сеяли репу: «В Иванов день репу сеяли: расти пузаста, головаста. Примечают ещё, если сеют рассаду, чтобы тучки были. Если чистое небо, то рассада будет плохая». (Юрла, зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р.)

С Иванова дня начинали купаться, с чем связывают и его название Купало: «Иван Купало, вот в Купало-то купаться можно. Надо купаться, все грехи смоешь». (Келич, зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.) Купание в Иванов день связывалось с ритуальным очищением. С этой же целью принято было топить баню и париться новым веником: «Веники в баню в один день надо делать, враз, и шестого июля. Это лечебные веники, сера на них ещё. Первый веник ещё, как попарятся, так через голову на баню кидали со словами: «Веник, веник, ты носи с меня все болезни». Его бросали потом, и он весь год лежит». (Келич, зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.) Также поступали и в д. Дуб-

ровка: «Первый веник на баню бросают под крышу. Возьмут, скажут: «Господи, благослови, Бог, помыться, побелиться. Дай, Бог, леготы». При заготовке веников «собирали чистяк — мяконький гладенький лист. Перестынет берёза — блушняк называется, мохнатое, твердое, такое не брали». (Мухоморка, зап. от Копытовой Д. Т., 1924 г. р.)

Как и в других русских традициях, в районе с Ивановым днем связывали цветение папоротника. Папоротников цвет считался особенным: «если кто его увидит, тот счастливый будет» (Бадья), «кто найдёт цветок от папоротника, от всех болезней вылечится» (Таволожанка). Папоротников цвет мог сделать человека невидимкой: «Один раз в год цветёт, в 12 часов ночи, всего до часу. И, говорят, (кто знает, это присказки или правда), что ходил когда-то один человек, ушёл туда, и папоротник этот попал ему. Раньше лапти носили, а цветок в лапоть и попал, и человек этот невидимкой стал. Вот, папоротник этот — цветок невидимки». (Ефремова, зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р.) Прежде чем получить цвет, необходимо было пройти суровые испытания, которые устраивала нечистая сила: «Видел, видел один цветок-то, а сорвать не смог. Цветёт папоротник на Иванов день. Его в жизни никто не брал. Кто бы взял бы его, тот бы счастливо жил, тот человек везде пройдёт. Его взять никто не может. Там змеи, там всё будет. Один за спор хотел: «Сорву этот цветок!» Шёл, а ему всё на пути гремучие змеи, лягушки, клады всякие открываются, а внимание обращать не надо. В лесу идёт, а там парень на пне сидит, волосы кольцом, золотые, на гармошке играет. И тут вода стала мужику заливать вездю, по шею уже. Он перекрестился — и никакая вода, и никто, и он на суше у дома. Так и не смог донести до дома цветок». (Зап. от Черных Л. Б., 1943 г. р., д. Сергеева.)

В д. Келич рассказывали и о традиции купальских костров: «И ещё через костёр прыгают, это на Ивана Купала-то, вечером-то». (Зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.)

Петров день (Петрово говенье, Петровка; 12 июля)

Петров день в традициях Юрлинского района, как и в других районах Северного Прикамья, считался одним из самых больших и значимых праздников в году. Его даже сравнивали с Пасхой: «Христов день да Петров день – до обеда ничего не робят» (*Лобанова*). По этому дню определяли погоду на следующий период: «Если Петров день тёплый, то всё лето будет тёплое» (*Осинка*). Представления о сакральности праздничного времени отразились не только в запрете на работу в этот день, но и в запрете доить в этот день коров: «В Петров день нельзя корову доить – грех». (*Чёрная, зап. от Черемных А. П., 1924 г. р.*) Возможно, этот запрет связан с тем, что основными праздничными и ритуальными блюдами Петрова дня у русских становились молочные блюда. В д. Осинка также отмечали, что на Петров день специально готовили «сырчики»: «К Петрову дню делали сырчики. Накатают из творога комочки, вот такие же, как клубочки. Накатают-накатают, на них яички с творогом, со сметаной. Посолят, потом на солнце их, чтобы ещё жидкость выходила, а потом в печку посадят на сковороде. Сырчики называли, на Петров день делали. Они вон какие вкусные. Это я помню, у нас мама делывала». (*Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.*) О петровских сырчиках бытовала поговорка: «Раньше старики-те да старухи-те говаривали: «Дороги-те яички ко Христову дню, дорог и сырчик к Петрову дню» (*Осинка*).

В д. Таволожанка «в Петров день умывались на колодце, обливались». Ритуальное обливание на Петров день соотносится с летними обрядами вызывания дождя. Петров день, как и многие летние праздники, считался одним из грозных дней: «Гроза в Петров день когда-то стала, как грянула – на моих глазах, я в окно смотрела, баба-то огненная на погреб пала, и он сразу загорелся» (*Осинка*).

В некоторых деревнях заготовку веников начинали с Петрова, а не с Иванова дня. «Петров день живёт, там по

веники ходят. Первым веником парились. Он как целебный считался, а выпарились, так на подволоку закинут». (*Таволожанка, зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р.*) В некоторых деревнях (д. Чёрная) считали, что в Петров день до обеда следует сеять репу.

С Петрова дня начинали массово собирать ягоды. Отправляясь первый раз в лес, произносили: «Аминь, батюшка, Господи Пресвятая Богородица, помоги, пособи мне ягодки набрать» – это говоришь, когда в лес пошли по ягоды, за черничей». (*Келич, зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.*) Существовал запрет употреблять до Петрова дня ягоды женщинам, у которых умерли дети: «До Петрова дня нельзя ягоды есть, у кого дети умершие есть. Это их называют ангелами. Ягодки-то начинают только с Петрова дня есть-то. Вот ягодка упадёт – это едят ангелы, дети-ангелы, маленькие-то умершие» (*Ананькина, зап. от Комаровой Т. С., 1924 г. р.*) «Нельзя есть ягоды до Петровки, у кого умерли дети маленькие, чтобы ягоды там, на небесах, детям были» (*Сергеева*).

Петров день считался праздничным, в этот день также, как и в Троицу, было принято играть в летние игры: «Праздновали Петров день. Песни пели по улице, «мерили улицу». (*Юрла, зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р., место рождения д. Дубровка.*)

Петров день повсеместно считался сроком начала сенокоса. В некоторых деревнях уже в этот день отправлялись на покос: «С утра в Петров день шли на покос. Снарядимся, идём. Паужнать сядем, у кажнова туески, битоны, пиво, бражка. Выпьём, песни попоём» (*Тимина*).

Летние игры на Троицу и Петров день

Мячиком играть. «Мячиком играли, бегали, имали. Я побегу, меня мячиком стучают. Есть две команды, одна команда здесь стоит, другая команда там. Вот тебе бросят, ты отобьёшь его и бежишь, там черту ещё сделают, до той

черты тебя не должны мячиком задевать. Потом ты вымахивашь, если ты не вымахашь, то вся команда идёт, этак становится. Две команды, черту проводят, сперва подаёт кто, я отбила и побежала, тот ловит и должен в меня попасть, я, чтобы не давалось, до черты надо сбегать, потом следующему подаю, потом пробегашь ещё с той стороны, чтобы опять не ударили. Вот в меня кинули, я отбила, а втора-то команда подбирает, любой, и пока я бегу, в меня уже из другой команды кидают. Если сбили меня, я встану, тогда вымахиваю: с разбегу три шага должна сделать. Если не сделала, то становлюсь в другую команду, в ту, которая мячик ловила. Если шаги не рассчитала, то в другую команду перехожу». (Келич, зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.)

Трубочисты (трубу чистить). «Играли в «трубу чистить» (Бадья); «Все парами вставали, а другой идёт по этой трубе, руками держишь, кого надо руками выдёргивает, вперёд встаёт, непарный остаётся, опять идёт и кого-нибудь опять забирает» (Кукольная); «Трубочисты – это по два человека. Один всегда лишний. Проходит по этой трубе. Забирает кого-нибудь и встаёт впереди». (Лопва, зап. от Верхоланцевой Е. П., 1927 г. р.)

«Беги, да не майся». «Разные игры, какие попадут – тут и «Беги, да не майся» тоже. Также встанешь парами, впереди стоит один, и бежим: «Беги, да не майся», а тот ловит. Стараешься, чтоб не поймал, а кого поймал, тот опять ловит» (Кукольная).

«Через человека (через девку) ходить». «Вдоль улицы ходили, через человека играли – всю деревню проходили. Песни запевали». (Кукольная, зап. от Чеклецовой З. И., 1926 г. р.) «На Петров день гости приедут, на всю улицу встанут, через человека пройдут два человека, и так до конца улицы шли, мерили дорогу» (Зарубина). «Через девку ходили у нас летом, играли парами, всю деревню пройдёшь» (Юм).

Корыто колыбаться. Распространённая игра – «Корыто колыбаться». Выбирают двух участников, которые встают напротив друг друга, взявшись за руки. Под песню «Корыто колыбаться» участники раскачивают руками, то разводя их, то сводя, все остальные игроки парами стараются пробежать под поднятыми руками. С последними словами песни один из игроков попадает. Его спрашивают: «Хрен или редька?» Он выбирает тот или иной овощ и встаёт... В конце, когда все переловлены, все, кто «хрен», тягнутся с «редьками» (Пож).

Корыто колыбаться, невеста убивается,
Взять не взять – красна девица на ять,
Кокошник износила, другой запросила...

Хороводные игры

Полный перечень хороводных песен приведён в разделе «Песенный фольклор Юрлы». «В Петров день покосы, поэтому хороводы играли только вечером» (Осинка). «Всяко играли. Девки соберутся, кругом ходят. Пели – «Во кузнецке», «По улице мостовой», много» (Пож).

Эх, луговка луговая

Эх, луговка луговая, где, луговка, ночевала –
Во лесочке, под кусточком,
под ракитовым кусточком
Под малиновым листочком?
Туто шли, прошли ребята,
Ребятишки молодые, неженаты, холостые
Неженаты, холостые, кудреватые, баские...

В процессе пения участники идут навстречу друг другу и обратно, затем образуют круг, идут вправо и влево, встают в колонку по двое друг за другом, проходят «через ворота», встают по трое и кружатся по очереди (Пож).

Сенокос

С Петрова до Ильина дня наступало время сенокоса: «С Петрова дня косить начинали и косили до Ильина дня». (Кукольная, зап. от Чеклецово́й З. И., 1926 г. р.) Выходя первый раз в поле, благословлялись: «Матерь Богородица, покосить дай, Господь Бог», – скажу, перекрещусь, как на поле-то пойдут» (Таволожанка). К началу и завершению сенокоса приурочивались и некоторые ритуалы: «Скосили первую полосу литовкой; берут траву и связывают поясом, и на себя, чтобы спина не болела весь сенокос». (Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.) В д. Дубровка, начиная сенокос, «через себя копейку бросали, богатый, так рубль можешь бросить, рубль-то он блестит, его найдут, а копейку-то никто не найдёт» (Дубровка). В этом ритуальном действии усматривается своеобразное жертвоприношение природным силам. Одушевление этих сил проявилось в шутливой формуле, произносимой при косьбе последнего небольшого участка покоса: «Ловите зайчика!», «Скорей, скорей ловите зайчика!» (Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.)

Цветье (Травяное Цветье, Хлебное Цветье)

«Цветьем» в Юрлинском районе называли летнее время, когда зацветали травы и хлеба. Время цветения трав было известно как Травяное Цветье, время цветения хлебов – Хлебное Цветье: «Летом цветье бывает. Травяное Цветье, это до Петрова дня. Трава поднялась, начала цвести, это Цветье Травяное. А после Петрова дня, туда дальше, к Ильину дню, это уже Цветье Хлебное. (Юм, зап. от Голубчиковой М. Н., 1921 г. р.) Отметим, что кроме летнего Цветья, было и Цветье зимнее: «В декабре Травяное Цветье. Погода будет такая, как летом, когда цветёт трава». (Елога, зап. от Овчинниковой А. П., 1939 г. р.) «А с Рождества до Крещенья – Хлебное Цветье. Вот хлеба цве-

тут. Когда деревья в инее – это называется Цветье». (Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.) Отождествление двух периодов года, зимнего и летнего, связано с достаточно древними представлениями о двучастной структуре года, с выделением в нём двух периодов, зимнего (пассивного в хозяйственном отношении) и летнего (наполненного хозяйственными работами в поле). В этих представлениях сохраняется противопоставление и отождествление двух календарных циклов – зимнего, святочного и летнего, связанного с Троицей и Ивановым днём. Противопоставление и отождествление этих периодов связано и с тем, что они приходились на важные даты в солнечном календаре – даты летнего и зимнего солнцестояния. Как и святочное время, время цветения хлебов воспринималось как волшебное. Показателем того, что время поспевания ржи считалось сакральным, является распространённое гадание по слушанию в поле – выйдя в рожь, слушая, как шумят хлеба, можно было заветить, какой будет год, урожайный или голодный: «Я слыхала, слушали, как шумит хлеб, гадали, какой урожай будет, какая жизнь – пойдёшь в поле, зайдёшь в рожь». (Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.)

Вызывание дождя

В отмеченный период (особенно в засушливые годы) совершались ритуалы, направленные на вызывание дождя. Повсеместно с этой целью проводили крестные ходы по полям и служили молебны. «Богу молятся, дождя просят: «Дай дождя!», идут на поле с иконами». (Елога, зап. от Овчинниковой А. П., 1939 г. р.) «Надо срубить берёзки, сделать колышки, их навтыкать, как заборик, как плетень, чтоб иконы положить, и богу молиться. Колышки делают стоя, можно доски положить. Иконки брали любые, только чтоб солнце позади иконок. Идут желающие, сколько хочешь, одевались нарядно – ведь к Богу идёшь, молиться. Встают рядочками, первый ряд – старые, молодые позади. Свечи

ставили к иконам, «Дай, Бог, дождика», говорят». (Лопва, зап. от Верховланцевой Е. П., 1927 г. р.) О дожде святых просили: «Батюшка Бог, Ангелы Господни, Пресвятая Мать Богородица, дай, Бог, дождя нам» (Чёрная). Чтобы вызвать дождь, «брызгали водой по земле» (Осинка).

Кирики и Улиты (28 июля)

Кирики и Улиты – один из «грозных» летних дней: «Грозы вот Кирики и Улиты, гром шибко гремит дак». (Чёрная, зап. от Сакулиной А. И., 1936 г. р.)

Ильинская неделя

Неделя накануне Ильина дня получила в народе эпитет Ильинская. Считалось, что в это время бывают сильные грозы. «Это неделя-то Ильинская, она самая дождливая живёт»; обильные дожди могли привести даже к наводнению – поводи: «Ильинская поводи бывает» (Келич).

ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ ОСЕННЕГО ПЕРИОДА

Ильинская пятница

Пятница накануне Ильина дня – Ильинская пятница – считалась «грозным» днём. «В Ильинскую пятницу шибко сердитая гроза, Илья-пророк де телегу проволока, на телегах ездит» (Осинка); «В Ильинску пятницу всё большинство гремело, чургало. В Ильинску пятницу сено убирай, из огорода подбирай. Дождь будет – траву стащит. Стаскивало, о-хо-хо» (Дубровка).

Ильин день (2 августа)

Ильин день считался границей лета и осени: «Ильин день живёт – последний день лета. В этот день будет холод» (Ефремова). С Ильиным днём связаны многие запреты. «После Ильина дня нельзя купаться, потому что нарывы могут по телу быть» (Ефремова); «На Ильин день вода цветёт, она зелёная, заразная. Купаться нельзя, а то зелёную заболеешь, или чирьи на тебе будут» (Кукольная). После Ильина дня не готовили веники: «До Ильина дня веники рвут, а если после Ильина дня вяжешь, то от таких веников жара нет» (Бадья). К Ильину дню завершали сенокос: «До Ильина дня сено косили, потому что после Ильина дня сено за кустом не сохнет». (Кукольная, зап. от Чеклецовой З. И., 1926 г. р.) С Ильина дня начиналось время жатвы. Повсеместно действовал запрет на работы в праздник: «В Ильин день гребь соберёшь, её утащит. Это господь Бог не велит робить» (Пож). По погоде на Ильин день определяли погоду на будущую осень: «Если журавль до Ильина дня за неделю не улетит, то бабье лето будет до 14 октября» (Ефремова).

В д. Лопва особыми целебными свойствами наделялась вода Ильина дня, святость воды связывали с тем, что в этот день в водоёмах «купаются богоугодники, после двух часов ночи. Илья пророк – богоугодник, нужно брать воду, пока они не ушли».

С Ильина дня уже не собирали и не ели ягод земляники: «Ягоды собирать можно до Ильина дня, потом-де, говорят, чирьи будут» (Ефремова). Наоборот, начинали есть малину с Ильина дня: «До Ильина дня малину не едят, у кого дети умерли – там им на том свете не дают тогда есть детям» (Бадья); «В Ильин день ещё на ночь соберутся, рано-рано по малину идут – робить-то нельзя дак» (Тимина).

Ильин день считался одним из самых грозных, «грозных» дней в году. «В Ильин день небо матерится, нашего брата ругает, его ведь пугать надо. От грома под лавку прятались. Лопату хлебную, ожег, помело кидают на улицу; говорили: «Господи, благослови, Бог» (Дубровка). Ес-

ли Ильин день обходился без грозы, это считалось плохим предзнаменованием: «В Ильин день если гром не пройдёт, так нехорошая погода делается, будет нехорошая жизнь тогда, нехороший год. Надо вот чтобы в Ильин день-то обязательно, чтобы гром прошёл». (*Келич, зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.*) В конце XIX в. в Ильин день в каждом хозяйстве «кололи овцу или барана, и одну баранью лопатку мяса несли в часовню». (*Щеколова, Мазунин М. В., ЧКМ 3009.*)

В некоторых деревнях Ильин день был престольным праздником. В д. Лопва к престольному Ильину дню «рыбу варили, шарпу-то (уху рыбную), пироги пекли, жарили, парили, барана, свинью к Ильину дню кололи. В других деревнях, наблюдая грозовую тучу, говорят: «Илья пророк, убирайся на праздник, где тебя справляют». Гром и уйдёт туда, где Ильин день справляют, в Лопву» (*Чёрная*).

Спасы

К Спасам в Юрлинском районе не были приурочены какие-либо обряды и ритуалы. Считалось, что с этих праздников начинает холодать, отсюда и распространенная поговорка «Спас – бери рукавички на запас». «Первый Спас пройдёт, так рукавички на запас дарили – уж морозы живут. А уж другой пройдёт, так телогрейки накидай». (*Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.*) Сохранялись представления о трёх Спасах, однако, сроки этих праздников в народе варьировались и не совпадали с православным церковным календарем: «В августе Спасы. Первый Спас – 19 августа, Медовой, мёд снимают; второй Спас – 21 августа, Яблочный. Яблоки надо убрать; третий Спас – 29 августа – бери рукавички на запас, потому что холодно». (*Кукольная, зап. от Чеклецовой З. И., 1926 г. р.*)

Успение Пресвятой Богородицы (Воспожин день, Воспожинанье, Госпожин день, Госпожинка; 28 августа)

Юрлинцам был известен этот праздник: «Воспожин день живёт 28 августа» (*Чёрная*). Примет, поверий и обрядов, связанных с этим днём народного календаря, известно немного. В д. Чёрная отмечали: «Малину до Воспожинанья не едят, если у кого ребята умерли». (*Чёрная, зап. от Сакулиной А. И., 1936 г. р.*) В д. Елога Госпожинка считалась престольным праздником: «Госпожинка – праздник в Елоге был. Госпожин день был» (*Дубровка*).

Фролов день, Фролы (31 августа)

Фролов день был сроком завершения сева озимых: «После Фролов сеять нельзя было. Фролы де голы» (*Дубровка*). В д. Осинка происхождение поговорки «Фролы голы» объясняли тем, что с этого дня с деревьев начинается опадать листва: «Фролы голы, лес обдувает». Фролов день не считался праздничным, «в этот день жнивы жали да молотили, зерно убирали». (*Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.*)

Святые Фрол и Лавр считались в народе покровителями коней. В этот день «на лошадях ездили на реку, заезжали в воду в той деревне, где праздновался престольный праздник, здесь же резали скота, быков и баранов, мясо варили, ели, кормили нищих, а остальное отдавали попам». (*Щеколова, Мазунин М. В., ЧКМ 3009.*)

Семёнов день (14 сентября)

Семёнов день был одним из дней завершения жатвы: «К Семёнову дню уже обжиновались». (*Мухоморка, зап. от Осташовой Е. П., 1924 г. р.*) С этим днём связывали

отлёт журавлей, уменьшение светового дня. С этого дня, отправляясь на работу в поле, уже не брали с собой обеда – паужну: «Журавли пролетели и паужёнок унесли». (Чёрная, зап. от Сакулиной А. И., 1936 г. р.)

Обжинки

Обжинками в Юрлинском районе называли праздник окончания жатвы: «Если последнее поле осталась жнива, обжинки делают. Собирают, колхозные дак, надают по людям делать питья. Мама питья, браги делала – человек пятьдесят, ведь их накормить надо, напоить». (Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.)

Обжинки как общественный праздник сохранялся и в советское время: «Когда закончат жать, субботник делали да обжинки. Со всех деревень придут человека по два, жнут, колхозного барана заколют, там дадут муку всякую, пиво поставят, суп варить. С мякиной раньше, со всем сварят. О, добром набызгашься, наешься. Ели, потом плясали, песни пели. Бывало, выйдут мужики на улицу, поборются, а то локтями играть будут. Это субботник. Это если последне поле осталось жниво, то обжинки делают» (Осинка).

Особых ритуалов, связанных с завершением жатвы, в Юрлинском районе обнаружить не удалось. К таковым можно отнести размытые представления о ритуальном бросании серпов после жатвы: «Серпы кидали, не знаю для чего. Старушки делали, чтобы спина не болела, заканчивали когда жать». (Чёрная, зап. от Сакулиной А. И., 1936 г. р.) Как и во время сенокоса, сжиная последний участок, говорили: «Надо зайчика поймать!» В данном случае, видимо, сохранялись представления о духе поля: заяц в культуре многих народов связан с символикой плодородия.

Рождество Богородицы (Богородицын день, Богородица; 21 сентября)

Этот день не считался значимым праздником: «Богородица живёт 21 сентября, в Богородицу только Богу молились» (Осинка).

Воздвижение (Сдвижение, 27 сентября)

К Сдвижению старались завершить уборку огородных культур: «Не жди Сдвижение – режь репу и секи капусту». (Кукольная, зап. от Чеклецовой З. И., 1926 г. р.) Кроме осознания праздника как срока окончания огородных работ, распространено представление о Сдвижении как дне, когда лесной хозяин «собирает зверей»: «У их тоже есть день назначенный, в тот день нельзя в лес ходить, тут он собирает всех зверей в группу. Это какой-то день, Здвижение. Двадцать седьмого сентября вот он де живёт. У нас Сашка Цыган пошёл в лес в этот день-то, так даже ни одну птичку не увидел». (Келич, зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.) Представления о празднике как об особом дне нашли отражение и в представлениях, связанных с животноводческой обрядностью: «В Здвижение на поле страшная ночь, зверь бродит, может скотину задрать. В эту ночь обязательно нужно, чтоб скотина дома спала». (Елога, зап. от Овчинниковой А. П., 1939 г. р.) «А вот осенью живёт Воздвижение, тогда должна вся скотина дома быть, во дворе. Так ночь-полночь ищешь её, чтобы домой пригнать, а то, говорят, медведь может задавить, если не дома» (Чёрная).

Покров (Покров день, 14 октября)

«Покров день землю покрывает снегом» (Осинка). К Покрову старались закончить уборку капусты: «Покров идёт 14 октября, «не жди Покров, капусту секи» (Келич).

Дмитриев день (Дмитрий, Митрий; 8 ноября) Дмитриевская суббота (Поминальная суббота)

Суббота накануне Дмитриева дня считалась поминальной. В д. Кукольная отмечали, что именно в эту субботу было принято помянуть удушенных и утопленных: «Поминальная суббота, первая суббота – Дмитриевская, перед Митрием давелинников и утопленных поминают». (*Кукольная, зап. от Чеклецовой З. И., 1926 г. р.*)

ЗИМНЯЯ ОБРЯДНОСТЬ

Праздники и обряды от Покрова до Рождества

Череда праздников до Рождества не отмечена особой обрядностью. **Казанская, Казанка** (4 ноября) не считалась большим праздником, за исключением тех деревень, где она была праздником престольным: «Праздник этот раньше в д. Чужья бывал. В этот праздник песни пели» (*Лопва*). В д. Кукольная с этим праздником связывают происхождение широко известного выражения «сирота казанская»: «4 ноября – Казанка, начинали ходить нищие по деревням. Хлебушко им давали, молоко, спать клали, пускали. Отсюда и говорят – «сирота казанская». (*Кукольная, зап. от Чеклецовой З. И., 1926 г. р.*) **Кузьмин и Демьян день** (14 ноября) фиксирует погодную примету: «На Кузьму и Демьяна всегда гололёд». (*Кукольная, зап. от Чеклецовой З. И., 1926 г. р.*) **Михайлов день** (21 ноября) был престольным праздником в округе д. Елога: «21 ноября – Михайлов день, тут пирог рыбный, это уж почёт был. Пиво сварят, брагу» (*Мухоморка*). **Екатерина, Катюшки, Кати-именинницы** (7 декабря) также были в ряде мест престольным праздником. **Николин день, Никола зимний** (19 декабря) считался

временем наступления первых зимних морозов: «На Николин день мороз сильный» (*Кукольная*). Период до Рождества в целом был лишён какой-либо обрядности, т. к. до Рождества идёт Филипповский, или Рождественский, пост.

Рождественские праздники

Сочельник, Рождественский сочельник. Как и Великий четверг перед Пасхой, сочельник накануне Рождества наделён символикой сакрального времени (некоторые обрядовые действия этих дней явно перекликаются). В этот день «деньги считают утром, чтобы денежки велись» (*Кукольная*). В деревнях Чёрная, Бадья, Кукольная в сочельник «кур не кормили, чтоб летом не пакостили», «чтоб капусту не ели».

Повсеместно в сочельник совершали гадание с сочнем: «Сочни «жгут». Потом по улице ходят, встречают первого прохожего: «Как звать?» – отдают ему сочень. Как назовётся, такое имя у мужа будет» (*Бадья*); «По воду пойдёшь утром рано, положишь на грудь сочень, и кто первый попадёт, имя спросишь, такое и будет у жениха». (*Ананькина, зап. от Комаровой Т. С., 1924 г. р.*) «Девушка выпекает сочень. Несёт в руках, если кто первый попадётся навстречу, значит, в этот год замуж выйдет. А если никто не возьмёт сочень, то обратно несёт (сочень маленький) домой и набивает его» (*Осинка*).

Рождество (Рошво, Орошво; 7 января). Праздник открывал целый обрядовый цикл народного календаря – Святки. К Рождеству готовился обильный праздничный стол: «Тесто делали, стряпали, жарили, парили. Пьют, едят. Вина не было шибко раньше, там по рюмке, по две, выпили, бражку попили, пиво». (*Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.*) В некоторых деревнях в этот день дети ходили по домам поздравлять с праздником, «славили Христа». Ритуальный обход домов детьми бытовал в с. Юрла: «В Рождество в Юрле, я помню, наш отец в Рождество

стряпал пельмени. Приходят эти, славильщики, человек пяток угланчиков, и подойдут к порогу: «Здорово живите!» И поют, славят: «Рождество твоё, Христе Боже, воссияй миру и свет разума...» Всегда пели, которые ходят славить. И отец у меня встаёт, достаёт кошель с орехами: «Нате, ребятки!» По куску хлеба им ещё даст. Никогда ни у кого не было есть-то. Кто славил, тем хлеб даст: «Берите, матушки мои, берите». (Юм, зап. от Голубчиковой М. Н., 1921 г. р.) Кроме тропаря, исполнялись и короткие четверостишия – славки: «Славите, славите, вы меня не знаете, я Иван-дурачок, выславляю пятачок, вам на потешки, нам на орешки» (Юм).

Считалось, что если на Рождество небо звёздное, в этом году будет вестись мелкий скот. (Чёрная, зап. от Сакулиной А. И., 1936 г. р.)

Святки. Святки в народном календаре считались опасным временем. В это время не играли свадьбы, не топили поздно баню, не стирали. Строгость выполнения этих запретов связывалась с представлением, что в Святки по земле ходит нечистая сила – шиши, шишочки, шишиги: «А в Цветье-то шиши купаются. Святки-то бывают, в Святки не стирают. Шиши купаются, в этой одежде полоскаются, если стирать пойдёшь». (Юм, зап. от Голубчиковой М. Н., 1921 г. р.) Запрет топить баню и мыться в Святки в д. Чёрная связывали с тем, что шиши на Святках, до Крещения (когда шиши уходят в воду), живут в банях. «Парни как-то на Крещение поспорили, у нас Чёрный лог есть, там всё кажется, кто Чёрный лог перейдёт, а он посреди деревни. Он пошёл у нас в Чёрный-то, пошёл и говорит – не мог перейти лог-то. Там бани на угоре стояли, из бани бежали в колодец шиши. Его избили эти шишики, он на коленках приполз. Они в бане живут, когда Святки-то. На Крещение все в колодец падают, а так в бане. Вот в Святки и не топили баню, даже перед праздником, и на Крещение не тапливали» (Чёрная).

Играть свадьбы в святочный период также было не принято: «На Святки никто свадьбу не делает. Нельзя, плохо жить будешь. На Святках замуж идти нельзя. Выйдете замуж и будете жить как черти же, беситься» (Осинка). Запрет связан с поверьем – в святочное время свадьбы играют шиши: «А вот с Рождества до Крещения видали, что свадьба-то издит. Это шиши. В ночь-то опасно даже» (Осинка). Эти свадьбы игрались в банях: «В Святки по баням проходили свадьбы. Нечистые пляшут в бане, только тунготок, гармошка играют, и всё. Потом люди-те заходили, смотрят – а в бане вовсе никто нету» (Юм). Свадебный поезд шишей ездил и по деревне: «От мамы слыхала, они с подругой вышли ворожить. Мама не велика ещё была, она на крылечке стояла, глядела только. Подруга начала полоть снег, гадать. Свадьба вдруг поехала, колокольцы, тут всё там. Надя, говорит, быстрее убирайся!» (Елога, зап. от Овчинниковой А. П., 1939 г. р.)

Свадьбы шишей проходили в ночное время: «Мама дворы охраняла, на Крещение, чё, она не перекрестилась, или чё ли. Вот, говорит, куделю начала трепать. Чую де, как свадьба идёт, колокольчи кудякают, невесту везут, гляжу де, а свету не было, только маленькая печурка. Дверь открывается, и залетают такие маленьки, маленьки, и заплясали, заплясали, ведра, говорит, чё они держали – забрякались. Вдруг петух запел, петух-от спел – всё, как не было. Сейчас чертями зовут, а тогда шишочками называли. Видно, издят, свадьбы играют. Они в воду-то падают на Крещение, там их, чертей, нет, до Крещения живут ведь» (Осинка).

Былички о встречах с шишочками распространены широко: «А вот у меня покойный батя сказывал, что Святки были, он поехал молотить. А мельница у нас была. И к мельнице подъехала свадьба, а там незнакомые, песни посвоему поют. Как, говорит, дали по дверям! А внутрь зайти не могли, опять обратно уехали. А лошадь-то, там ведь в мельнице не загорожено, лошадь убежала. Вышел, лошади нет, ладно далеко не убежала, там зарод был, полкилометра как. Там у зарода нашёл её. А вот это мелконьки, шиши были» (Юм).

«Слышала вот, говаривали, одна женщина рассказывала, у неё муж шофёром был. Он уехал в рейс, у неё ребёнок маленький. Сижу, говорит, вечером, жду его домой. На печке всё раньше ребят-то держали. Ладно, сижу, говорит, на печке, и время-то уже было двенадцать, первый час пошёл. Слышу, говорит, скрип-скрип на санях кто-то приехал. Огонь горит, лампочка, раньше ведь лампы жгали, такие горелки. Слышу, кто-то приехал. Ну, видно, думаю, родня, вот на кашу-то ездят. У них в Дубровке тётка жила, наверное, они приехали. И двери не закрыты, видно, раз его-то ждала. Слышу незнакомый стук, стучится, стучится. Заходят в избу. Я ребёнка держу, кормила как раз грудью, держу на руках. Зашли, столь много, полон, полон зашли, тут, под порогом стоят. И чё-то перешёптываются. Ой, чё же будет! Один-то уже ступил на западню – раньше на печку подняться были западни. Протягает руки до меня, тащить с печи-то. Я давай Богу молиться. Помолилась, только молитву Воскресную, видно, стала творить, раз – все двери открылись, циркотня-циркотня, убежали все, никого нету. Вот это шишаки и были. Это на Святках было. Мохнатые, с рожками большими и маленькими, всякими, старые и молодые. Кто в шапках, кто в платках дак. Женщины-то, видно, не подходят. Мужчина один подошёл и давай тянуть руки. Оттащить видно хотели её, задавили бы, если б молитву не знала» (*Елога*).

Мифологические персонажи: шишиги, шиши, шишики, шишочки, связанные с водной стихией, соотносятся с представлениями о шуликунах, известных у русских севера Европейской России, в северном Прикамье. Там также отмечены представления о том, что шуликуны на Святках ходят по земле, а в Крещение уходят в воду.

Святочные гадания

Вёдра закрывать. «Вёдра закрывали: два ведра закроют на замок, ключ под пуховую подушку. И кто придёт просить, тот жених» (*Чужья*).

Колодец закрывать. «У меня у самой на яве было. Вот мы с девушками стали ворожить, я была ещё девушка тоже, а мне подруга-то говорит: «Давай, колодец закроем, пойдём, вёдра закроем». Колодец был без замка. Она просто pokrутила ключом над колодцем, а вёдра-то закрыла и унесла в подвал, а ключ заставила меня под подушку положить: «Если чего приснится, то и сбудется». Ну и вот, я вижу сон, это у меня Ваня пришёл, сел на порог и говорит: «Отдавай мне ключ», я ему отдала ключ. И всё. В ту зиму и вышла замуж. Видимо, чё-то есть» (*Чёрная*).

На дороге. «Дорогу скали пирожником, снег скрипит, и, как жениха будут звать, услышишь» (*Пож*).

На овине. «Было, девки под овин ходили ворожить, на гумно. Там суседко-де мажет ж...ы. Ж...ы-то повесят в овинах, и если будет богатый мужик, то мохнатой лапой де погладит, а если бедный – так гладенькой рукой. А парни прислушаются да вперёд девок убежат к овину. Вот одна-де пришла, повесила ж...у-то: «Ой, гладкая рука-та, бедный жених будет, бедный!» Другая повесила, как вертихвостнул её парень плетью! Злой-де мужик будет, злой!» (*Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.*)

На росстани. «Скатерть постелют на улице, на росстани, ложатся под неё и слушают, где собака завоет, где ещё чё, то и будет». (*Лопва, зап. от Верхованцевой Е. П., 1927 г. р.*) «Гадали на росстани снегом: снег кидали иконой через себя и слушали какой звук. Громко снег падёт, год будет урожайный» (*Пож*).

По блюдечку. «Берёшь блюдечко с водой и на четыре его стороны кладёшь хлебушко, уголёк, соль и зёрнышко. Потом в воду смотришь: если уголёк увидишь – узнаешь, сколько лет жить, если хлебушко или зёрнышко – хорошая жизнь». (*Кукольная, зап. от Чеклецово́й З. И., 1926 г. р.*)

По гребню. «Гадали гребнем или щетью, выбросят в снег ночью, во двор, после ищут, смотрят, какой волос будет на щети, такой цвет волос будет у жениха» (*Таволожанка*).

По зеркалу. 1. «На Святки было дело. Я поставила два зеркала. Мама у меня на полатах спала, уснула, я одна. Вот гляжу, а там в зеркалах такие коридоры открываются, 13 коридоров. Смотрю, из одного коридора шагает мужчина. Ну, я не узнала. До меня третий коридор остался, я прихлопнула. Может, чёртик меня бы задавил – близко стал ко мне подходить» (*Юм*).

2. «Поворачиваются спиной к месяцу и смотрят в зеркало. Сколько увидят светлых пятен на зеркале, столько будет детей». (*Лопва, зап. от Верхоланцевой Е. П., 1927 г. р.*)

По кольцу. «В стакан с водой клали кольцо, песочек, волосы в стакан (с темечка), затем долго всматривались при свете свечи на дно со словами: «Покажись, кто будет у меня жених». Там и шиши, и дьявола такие навидятся, а, может, увидишь там и человека». (*Лопва, зап. от Верхоланцевой Е. П., 1927 г. р.*)

По ложкам. «В ложке воду наливали на ночь. Утром смотрят, если бугор – помрёшь». (*Бадья, зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р.*) «В ложку воду наливали. Если застынет горкой, будешь жить, ямка – умрёшь». (*Юрла, зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р., место рождения д. Дубровка.*)

По мусору. «В избе вымести, вынести мусор утром на росстань, высыпать и говорить: «Сею, вею ворошок, где мой милый женишок, там собачка взлай, петушочек спой!» Каков

жених выпадет, если хороший, так петушочек, а собака – мужик собака и будет». (*Бадья, зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р.*); «петух – мужик хороший будет» (*Чужья*).

По полену. «Поленья вытаскивали, кто како выдернет. Если суковатое – мужик корявый будет, гладенькое – баской» (*Усть-Зула*).

По снегу. «Выйдешь на дорогу со словами: «Сею-вею, ворошу, где мой женишок, там собачка взлай!», «О, девки, учуяла, далёко-далёко собака лает! Нескоро взамуж». (*Ефремова, зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р.*) «Новый год живёт по-старому четырнадцатого, на тот Новый год выво-раживали. Ходили вечеровать, к кому-нибудь придём, сидим, прядём и ждём, когда петух споёт, до двенадцати часов. Тожно как петух запурхатся в шестке – девки, пойдёте ворожить. Идём на ростань, снег в припол собираем, «Полю-полю снежочек, перепалываю, где мой жених, там собачка злай, корова змычи». Одна девка едак-ту перепалывала, а тут кони на конном дворе залягались, заивгали. Мы и убежали» (*Юм*).

По частоколу. «А ещё ворожили так: частоколы раньше были, из тоненьких таких дубинок. Вот так вот соберёшь, парами, по две, если все сойдутся, то пожениться. Если не пара останется – не пожениться в этом году» (*Чёрная*).

Прорубь закрывать. «Гадали – прорубь закрывали. Я закрыла, мне во сне гармонист пришёл рыжий, за рыжого гармониста и вышла, пришёл, просит ключи, прорубь открыть. Прорубь надо ожегом перекрестить, над ей замок на ключ закрыть, замок в снег бросишь, ключ себе, под подушку положишь» (*Усть-Зула*).

Слушаться. «Слушаться ходили: уйдём на поля, сядем на корточки в снег кружочком, и через нас маленьких икон накидают и заставляют слушать. Если будет урожай, как серпы зачакают: «Ой, всё урожай будет». А тут ещё на пе-

рекрёстке как-то нас посадили, а тут как поленница рассыпалась, и вот у нас в тот год бабушка умерла». (Юрла, зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р., родом из д. Дубровка.)

Хлебом. «На Рождество, в Сочельник, кусок хлеба клали под голову: «Приснись, мой суженый» (Юрла).

С кольцом. В Святки ворожили не только для того, чтобы определить будущее замужество, но и узнать судьбу человека, ушедшего на фронт. «В Святки ещё в стакан бросали кольцо золотое. Тоже гадали, смотрели. Одна загадала. В центре кольца, в углу — два солдата. Я отскочила. «Что, — говорит, — посмотрела? Ну, от Николая скоро письмо придёт. Теперь давай на Егора гадать». Снова она всё сделала, и мне говорит: «Смотри». Я смотрю в этот стакан и, как сейчас, вижу эту картину. В северо-западном углу-то было, а тут, в другом — как простынь белая, и кто-то под простынью. Она посмотрела: «Всё, Егора нет». До сих пор Егор не вернулся. Через три недели письмо от первого-то пришло: «Были в окружении — писать нельзя было». (Юрла, зап. от Перебатовой Е. М., 1926 г. р.)

Стремление заглянуть в будущее, выйти на контакт с нечистой силой, не всегда могло завершиться благополучно, в некоторых случаях невыполнение ритуала гадания могло повлечь за собой встречу с нечистой силой: «Слышала, что, мол, пошли гадать у скотины на кожу. Сели, и их скоро черти поволокли. Я слыхала, они чё, догадались, соскочили, побежали, убежали де» (Осинка). Часто козни нечистой силы инсценировали парни, узнавшие, что девушки отравились ворожить: «Ворожили ходили. У меня брат Коля был. Девки пойдут ворожить, он их подкараулит. Санки были, он на их свадебные колокольчи привяжет, уйдёт за ферму, отпустит с горы санки-те. «Ой, дева, ты уйдёшь нечуже замуж». — «Нет, ты!». Друг друдышку мнут, бежат, свадьба-де шишовская едет» (Липухина).

Святочное ряженье

Одним из неперенных составляющих святочной обрядности русских, в том числе и в Юрлинском районе, было ряженье. У юрлинцев существовало несколько терминов для обозначения святочных ряженных: *маскированные* (*маскарованные*), *наряжённые*, *черти* и *шишочки*. В первых двух случаях в терминологии актуализируется переодевание, маскирование участников святочного ряженья: «Наряжённые ходили всякие, вот Бабой-Ягой мараются или бороды сделают из льна, ещё маски делали из картонки, лица покрасят краской карандашовой, карандашом». (Кукольная, зап. от Чеклецова И., 1926 г. р.) Термин *шишочки* связан с мифологическим персонажем *шиши*. «В шишочки наряжались, сажай намажут, и не узнашь, кто такие. В избу заскочат, запляшут, на себе шуба вывернута, старьё. Их угощать надо, конфеты давать, пряники, брагой поить деревенской» (Осинка). Олицетворение ряженных с нечистой силой и сам процесс ряженья под нечистую силу широко известен на общерусском материале, с этим соотношением связано и обозначение ряженных чертями: «Ну так наряжались, ходили чертями да чё да, измажутся и ходят». (Елога, зап. от Овчинниковой А. П., 1939 г. р.)

В юрлинских деревнях получено немало свидетельств о широком бытовании ряженья в зооморфные персонажи: медведя, быка, козла, гуся. «Рядились в медведя, козла. В медведя когда — шубу, шапку, маску из бумаги и из тряпки». (Юрла, зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р.) «Вот на Рождество ходили, шишонки вот ходили. Маски делали. Там берёсту сделают, рот сделают — прорежут, из кудели бороду, углём глаза наведут. «Му-му», — идёт как бык. Он шубу вывернет, маска, помычит малёхонько, хвост из кудели. Гусем рядились, клюв большой из лучин сделан, маленьки ребята боятся. В рукав сделают, в руку-то — кончик лучины белый, палка такая в рукав, на неё клюв так сделают поперёк. Он кокат ходит». (Келич, зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р.)

Распространёнными персонажами ряженья были цыгане: «В цыган рядились. Юбки оденут. Раньше дубасы были. Не пожалеют, на ленточки изрежут, эти ленты на юбку оденут, сарафан. Так и идут: наверх шубу, вывернут и идут» (*Дубровка*). Часто наряжались мужиком и бабой: «Марлю оденем, мужицкое или женское там, мужиками большинство-то сряжались. Только вот марлю накидывали, чтоб не узнали» (*Юм*). В святочное ряжение вовлекались и реалии современной жизни: «Я вот наряжалась на Святки Конституцией: ходила с книгой, на себе ленты, на их написано «Право на труд», «Право на отдых» (*Юм*). Для ряженья часто использовали берестяные маски: «Маски берестяны наденут, вырежут глаза, рот и нос, марают сажой» (*Осинка*).

Ряженные совершали обход деревни, заходили в дома, пели, плясали, часто подшучивали: «До сих пор двери морозят в Святки, снегом трубы заваливают». (*Ананькина, зап. от Комаровой Т. С., 1924 г. р.*) «У кого есть сани, уволокут и бросят в снег, кто куды, уволокут и ищут. Двери подперут, что выйти нельзя. Это молодяжники-то ходят» (*Осинка*). В этом случае ряженные своим поведением имитировали разгул нечистой силы.

Святочные игрища

Время от Рождества до Крещения (Святки) было периодом, когда молодёжь собиралась в домах для игр. «На Рождество раньше играли, песни пели рождественские до часов до двенадцати, до часу, игрища устраивали» (*Комариха*). Молодёжь выкупала у хозяев нежилой дом, просилась играть к одиноким пожилым женщинам. Платой за постой были дрова, принесённые парнями, каравай хлеба, принесённые девушками: «Платили старушке за дом, хлебушко принесём, последний каравай из дома утащим» (*Осинка*). Главным развлечением на игрищах были всевозможные рождественские игры: «На Святках соберутся в дома, играют

всякими играми, песни поют. Парами ходят, песни поют. Как-то коней меняли – игра была. В домах-то старых играли, который нежилой, принесут лучину или фонарь, бывало, потом появились бригадные дома, туда пускали» (*Чёрная*).

Рождественские игры

Большинство игр на Рождество имело любовно-эротическую тематику. В игре «Вкруг столба ходить» в центр круга ставили парня, девушки с песнями ходили вокруг него: «Вкруг столба ли я хожу, круг золотого я хожу. Надарю я столба красной девицей». С этих слов парня приговорили, он ко столбу девку поймает и с ней ходит тоже кругом. Потом девку приговаривают». (*Келич, зап. от Гашковой Д. С., 1920 г. р.*) «Играли в Орошво в игру «Перчатки отымать». Все стоят, а парень у девки старается перчатки отнять. Отымет и говорит: «Не поцелуешь, не отдам» (*Липухина*). Некоторые игры носили достаточно жёсткий характер. «Вот, кобылами менялись, коней меняли. Девки выгоняют на улицу. Один возьмёт жгут, ремень, парни выбирают девку. Какой-то парень скажет: «Мне вот какую девку нужно». Её вызывают: «Иди, узнавай, кто тебя вызвал». Если подходишь не к тому парню, кто тебя вызвал, тебе этим ремнём по спине. Или когда девки сидят и ребят вызывают. А потом они уж парами сидят. Дежурный подходит с ремнём и говорит: «Меняешь?» – «Да на старой гоняю». Значит, девка дальше сидит на коленях, значит, не меняет. Если на старой гоняешь, целуй тогда её. К другому подходит: «Меняешь?» – «Меняю». Ему на ухо говорит: «Таку-то девку надо». Он подходит: «Иди». Успешет она перебежать быстро – не получит, а не успеет – получит». (*Усть-Зула, зап. от Ивановой М. Н., 1932 г. р., Митрофановой А. С., 1930 г. р.*)

На игрищах исполнялось много песен, хороводных игр, в том числе и тех, которые были предназначены для летнего периода: от Троицы до Петрова дня. Первой песней на

святочных игрищах в юрлинских деревнях была «Ой, ди-ди, ой, радость»:

Ой, ди-ди, ой, радость, Рождество, девки, пришло.
Ой, ди-ди, ой, радость, Рождество Христовоё.
Поиграйте, девушки, да, ой, ди-ди, ой, радость,
Поиграйте, матушки, по своей воле-волюшке,
Пока замуж не выдали.
Выдавали де девицу за седую бороду, за плешату

голову,

А седа борода не пускает никуда.

Ой, ди-ди, ой, радость...

(Усть-Зула, зап. от Ивановой М. Н., 1932 г. р.,
Митрофановой А. С., 1930 г. р.)

«Девки, парни собирались. У кого мала семья, у того и собирались. В игру «Через человека» играли, песню пели «Заря ты наша, зоренька»:

Заря ты наша, зоренька, по тебе, заря, игра пошла,
Да поиграйте, красны девицы, не по своей воле
у мамоньки,

У родимого у тятеньки, верно, девки, замуж выдадут.

Ибо старый, ибо малый попадёт.

Я бы старого утешила, посреди поля повесила

На осиночку, на самую вершиночку,

Добрым людям на радость.

Заря ты наша, зоренька, по тебе игра пошла,

Поиграйте, красны девицы, верно, девки,
замуж выдадут.

Ибо старый, ибо малый попадёт.

Я бы малого утешила, на кроватку спать уложила.

(Ходят по избе парами и поют в Рождество, Юм.)

«Играли кругом», ходили по полу с песнями. Вот «Во городе терема», все – в круг, парень – по-за круг:

Во городе терема, по-за кругу гуляла,

Косыночкой ринула, поцепочкой брякала.

«Отворитесь, ворота, отворяйтесь, широки,

Вы сходитесь поближа, поклонитесь понижа,

Возьми девку за рукав, поведу я на усы,

Ты, поглянется, пляши да не пляши.

«Парень по-за кругу идёт, когда поют «Отворитесь, ворота», круг расцепляется, он тут заходит, подходит к кому ему надо. Тут все расцепляются рука от руки. Он тут стоит. Песня продолжается. Выберет кого, они друг другу кланяются, когда поют «Поклонитесь понижа» (Лопва).

Тоже «Кругом играли» на игрищах: «Я пойду к терему». Одна идёт по-за кругу с палочкой, круг-от идёт вперёд. Поют:

Я пойду к терему, послушаюся,

Ино что в терему свёкор-батюшка говорит.

Свёкор-батюшка говорит:

«К нам медведичу ведут».

Свекровка говорит: «Людоедичу ведут».

Деверья говорят: «Нам непрялю ведут».

Золовки говорят: «Нам неткалью ведут».

Девка сначала по-за кругу, потом в это время заходит в круг. Дальше поют:

Шесть недель я прожила,

Можно по полу пройти,

Слово вымолвити.

Девка подходит к свёкру, они все в кругу идут, кругом идут. Снова поют:

«Ой ты свёкорушко, любезной батюшко,

Я б медвидица была, во тёмном лесу жила.

А ты, свекровушка, любезна матушка,

Людоедицей б была, во сыром бору жила.

Вы, деверья-соколы, у вас ведь жёны каковы?

Вы, золовки-сестрицы, когда вы взамуж выйдете,

Каковы же будете?»

(Лопва, зап. от Верхоланцевой Т. Д., 1917 г. р.)

В Рождество девки парням на колени садились, там песня пелась: «Вскочил козёл в огород, в огород». Вот под эту песню парами ходили. С той стороны, с другой стороны встанут, сначала одни подойдут, потом другие подойдут, так идут, притапывают:

Скочил козёл в огород, в огород, во-в широкий

во-в завод.

Всю капусту обшипал, обшипал, кочешочки
 обглодал, обглодал.
 Возьму козла за рога, за рога, поведу я на базар,
 на базар,
 Променяю да на товар, на товар, на чернила
 чёрные, чёрные.
 Начернюсь я чёрная, чёрная, на ту пору муж – домой,
 муж – домой,
 «Зачем, жёнка, да чёрная, чёрная?» «Я-де в печке
 мазала, мазала,
 Сажею намазалась, мазалась, куплю чернила белые,
 побелюсь я белая».
 На ту пору муж – домой: «Зачем, жёнка, белая?»
 «А я муку сеяла, мукою обмазалась».
 Взяла козла за рога, за рога, продала я на базар,
 на базар.
 Я чернила купила, купила, я чернила красные,
 красные.
 Намазалась красными, красными.
 На эту пору муж – домой, муж – домой:
 «Чё-де жёнка красная, красная?»
 «Я-де печку топила, топила, перед печкой
 стряпала, стряпала».
 (Усть-Зула, зап. от Ивановой М. Н., 1932 г. р.,
 Митрофановой А. С., 1930 г. р.)

Мы-де просо сеяли

Мы-де просо сеяли, сеяли, ай, да лада,
 сеяли, сеяли,
 Мы-де коней выпустим, выпустим!
 Мы-де просо вытопчем, вытопчем!
 Как вы можете вытоптать, вытоптать?
 – Мы-де коней поймает, поймает!
 Как вы можете поймать, поймать?
 – На шелковы поводья, поводья!

Бояра

Бояра, мы до вас дошли,
 Молодые, мы до вас дошли,
 Князевья ли вы, зачем до нас,
 Молодые, вы зачем до нас?
 Бояра ли-де свататься пришли!
 У нас нет невест!
 Князевья, у вас есть невесты!
 (Останавливаются и забирают невест)
 Наша полка прибыла, прибыла!
 Наша полка убыла, убыла!
 Наша полка слёзы льёт, слёзы льёт!
 Наша полка вина пьёт, вина пьёт!
 (Кукольная, зап. от Чеклецовой З. И., 1926 г. р.)

Васильев вечер (Маланья-кишочница, 13 января)

«Маланья-кишочница – пироги стряпают тогда кишочные» (Лопва). «К этому дню, бают, голову свиную надо припасти – на Васильев вечер» (Дубровка). Святой Василий считался в народе покровителем свиней. Сакральным временем считалось не всё время праздника, а только вечер, тем более, что он соотносился с датой Старого Нового года. Повсеместно в Юрлинском районе к этому дню готовили холодец из свиных или говяжьих ножек: «На Василий вечер ножки палят, варят, ножки грызут. Вечером все соберутся, мать принесёт на стол эти косточки и растрехивает, косточки полизали, а которые остались, она холодец сделает» (Дубровка). «Малиньких за стол. Достанут чунку из печки. Давайте холодец трясти. Сидят, косточки облизывают» (Липухина). В д. Дубровка отмечали, что холодец готовили и из овечьих ножек: «У овечек ножки, голову готовили, это студень». Приготовление холодца и вечерняя трапеза имели сакральное значение. В д. Дубровка приготовление студня из овечьих голов, ножек связыва-

ли с тем, что «это, бают, делать надо, чтобы овечки лучше велись». В этой же деревне остатки от холодца «потом в навоз закапывают, чтобы скот вёлся».

Чтобы весь год был благополучным, «на Новый год, Васильев вечер надо, чтобы обязательно была квашонка сделана, квас чтобы был, чтобы весь год вёлся хлебушко. Денежки есть у кого – ложили на стол» (*Кукольная*). В д. Ананькина на Васильев вечер гадали на урожай: «Вот в Васильев вечер пол вымоют, а потом мама сама же, наверное, зёрнышки набросат, а нас искать заставляет. Если, говорит, найдёте зёрнышки, год урожайный будет». (*Ананькина, зап. от Комаровой Т. С., 1924 г. р.*)

Крещение (19 января)

Все ритуалы Крещения, поверья и представления о празднике так или иначе связаны с крещенской водой. Повсеместно, как и в других регионах проживания русских, крещенская вода наделялась целительной силой. В православных деревнях священник совершал обряд водосвятия: «В Крещение раньше ездили на реку, на прорубь, из проруби воду брали, священник святил». Однако в большинстве деревень святили воду сами: «А вот воду принесут да святят, вот эти же бабушки, старушки. Иконы вымоют, вот она, святая вода, опять» (*Чёрная*). В д. Осинка отмечали, что воду для освещения следовало брать с трёх колодцев. Воду святили с вечера накануне Крещения.

После освящения, с Крещения до Афанасьева дня (31 января), вода считалась чистой. В это время не стирали: «С Крещения до Афанасьевки не стирают. Неделю не надо стирать». (*Осинка, зап. от Сакулиной А. Г., 1926 г. р.*)

Для того, чтобы нечистая сила не зашла в крещенскую ночь в жилые и хозяйственные постройки, «тогда дверь ещё зачертишь крестом, при солнышке двери закрывают, управляют, и везде кресты» (*Чёрная*). Большая часть народных представлений о празднике связана с тем, что в этот день,

«шиши падают в воду», «шишиги крестятся», «шиши крестятся, в речку обратно падают». В д. Осинка отмечали, что «в двенадцать часов ночи они падают в колодец». Утром в Крещение «до солнышка воду не носили» (*Таволожанка*), «если рано придёшь, так шишов домой принесёшь». (*Осинка, зап. от Сакулиной А. Г., 1926 г. р.*) Прежде чем брать воду, «святили» колодцы.

Бытовало несколько вариантов освящения колодцев и воды в Крещение. В д. Осинка «кадили» колодец: «Воду в колодце святили. Черти на Крещение падают в воду, потом её осветят. Ходили-то в старо-то время, ладанок разожгут, пойдут на колодец со свечкой, читают молитву. Ладаном обдадут и всё». (*Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.*) В с. Юрла, чтобы освятить воду, горящую свечу и ладан спускали в колодец: «Утром хозяйка встаёт, зажигает свечу, освящает колодец, только после этого мы начинаем воду носить. Дома зажигает, в ведре несёт эту свечу. С огнём спускает в колодец, ещё ладан пускает, чтобы освятить воду, он горит там. Она это сделает, а потом вытаскивает, убирает это всё. Набирает воду и несёт. Это уже называется освящённая вода». (*Юм, зап. от Голубчиковой М. Н., 1921 г. р.*) В д. Чужья для освящения воды использовали медный крест или икону: «Вот в Крещение воду крестят, утром рано сходят за водой. А воду-то крестят: крестик в воду опустишь, вымоешь его, крест-накрест крестом-то делаешь прежде. Ещё икону опускали прямо в колодец. А раньше ещё прорубь делали, воду поновят, всё. После солнышка воду-то носили, а раньше не носили». В д. Носкова вместе с иконой «обновляют воду» и «свядой водой», которая с вечера была принесена в дома и освящена, «надо вот если святую воду взять, до этого, чтобы пока они не пали в воду-то, принести, утром опускали в колодец. Икону ещё привяжут к ведру и опускают в колодец, набирают воду. С иконой черпают воду, она освятится». В с. Юм отмечали, что на Крещение «выкупали воду», «в колодец денежки с хлебом бросали, выкупают воду, говорили, на Крещение».

С Крещения начинался Мясоед – период свадеб, который продолжался до Масленицы: «Крещение – девушкам решенье, просватанье» (*Пож*).

От Святков до Масленицы особых праздников не признавали. Заметной датой считается Сретенье (Усритенье) (15 февраля). «В Сретенье день и ночь состритятся, день на прибыль пойдёт, а ночь – на выбель» (*Осинка*). В д. Елога и в округе отмечали Устретенье как престольный праздник: «Брагу, пиво готовили, не работали в этот день». (*Мухоморка, зап. от Осташовой Е. П., 1924 г. р.*) Конец зимы знаменовался временем Масленицы.

Масленичная обрядность

Мясное заговенье. «Последнее воскресенье перед Масленкой называлось Мясное заговенье. В последний день разрешалось есть мясные продукты. На масленой неделе разрешалось есть только молочные продукты и рыбу». (*Щеколова, Мазунин М. В., ЧКМ 3009.*)

Масленица. Масленица была одним из самых разгульных праздников в году. Масленичный стол отличался обилием. В масленичную неделю уже не разрешалось есть мясного, поэтому на столе присутствовали молочные и рыбные блюда: «всю масленичную неделю стряпают пироги рыбные, мясное не ели» (*Осинка*). На Масленицу «почти каждый день стряпали оладьи, блины, налевницу». (*Юм, зап. от Голубчиковой М. Н., 1921 г. р.*) Некоторые блюда традиционной кухни считались масленичными, их обязательно готовили на праздник: «Налевники – это уже чисто масленичные. Сочень – из теста дрожжевого, и сверху крупу делали ячневую. Крупу эту замачивали на сметане, утром ещё масло положат, яйцо разобьют и стряпают. Целую неделю стряпали на маслену неделю. В Маслену-то ведь только на сковороде стряпали, а в Пасху на сковороде нельзя стряпать». (*Юрла, зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р.*) В с. Юм даже блины иногда называли «масленкой»: «Блины

стряпают, масленку. Самое главное – блины. «Ешьте, мол, масленку» – говорили». Оставшуюся от Масленицы стряпню в Чистый понедельник сушили, убрали на чердак и хранили до Пасхи: «Если настряпанное не съедали, сушили к Пасхе. Собирали и сушили в Чистый понедельник. В воскресенье Масленка пройдёт, и вечером всё ложили в печь и сушили» (*Лопва*).

Обязательным атрибутом праздничных развлечений на Масленицу было катание с угоров: «Масленица у нас весёлая была: все идут на угор (угор был тракт, главный тракт там). Все выйдут, столь много людей, столь людей – вся деревня, старый и малый, кто на санях, кто на лотках самодельных, кто на каких-то, ой, прямо страшно» (*Чёрная*). В д. Чёрная отмечали, что на катушке устанавливали снеговиков: «Так делали: катали снег, накатают, наставят снежников».

Для катания с гор использовали разные приёмы. Иногда катались на дровнях, завернув или сняв оглобли. Специально к Масленице готовили лотки и кобылки. «Лотки делали: плаху заострят немножко, снизу льдом польют, доску наверх, длинные делали, человек по двадцать садился». (*Чёрная, зап. от Сакулиной А. И., 1936 г. р.*) Кобылка от лотка отличалась тем, что к деревянной плахе, основанию, крепился «стульчик». «На Масленицу на кобылках катались. Вот её на ножках делали, дно-то как деревянное, заляпают её там льдом, тожно и катятся» (*Осинка*). На кобылках обычно парни катали девушек. Если девушка нравилась парню, скатив, он её целовал: «В Масленку девок на кобылках катают, скатят, дак целуют». Обращение парней с некоторыми девушками на горке не всегда было церемонным: «А то и под ж.у пнут да уронят нарочно кобылку-ту» (*Юм*). Часто горки устраивали на берегах рек. Было широко распространено также катание на Масленицу на конях: «Лошадей запрягут, на лошадях едут, песни поют. На лошадях катались, с колокольцами» (*Осинка*). В д. Чёрная отмечали и ряженье на Масленицу: «А ряженные как не ходили? Ходили, какие-то ведь ходили, приговаривали чего-то...»

Старшее поколение не так активно, как молодёжь, участвовало в катаниях с горок. На масленичной неделе принято было гостеваться: «Ходили со среды-четверга в гости друг к другу, из деревни в деревню» (Осинка). В домах на масленичной неделе собирались целые компании, угощались и пели песни. «Бабы-то взрослые, временные это бабы называются, так как время уж проходит их, бабье. Они собираются в доме и поют песни всякие, какая на ум придёт». (Осинка, зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р.)

Как и в других регионах, на Масленицу в юрлинских деревнях совершались ритуалы с молодыми, женившимися в Мясоед перед Масленицей. В д. Осинка «жениха с невестой на Масленицу в снегу валяли, они пурхались в снегу». В д. Черепанова молодожёны катались с горки: «Молодожёны-то на этих кобылках-то и катались, сядут друг за друга и катались». В д. Тимина молодые катались на конях: «Масленка началась – катаются на конях, особенно кто женился недавно, в Промежговенье, те стараются. Так и говорили – молодых де катают. Кошёвку украсят – колокольцы на дугу, и ездят, заезжают ко своим, по родне. Зайдут в дом, хозяева несут пирог, блины, за стол садят, пивом поят». На масленичной неделе было принято молодожёнам ездить в гости к родителям невесты на хлибины: «Зять к теще блины исть ездит» (Чёрная).

Проводы Масленицы проходили в воскресенье на масленичной неделе. Развёрнутого обрядового комплекса проводов праздника в Юрлинском районе не отмечено. Наоборот, многие информаторы отмечали отсутствие каких-либо ритуальных действий: «Масленицу у нас не жгли» (Юрла). Лишь в д. Осинка нам удалось записать информацию о масленичном чучеле: «Делали чучело на Масленицу из скрученных тряпок и соломы, на голове – мужская шапка» (Осинка).

В последний день Масленицы иногда отправлялись «собирать брагу» и масленичную стряпню. С началом Великого поста её уже нельзя будет употреблять в пищу: «Брагу в последний день пили. По домам ходили, понемножку бражку в одну кучу собирали, в туюсок, потом пили»

(Осинка). Последнее воскресенье Масленицы называлось Прощёным, Прощёным днём. «Прощёной день. Собирались на улице прощаться. В ноги друг другу падают. Падёшь, он тебя подынет, потом он падёт, ты его подынешь: «Прости, мол». Потом целуются» (Тимина); «В Масленицу было Прощёное воскресенье. Прощёное – это, значит, не должны зла друг другу желать. А все грехи, если ты ссорился, чтобы друг другу всё простить». (Лопва, зап. от Верхованцевой Е. П., 1927 г. р.)

Чистый понедельник. Чистый понедельник – понедельник после Масленицы. В этот день принято было топить баню: «В Чистый понедельник баню топили, надо всё смыть, там питались, ели жирное такое – это надо смыть де» (Таволожанка, зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р.); «Чистый понедельник после Масленицы. В бане моются, очищаются. Постует потом народ». (Елога, зап. от Овчинниковой А. П., 1939 г. р.) В Чистый понедельник сушили стряпню, оставшуюся от праздника.

По погоде Чистого понедельника определяли урожайность года: «Если в Чистый понедельник катушку заметёт – урожай хороший ждёт, а если не заметёт – то плохой, если мороз, дак лето зяблое будет, вот это я слыхала» (Осинка). В д. Тимина считали, что на Чистый понедельник всегда бывает снег: «В Чистый понедельник пурга живёт, занесёт всю горушку».

В некоторых деревнях в этот день совершали обход домов, собирая остатки праздничной пищи. «Брагу собирать ходили. Ну, там у хозяйки все припашено, не только этой браги напьются, но и поедят. Вот соберутся человек пять (то ли бабы, то ли мужики), придут: «Принимайте, сегодня Чистый понедельник. Чем вы нас отпотчуете?» (Юм, зап. от Голубчиковой М. Н., 1921 г. р.) Также поступали в д. Таволожанка: «Брагу соберут в Чистый понедельник в один туюсок, со всех домов, в одно место сольют, мужики тожно выпьют. Всё – Маслёнке конец».

Маленькая Масленица, Сборное воскресенье. Первое воскресенье Великого поста, через неделю после Масленицы называлось Маленькой Масленицей, или Сборным воскресеньем. В этот день «возвращались» некоторые масленичные ритуалы: как и на Масленице, катались с гор, доедали масленичную стряпню, обходили дома. «В Сборное воскресенье опять же идут на угор, ещё покатаются, ещё ведь это называется Маленькая Масленка. Опять друг к дружке сходят» (*Чёрная*). «А вот Сборное воскресенье живёт после Масленицы, пройдёт Масленица, и Сборное воскресенье – Маленькая Масленица. Тоже чё постряпают, масляно, поедят опять, катались тоже» (*Осинка*). В с. Юм катанию с горы в Маленькую Масленицу придавалось символическое значение: «А Маленькую-то Масленицу, я помню, говорят, голой надо в ей где-то с горки скатиться, чтоб лён долгой рос. Хозяйке надо, она же об этом беспокоится. Лён будет, так будет у неё пряжа, и будут дети одеты». (*Юм, зап. от Голубчиковой М. Н., 1921 г. р.*)

Праздники от Масленицы до Пасхи

Праздники от Масленицы до Пасхи лишены праздничного веселья. На **Васьки Капки** (13 марта) определяли погоду на год: «Сосульки с крыш капают, закапает если – год хороший будет» (*Кукольная*). На **Евдокию Плющуху, Евдокии** (14 марта) смотрели, тает или нет: «Если тает, Евдокия плюснула, а если нет – не плюснула, не капнула» (*Кукольная*). По погоде на **Конона Градаря (Коныграды, Конограды)** (18 марта) определяли, каким будет лето: «Коныграды живут, праздник тоже, Коны-те грады. Если заморозит на Коныграды – значит, зяблый год будет, холодный. В которой стороне морок стоит, в той стороне летом будут *грозовики* (грозовые тучи)» (*Лопва*). Поскольку Святой Конон считался носителем града, с праздником связывались некоторые предохранительные обряды. Чтобы летом град не побил хлеба, в д. Вятчина в этот день не хо-

дили на гумно. Считалось, что в этот день нельзя в руки брать орудия труда, связанные с обработкой хлеба: «Работать в этот день считалось оскорблением Святого Конона». (*Щеколова, Мазунин М. В., ЧКМ 3009.*) С приметой связан праздник **Сорока мучеников** (22 марта): «Если в ночь на этот день заморозит, то ещё будет до лета сорок утренников». (*Щеколова, Мазунин М. В., ЧКМ 3009.*) К празднику **Дарьи-Говнопролубки** (1 апреля) начинали оттаивать тропы и дороги, проруби, вытаивало много зимней грязи (*Кукольная*).

Престольные праздники

Отдельную группу праздников в народном календаре составляли *престольные праздники*. «Престольными назывались все праздники, но не каждая деревня почитала его как престольный, а каждая деревня или несколько деревень вместе намечали один какой-либо праздник престольный», – так объясняют традицию престольных праздников. Престольные праздники были тесно связаны с традицией гостевания. Именно на это время к родне в деревню съезжались многочисленные родственники со всей округи. «Вот допустим у меня родня где-то там в деревнях, далеко за двадцать-тридцать километров, они сюда приезжают на этот праздник, а потом у них праздник, дак я еду». (*Осинка, зап. от Овчинникова И. Н., 1933 г. р.*)

К престольным праздникам готовились особо: «готовились все хозяйства этой деревни. Варили пиво, брагу, вино, приготавливали праздничную пищу, ждали гостей из соседних деревень. Население деревень, не имевших престольного праздника, в этот день приходило в гости. Пировали два-три дня, да ещё первое воскресенье после праздника, которое называлось *сборным*». (*Щеколова, Мазунин М. В., ЧКМ 3009.*)

Престольные праздники распределялись по деревням. Как правило, группа деревень отмечала одни престольные праздники, «по два, по три, по четыре каждый год для ка-

ждой группы деревень». (Щеколова, Мазунин М. В., ЧКМ 3009.) В округе с. Юм и дд. Чёрная, Осинка, Комариха, Келич было установлено три престольных праздника: зимой – Рождество, летом – Троица, осенью – Казанка. В округе соседней д. Таволожанка престольными праздниками уже считались Старый Новый год и Смёнов день (14 сентября). В д. Лопва престольным считался Ильин день, в с. Усть-Зула – Троица, «В Елоге – Устритенье, Михайлов день, и сейчас эти все празднуют» (Елога). В с. Юрла «там только два строго – Крещение и Богородица. Ильина дня нет». (Юм, зап. от Голубчиковой М. Н., 1921 г. р.)

Глава III

БЫТОВАЯ ОБРЯДНОСТЬ И НАРОДНАЯ МАГИЯ

В разделе помещены разнообразные сведения об использовании традиционных обрядов, магических ритуалов в хозяйственной и повседневной крестьянской практике. Подробно представлены обряды, исполняемые при строительстве дома, при обращении с домашними животными, при работах в поле и огороде, во время охоты и сбора ягод. Приведены сведения о народной медицине, приёмах лечебной магии, разнообразные бытовые и метеорологические приметы.

Поскольку большое место в исполнении многих обрядов занимают заговоры, в описание включены заговорные тексты, в большом количестве бытующие в Юрлинском крае. Наблюдения показывают, что древний жанр фольклора, к какому относится заговор, по-прежнему остаётся активным. В традиции Юрлинского края отмечается большое разнообразие заговорной традиции, разветвлённый репертуар заговорных текстов. Приведённые материалы демонстрируют особенности заговорной практики края, использование в ней разнообразной символики, в том числе и традиционной.

Замыкает раздел материал о демонологических персонажах. Былички – самостоятельный жанр фольклора. В то же время персонажи быличек настолько активно включены в повседневность и быт, что описание ритуальности хозяйственной и бытовой стороны жизни без них было бы неполным.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБРЯДЫ

Строительство дома. Обряды с домом

«Первой раз начинаешь чё-либо делать, дом ли ставить, садить ли в огороде, смотришь: луна-то большая – надо поновить. Надо на маленькой, когда она нарастат. Место особо выбирали: где тёплого духа учуют, там и дом строят, на этом месте» (*Осинка*).

«В передний угол, как заводят, монетку закладывали». (*Осинка*). Старались не брать для фундамента дома старый жёрнов: «жизнь вся перемелется» (*Юм*). Когда ставят дом, особо опасаются, что колдун (оратник, еретник) в этот момент «может подложить, подбросить в основание дома кость павшего животного, и тогда в доме будут часто умирать» (*Тимина*); «если попортить хотят, то какую-нибудь пропадинную кость кладут в строенье» (*Ефремова*). Для строительства обычно собирали *помочи* – собирались семьи и вместе работали. Тем, кто приходил работать, деньги не платили: «с помощами расплачивались едой» (*Комариха*). «За один день дом не поднимешь, не сделаешь. Я помню, три петуха ели как-то у одной хозяйки. Три дни робили, всё один петух варился. Старуха сварила петуха, а петух-от старше её. Как не заносят нам – всё один петух тошуй» (*Кукольная*).

Подъём матицы. «Матицу подымают, дак много делов. Кладут под матку серебряные деньги, место как выкупают. Денежки, чтобы денежки велись в избе. Тоже в шерсть деньги завёртывали и, когда матицу подымали, их на скатёрке поднимали. Уже сруб закончен, по матке проходят, человека назначают, ему груз какой-то дают, на ноги портянки ему навёртывают. В узелок сделают хлеб-челпан круглый. В руки берёт, которому пройти по срубу, боится пройти. Он должен де один пройти кругом весь дом по верху. Кто по матице пройдёт, тот и пирог будет есть. Если пройдёт хорошо, то дому будет хорошо. Чё-то ещё пригова-

ривали» (*Липухина*). «А пирог ели на матице, когда на неё доски положат, пирог привязывали к матице, он был завязан в онучи. Поднимут матицу, сейчас надо пирог добывать. Бутылочку на матицу ставили» (*Осинка*). «На матицу ставят вино, пирог рыбный, пояски и онучи, их пояском завяжут. Это такой подарок, чтобы матица крепкая была» (*Ефремова*).

«Когда дом построили, старались, чтобы на празднике было *весельство*, пуще песни поют – это чтобы в доме *весельство* было» (*Дубровка*). «Поднимут матицу, тут уж погуляют. У нас вот песню пели к этому времю «Село весело»:

Ты да село ли, село, ой, село новое,
Село-то новое, ой, да жить оно весёлоё.
Село новое, да село-то оно, ой, весёлоё.
Ой, да как во том-то селе дома строятся,
Ой, да дома-те строятся, ой, дома-те строятся,
Да крыши-те кроются, крыши-те кроются,
да оне укрываются.
Ой, окна-те, да оне прорубаются, оне
прорубаются,
Ой, двери-те пилятся, да оне пробиваются.

(*Зап. от Овчинниковой А. И., Овчинниковой А. П., Овчинниковой Н. К., Поздеевой Т. И., д. Липухина.*)

Любопытный вариант этой песни, в котором неожиданно появляется «тюремная» тема, зафиксирован в д. Зюздина:

Как во нашем во селе да дома строятся.
Ох, дома строятся, шатром кроются,
покрываются,
Крыльцы крашенные, еловья башенные.
Эх, как во етих во домах живут девушки,
Белы белянушки,
Старопрежние мои да полюбушечки.
Когда с вами я был, тогда счастлив я был,
Как от вас, девок, отстал, злой, несчастной
стал.

Я ходил-то, я гулял по чисту полю,
Я коня там покрал.

Я коня покрал, я за етова коня

Да жить в тюрьму тогда попал.

«Эту песню поют, когда дом подняли, подняли матицу. По матице прошли – потом эту песню поют, и эту же песню поют, когда печку собьют» (Зюздина).

Битьё печи. Печки били *чукмарями*. «Сучево дерево, с сучьями (чтобы по руке по моей были), напилят чурками и расколют, и тожно вычешут чукмари. Вот имя и долбили глину, печку-то били» (Юм). «Когда печку били, костёр в ней ладили, из плах. Собьют, дак сразу не топят, топили на следующий день после постройки» (Осинка). «Бьют печку, дак всю дорогу пьют. Когда били, ещё красную куколку ладили, деревянную, и в печку её клали, потом добьдут, когда костёр достают» (Кукольная). «В печку делают такой сруб из брёвен, *костёр* называют, на его пирог. Вот ночует этот костёр тамо, а на *завтрашнё* пирог добывали и перед печкой ели, брагу пили. Это называтся де *корчагу добывать*. Корчагу-то когда добывают, ведро браги принесут, тут пьют, на печке лежат. Когда закончена ~~вся~~ печка, протопят её не сразу, наутро только добывают» (Юм). «Вырежут чело, на печку ставят ведро пива, ведро браги, тут вино, бутылка, может, сойдётся, и пирог ставят рыбный. Угощают – это чтобы печка была крепкой» (Осинка).

Влазины (лазины). «Дом построили, кто свои, обходят дом, *закругляют*. Лазины делают, как заходят в новую квартиру, сразу тут пир. На эти лазины несут кто вилки, кто ложки, кто там ерунду разную на новое поселение, чтобы богато жили сразу. В новый дом нельзя с пустыми руками заходить, хоть полено да принеси. Сначала пускают кошку, чтоб она одна там ночевала, потом сами переходят» (Шестина). «В дом когда заходишь, берётся решето, в котором брагу cedят, в него сажают тараканов, клопов, пауков и мизгирей, несут в новый дом. Это, как говорится, чтобы деньги водились» (Юм).

«В новый дом сначала *кысок* бросали. Тесто тоже заносят. Сразу, как зайдёшь, хлеб пекут, хлебный дух чтоб шёл

по комнате» (Таволожанка). «Первую в дом пускали кошку, потом уж люди шли» (Осинка). «В новый дом заходят – перешагивают через пояс, пояс под ноги кидают» (Таволожанка).

«В новой дом суседку перевозят. Суседко вперёд тебя уже собирается ехать. А приглашение надо дать: «Суседушко – батюшко, братанушко! Я уезжаю, поедем со мной вместе!» (Ефремова). Когда переходят в новый дом, зовут домового: «Дедушко-беседушко, пойдём с нами хозяйство вести». «Пойдут из дома, приговаривают: «Товарищ мой, пойдём со мной» (Дубровка).

«Конюшню когда строят, в ведро верес положат и жгут, чтобы запах был хороший в конюшне». (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.)

«Если в доме завелись клопы, их как выводили – мерина в дом старались завести и чтоб мерин нагадил в дом-от. Потом мерина выведешь, и клопы уйдут» (Юм).

«Берёза – *ревунья*, нельзя её у дома садить. Берёзу нельзя садить перед окошком – к слезам. Как листья у её дует, так и хозяйство раздует. В огороде даже держать не надо» (Липухина). «Черёмуха у дома хорошо, от комаров. Говорят, и от пожара тоже помогает. Осину не шибко старались садить у дома: осина силу берёт от человека» (Юм).

Обряды с животными

Выбор скотины. Хвост если толстый у коровы, то жирное молоко будет. Два пальца если между рёбрами есть, то молоко будет хорошее, много будет давать. По морде тоже узнают, если широкая морда, то хорошее молоко (Усть-Зула). Если у коровы есть круг ниже глаз, то скотина будет хорошая, если круг наравне с глазами или выше, то не *молосна* корова (Юм). Корову выбирают – рога смотрят, кончик острый – дак не так *молосная*, а тупой, дак *молосная* (Пож). У дойной коровы хвост на кончике мохнатый и в разны стороны, а если телята не будут жить – голый (Чужья).

Продажа и покупка. «Скотину покупали когда, заводили во двор и клали пояс, чтобы через пояс она перешла. И слова надо говорить: «Суседушко, люби мою скотину, и чисто води». (Зап. от Трушниковой Е. И., 1912 г. р., д. Усть-Зула.) «Когда корову приведёшь, кладёшь полотенце на порог конюшни, чтоб через полотенце перешагнула» (Бадья). «Когда берут новую корову, обязательно вяжут лыко, положат его и переводят через него корову» (Лобанова). «Купленную корову заводят во двор, кладут гасник от лаптей или поясок, а то платок с головы брось, и тожно переводи» (Пож). «Когда корову покупают и первый раз домой заводят, корове нужно правой ногой через пояс переступить – жить, значит, будет, а левой – неправильная корова» (Осинка). «Скотину новую ведёшь домой, надо у ей *дорогу воровать*. Идёт корова, изпод копытчика землю надо взять и на неё молитву, наговор наложить, а потом в конюшню бросить или в ограду. И скотина потом домой ходит». (Зап. от Чёрных Л. Б., 1943 г. р., д. Сергеева.) Чтобы корова ходила домой, брали земли с её следа и кидали во двор, клали также в этот момент хлеб птицам (Тимина). «Когда скотину идёшь покупать, надо землю из дому взять. Как повели, мужчина впереди, ведёт, а женщина сзади посыпает. Это, чтоб дорогу не знала назад, забыла» (Бадья). «Когда скотину ведёшь, и она не идёт, то булавку воткнёшь в верёвочку, которая вокруг головы у скотины, она сразу как шёлковая» (Осинка).

«Купил новую скотину, надо *копытчики обмыть*: четыре ножки – четыре бутылки чтоб были» (Дубровка). «Поручитель у скота – Господь и Ангель-хранитель. Господь-Архангель оберегает своим духом. Ведут скотину домой, говорят: «Ведёт Световласть». У нас помогает Пресвятая Богородица, а у них Световласть своя, Святая Власть». (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.)

«На волю выпускаешь скотину с молитвой. «Со Христом, с молитвой, скотинки-животинки, идите на вольную волю, на божью поруку, храни вас Господь от зверя лютого, от ушиба, от удара, дай вам сочной травы да медяной травы». (Зап. от Голубчиковой М. Н., 1921 г. р., Юм.) Когда провожали корову на пастбище, говорили: «Пресвя-

тая Госпожа Богородица, спаси-сохрани мою скотинку, раненько домой пошли. Корову надо сладко кормить, ласку надо корове. Пойдёшь выводить, скажешь: «Девка, Девка» – и хлебушко ей даёшь. Идёшь доить корову – тоже кусок хлеба несёшь. Говорят скотинке, когда на пастбище гонят: «Бывай здорова да приди домой, чтобы как тебя проводила, так ты и домой приди!» (Зап. от Сабуровой А. А., 1938 г. р., д. Лобанова.) «Скот охраняет Никола Чудотворец и Святой Власий: «Власий святой, Власий, спаси и сохрани скотину!» (Зап. от Тотьмяниной М. С., 1932 г. р., Моисеевой М. М., 1935 г. р., д. Васькова.)

Пропаж. «Бывает, леший корову утянет. Тогда бу-мажку, письмо ему пишут: «Уважаемый Еврей Евреевич, выдай мне корову, такая-то, такая-то, кто хозяин». Писали на берёсто, углём, потом его на росстань отнесут, письмото, корова и придёт» (Юм). «Говорят, надо письмо дедушке лесному писать, на берёсте, только надо берёсто-то зубами надрать, не ножом сдирать» (Осинка). Потеряется корова или другой скот в лесу, надо на ёлку пирог повешать, рыбный или мясной, и сказать: «Мол, дедушко, давай отдавай, я тебе подарки дарю» (Келич).

Обращение с домашними животными. «Ягнята родятся – соль на его подсыпашь, прямо на мокрого, чтобы вышел на белый цвет и не урочился» (Мухоморка). «Луна большая, дак не надо овечек стригчи, надо поноровить. Овечку на молодом месяце стригли, потому что месяц растёт, наговаривали: «Матушка-балечка, знай хозяйку, ходи к рукам!» (Дубровка). Когда отпускали овцу после стрижки, приговаривали: «Бежи и дай нам шёрстку», «со Христом, с молитвой иди». После стрижки, перед тем как отпустить, гладили овцу шерстью по спине и говорили: «Тебе шубу, нам зипун». Когда начинают стричь, то между рогами постукивают крест-накрест и говорят: «Благослови, Господи! Через тын скачи, домой ходи» (Юм).

Если корова лягается, надо говорить корове, когда идёшь доить: «Я тебя лягаю, не ты меня лягай!» (Бадья).

«Вот корову идёшь доить, сделай ей титьки наискосок, крест-накрест, как доить-то, чтобы сглазить не могли». (Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья.) На сохранение скота говорили: «При Иисусе, Сыне, Отце и Святом Духе. Пресвятая мать Богородица со Отцом, молитвой, шилочки-дырочки. Христос, мои скотинка-животинка спаси и сохрани от всех врагов и нечистого духа». (Зап. от Мазеиной А. Н., 1927 г. р., д. Осинка.)

«Хвораёт корова, надо к знатким ийти, *черешлан вешать*. Помню, у нас корова не вставала, это под весну. Корова не стала вставать, соберём людей, подынем, она ходит по двору, ест, пьёт, куды с добром. А вот легет – встать не может. Дак у нас в Елоге была старушка. Я помню, меня мама посылала к ей, дала мне тоже хлебушек челпашек и деньги, три рубля, оплатить. Там старушка вешала черешланги. Надо черешланги, говорят, свешать. Ест, пьёт корова, легет, вставать не может. Старушка как-то вешала на безмене этот челпашек, дома у себя делала это, у стола, у икон. И вот, он вертелся, это я не заметила, как, чё, в котору сторону. Старушка и сказала, что *правдедуш-ка* просит обед, то ли у тяти моёва отец, то ли у мамы, не знаю» (Юм).

Когда высаживают на гнездо наседку, обязательно подкладывают под неё только свежие яйца, которые собирают по деревне у соседей (Тимина). Когда корова, свинья или овца телится, ничего нельзя давать из дома, чтобы убытков не было (Кукольная).

Обряды с посадкой растений, жатвой и сенокосом. Редьку старались садить до того, как зацветут травы (иначе и редька будет *цветунья*). «Редька ядрёная чтоб была, когда её садыт, то говорят: «Господь Бог, спаси и сохрани моё растение, мою редечку!» Хоть чего садишь, надо говорить: «Матушка-земля, прими растение, расти его Богу на показ, людям на благость, хозяйке на радость». Капусту садишь, говоришь: «Расти, матушка-капуста, не будь пуста, будь толста, голенаста-вилковаста». Сеять рассаду нужно, когда на небе есть тучки (Пож).

Когда садыт в огороде, чтобы куры не лазили и гряды не топтали, приговаривают: «Куры, куры, носы тупые, глаза слепые» (Дубровка). «Когда высаживали на грядки капусту, нарошно гаркали куриц, чтоб они её не ели: «Кутю-кутю-кутю, идите капусту садыт, а есть не ходите» (Юм). «Калега, у неё в земле голова, она не поддаётся мошке. У капусты сердечко вверху, её может съесть мошка. Капусту надо посыпать сверху золой четверговой и говорить: «Бросаю, бросаю, глаза бусом залепляю!» Тоже посыпают песком из речки, простой золой из печи». (Зап. от Мазеиной А. Н., 1927 г. р., д. Осинка.) «Капусту садыт вечером в новолунье» (Дубровка). «Садишь капусту до мошкар, надо говорить: «Для добрых людей, для малых детей, для братьев, для нищих, для прохожающих, для заезжающих, расти с молитвой!» (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.) Когда садили, *завечали* на родню: один кочешок – на одного, другой – на другого. Примечали потом: вот, на свёкра посадили, не стал расти этот кусток, он тогда скоро умер» (Юм).

«Картошку лучше садыт, когда на черёмухе ягодки зелёные пойдут. Садишь, когда луна нарастает, лучше всего в *мёжи* – это посередине, значит, месяц, луна. Молодой месяц нарожается с правой стороны, а старый месяц заходит за леву сторону, это он ушербат, в ущерб идёт. В то время посадишь картошку если, она меньше получается» (Дубровка).

Когда шли первый раз косить, через себя кидали копейку, «как выкупали что ли покос-от» (Дубровка). «Чтобы спина на сенокосе не болела, связку из травы завяжешь, чтобы спина не болела. Положишь туда, где *лопатник*, за спину, за поясок заткнешь и говоришь: «Не боли, спина, на сенокосе» (Кукольная). Гадали на будущий урожай по размеру первых снесённых яиц. Если второе яйцо будет крупнее первого – год будет урожайный (Мухоморка). «Чтобы спина не болела на жатве, клали за спину рожь, жать шли дак». (Зап. от Чеклецовой З. И., 1926 г. р., д. Кукольная.) «Как сенокос начинается, в первый день все идут снаряжные. Запоны, кофты расшитые, сарафаны

красные – как на праздник идёшь. Начинаешь косить, перво сказать надо: «Матерь Богородица, покосить дай», когда из дому ещё выходишь» (*Таволожанка.*)

Заговоры и обереги

Заговор от ос на покосе. «От ос на покосе, когда обкашиваешь осинное гнездо, надо говорить: «Осы-осы, тупые носы, не троньте меня, не жальте меня, жальте осинного пня. Я вам гость, у меня тело кость» (*Пож.*)

Заговоры на сбор грибов и ягод. «На грибы загадывают. Если первый раз грибок найдёшь в лесу любенький, такой и басенький жених будет. В лес по ягоды, по грибы идёшь, говоришь: «Гриб-грибок, выгляни на мою дорожку, дай пополнить посудинку»; «Аминь, батюшка, Господи, Пресвятая Богородица, пособи мне ягодки набрать» (*Юм.*)

«В лес пошёл – помолись: «Господь Иисус, помоги мне в лес сходить да господними твоими дарами обеспечить» (*Юм.*); «Благослови меня, господь Бог, дай мне силы, дай мне, молодой, набрать грибы или ягоды, спаси, Бог, обереги нас от врагов, от супостатов. Спаси нас, сохрани нас» (*Зап. от Мазеиной А. Н., 1927 г. р., д. Осинка.*)

Заговоры и обереги от пожара. «Если загорится где, то надо яйца с Пасхи кидать туда. Оно утихает, или ветер в другую сторону дуть будет. Яйцо, особенно *кажёное*, охраняет» (*Ефремова.*)

Заговоры и обереги от грозы. «Когда гром гремит, говорят: «Сохрани, Господи, хороминку нашу от всех бед» (*Зап. от Чеклецовоной З. И., 1926 г. р., д. Кукольная.*) «Если большая гроза, то надо молить Бога: «Спаси и сохрани». Старые яйца перед большой грозой в речку бросают – тогда Бог пасёт, дом гроза не тронет. Лопату хлебную и помело на улицу в грозу бросают» (*Сергеева.*) «Когда

гром, град, помело или лопату хлебную в окошко выбрасывают и приговаривают: «Батюшка Бог, прекрати, град не вали». (*Кукольная.*) «Выносят от грозы на улицу помело из пихты, хлебную лопату, кочергу. Это всё вместе – от града, и от грозы, и от дождя. Ещё говорят: «Иосиф Прекрасный, разбери морок самый страшный! Господи, помилуй нас». Иосиф Прекрасный – он спаситель от грозы, от града. Прятаться от грозы надо под ель, но чтобы она была не *вилаха* («с одного места две ели, как две сестрёнки»). Больше молния ударяет в два места рядом, две вершины если есть. Под ель тоже можно вставать, потому что электрические заряды она меньше распыляет. Кушать не надо, когда гроза, тоже, может, что молния ударить сытого». (*Зап. от Верхованцевой Е. П., 1927 г. р., д. Лопва.*) «Когда гром гремит, надо завертеть голову одеялом и надеть платок обязательно: в волосах-то электричество» (*Кукольная.*) «Не надо вешать занавески на окна, колды гроза, тут в их де *шиши* заплетаются, больше де вьются, в их и бьёт молния». (*Зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р., д. Осинка.*) Когда идёт гроза или пожар, нужно сказать: «Господи, помилуй, спаси, сохрани нашу домину, нашу хоромину от пожара, от грозы» (*Юм.*)

Заговор от тучи. Когда гребёшь, если туча идёт, надо говорить: «Иди, туча, отсюда, куда тебя зовут, здесь тебе делать нечего, иди стороной, в сторону южную, цепью жемчужною, все тучи волокы за собой». (*Зап. от Моисеевой М. А., 1930 г. р., д. Таволожанка.*)

Заговоры и обереги от сильного ветра. «Старое яйцо от Паски бросали через крышу на улице, когда ветры сильные, чтоб ничё с домом не случилось, чтоб крышу не сняло» (*Лобанова.*) «Ветры большие будут, дак яичко бросишь – остановится. Кидали от сильного ветра при пожаре, а то ведь огонь всю деревню спалит» (*Мухоморка.*)

Заговоры и обереги от града. «Чтоб хлеб град не избил, в огороде не исхлестал, хлебную лопату за ворота ки-

даешь. Бросишь и просишь Бога: «Спаси и сохрани хлеб!» (Ефремова). От града надо кинуть на улицу помело или лопату хлебную в окно и сказать: «Чтоб всё было тихо, мирно, хорошо, чтоб нас ничё не побилло. С молитвой, Аминь» (Бадья). «Помело, лопату выбрасываем на улицу: «Обмети, отскобли, чтоб град не был!» (Зап. от Братчиковой З. Г., 1932 г. р., д. Бадья.)

Обереги от засухи. «В большую берёзу забивают старинный медный пятак, просят: «Бог, дай дождика!» На поле ходят с иконами богомольные старушки, молятся. Выйдут, помолятся, которые и на коленях припадали» (Ефремова).

Охота, рыбалка. «От человеческого характера зависит улов. Хороший характер – везёт в лесу и на воде» (Кукольная). «Есть люди, на которых идёт рыба и зверь, а на которых не идёт» (Осинка).

«Солью нельзя чистить ружьё, оно стрелять перестанет. Если соседка встречу попадёт, когда на охоту идёшь, другой дорогой иди, а то ничего не поймашь. Если не на охоту пошёл, а *встречу* заяц попался – плохая встреча, а на охоте встретишь – хорошая охота значит». (Зап. от Чекецова И., 1926 г. р., д. Кукольная.) «Заячью лапку хранят. Раньше ей потолок белили, хлам заматали, все этой лапчочкой. Охотники *заядливые* носят лапки-те, хранят». (Зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р., д. Осинка.)

БЫТОВЫЕ ТРАДИЦИИ

Повседневная жизнь носителя традиционной культуры наполнена ритуальными формами. Самые распространённые из них – приметы. Заключая в себе прогноз на будущее, примета в содержательном плане чаще всего представляет выверенное веками наблюдение человека за поведением жи-

вотного, за явлениями природного мира, за собственным состоянием человека. Большое число примет носит суеверный характер; суеверные приметы интересны прежде всего как рефлекс древнего мифологического сознания.

Суеверные приметы

Горб на носу, переносица чешется – к могиле, к покойнику.

Под носом или в носу чешется – к выпивке.

Чесать губы – целоваться.

Чесать правый глаз – целоваться, чесать левый глаз – реветь.

Чешется правая рука – получать, левая – отдавать.

Чешется правая нога – к хорошей дороге, левая – планы сорвутся.

Когда язык прикусишь – *побаешься* с кем-то или разругаешься.

Собака валяется – пропадёт скот.

Деньги вечером не отаут, не считают и в долг не дают – не поведутся.

Нельзя волосы бросать на улицу – вороны на гнездо соберут, и тогда на голове будут коросты. Выкидывать волосы нельзя, потому что их сороки да вороны таскают и вьют гнезда, поэтому голова будет болеть (Осинка).

Когда лёгкая рука стрижёт – волосы быстро отрастают (Кукольная).

Сразу не надо мыть за тем, кто уезжает, а то смываешь все это, их (*Ефремова*).

Ящерица-вещунья, если на человека заберётся, он заболит. На которое место у человека полезет ящерка, это место и заболит (*Шестина*). В каком-то году я сидела с девочкой дома. Тут ящерица домой как-то попала, а скоро девочка и умерла. Я её не убила, вот и плохо (*Кукольная*).

Белки перед войной много было, прямо в огороды шли, по крышам. Это к уросу (*Юрла*).

Перед войной небо сияло разными цветами, столбами свет ходил по небу (*Юм*).

Заморозки, холода посреди лета – к войне (*Ефремова*).

Перед войной был знак. Видели это старые старики. На небе видели как самолёты и золотые буквы. «Война, война будет!» – говорили. (*Зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р., д. Осинка.*)

В военные годы белки много было, зайцев, по деревне бегали прямо, по домам, прямо по огородам (*Кукольная*). Говорят, если белка забежит в деревню, то будет пожар обязательно. Она огонь мол носит (*Кукольная*).

Первый раз слышишь, когда кукушка кукует в левое ухо – хулить будут, в затылок – умереть. (*Юм*). Если левым ухом услышишь первый раз кукушку, то умрёшь в тот год, если правым, то хорошо будешь жить, если в затылок, то реветь будешь (*Кукольная*). Если в лицо три раза услышишь кукушку – весь год проживёшь. Если в левое ухо услышишь первый раз – так просто жить будешь, а если в правое первый раз услышишь – хорошо жить будешь (*Лобанова*).

Кукушка на крыше дома – к пожару. Кукушка – к хулу, может дом сгореть (*Юм*). Как-то кукушка в деревне куковала – вся деревня и вымерла (*Осинка*).

Приметы на погоду

Если мороз будет сильный – лето будет тёплое.

Свинья трётся о дерево – к плохой погоде.

Курица ощипывается – к дождю.

Если по земле сорока ходит – дождь будет.

Сороки на стену льнут – к дождю.

Гром если рано гремит весной – холод долго будет.

Если осенью гром долго гремит, ещё тепло постоит.

Луну обмоет (после новолуния дождь) – тепло будет.

Если перед новолунием погода была плохая – значит, весь месяц будет таким.

Радуга пологая – к дождю, крутая – к теплу.

Зима тёплая – значит, лето холодное.

В Петров день обязательно дождик.

В Ильинскую пятницу, перед вторым августом, всегда дождь с грозой.

Петух стоит на одной ноге – к плохой погоде.

Какой май – такой и июль.

Рыло кверху подняла кошка — к теплу.

Солнце *под морозь* садится и заря полная — к холоду.

Если 5 февраля буран, то 5 августа должна быть гроза.

Пятно на луне умывается — к холоду.

Солнышко баско садится — завтра ведро будет, тепло.

6 мая, Егоров день — разлив воды.

Грачи стаями летят и вдруг резко падают камнем на землю — значит, быть дождю.

Если весна грязная, то август сухой.

Если мороз будет сильный — лето будет тёплое. (*Зап. от Чеклецовых, д. Кукольная.*)

Хозяйственные приметы

Сеять можно тогда, когда у берёзы листья не с пятачок, а с двушку.

Первая ласточка прилетит — сеют горох. Самым первым в огороде горох сажат, потому что он долго спеет.

Если ласточка рано прилетит, то весна придёт ранняя, хорошая.

Птичка-синичка попалась встречу первый раз, если она где-то сидит высоко, на ветке, на дереве, ох, лён у меня вырастет высокий, если на земле — ой, лён у меня маленький, коротенький будет (*Шестина*).

Приметы на сон

Вода. В мутной воде ходить — к горю.

Грибы. Если приснятся грибы — значит, что-то неприятное случится.

Ягоды. Красные ягоды снятся к слезам. В лесу ягоды берёшь, если их поешь, то где-нибудь ошибёшься. Если приснятся ягоды или грибы — значит, что-то случится.

Лошадь. Лошадь снится к лихорадке, к врагу. Сивая, белая — к смерти, к покойнику. Красная, карая — к лихорадке.

Корова. Рыжая корова — к рёву.

Лес. Лес видится, в лесу гуляешь — на чужую сторону кто-нибудь свои поедут или проездом будут. Лес — это чужая сторона.

Лук. Лук снится — горесть, неприятность.

Подсолнухи. Цветы подсолнухов снятся — к приятному.

Рыба. Рыба снится к слезам или к сплетням.

Одежда. Себя одетой видишь — перемена в жизни, го-лой — болезнь.

Баня. В бане моешься — обязательно переболеешь.

Праздник. Если видишь, что пьют где-то — удовольствие будет.

Драка. В драку лезешь — шум какой-то будет.

Вещие сны

«Сны, бывает, вещие снятся. Со мной было, снилось. Плыла по реке, выйти не могла, хватаюсь за берег – он обваливается. Шла тут баба незнакомая, подала мне пруттик, я и всё же вышла. А через три дня у меня аппендицит, на тракторе увезли. А операцию мне делала баба, которую я во сне видела» (Пож).

«Пришлось мне раз ночевать у старушки, прямо на голый лавке. И снится мне, что я по болоту гуляю. Вдруг зайчик попал. Я взяла его, подержала и бросила. Иду дальше – второй зайчик, маленький. Я его взяла, он выпрыгнул из рук. Иду дальше: опять заяц попал, на руках умер. Четвёртый зайчик попал – подержала его на руках и отпустила – «да ну его!» Ну и что ж? Вся жизнь у меня в «зайцах» прошла: первый «зайчик» – я бросила его, второй «зайчик», маленький – познакомилась я с молодым человеком, он тоже уехал, третий – у меня на руках умер. Так и сбылись все «зайцы» (Юм).

Заговоры на сон

«Благослови меня, Господи, на тёмную ночь, на глухие часы, на грядущий сон». (Зап. от Мазеиной А. Н., 1927 г. р., д. Осинка.) «Благослови, Бог, аминь, на тёмную ночь». (Зап. от Копытовой Д. Г., 1924 г. р., д. Мухоморка.)

«Крест постилаю, крестом укрываюсь, крест в ногах, крест в голове, кресты по бокам. Крестом ангела встречаю, крестом дьявола отгоняю. А ты, брат Сантана, отойди от меня за сто сажень в землю, за сто сажень в воду. Ангелы хранители, храните мою душу. Аминь». (Зап. от Трушниковой А. С., 1938 г. р., д. Лобанова.)

«Христу Богу молюсь, никого не боюсь, верую, верую Господу Богу, истинному Христу, пресвятой матушке Богородице, благодатной Марии. Иисус Христос, Господь Бог со мной, крест на мне, крест во мне, крест сзади меня,

крест спереди меня, крест по бокам у меня, крест в зловьях у меня, Пресвятая матушка Богородица – в дверях. Аминь, Свят дух, аминь, тридевять аминь. Спать ложусь, на доброе здоровье, на сон грядущий». (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.) «Крест на мне, крест во мне, крестом крещусь, крестом гражусь, крестом отгоняю лихорадок, за три горы, за три каменные, за тремя горами есть Иисус Христос, у Иисуса Христа на престоле Пресвятая Богородица Мария, мученица божья мать, муки мучится за меня, за родителей, за (имя рек) богу молится. Спаси, Господь Бог, от всяких бед, от всяких лихорадок, от всяких врагов на тёмные ноченьки, на грядущий сон, благослови, Господи». (Зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р., д. Осинка.)

«Ангель мой, ложись со мной, огради мою постелю, огради мои телеса на тёмную ночь, на грядущий сон. Хрест на мне, хрест во мне, хрестом молюсь, хрестом гражусь, оятную (нехорошую, некрасивую) силу отгоняю, к себе ангеля приближаю. Господи Иисусе Христе, аминь». (Зап. от Моисеевой М. М., 1930 г. р., д. Зарубина.)

«Спаси меня, Господь-батюшко, на сон-угомон!» (Зап. от Трушниковой А. В., 1934 г. р., д. Тимина.)

Когда проснёшься. «Господу Богу благословляюсь, золотыми глазами умываюсь, благословляюсь. Золотым полотенцем обтираюсь, благословляюсь. Золотой водой умываюсь, благословляюсь. Золотой одеждой одеваюсь, благословляюсь. Золотым светом выхожу, благословляюсь. Счастье, дела, материны слова, помилуйте, благословя». (Зап. от Копытовой Д. Г., 1924 г. р., д. Мухоморка.)

Бытовые заговоры

Заговор на дорогу. «Я сегодня собираюсь идти. Открой мне дороженьку, спаси меня, сохрани меня от аварийной катастрофы, от ветра буйного, от огня колючего». (Зап. от Мазеиной А. Н., 1927 г. р., д. Осинка.) «Иисус Христос впереди нас, а Пресвятая Богородица позади. Ангелы

по бокам, и нету места врагам». (Зап. от Мазеиной А. Н., 1927 г. р., д. Осинка.)

Заговор избе. «Пускай какую нечисть не говори, пусть избушка-матушка не слушает, а суседушко-батушко, брата-нушко, всё дом стереги. И молитву претворяешь: «Избушка-матушка, слушай всё дома, басни нехорошие не слушай. Лихие люди – с лихостью, Господь Бог – с милостью!» (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.)

«Когда куда уходишь, избу оставляешь: «С молитвой, со крестом у меня, изба, оставайся, меня Господь спасёт, сохранит!» (Зап. от Трушниковой А. В., 1934 г. р., д. Тумина). «Батушко, с молитвой, со Христом благословесь!» (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.)

Для защиты всего дома. «Батушко-Господь, святая иконка, спаси всех людей, спаси моих матерей, спаси моих внучков, спаси моих детонек, спаси скотинку, животинку, нашу хороминку, нашу избушку». (Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья.)

Заговор печи. «Печка-матушка, топись, веселись, обогревай меня!» (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.)

Хлеб в печь садят. «Господи, благослови, Господь, хлебушко-батушко» (Пож).

В конюшню. «Благослови меня, Господи, на седний день господний со скотом, животом, благодатным домом, семью-семеюшку, с малыми детками на доброе здоровье. А скотинушку-матушку Господь Бог береги, Святавлася святая, береги и храни, и паси!» (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.)

К бане. «Перед тем как идти в баню, говорят: «Господи, благослови помыться-побелиться, дай, Бог, леготы» (Дубровка). «В баню проситься надо, как заходишь: «Жар

в бане, чад из бани, горесть из бани, благослови, Боже!» (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова). «Когда выпаришься, надо в бане сказать: «Спасибо банюшке, Соломее бабушке. Тому, кто баню топил, кто воду носил!» (Зап. от Мазеиной А. Н., 1927 г. р., д. Осинка). «Говорят, выходя из бани: «Тебе, баня, на стояние, мне на спасение». (Зап. от Копытовой Д. Г., 1924 г. р., д. Мухоморка.)

«В бане после двенадцати – глухая пора. Глухая пора – день переходит в ночь, плохо там. После двенадцати черти парятся. Когда поздно моешься, надо говорить: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь! Спасибо, матушка-банюшка, Соломея-парушка!» Крест с себя убирают – кладут в рот под язык». (Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья.)

От курения. «Когда человек спит, ему над головой считают слова: «Стоит на базаре дьяк, суёт ему чёрт табак: «На, дьяк, покури, чёрта повесели». Дьяк ему и говорит: «Мне моя вера не велит. Я табак не курю и рабу божью (имя рек) не велю. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, аминь, аминь, аминь. (Зап. в с. Юм от А. Ф. Мазеиной, 1923 г. р.)

От пьянства. Растворяют в воде четверговую (четверёжную) соль со словами: «Как Велик четверг, так и слова мои велики и сильны. Как эта соль тает, так и желание твоё пить. Сорок святых стоят, на тебя, раб божий (имя рек), глядят, не сводят очи дни и ночи, чтоб раб божий хмельного не пил, в руки чару не брал. Слово мое лепко-крепко, аминь». С этими словами бросают 40 раз крупинки соли в напиток. (Зап. в с. Юм от А. Ф. Мазеиной, 1923 г. р.) «Разводят в воде куриный навоз и этим поят больного. Его рвать будет, и ему больше на глаза не надо будет вино-то» (Усть-Зула).

От воров. «Посреди двора стоит Голгофина гора. На той горе три ангела, три архангела-хранителя, защитители наших долец. Пресвятая Матерь Богородица, выйди на Си-

янскую гору, кликни в золотую трубу, избери всех воров и зверей, и всю нечистую силу. Закуй им руки и ноги, зубы и губы, карие очи, чтоб не видели ни дня, ни ночи».

Выходят рано, до солнышка, к воротам и читают, при этом поворачиваются по солнцу («как солнце ходит»). (Зап. от Бабиковой М. П., 1933 г. р., Пикулевой Н. Н., 1939 г. р., д. Сергеева.)

От суда. Надевают, когда надо идти на суд, одежду, в которой умирает покойник, нестиранную чтоб. Тогда не так засудят. Надо сказать: «Чур мое слово!» (Зап. от Мазеиной А. Н., 1927 г. р., д. Осинка.)

Чтоб избежать строгого суда, когда идёшь на суд, нужно пинать все встретившиеся ступеньки и пороги. Свечка, которую жгли на похоронах, зашивается в маленький мешочек и носится с крестиком на шее подсудимого. (Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья.)

«От суда маком судью посыпают. Или тенёта надо истолочь и в глаза судье бросить, он потом ничего сделать тебе не сможет. Покойничку иголку надо втыкать в одежду подсудимого» (Юрла). «Чтоб не засудили, надо сеять мак, чтоб только не заметили, туда, где судья сидит, и слова говорить: «Как рожь цветёт, как мак цветёт, как все цветочки цветут, алые, белые, так чтоб (имя рек) был ал, мил и люб судье и заседателю» (Юрла).

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА И ЛЕЧЕБНАЯ МАГИЯ

Раздел не следует понимать как практическое руководство для лечения болезней. Хотя многие рецепты, безусловно, выверены многовековой народной практикой, приведённые сведения нельзя считать точными, тем более что в большинстве случаев информантами не указываются (или

указываются очень приблизительно) пропорции и способы приготовления лекарственных средств. Настоящее описание представляет интерес прежде всего как образец народного природоведения, как проявление народного знания о человеке и мистической практики.

Народные средства от болезней

«Молоком надо поить и обливать, если обмирает человек. С вина мужик горит – дак его женским молоком отпаивают» (Юм). Перепьёт человек, если есть свинья с поросятами, её доят и свиным молоком поят (Пож).

«Кобыльим молоком умывались, чтоб глаже лицо было. Вымоешься им, даже глаза слипаются, серенное оно» (Юм).

«На брюшине у скотины сало тонкое, платочек называли, его снимут и хранят. Если температура, кладут этот пласт, нагреют и прикладывают, и помогает» (Шестина).

В лечении часто применяется магическое зачерчивание болезни (безымянным пальцем, угольком, печиной, сучком и пр.), обкуривание болезни: «У иконы сзади дощечки, берут с их лучинки, они угаристые. Вот этими лучинками болезнь и зачерчивают и обкуривают» (Юм). Приготовление магического отвара: «Красна-та скоруша, пасхальна-та, она лечебная, ее заваривали и пили, от всех болезней помогает» (Келич). Заимствованный от соседей коми-пермяков способ – замаливание болезни «на родителей»: «Лекаря такие были – черешлан вешали. Если человек заболел, не ходить не может, не руками двинуть, боится – тогда идут к лекарю. У меня у свекровки было. Она пошла в Радольницу на кладбище поминать, а ичко надо. Ичко токо одно было, а там лежат дедушко, бабушка и девочка Дарушка, Дарья, она малинская ишо умерла. Вот свекровка-то только Дарушку и помянула. А дома маленькие оставались, четвёро. Приходит с кладбища-то, а со старшим, со Стёпкой, что случилось: всего боится, даже на свет не может смотреть. Его ребята-те завесили, накрыли, накидали на его

шабуры да зипуны. Это и есть, что дедушки да бабушки напустили на его. Свекровь сейчас же развернулась и в Елогу. Там была одна старушка, она весила этот черешлан. Она свесила и сказала: «Две болезни у его. Одна болезнь – надо обед бабушке, вторая – обед дедушке. Праздники-те надо соблюдать годовые». Когда вешают черешлан, берут каравай, срежут горбушку. В горбушку втыкают крестик, который на себе носят. Возьмут потом за гайташек, за шнурок-от, и держат в руках. Молитвы поговорят, толкнут хлеб-от, свечка тут горит, перед иконами. Горбушка-та болтается, болтается и на каком-то слове остановится. А надо говорить праздники, называть, на какой праздник надо обед делать. Узнает праздник, потом называет всех родню, горбушку опять качает. Вот и узнает, кому обед делать надо. Потом горбушку отдаст, чтобы больной съел её. Сделают обед – бабушка ли просила, дедушка ли, накрывают, созывают людей, как поминки. И человеку станет легче. (Зап. от Полудницыной Е. С., 1922 г. р., д. Шестина.)

В заговорной практике края немало приёмов снятия зубной боли, остановки кровотечения, излечения ожогов и пр. «От зубной боли наговаривают на питьё: «Месяц в небе, солнце в дубе, сгинь, червяк, в зубе». (Зап. в д. Васькова от М. М. Моисеевой, 1935 г. р.); от крови говори – «Шёл мужик по угору, вёл быка за обору. Обора порвалась, кровь унялась» (зап. в д. Лобанова), От ожогов – «Сиси-биси, письте-лизьте, пазьте-лазьте! Тьфу-тьфу-тьфу». Слова повторяются трижды. (Зап. в д. Сергеева от Ивановой А. В.) Несложные способы практикуются от ячменя (песьяка): «Пессяк, пессячок, сходи на базар, купи топорок, иссеки сам себя поперёк, чтоб не был ни в роду, ни в племени, исчезни». При этом нужно постучать три раза по сучку (слова произносятся трижды). (Зап. от Переватовой А. А., 1929 г. р., д. Миронова.) Другой способ – «Пессяк лечат, дак кукушкой тычут. И говорят: «Возьму в руки топорок, секу вдоль и поперёк, чтобы не было ни роду и ни племени» (Пож).

Заговор от «могильной кости» (болезненного нароста): «Скула-скулица, красна девица, тут тебе не стоять, костей не

ломать, я тебя отговариваю от костей, от мощей, от буйной головы». Слова наговариваются, когда хлебным мякишем натирают больное место. Хлеб после этого скармливают собаке, смотрят, чтобы масть собаки совпадала с цветом волос больного. (Зап. от Мелешкиной А. Г., 1925 г. р., д. Чужья.)

Более развёрнутые тексты (и более сложные процедуры) предназначены для тяжёлых болезней. Так, от рака наговаривают на воду особый текст, наговоренную воду пьют на утренней заре: «Исповедывал Иван Креститель, очищал, лечил души. Очистил и исцелил раба божия (имя рек) от рака. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа, аминь». Обычно заговоры на выведение болезни читают на убывающий месяц. Другая процедура предполагает манипуляции с речным раком («Как рак пятится, так и ты, рак, иди с тела белого, с раба божьего (имя рек). Иди туда, где зимой пашут, летом снег гребут, где мёртвые спят. Там тебя, рак, ждут. Слово моё лепко и крепко, аминь»); с яйцом («Как яйцо в курицу не вернётся, как сухой сук дубом не станет, так рак от раба божьего (имя рек) откачнётся, отстанет. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь») (Юм). Ещё одно средство, применяемое от рака, – земляника: «Надо пойти на кладбище (одному), сорвать с могилы мужчины, если лечат мужчину, с могилы женщины для женщины землянику с листьями и корнями, принести домой, никому не показывая, заварить её в 12 часов ночи со словами: «Взяла у покойной и отдала покойной». Как прокипит, поят больного». (Зап. от Мазеиной А. Ф., 1923 г. р., с. Юм.)

Устойчиво применяется в качестве своеобразных заговоров чтение молитв и духовных стихов. Так, «от всех болезней» помогает обращение к Господу: «Огради меня, Господи, огради меня, Господи, силою честнейшею, животворящим Господним крестом от злых людей, от напрасной смерти, от скромной болезни, спаси, сохрани. Аминь». (Зап. от Трушниковой А. С., 1938 г. р., д. Лобанова.) «От скорбей» исполняется стих, обращённый к Царице небесной:

Царица небесная, Владычица, Мать у неба, земли,
Услышь меня, грешную и недостойную,
от скорбей-болезней меня защити.

Трудно мне, грешной, терпеть искушение,
 коварный, лукавый смущает всегда.
 Лишь только с тобой я найду утешение,
 всегда призываю тебя.
 Царица небесная, святым омофором меня покрой,
 Какая я смрадная, какая я грешная, о Мати моя,
 меня успокой.
 Избавь меня, Мати, от вечных мучений,
 научи меня больше молчать.
 Дай мне смирение, веру, спасение, научи любить
 и прощать.
 Научи, Царица небесная, наставь меня, Мати,
 на истинный путь.
 Сподоби услышать, Царица небесная, как ангелы
 Божьи на небе поют.
 Грехами опутана, сердце что камень, а слёзы,
 а слёзы не идут.
 О, как я предстану, великая грешница,
 на страшный Божественный суд,
 Богу какой дам ответ я, свой материн взор
 на меня обрати.
 Моли же ты Сына, Христа Вседержателя,
 на страшном суде меня защити.
 Ты – моя Мать и Царица небесная, ты мой покров,
 ты надежда моя,
 Если на сердце мне больно и горестно,
 с надеждой всегда призываю тебя.
 (Зап. в д. Сергеева.)

Представления о болезнях

Устойчиво мнение, что многие болезни напускаются колдунами: «Бывает, на ветер пустят болезнь, это поветрище. Попадёт человеку, ему покоя нету никакого» (Юрла). Широко практикуется не только лечение, но и задабривание болезней, особенно тех, что оставляют на переболевшем отметины (корь, оспа).

Корь. «Корь не любит, когда курят и пьют, нужно выполнять всё, что она попросит». (Зап. от Мазеиной А. Н., 1927 г. р., д. Осинка.) «Корюшку надо уговаривать уговорами, чтобы не осердить её. Пококала в деревне, моих не стала, они у меня не заболели. Всю деревню прошла, потом моих девок задела. Что запросит, то мы и делали. Она, дочка моя, два слова говорила: «Мама – калика». После кори остаются ямочки». (Зап. от Чеклецовых, д. Кукольная.) «Корь не лечили, только старались не сердить ребёнка. Чего он попросит, то уж ему и давали. Корь могла глаза унести, её и называли – матушка-гостьюшка, не сердись» (Пож).

Оспа. «Оспой-то вся деревня болела. Это такие большие коросты с пятак, так до конца и остаются. Лечили и приговаривали: «Ой, оспу не осердите! Молчите, ничего не говорите» (Юм). «Воспа во всё личо, тьфу, не слушайся, коросты по пятаку, и потом люди корявые остаются. Раньше за всё ходила эта воспа, счас нету её. Воспу не сердите, молчите уж, не ругайтесь нисколько» (Юм). «Краснуха – это сильная оспа. Человека позовут лечить: тоже брызгали, наговаривали. Потом кто лечит, того вином поят» (Юм). «Насыплет пупыри, волдыри большущие, нацарапат на ребёнка. Оспа де кокала, долбила. Больной чего хочет, что попросит – то и делали. Попросит конфеты – дак дай. В баню носить, скажет: «Ты меня сёдня не носи, меня понесёт отец» Всё, отец понесёт. В баню принесёт: «Не буду мыться! Давайте меня назад домой!» Обрато понесут. Это болезнь просится. Когда-то у нас девочку кокала, пяти годов была. Она хорошо разговаривала, всё. А отец говорит: «Какая ещё корюшка? Я её убью!» Взял, в передний угол в избе и стрельнул. И девка онемела. Сказал, что корюшку убью – она язык у девки отобрала. У нас две девки вместе на лавке спали. Как отдельно положишь – заревут. Тоже так болезнь хотела». (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.) «И взрослые болеют. Как-то заиграли вместе, ой, заплясали гармошны. А мужик один захваривать стал. И вот, он тоже приплясывать встал, в круг вышел.

Жена из круга вытолкала, под ж. пу напинала и осердила болезнь. Он пришёл домой, на западёнку лёг: «Ой, мама, как я радел спляснуть, как я радел спляснуть, она меня вытолкала!» Лёг и больше не вставал неделю. Сыпь на него насыпала, на тело, личо – сильные пятна были. Она бы не осердила – не умер бы. К нему пришли: «Ну-ка, Митюшка, давай вставай, мы тебе щас поиграем, а ты давай сплесли!» – «Нет, робята, не могу». Мы вот болели, маленькие были, у тяти попросили гребёнки, а их не было. Он купил одну! Разломил, нам дал. А мы на полу лежим, на соломенной постеле. Все смеемся, рады – не рады. На другой день попросили ленточки. Мама отцу: «Купи!» Он купил два метра, широконая была, голубая, папа её разрезал. Ой, мы опять рады – не рады!» (Зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р., д. Осинка.) «Оспа всё лицо как коросту делает, три дня мает. Она как пупырями сделается. В бане попаришь». (Зап. от Братчиковой А. Ф., 1936 г. р., д. Бадья).

Траволечение

Траволечение занимает большое место в народной практике. Ходят за травами чаще весной, в начале лета. «Собирать лучше до Петрова дня, когда трава цветёт. Обычно идут утром, когда роса спадёт. Когда собираешь траву, обязательно нужно думать только о хорошем, добром. Рвёшь траву, скажешь: «Мать-земля, ты, трава, позволь взять тебя на доброе дело». (Зап. от Голубчиковой М. Н., Юм.) Считается, что некоторые травы и растения сами по себе способны приносить удачу: «Лягушатник трава, кувшинчики, в речке растёт, её берут и сушат, домой носят. Она счастье приносит» (Келич).

«Вот Марьин корень. Он красиво цветет. Собирать можно в любое время. Его ото всех болезней: от суставов, от желудка, по-женски помогает. Сам корень наskabливает, на спирту настаивает». (Зап. от Черных Л. Б., 1943 г. р., д. Сергеева.) «Медвежья-де ягода есть. Красные ягоды,

две ягодки вместе срослись, ядовитые. Их брали и ели – брюха выживали бабы которые» (Васькова).

«Подорожник. По дорогам растёт, его пьют от мочевого пузыря. Ромашка – рвут на поле в августе. Двух видов бывает: на одной ножке и мохнатая. На одной ножке, или полевая, или ворожейка, – она от глаз. Мохнатая (тысячник) лечит поженски. Хорошо лицо умывать отваром, голову мыть. От сердца тоже идёт». (Зап. от Черных Л. Б., 1943 г. р., д. Сергеева.) «Жёлтая ромашка – от желтухи, по рекам растёт шишками. Есть рудянка, или чистотел. Она лечит, если в груди болит. От болезней очищает, все болезни внутри очищает. И лечит, если сербёшь, чёшешься» (Юм).

Ниже приведён список болезней с указанием основных народных лечебных средств.

Алкоголизм. Есть *копытень-трава*, три листочка рядом, как у коровы копытчико. Им от пьянства лечат. (Зап. от Черных Л. Б., 1943 г. р., д. Сергеева.) «От перепоя мужиков поят мочой» (Юм).

Астма. Заваривают от астмы смесь мяты, смородины, зверобоя – всё по травинке, и пьют. Помогает от астмы сок смолы, весной собирают. (Юм).

Бесплодие. От бесплодия зверобой, но часто его пить нельзя, если много, он наоборот обесполаживает и мочу плохо держит. (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.)

Бессонница. Хмель дикой в подушку кладут, чтоб сон был. Ещё сон-трава есть. На веточке розовые цветочки («часики» ещё зовут). Под подушку положишь и спишь спокойно (Пож.)

Болезни легких. *Туган* – молодой побег сосны, используется для лечения лёгких (в виде настоя на спирту).

Боль в суставах. Мухомор в печку кладут, растопятся оне, как масло делается, и мажут больно-то место. Пить-то не надо – ядовитые. От боли в суставах мухомор настаивают. Или гриб положить в банку. Он стоит там недельку – две, постоит, и потом станет жидкость. Он как растает. Только он пахучий, душной – как идти в народ, не ма-

жешь, лучше на ночь. Намажешь, а утром встанешь, ополоснешься, и всё (*Булдыри*). «Положить в кадку муравейник с муравьями и заварить его кипятком. Когда отвар остынет, нужно сидеть в этом растворе. Повторить несколько раз» (*Юрла*). «Сделать отвар молодых побегов пихты и сидеть в этом отваре. Повторить несколько раз». (*Зап. от Копытовой Н. М., 1917 г. р., д. Липова.*) «Положить в мешочек сенную труху и заварить кипятком. Мешочек, когда отвар охладится, вынуть. Принять 3–7 ванн» (*Липова*).

Бородавки. «Бородавки выводили руками — зачерчивали угольком. Выводили куриной слепотой — нужно омыть травку в дождевой воде, собранной с жердей изгороди, затем мазали больное место» (*Юм*). «Яичко надо сварить, почертить им бородавку и съесть. И бородавка пройдет» (*Липухина*). «Взять чёрную нитку и над каждой бородавкой сделать узелок. Сколько бородавок — столько и узелков. Затем нитку с узелками закопать в голбце под помело». (*Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.*)

Глазные болезни. «Василек, голубиная травка, его от глаз, заваривать и промывать» (*Пож.*)

Головная боль. «Адамова голова трава есть, у её цветочек расцветёт — как у ребёнка личико. По рекам растёт. Бывает, башка робит, ноги нет. Вот, её от головы, если голова болит, заваривали и пили» (*Чужья*). «Хмель дикой от головы пьют, вместо подушки ложат на постелю» (*Таволожанка*). «Если голова болит, то промывают уши отваром душицы» (*Юм*).

Грыжа. «Когда у ребёнка грыжа, грызёт мудышки, берут траву тягун девятигодовалый, он от девяти болезней. Он как репочка, цветёт, как подснежник. Надо его рвать, когда распускается». (*Зап. от Перебатовой А. А. 1929 г. р., д. Миронова.*)

Давление. От давления поят отваром картофеля, который варят прямо в шелухе.

Диатез. Напаривают чистотел густо и этим мажут, если кожа чешется, зудит.

Женские болезни. «Папоротник берут опущение матки лечить и кровотечения. Есть мужской папоротник, есть

женский. У женского на листьях развиваются лапочки, а у мужского загибаются катышком, дудочкой, у женского корень плоский, у мужского у корня круглые коготочки». (*Зап. от Черных Л. Б., 1943 г. р., д. Сергеева.*)

Импотенция. Заваривают молодые корни ятрышника и плоды шиповника. И этот настой пьют много раз. Применение старых корней ятрышника производит обратное действие. (*Зап. от Суворова Т. Ф., 1898 г. р., д. Миронова.*)

Кашель. «Подорожник от кашля, отхаркивающий. С одной стороны гладко, другая шершавая, холодная, как мати-и-мачеха. Кашель от надсады когда, лечатся у бабушек; от простуды — лечат в бане». (*Зап. от Трушниковой Е. И., 1912 г. р., д. Усть-Зула.*)

Конъюнктивит. «Ячмень, песьяк-от, хлебом выводили. Хлебом прижмут горячим из печки, потом его собаке отдадут» (*Юм*). «Хлеб свежий тёплым прикладывать надо ко глазу. Можно ещё «пот» собирать с окна и этим потом промывать глаз». (*Зап. от Черных Л. Б., 1943 г. р., д. Сергеева.*)

Краснуха. «Это сыпь, тело цветёт. В бане тёплой парят, моют в марганцовой воде и соде». (*Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.*)

Молочница. «Во рту белое такое делается и лоскутьями всё. Титьку даже не может брать ребёнок. Из ложечки даже кормишь робят. Не может соскать, больно там. Мёдом на ваточку сделаешь и прочистишь ротик. А мёдом обрабатываешь — хорошо. Можно чуть-чуть марганцовкой, только капельку положить». (*Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.*)

Надсада. «Правили пуп от надсады горшком — ставили на пуп горшок, под него зажжённую свечу, чтоб горшок втянулся, все кишки вместе соберёт» (*Юм*). «Залить кипятком траву омега (без корней). Когда отвар остынет, держать в нём больные руки или ноги. Повторить несколько раз». (*Зап. от Перебатовой А. А., 1929 г. р., д. Миронова.*)

Нарывы. «Под пазухи насаждаются собачьи титьки, нарывы. Ой, мучишься как! Один засыхает — десять садятся. Ле-

чат как — на хлебушко сметанку намажут, затем с волдырей на хлеб смотать и сучке отдать». (Зап. от Мазеиной А. Н., 1927 г. р., д. Осинка.)

Насморк. «Черемица — жёлтый цветочек, как голова с жилами. Когда насморк, надо в нос пихать, и прочихаешься» (Пож.)

Недержание мочи. Чтоб не мочиться во сне, пили калиновый сок и ели ягоды калины.

Ожоги. «Нужно взять 100 гр. подсолнечного масла, 100 гр. топленого масла, 100 гр. коровьего или свиного сала, одну восковую свечку. Всё это растопить, убрать пену. Когда масса остынет, мазать ожоги» (Пестерёва).

Остеохондроз. «Травы наложишь, горячим прикладывали травы. Лучше всего труху заварить, сено-мелочь, и накладывать на тело в бане. Надо несколько раз, раз десять» (Кукольная). «Разогреть 3 кг поваренной соли на сковороде, затем всыпать её в мешочек. Обмотав мешочек с горячей солью полотенцем, греть больное место». (Зап. от Леонтьева А. А., 1938 г. р., род. в д. Вылом.) «Натереть редьку, обложить ей поясницу, завернув плёнкой и тряпкой. Лежать весь день». (Зап. от Лехановой Л. А., д. Пож.) «Настоять на спирту (0,5 л.) 2 стручка красного горького перца и на ночь этот раствор втирать в кожу». (Зап. от Ташкиновой Л. В., с. Юрла.)

Печень. «Печень больная, желтуха, тогда травой лечат. От печени пижму вместо чая пьют. Я вот шишечки от пижмы просто так ем». (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.) «Ягоды и корни шиповника от печени, они все сосуды чистят. Корни заварить кипятком, оставить преть, потом пить. Ягоды вереска тоже от печени, зверобой, моден. Моден — листья круглые, цветёт жёлтым, заваривают от печени, от лёгких» (Пож.). «Наскоблить кору осины, положить её в чугунок с водой и пропарить на огне. Когда остынет, процедить и пить». (Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Понос. «Ж..пу ломает у ребёнка, понос, дак мылом правят». (Зап. от Мазеиной А. Н., 1927 г. р., д. Осинка.) «От поносу помогает подорожник, заваривать его и пить.

От поноса же копают корни змеевика (его толстосеря ещё зовут) и заваривают. У его широкий лист, корни как какашечки — тёмные, красноватые. Можно пить как чай, можно настойку делать». (Зап. от Черных Л. Б., 1943 г. р., д. Сергеева.)

Порча-икота. Богородская трава есть, её пьют от икот, от порчи.

Почки. «Брусничник — это мочегонное, от почек. Только рано надо собирать. Кукушка пока не кукует весной, вот тогда мы собираем. А вот когда она покуковала — значит, наплевала, уже нехорошо, уже без пользы, не надо брать брусничник» (Юрла).

Психические расстройства. «Чёрной травой поят от худоумья. Вот, был Коля Немо, его поили, да перепои, он вовсе не стал соображать. Надо только одну травинку заваривать» (Юрла). «Чёрной травой лечили от припадков. Заваривают и купают в отваре, поят. У её белые цветочки, некрупные, по всему стеблю. Чернеет, когда высыхает» (Пож.).

Радиккулит. В 0,5 л. нашатырного спирта положить 5 молодых корней репейника, нарезанных сочнями. Настаивать в тёплом тёмном месте одну-две недели. Когда в настое появится коричневый оттенок, втирать в больное место на ночь, затем прогревать, положив грелку.

Рак. В поллитровую бутылку хорошей водки положить 15–20 корешков омега. Пить сначала по чайной, а потом столовой ложке. Делать двухнедельные перерывы. (Зап. от Перебатовой А. А., 1929 г. р., д. Миронова.) «Как профилактическое средство от рака, нужно пить настой омега, начиная с одной и доведя до 20 капель в день, потом в обратном порядке». (Зап. от Мехоношиной А. Н., 1927 г. р., д. Кырова.)

Раны. «Вороний глаз ягоды собирают — любую рану заживит. Ягоды должны настояться в своем соку, затем ими натирали рану» (Пож.). «Незаживающие раны излечивают, прикладывая к ним кусочки свежего корня омега» (Кырова). «Примерно в равных пропорциях смешивают и варят на огне мёд, воск, коровье топленое масло, алоэ, чес-

нок тёртый и спирт. Затем добавляют свежей еловой смолы. Нужно нанести на рану мазок этого состава». (*Зап. от Штейниковой О. Е., 1905 г. р., д. Лопва.*)

Ревматизм. Подснежники собирают весной и настаивают на водке, потом натираются.

Сердечные болезни. «Сердечная репка есть, цветёт весной, с подснежником, около низин. Сама как мышинный горох, корень как репка. Её сушили и делали настой, пили от сердца» (*Юм.*) «Мятная трава – из неё чай делать, 77 болезней выходит. Особенно от сердца хорошо» (*Бадья*).

Угар. От угара кладут в уши ягоды рябины.

Церроз печени. «В поллитровую бутылку утрамбовывают сенную труху и заливают водкой, прочно закупоривают и помещают в кринку с квасом, чтоб упрел. Помещают в натопленную русскую печь. Когда квас упрет, достают бутылку. Настой процеживают и подают больному 3 раза в день, начиная с чайной ложки и обязательно с парным молоком от столовой ложки до 100 гр.» (*Зап. от Бериной И. Е., 1938 г. р., У-Берёзовка.*)

Чирей. «На чирей накладывают подорожник. Лечат словами, называют Чирий-Василий. Чтобы вылечить, говорят: «Чирий-Василий, расширься пошире» (*Юм*).

Экзема. «Душица – трава от экземы. Надо её густо-густо напарить и сделать примочку».

Эпилепсия. «Насечь сучья таволги и положить в чугунок, внутрь положить блюдец, сверху также закрыть блюдцем или крышкой, промазав щель глиной. Затем на земляной бане выгнать сок. Этим чёрного цвета тёплым дёгтем поить больного по чайной ложке. При этом обязательно запивать парным молоком». (*Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.*) «Эпилепсию лечат, применяя в пищу мясо дикого голубя» (*Миронова.*)

КОЛДОВСТВО, ПОРЧА, СГЛАЗ

Колдуны

«Колдунами становятся тоже от колдунов. Читают книгу «Магия». Если её читать, кто крепкой – выдержит, а нет – дак даже с ума сходит. Она страшная. Им, говорят, эту книжку только ночью читать надо и в бане, одному. Попробуй-ко де, там такая собака выйдет, рот распелит, и во рту огонь горит. И заставит: вот иди туда, зайди. Не зайдёшь – колдовство не пойдёт, а зайдёшь – можешь ума лишиться и всего остального. Но это уж кто такие настырные, крепкое сердце, те идут» (*Ефремова*). «В колдуны встают – надо в бане, говорят, кошку съисть, чёрную, чтоб пятна белого вовсе не было, и у ей есть косточка невидимая, её берут и колдуют» (*Тимина*). «Когда передают колдовство, кто примат, должен идти в баню и лезти в каменку. Надо в огонь зайти, прямо в топку. Говорят, зайдёт и выйдет как не бывало из печки-то человек» (*Юм*).

«Колдун говорит мне: «Отдай душу дьяволу и будешь как я». – «Как её отдать-то?» – «Да напиши, палец иголкой расклей и напиши кровью на стене: продаю или нет». В общем, я так и сделал. Проходит год, я уже об этом забыл. И он начал ко мне приходить, дьявол-от. Я не знаю, что делать. Ну, начал с ним разговаривать. У меня стало руку сводить. А как увидел девочку маленькую, красивую, изурочил. А он всё ходит и ходит. Только потом мама подсказала, что в церковь надо. А я же верующий, думаю, схожу. Потом мать говорит: «Ты знаешь Воскресну молитву?» Я говорю: «Нет». – «Ты прочитай: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь». Прочитай и ночевай». Я прочитал. И всё. Отпустило» (*Юм*). «Тоже помогает от нечистой силы, если в доме кажется, когда кадят ладаном окна и дверь, кладут на них крест» (*Тимина*).

«Худеет человек – значит, с покойника напоенный. Когда в передний угол выливают воду, которой обмывают по-

койника, колдун эту воду собирает и ей поит людей. Меня поили с покойника водой – я очень сильно болела. Ой, как болела, стынешь, как покойник, кровь в тебе застывает. Дедушка меня один, пермяк, лечил. В кружку налил квас и чё-то крестил, наговаривал. От одного косяка в доме, от другого дерево копнёт и тут положит, и подаст пить. А тот-то, с которого водой-то поили, за мной бегаёт, как только усну, то с ножами, то ещё с чем. Плохо я стала спать. А вот дедушка вылечил. По мне горошки бегали путем, дак это вода с покойного уходит. В бане меня парили, тоже горошки бегали. Выходила вода от покойного горошками» (Юрла).

Колдун может насадить на человека рак, для этого он пускает по ветру мыльные пузыри (из мыла, которым обмывали умершего от рака) со словами: «Упадёт – сядет, достанется рабу божьему (имя рек)» (Юм). «Слыхали, что человека могут которые обворотить. Одного де парня старик один знаткой, парень в институте вовсе учился, дак он его в зайца оборотил» (Ананькина). «Порчу на людей как наводят? Баба тут была. Вот, пришла на похороны, с бидоном, ходит, подстригает умершего, волосы, ногти украдкой возьмет. Потом людям подмешат – и вот, у кого приступ, кто застрелится» (Осинка). «Тряпку с покойника, которой руки завязывают, если не сожечги, колдун себе берёт, потом чё-то с ей делает людям» (Осинка). «Пересекёшь колдуну дорогу взад-вперёд с пустыми вёдрами – он тебе и посадит килу. Огнёвку вывешивают над дверь от колдунов и от нечистой силы. Тоже утром надо съедать наголодно лепестки от её, от огнёвки, возьмёшь маленько и съешь, и от колдуна тебе не будет ничего. От колдуна чтоб порча не попала, или в чужом месте пьёшь, надо через палец пить, надо большой палец прижать к чухе и так и пить» (Тимина).

«Колдун с колдуном беда не ладятся. Я слыхала, чтобы колдун колдуну испортил, дак он залезат к ему на крышу, на дом, и тёс сбрасывает» (Юм).

О порче

«Старик был, у его в голбце семь штук сидели порчите, он их всех раздаривал, кому кака достанется. Одной баушке досталась, дак баушка стала нечисто говорить, сюськать. Старуха и говорит порче-то: «Я тебе питьё с молитвой подам, ты и подохнешь». А порча-та ей и отвечает: «Я умная, по горбочку у тебя скатюсь, как по желобочку» (Пож).

Заговоры и обереги от колдунов, сглаза, уроков

«Надо, увидев человека, которого считают колдуном, зажать фигу в кулаке и говорить: «Колдун-веретник, не пей мою кровь, змеиное жало, чтобы рот зажалось» (Пож).

«Сквозные уроки бывают, кто-то в нечистом состоянии взглянул сквозь окошко, человек и засыхает. Тогда бабушки лечат, словами» (Дубровка).

От уроков. «Встану раненько, умоюсь беленько, выйду из ворот в ворота, из дверей в двери, в чистое поле, под частые звёзды, под светлый месяц. В чистом поле стоит храм, во храме Пресвятая Госпожа Богородица. Пресвятая Госпожа Богородица, пособи-помоги рабу божьему (имя рек) выжить уроки из костей, из печени, из ясных очей, от русских, от белых, от чёрных, от черемных, заутренний урок, полуденный урок, северный, восточный». Читается три раза». (Зап. в д. Васькова от М. М. Моисеевой, 1935 г. р.)

«Встану раненько, умоюсь беленько, пойду из дверей в двери, из ворот в ворота, из заворей в завори, под красное солнце, под частые звёзды. Солнце повертявши, земля потряхавши, отговорюсь от девки от русалки, от бабы-долговолоски, от сыча-рысача. Отговорюсь от чёрного, от белого, от рыжего, от кудрявого, от красного отговорюсь.

У младенца (имя рек) 77 болезней, 77 суставов. Становись сустав на сустав, а, болезни, отвалитесь. На горе стоит деревня, она стоит не простая, образами занятая. Уроки-переполохи, идите ко старому хозяину, ко старой хозяйке, идите на болото. Там для вас нажарёно, наварёно. Пиво наварёно, вино накуплено. Идите, уроки, туда». (Зап. в д. Пож от Пикулевой М. В.)

«Стану лицом на восток, задом на запад, помолюсь Христу небесному, Пресвятой матери Богородице, всем святым светителям, всем святым родителям, притчи, пороки, уроки, идите на болото. Там вам вариться, там вам кипятиться, под осиновый кол забиться, мохом-травой зарастить». (Зап. от Голубчиковой М. Н., 1921 г. р., Юм.)

«Слова на воду наговорить и брызгать на кончики ложек. Ложки обмыть и на место положить. Говорить слова «Свят Дух, аминь, свят тридевят, аминь, как на кончике вода держится (обмыть ложки), всё пройдёт! (Вымыть ложки). Свят Дух, аминь, трить аминь, как вода стекает, Свят Дух, аминь, тридевят аминь, как не держится вода, так пусть уроки не держатся на таком-то (имя рек). Свят Дух, аминь, трить аминь, аминь, аминь, аминь, с легкой руки, с доброй души, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь». (Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья.)

Развёрнутый заговор от уроков нередко содержит обращение к Богородице:

Встану я утром раненько, умоюсь беленько,
шёлковым полотенцем утрюсь,
У отца, у матери благословлюсь, по солнцу
повернусь.

Пойду из дверей в дверь, в чистое поле,
по злат месяц, в восточную сторону.

В восточной стороне есть двери стеклянные,
В этих дверях стеклянных есть Пресвятая
мать Богородица.

Я тебе помолюсь, я тебе поклонюсь, ты благослови
раба владельца (имя рек),

Полечить, поправить, по-старому поставить,

От урока, от приплока, от цукучек, от шипучек,
от долгого зуба, от длинных волос,

От пьяных, от пошлых, от худых дум.

(Зап. от Перебатовой А. А., 1929 г. р., д. Миронова.)

«Если недобрый рядом, говорят: «Вокруг меня раба, каменная стена, железный тын. Тридевят аминь, тридевят, тридевят аминь». Говорят тихонько, чтобы человек не услышал. (Зап. от Трушниковой А. С., 1938 г. р., д. Лобанова.)

ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В памяти местного населения хранится немало рассказов о нечистой силе. Былички о домовых, русалках, лешем, шишочках имеют зачастую не только развлекательный смысл – в них устанавливаются определённые правила поведения в доме, в лесу, на охоте и на реке, т. е. так или иначе эти рассказы включены в повседневную жизнь.

Не все мифологические персонажи отличаются определённой. Таков, в частности, *каян*. О нём мы знаем лишь то, что это существо, которым пугают детей (*Зарубина*). Другие, напротив, представлены в многочисленных быличках (см. ниже самые разнообразные сюжеты о лешем, который то помогает охотникам, то предвещает беду, подробности внешнего облика русалок и пр.).

Повсеместно верят, что «причудье – оно к недоброму. «Если чё покажется, это перед бедой» (*Ананькина*). Ещё недавно местные жители верили, что нельзя даже говорить о нечистой силе. Если человек расскажет кому-нибудь о домовом или лешем, то они нашьют на него порчу; если колдунам перейти дорогу, то случится беда. В определённое время (на Святки, в Великий четверг) нечистая сила считалась особенно опасной, поэтому перед Пасхой на всех дверях в доме и под окнами углём рисовали кресты, чтобы отвести болезнь и порчу. Обилие рассказов об этих

сезонных духах привело к тому, что и названий для них несколько. Их называют *шишами, шишочками, шишиками, шишигами, чертями, мелконькими* («У мелконьких-то, бают, свадьба в святки-те, они на лошадях де ездят, шиши-те» – Юм).

Сюжеты, представленные в разделе, в целом характерны для Русского Севера, а в ряде случаев соответствуют мотивам финно-угорской мифологии.

О домовом (суседке)

«Когда переезжают в другой дом, держат мешок в голбце, откроют и говорят: «Хозяин, садись в мешок, пойдём со мной». А потом мешок домой заносишь» (*Кукольная*). «Утром во двор идёшь, ни дождя, ничего, а корова вся мокрёшенька. Корова, значит, не ко двору, суседко не залюбел» (*Кукольная*). «Не дворит скотина, это быд-то житьё плохое ей. Придёшь в конюшню, а корова вся мокрая, стужа, дак вовсе иней на ней. Это суседко гоняет» (*Осинка*). «Суседка скоту плетени плетёт, если не ко двору, и масть ему может не нравиться, вместо чёрной купят пеганую если, вот он её и мает» (*Тимина*). «Замечать стали – мокрёшенька лошадь во дворе, мокрёшенька. Взяли, в конюшне укараулили. Вот, будто суседко на её сел и по двору-то её гоняёт, гоняет и говорит: «Была бы ты хоть маленька да была бы пеганенька!» Пегану, видно, любил» (*Васькова*).

«Суседко меня раз давил. Я не сплю вроде, а вижу: в белом халате мужчина зашёл и встал около койки, потом лёг поперёк меня. Как я закричу! Он встал и вышел, ушёл. Кровь останавливается, вспомнишь дак» (*Кукольная*). «Спал один человек, и на него домовый прыгнул. Тот поднял руку, чует – кто-то мохнатый, спрашивает: «К чему давишь: к худу или добру?» Тут домовый ясным словом отвечает: «Всякому г...ну ещё надо и к добру!» Так сказал, значит, оно к худу» (*Юм*).

«Суседко есть у каждого. Если в доме три человека, то на каждого есть свой хозяин. Один живёшь – дак один. Где он живёт, его место никто нигде не видал. На своем месте он живёт, дом стерегёт ото всего: от ветра, от грома. Домовой и называется. Если переезжать будешь, он сам съедет, куды вещи кладёшь, детей – он туды. Рая у нас переезжала, к ней подходит назавтре соседка: «А суседушка-братанушка с собой позвала?» А другая баба: «Так он наперёд её ещё собрался!» (*Ефремова*).

«Суседко давил меня два раза. Родила первого парня, на полатах спим. Лежала, и вдруг – тяжело дышать, тяжело. А слыхала, спросить надо: «Суседушко-баседушко, к чему меня давишь?» А он: «К шуму», – в правое ухо вытянул. А чё, шум-от часто бывает. А вот тот парень помер у меня, наверно, к тому и было. А в другой раз, уж со вторым парнем, я на голбце лежу, а парень на печке. А он, суседко, такой мяконькой, жунится к краю. Я к печке прижимаюсь-прижимаюсь, а он как бы под меня, такой мяконькой. Я поняла, что суседко: «К чему, батюшко-соседушко?» Он чё-то сказал, вроде, «Я люблю», то ли чё, не поняла. А и тот парень умер» (*Васькова*).

«Баба Катя умерла, я одна жила. Лягу, неохота посуду мыть, а он ложкой чак-чак! Грязную посуду не любит. А самого не видеть. Ну, я стала сама мыть, чакать не стал. Лошадь есть, дак он гриву чешет, косички плетёт. Когда не любит, целую ночь гоняет её по двору. Менять эту лошадь надо» (*Сергеева*).

«У меня у баушки было: повадился ей суседко косы плести. Встанет она утром, у ей вся голова в косичках. Потом ей приснилось: ты не остригай косы-те, ослепнешь. А она не могла расчесать, дак состригла. Остригла и ослепла, и всё тут» (*Ананькина*).

Банник

«Вот банник что делает. Мужик раз ушёл в баню в двенадцать часов ночи (это на самом деле было) и нету его,

нету и нету. Пришли за им, а он головой в каменку засунут. Не сам лез в каменку, боролся, видно, что руки все ободрал Слава Богу, живой, больше с той поры не ходит поздно в баню» (*Васькова*).

О лешем (вихре)

«Лесной есть, слышали, его зовут дядя Виктор. Соседка тут жила, он к ей ночью ходил. Ходил и чужим голосом разговаривал: «О-о-о!» Она говорила: «С ним разговариваю, а его самого не видно. Дедушка лесной пришёл, слышала, — это к пожару» (*Сергеева*).

«В лесу нельзя ругаться, лесного поминать. Вот за грибами ходишь, дорогу найти не можешь, наверно, леший водит. В лесу заблужаешься, и ходишь, и ходишь. Приметку тут уж положишь, заметишь, вот тут чём-нибудь оторвёшь, заломашь. Походишь, опять придёшь тут же. Это он так крадёт дорогу. А потом выворачиваешь платье и выходишь на дорогу» (*Ефремова*). «В лесу ты знаешь, тебе надо туда идти, идёшь-идёшь, выходишь опять на то же место. Опять пошёл, идёшь, выходишь. Если чё — до трупов надо выворачивать всё на себе, чтобы выйти. Вот и зимой всё надо выворачивать, сперва шапку выворачиваешь, потом фуфайку. А летом и до трупов иногда приходится» (*Бадья*).

«Леший на белой лошади, грудь в ремнях, покажется — это к беде, или пожар будет. Ночью пахали как-то, отец рассказывал. И вот он лёг отдохнуть, уснул. Назавтре приезжает домой и рассказывает, что будто ехал он на лошаде, то на белой, то на вороной. Был в доме каком-то, там все чего-то делают, всё стряпают. Вёз его дедушко, леший, видно» (*Васькова*). «Случай был. Я пашу, а леший по полю идёт. У него пинжак, пуговики. Я не забоялся, по бороздке иду: «Куда ты, Еврей Евреевич?» Он говорит: «Вот, мужика ищу». Сам одет — пинжак, пуговики зеют, огнём горят» (*Таволожанка*). «Лесной, бывает, в чёрном кажется. Он тому только видится, кто его боится. Такой высокий мушина» (*Пож*).

«Парень, пять лет было, терялся, лесной его уволокивал, дедушка. Два дня дома не был, мать пирог в лес уносила, на росстань клала. Нашёлся потом парень, рассказывал — иду де, иду, перед меня птичка летит, так и завела в лес. А это всё равно уж лесной его к себе брал» (*Пож*). «Как-то в лесу робили, косили. Одна девка под лесного попала. Рассказывала, говорит: «Кошу, кошу, раз, коса сломалась, мне другую дали. И эта сломалась. Я пошла к кустам, а вышла, там не кусты вовсе, а избушка у лесного. Зашла, там старуха старая сидит, у её маленький ребёнок. Старуха мне говорит: «Счас хозяин придёт, будет тебя кормить, ты ничего не ешь, не задевай, только реви». — «Ладно». Пришёл хозяин, накрыл весь стол, велит есть, а я не ем, реву. Так три дня было. На третий день он сказал: «Ладно, иди отсюда, тебя уж давно ищут». Так я домой и попала. А есть-то бы зачала, дак уж домой-то бы не бывать...» (*Келич*).

«Дедушко у нас был, дак мы без мяса не жили. Он в лес пойдёт, штук десять зайчей принесёт за плечами. И уток, и кого только не носил. Придёт домой, в какой-то день скажет баушке: «Надо стол накрыть». Старая всё делает, как он велит. Дедушко за столом сидит, с кем-то разговаривает, угощают кого-то, а кого, мы не видим. Потом говорили, что когда умирать дедушко стал, дак мучался шибко, печку всю руками расклат, все ногти в крове были, вот как он его мучал, бес-от» (*Келич*).

«Лося в лесу завалят, уж обязательно оставят ему ляху в лесу. Нечистой-от дух, он не с добра, ему надо подарить. Охотники в Великий четверг несут в лес подарки лесному: вино, хлебушко. Вот был у нас рыбак, сейчас уж его нету. Рыбачил всё по Косе, там стоянки до сих пор стоят, избушки. Вот он раз поехал и в одной избушке остановился спать. А рыба ему в тот день не попала. Заходит в избушку, а там дяденька сидит, ходил по берёсту и заплутал. Вот они, два старика, сидят, разговаривают. Тут уж зачерняло, затемнело как. Заходит к им дедушка лесной: «Здравствуйте». — «Здравствуйте». Попросил у их закурить, а они оба некурящие. Ну, он спрашивает, чё и как. Один говорит — «По берёсто ходил да заплутал». — «Ну, ничего, завтра

дорогу найдёшь». Второй говорит: «Рыба не попала». – «Ну, ничего, завтра тебе попадёт». – «А ты сам чё делаешь?» – «А я зверей гоню. Идите, посмотрите». Старики вышли, а на улице как день, а хотя и ночь. И тут все: и зайцы, и лоси, и медведи. Он как это сосвистнет, да «Ух! Ух!» – только щелкотня по лесу пошла, раз – и никого нет. Это, говорят, такой день назначенный есть, в тот день нельзя в лес ходить, дедушка всех зверей в грудку собирает. Здвиженье это». (Зап. от Деткиной А. И., 1914 г. р., д. Келич.)

«Деревня Балда, там жили дедушка с бабушкой мои, в самом лесу. Я приеду к им, а они знали с этим лесным-то. Дедушка говорит баушке: «Завтра-де к нам гость придёт, надо барашка заколоть». Старуха брагу наделает, всё приготовит. Наутро приходит парень, такой здоровой, чуть не до потолка, грузной. Садится за стол к окошку. Он этого барана всего съест, а косточки в окошко выбросит. Кринку браги выпьет. Баушка говорила: «Зато мы с дедом никуда далеко не ходили ни по грибы, ни по ягоды. Только пойдём – как насыпано. Иной раз собираю, фур-р-р – падёт прямо в руки *полюшка*, ну, рябчик». Баушка говорит: «Ну, дедушка лесной опять нам добычу оставил» (Юрла).

«Внучек у меня перепугался, когда я его ругала. А зачем ругаться в лесу? Нельзя ругаться, а то вот и плутаешь-ходишь. Все лесного какого-то поминают. Его никто не видит, он такой невидимка. Бог не велит, чтоб показался, пусть он своей дорогой ходит. Он-де нехороший, говорят. Вот когда ветер сильный, может унести. Сильный ветер-то, буря-то живёт – это лещий, вихрь называют» (Таволожанка).

«Дедушко, называем мы его, лесной, он в лесу живёт. Вот расскажу вам, чё было. Как-то ветер подул, и дует, и дует, вот смотри, вот так вот и вертит! А мужик был, сидел у окошечка и де ел, а ветер летат. И взял: «Давай-ко я его!» И ножом-то бросил, со стола взял. Потом ходил, искал нож-от, не нашёл. Уж после дрова поехал валить зимой, заехал, дрова накла, домой надо ехать – дорога нету! Такая непогодь поднялась, такая пурга-метель. Не может выехать-то. Тёмно стало, до ночи дотянул, дороги нет. Куды деваться? Он тожно испугался, мужик-от. «Гляжу-де: огонёк горит. Ну-ко, на

огонёк пойду, деревенька, поди, недалёко!» Выехал – одна стоит изба среди лесу. Он заходит: «Можно?» – «Можно, чё ты тут издишь-де?» – женщина вышла. – «А дорогу спутал, не знаю, куда выйти». – «А ты дорогу без хозяина не найдёшь. Пойдём, за стол посажу. Он будет угощать, только хлеб не ешь у него. Всё ешь, а хлеб нельзя – останешься тут на всю жизнь!» Вот он и не стал хлеб есть у него. А мужик, хозяин-от, хлеб-от режет ножом. Мужик-от глядит: ножик-от его, евонный ножик-от. Хозяин: «Чё-де ты смотришь на ножик?» – «Да у меня такой же был, да я потерял его. Ветер-де дул шибко, я и бросил в него». – «А, вот это ты его бросил, это твой ножик! У меня нога де столько времени болела, по ноге мне попал. На чё де бросаешь? И вот по ножик и приехал. Тебя никто бы не заманил». Ну, мужик всё рассказал, а раз хлеб не ел, хозяин ему: «Поезжай домой и больше так не делай!» У мужика волосы ежом, дыбом, встали, как у ежа стали. (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.)

«У нас в Ананькина вот парень, сидел как-то на крыльце, лапти плёл. И вдруг около дома пыль столбом. Парень сматюкался и коточик бросил: «Вот тебе, дедушка лесной!» И тут же сам исчез, его вихрь как-то завил. Дак целую неделю искали. Потом пришёл, дак всё до нити на ём было изорвано. Рассказывал: «И где только меня дедушка лесной не таскал: по всем ёлкам, вершинам, с ёлки на ёлку...» (Юрла).

«Если родители проклинали ребёнка, то он попадает к лесному. Корова или ещё кто зайдёт в лес, а обратно дорогу найти не может, вот это и называется *под дедушку попасть*. Читает молитву, когда идут искать человека или скотину. Молитва особенная. В лесу на пенёк кладут пирожок или хлеб-бушко с молитвами». (Зап. от Ивановой А. В., 1923 г. р., д. Сергеева.) «А у нас в прошлом году у сестры Марии телёнка стали выпускать. А тут он не живёт вместе-то, а так приходит, помогает, ну, приспишник, помощник-любовник. А он чё-то там: «Мать вашу!» Во дворе, пришёл пьяный. А она, Мария, заругалась: «Какой тебя лешак сюда наволо-де, пьяного-де, во двор!» А назавтре утром телёнка стала выпускать, а телёнка за верёвочку-то внучек держит. Когда она стала

двери открывать-то, туто ворона налетела: «Ка-ар, ка-ар!» только. Парня-то чуть не разволокла, чуть не расшибла. Он, телёнок, испугался вороны, убежал. Дак больше недели искали телёнка-то, убежал с верёвочкой, и всё. Сразу кинулись за телёнком, и нигде нет. Потом по всем обошли, может, ко скоту бы вышел. Лошадь тут ходила, к лошади бы прибежал. А не вышел. Тожно нашли километра полтора от дома-то, в лесу. Там пень был, лесина была срублена, и округ пня он тут ходил. Замотался, тут бы и помер. Дак есть один мужик, письма пишет этому лесному, старик в Тимина знаткой. Кисель его прозывают, прыткий такой. И вот он написал письмо на трёх бумажках. В письмах пишет наоборот, не узнаешь, как написано. Он только сказал: «Ищите скорей, а то он пропадёт у вас. Он ничё не пьёт, не ест». И мы ушли на расстанье, на перепутье, три бумажки все расклали, испекли ещё пирог маленький из рыбы, наввысоко, на пень, положили. И на третий день нашли, у пня захохотался. Ворона-то и есть лесной, летел, в ворону превратился и закричал: «Кар!» Испугал телёнка-то специально, раз ругались во дворе-то. Нельзя во дворе ругаться со скотиной, идти с молитвой надо, говорить: «Благослови, Бог, в добрый час, во святое время!» (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.)

«Леший дорогу закрывает не только человеку, и скоту тоже. Корова тогда ходит-ходит, из лесу выйти не может (Юм). Скотина потеряется, иди к знающему, он напишет на бумажках. Пишут задом наперёд на бумажке, три бумажки надо. И, чтобы дорогу найти, разные молитвы творят старинные. Бросать надо эти три бумажки на трёх дорогах. Бросай, и тебе объявится. А то пропадёт, он задавит его. Леший зайцев полный огород нагонит тому, кто с ним знается. Если заблудишься в лесу, надо говорить: «Батюшко, Свят Дух, аминь, Господь со мной, Господь, Свят Дух, господь, пресвятая иконка!» (Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья.) Пишут лесному письмо, там на бумажке только одни буквы «БЛВМК». Это значит «Батюшко лесной, верни мою коровушку» (Пож).

«Такая буря поднимется, колды на покосах гребём, бывает, дак всё сено кругом завёртывает,верху поднима-

ет. Вот бают: «Вот дедушка лесной». «Чур, наш! Чур, наш, — бабы рывкают, — чур наш, чур наш». Он сделает, тихо-тихо на землю всё сено, вся трава спускается. Это тоже у нас парень был. Солому стали собирать в стога, жниву ржаную, возили волокуши сена. А он конюхом был. И вот, летом на поле уведут коней, боронили как, коней-то к ночи уводили на поля, кормили. А он конюхом был. И рассказал матери, что, мама, говорит, я сёдня видел, на такой де на белой лошаде проехал такой де мужик большущий, такой де толстущий, грудь вся в ремнях. Потом матери сказали, что не к добру это. Это дедушка лесной ему де показался. А правда, жнива-то стала, он, сынот, поехал солому собирать на волокушах, стога-то метать, и его задавило. Он на волокуше поехал, волокуша-то повалилась-повалилась, и он под солому попал. А трактор волокёт, и всё — умер парень. Не успели достать. Вот ему не к добру это показалось». (Зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р., д. Осинка.)

«Одной женщине на свадьбу надо было идти песни петь, пошла и пропала. Трое суток искали, под лесного попала. И потом вот эти бумажки бросали много. Маленькая бумажка, на неё сажей крестик поставишь, и по дороге, в которую сторону уходила, бумажку бросаешь, но не сразу, а там через метр, через два. И он потом её выводит, куды-то в другую сторону. Её через трое суток в Юрлу вывел. А потерялась тут у нас, в Бадье». (Зап. от Братчиковой З. Г., 1932 г. р., д. Бадья.)

«Лесной — такой же человек, только бровей нету. Лесной бабу таскал. А она замужем была. Мужик умер, она снова вышла замуж. Родила парня, не знаю от кого. От лесного ли? А у них корова, поросята. Она ходит за ними. А лесного-то маленько прогагарит, не вовремя к нему выйдет, и такой ураган, трескоток идёт! Выйдет, опоздала и заходит обратно в синяках. Она сказывала: «Вечером меня лесной приводит в трёхстенный дом, кругом собаки, зайдёшь дак, здоровые, на цепях. Поешь тут, попьёшь. А утром просыпаюсь под тремя ёлками». Баба эта спокойно сидеть не может, а всё выглядывает чё-то на сторону. А если не во-

время приходит она к ему, он на деревню приходит, крыши снимат. У мужика по-новой крышу закрыли, строили когда, всё новое было, она к ним зашла, попросилась попить, а он, видно, преследовал её, со двора новую крышу полнотью снял, рядом положил в огород. Дак крыша вовсе целая, стоит». (Зап. от Братчиковой З. Г., 1932 г. р., д. Бадья.)

«У нас на лесоучастке повар была, носила нам обед. Как-то нас накормила и ушла. Мы вечером домой – её нет. Нет сутки, двои. Все работу бросили, искали её, а не могли найти. На третьи сутки пришла, вся измученная, *полусерая*, не спала нисколько. Говорит: «Я шла-шла берегом, раз – большущая ёлка, и река потерялась. А в другую сторону дорога, прямо как карта. Я ведь знаю, что мне не в эту сторону, а вышла на дорогу, прошла сколько-то, потом сошла, тут речка. Я села под ёлку. Смотрю, под ёлкой два ведра, коромысло, поварёшка, тарелки. Ну, я села и сижу. Тут ночь приходит, темно. Слышу – кто-то со мной говорит, а никого не вижу: «Выйдешь за меня замуж – будешь хорошо жить». А я слыхала, что с ним нельзя разговаривать. Так вот и просидела. Только на третьи сутки отпустил» (Юрла).

«Как верёвкой, кверху вьётся вихрь-от. Может загнать в трущобник, в лес. Тут, было, корову гонял, гонял. Надо домой в деревню идти, а она ни в какую не может, он загнал её в *арай*, топкое место, грязь, и корова сдохла» (Тими́на). «Запуки были. Приговаривают: лесной-де есть, вихрь называют. Ни с того ни с сего и закрутит, и закрутит. Человек двадцать раз были на поле. Вот он поднялся, вихорь. А копельник делали. Накопили, а он его поднял, метров сколько – кто его знает. Сколько поднял сена – всё небо закрыл, копну за копной только вертит. Только половину собрали. Кто потеряется – разные молитвы творят, приносят пироги в лес, на пни накладывают с тем расчётом, чтобы вернул корову, телёнка. Один у нас потерял пацана. Дак везде письма разбросали, и вот, кому-то на глаза он попал. Домой привели. Рассказывал, что жил в лесу, тётя и дядя кормили кашами...» (Тими́на).

«От лешего молитву читаешь: «Бог, носи меня!» Под Богом и ходишь. От лешего надо хрест натянуть, если без хреста, без пояса, хоть ниткой, булавкой, тогда черти не так дикуются». (Зап. от Копытовой Д. Г., 1924 г. р., д. Мухоморка.) «Если находишься в лесу, ты должен спросить муравейник или любого, кто встретится по дороге: «Э, куда, товарищ, идёшь? Тебе другая дорога, а мне другая!» Тогда в пути всё хорошо будет». (Зап. от Копытовой Д. Г., 1924 г. р., д. Мухоморка.)

О русалке (кикиморе, волосатке)

«Русалка – это кикимора. Волосы у неё длинные, ног нету, хвост» (Лобанова). «Русалки в воде живут. Раньше мельницы бывали водяные, на мельницу придёшь молотить зерно, смотришь: мелет, мелет мельница, раз – и остановится. А мельник скажет: «Ну вот, опять русалка села на жёрнова». Идёт с *пучнём* под мельницу, там её опалит. Он ведь знает, что делать-то: *пучнём* подпалит, и опять мельница вертится». (Зап. от Сакулиной К. Г., 1926 г. р., д. Осинка.) «Русалка така же девка, только волосы беда долги, коса, она в речке всё сидит, а как вылетит, и побежит сразу, за человеком. Она просит: «Остановите, мол, меня». Раньше их много было – счас нету, не слышно» (Таволожанка). «Русалка – девка, глаза человечески, сама голая, а тело в шерстинках» (Липухина). «Русалку два человека у нас видели, волосы длинные, сбела, русые. Если она их расчёсывает – это к несчастью. А чтоб уберечься, не выходи на улицу, пока молитву не прочитаешь: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь» (Пож).

«У русалки волосы длиннющие. Она к худу кажется, летом они вылетают» (Юм). «В воде кикиморы какие-то, русалки хохлатые. Хохлатые – ну, распущенные, нерасчёсанные. Они так-то тоже не кажутся, если уж к *уросу*, если чё-нибудь получится к нехорошему. Могут задавить, за горло схватить, если мало ли в воде переругаешься» (Юм).

«У нас в Усть-Бадье мельница была, с пропеллером. Дак русалка садилась на пропеллер-от. Сядет, и мельница остановится. В двенадцать ночи. Волосатая такая, чёрная. Мельник придёт, она только бурк в воду, мельница опять пошла» (*Чужья*). «Мне русалка виделась, это к худому. Как-то привиделась, я с фермы пришла, сижу одна, зыбку качаю, гляжу, женщина идёт в белом платке, похожа на Маню соседку. Прошла мимо, не зашла, я ещё хотела позвать: «Чё, мол, не заходишь?» Я на полати полезла, слышу, двери открылись, заходит сестра мужа, зашла и громко так говорит: «Мак, никого, видно, дома нету». Я отвечаю: «Я, кумушка, дома». Спустилась с полатей, а никого нету. Потом, уж темно стало, слышу, два мужика идут, поют солдатскую песню. Мой старик и сосед Иван. Остановились как вроде. Я ждала, ждала их, брагу им на стол поставила, а никто не зашёл. Мужик после приходит, я спросила: «Это не мы, — говорит, были». Вот вскоре после этого у меня с мужиком беда случилась. Обвинили его, статья пять лет гласила...» (*Пож*).

Клад выходит

«Клади деньги в землю и завет клали. Вот, накладывают в крыночку, кринка маленькая, горшок. Богатые люди были, вот в землю и закопают, завет положат: «Надо, чтоб здесь сто человек убили, чтоб было сто голов». А другой мужик тут подслушал и говорит: «А сто колов пусть вырубить!» А хозяин: «Сто голов вырубить надо!» — «Нет! Сто колов!» Ну, Бог-от и записал: «Сто колов». И вот один распознал всё это, нашёл этот клад, а клад петухом превратился. Петух вот поёт и поёт, красный петух. А мужик поймал петуха, взял, раз — горшок и рассыпался. Ну, прежде-то сто колов вырубил, только потом и петух вышел» (*Ефремова*).

«У нас в Ложках здесь когда-то бурая корова выходила, клад, значит, положен был. Потом проверили — точно, в Тимина ружья были закопаны» (*Сергеева*).

Черных
Александр Васильевич

Подюков
Иван Алексеевич

Бахматов
Анатолий Андреевич

Хоробрых
Станислав Валерьевич

Церковь, построенная до 1773 г.; с. Юрла

Районный Дом досуга. Парк, заложенный в 1903 г.

Знаток фольклора А. М. Пикулева

Фольклорный ансамбль «Калинушка», д. Пож

Знатоки похоронной поэзии Т. Р. Суворова (1916 г. р.), д. Будыри

Знатоки народных песен, пословиц, поговорок, народной медицины А. А. Бахматова, д. Миронова

М. М. Мазина, А. Ф. Мазина, М. Ф. Чеботкова, с. Юм

Сказительница А. И. Суворова, д. Ефремова

Игра «Через человека» в Петров день, д. Пож

Р. А. Саранина, Н. П. Овчинникова,
М. Д. Бахматова – участницы фольклорного
ансамбля «Сударушки», с. Юрла

И. А. Подюков, М. М. Моисеева (1935 г. р.), д. Васькова

Участники фольклорного ансамбля «Калинушка»
с фольклористами ПГПУ, д. Пож

Божничка, полотенце для души;
с. Юм

Девушка в наряде

За поминальным столом, с. Юм

Плат; надевался на кокошник

Мастерица А. А. Бахматова,
д. Миронова

Мужская рубаха, д. Елога

Наличник, д. Осинка

Игрушки «Собачки», д. Елога

Орнамент на вороте мужской рубахи, д. Елога

Орнамент на женской рубахе, д. Елога

Пояса и опояски, д. Миронова

Женский пояс, с. Юм

Мужской пояс, д. Елога

Растение омег

Река Лопва

Глава IV

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ

В разделе помещены образцы юрлинского фольклора, как прозаического, так и поэтического, помимо обрядового фольклора и несказочной прозы (обрядовый фольклор в основном включён в соответствующие разделы обрядовой традиции, а былички о мифологических персонажах помещены в раздел, где рассмотрена народная мистика).

Сказочную традицию в крае характеризует в целом неплохая сохранность, хотя зафиксированные тексты представляют по большей части трансформации или варианты известных сказочных сюжетов, в том числе и литературных. Заметно развита традиция бывальщин, шутливо-анекдотических историй, часто эротического характера.

Песенная традиция в крае весьма разнообразна. В разделе помещены игровые и хороводные песни, песни солдатские, казацкие, военные, тюремные, любовные, шуточные и частушки. В основном корпус песен представлен репертуаром известных в крае фольклорных коллективов: ансамбля «Сударушка» (Юрла) и фольклорного ансамбля «Калинушка» (д. Пож), а также от знатока фольклорной традиции края, жительницы д. Миронова Бахматовой А. А. Небольшая подборка частушек – наиболее живучего, динамичного жанра фольклора – даёт представление о характере современной частушки: преобладании среди них плясовых частушек. Тексты многих песен и частушек получены также от Подкиной М. Ф., 1941 г. р., д. Васькова, Чекле-

цовой З. И., 1926 г. р., д. Кукольная, Деткиной М. И., 1928 г. р., д. Келич, Могильниковой М. К. и Братчиковой Г. Л., п. Галечник, от Пикулевой А. Д., Ивановой К. Е., д. Миронова, Бахматовой М. Д., 1927 г. р., с. Юрла, Мельчаковой М. К., 1932 г. р., и Тарасовой Р. Н., 1936 г. р., д. Сенюшова.

НАРОДНАЯ ПРОЗА

Легенда о Персе

«Вот Пера – это по-пожински Перша Пикулев был, там волок был, на нём сосна стояла. На этой сосне он отметку сделал, буквы «Перша Пикулев». Когда землю Строгановым передавали, пожинцы не захотели отдавать. Мерщики ходили с цепью, а Перша такой сильный был, эту цепь перерубил и концы забросил. В лесу, в кварталах, говорят, всё ещё это место есть. Он потом и жил в лесу, не показывался, а жена ему еду туда носила». (Зап. от Гусевой К. П., 1937 г. р., д. Сергеева.)

О Ноевом потопе

«Нам ишло пятьдесят лет Господь Бог отпустил. Когда-то была Ноева потопы, старики рассказывают, утонули сколько тамо, очень много народу. И на корабле один только спасся. Он читал книги и в Бога веровал, и он знал, что потоп-от такого числа будет, где, когда. Он там наложил все продукты, сделал плот и на плоту сделал будочку. Всю тварь собрал с собой, ещё ворона, голубя. Ворон де летел далёко, летел и прилетел обратно на этот корабль, значит, земля нету. Поплыли они снова. Вода стала больше: дожди пошли, вода стала прибывать-прибывать, они стали подниматься. Все люди утонули, а он остался на корабле со своей семьёй. Он потом тожно уплыл далёко,

голубя отпустил: «Ну-ко, голубь, близко ли земля?» Первым ворона-то отпустил, ворон прилетал обратно, а тожно второй раз ворон не вернулся, значит, земля близко. Голубя отпустил, тот улетел и обратно вернулся, значит, земля недалёко. И его на большую косогору здесь где-то приколотило. Всё разводить там стали, жить стали». (Зап. в д. Ефремова, от Суворовой А. И., 1932 г. р.)

Были Адам и Ева

Были Адам и Ева. Они жили у Господа Бога в раю. Пили, ели райскую пищу они. Сели под кусточек, к ним подкрался чёрт несчастный, сам злосчастный, он их стал соблазнять на сатонинскую веру, у него-то тоже вера, вера зла. Она злая и лукавая. Тут и Ева-то благодарит, говорит она Адаму: «Да, ты Адамий, Адамий, давай съедим с куста, сорвём яблоко, сорвём яблоко и съедим. Тожно сами будем боги». Вот сорвали яблоко и съели, и греха-то сотворили: оказались нагие, стали друг друга стыдиться, Господа Бога бояться. Да Господь идёт по раю. «Дак, Господь, мы ведь здесь нагие. Отчего стали нагие? Мы сорвали с куста яблок, съели. Со проклятого дерева съели и греха-то сотворили. – «Вы за это запросто будете трудиться: будете шить рубашки, шить рубашки из травы да из листьев. Они стали шить рубашки. Они сшили, принадлеи, а Господь-то Бог идёт по раю: «Где же, где же здесь да Адамий?» – «Господь Бог, мы ведь здесь, Адам с Адамею». – «Будешь ты из рая выгнанный, на свою на трудну землю, будешь ты в поту трудиться, будешь землю нарывати и будешь землю присевати. Да твоя-то жена Ева будет боли принимати, будет крови проливати, во пелёночках пеленати, на белых грудях питати». Тут Адам заплакал, его Ева разговаривает: «Ты не плачь, не плачь, Адамий, мы с тобой будем трудиться на своей на трудной земле, будем землю нарывати, будем хлеба присевати. Нам от Бога милосердного мы посеём-то маленько. Господь Бог нам даёт давненько. Мы господнего накормим, напоим его, накормим, а нагого мы

обуем и оденем. Мы де хворого зачуем, мы с тобой его дозорим да светлой водой умоем. Господь Бог даст полегче. А мы мёртвого зачуем, и с тобой его отмоем. И обмоём, и снарядим, мы с тобой его проводим до Божьей церкви. Попы будут отпевати, грудь песочком посыпати. А от Божьей от церкви по пути его проводим по пути да по дорожке до широкой до ямы, до глубокой до могилы. В могилушку опустим тело белое. Жилы – на съеденье, кости белые – на предание. Да землёй его зароем, да дёрном-то окладим же, скажем вечной памяти: «Аллилуйя». (Зап. от Мазеиной А. Ф., с. Юм; сказ нередко исполнялся на поминках.)

Сказки

Про Ваню Полешко

«Когда-тоя жили старик со старухой, у их дети не были. Ну, взяли они полешко. Стали тесать и вытесали из полешка парня, Ванькой назвали. Ванька стал ходить и всё делать. А старики – чё? Радёхоньки стали, что, видишь, у нас Ванька появился. Ваньку стали везде уважать. Ванька любит, чисто всё в доме помогает. А тут речка недалёко, а на том берегу жила Баба-Яга, три дочери у её были. И вот они заманили парня: «Давай, ты иди сюда, к нам, мы тебя блинами, шаньгами накормим, иди сюды». А тятя парню говорит: «За речку не ходи, там Баба-Яга живёт». А что потом? Он все равно уехал, Ванька. Лодку сделали старики, чтоб Ваньке ездить на лодке, рыбачить. Он уехал на лодке, а они его подманили, девки-дочери. А Баба-Яга говорит: «Я приду с работы, вы мне его поджарьте!» Очередну оставили дочь одну дома. Дочь здесь осталась, согласилась. Печку истопила жарко и говорит: «Давай садись на лопату! Я тебя поджарю, мамка так велела!» – «Ну, как я сяду? Как я сяду? Я ни разу на лопате не сидел! Как я сяду? Я не могу сесть!» А та и говорит, девка-то: «Ну, вот так да вот так!» – «Ну-ка, ты покажи, как

сесть-то!» Она села, ножки скорчила. Он её в печку – раз! – толкнул, заслонку закрыл, подпором подпёр – всё, девка испеклася. Мать приходит с работы, а на столе мясо. А он в подпол полез и сидит там, под полом-то. Ага, девки две пришли с ей, с матерью, третья девка где-то нету. Куды-то убежала, наверно. Ну, убежала – убежала. Они едят, нажрались мясом-то и валяются на полу: «Покататься бы, поваляться бы на Ванькиных-то косточках!» А он там в голбце кричит: «Покатайся, бл..дь, поваляйся, бл..дь, на дочериных-то косточках!» – «Ух, он, – говорят, – он дочерь-то у нас испёк!» Ладно, завтра оставляют другую: «Ты сильнее, ты его испеки!» – «Испеку!» Опять так же испекла. На третий раз уже – третью дочь. Так же повторилося всё. Всех сожрала сама Баба-Яга. Тожно сама осталась. Осталась и говорит: «Сёдня я всё равно пожарчей печку истоплю, его испеку и съем». Печку истопила. Бились-бились, он говорит: «Ну, как я сяду, если я ни разу на лопате не бывал? Ты, бабушка, пожалуйста, сядь сама и покажи мне, и тожно испеки меня – шибко уж тебе охота моё мясо исть!» – «Давай, вот так! – села сама на лопату и говорит, – вот так, вот так укладывай руки!» А у Бабы-Яги когти большие, она не может их укласть. Он и говорит: «Ну-ка, вот так, у меня не войдут». А он деревянный был – надо было тоже руки-ноги скласть ладом. Вот, сделала, только не обрубил, он её только в печку тур и испёк. Жердь приготовил, клин был, чтобы она не могла выбратся. Она кричала-кричала в печке, всё, испеклася. И всё богатство досталось этому Ваньке. Отец приезжают, ищут его: «Где ты, где ты, наш Ванюша?» – «Я Бабу-Ягу уже испёк, вы не бойтесь, и сейчас Бабы-Яга уже не будет, Баба-Яга нету за рекой!» Шшука да елец – там сказке конец!» (Зап. в д. Ефремова, от Суворовой А. И., 1932 г. р.)

Про Коточка и Петушка

Петушок жил, и жил Коточек. Они вместе жили, в деревне. А чё, избушка небольшая была у их, окошки, как у

меня же, на земле были. Петушок дома жил, а Коточек ходил на работу, на охоту, заготавливал исть, промыслял всё. Ну, пошёл и ему наказал: «Ты сѣдня никуда не ходи, а то тебя Лиса скушает, Петушка». Он говорит: «Ладно, нет-нет, не пойду, никого не пушшу». Петушок подчиняется Коточку. Коточек и ушёл со спокойной душой, топор за пояс и пошёл. Ходит там, смышлет, чѣ ему надо. А Лиса всё подслушала, что Коточек ушёл, и кричит: «Петушок, Петушок, золотой гребешок, выгляни в окошко, дам тебе горошку. А там ехали бояре, зерно рассыпали, иди-ко, посмотри-ко!» А тот думает: «Верно там зерно рассыпано». Петушку зерно надо кокать, он как выглянул в окно, а Лиса его цап-царап! И потащила. А он и кричит: «Котик, братик, несѣт меня Лиса во тѣмные леса, за зыбучи болота, за высокую гору, в тѣмную нору, съест меня, отними!» Коточек слышит, что кто-то кричит: «Это Петушок, наверно, Лиса его стащила!» Давай бежать. Топор за пояс и бежит за ём: «Сейчас у Лисы голову отрублю!» Прибежал до дороги, отобрал, исцарапал Лису, Лиса отпустила Петушка. Домой принѣс. Назавтра пошёл, говорит: «Ты уж больше не подходи к окошку даже. Ходи по полу и никуда не ходи! По полу и всё! Он ходит по полу, Петушок: «Ко-ко-ко, ко-ко-ко, ко-ко-ко, ко-ко-ко». А долгой день, Коток ушёл далѣко в этот раз. И вот опять Лиса обманула Петушка: «Петушок, Петушок, там бояре ехали, везли зерно да рассыпали, иди, собирай, я тебя не задену». — «Да ты меня не обманивай, сѣдня я не буду в окошко глядеть!» — «Не задену!» Петушок не идѣт. «Ну, как хочешь! Раз не хочешь, я уйду, не буду больше сидить под окошком, караулить тебя!» А сама в уголок спряталась, быдто как ушла. Петушок поглядел-поглядел с того месту, с другого месту, выглядывать стал на окошко: «Ку-ка-ре-ку!» — зрявкал. А Лиса — раз и поймала опять, поймала, потащила. Петушок так кричит, так кричит: «Котик, братик! Отыми меня, Лиса-та меня ташшит!» Котик учул, где-то кричит Петушок, и бежать, бежал-бежал, устал. А Лиса Петушка уж в нору затащила, он вовсе на пласту лежит, жалобно здышет. Лиса чигунку поставила на печку, уже варить хотела, а Петушок

лежит, уже плохо разговариват: «А! А!» Только уже больше ничѣ у него уже нету, сил нету. Только «А!» да «А!» А потом чѣ? Коточек забежал, Петушка сгрѣб, Лисичу давай царапать: «Я тебя счас саму сварю!» Лисица выскочила из норы, а там уж собаки были, они учули, что кричит уж шибко Петушок. Вот, Лису за хвост и разорвали. А Коточек Петушка взял и домой пришѣл. Сейчас вместе живут! А у их под окном-то — озеро, а в озере-то — щука да елец, а кто слушал, молодец! А ишо в озере — щука да рак, кто не слушал, тот дурак! (Зап. в д. Ефремова, от Суворовой А. И., 1932 г. р.)

Про Курочку Рябу

Жили-были старик со старушкой. У их детей не было. Дети не были, бездетные были. И вот они говорят: «Ну, что, где-то надо всё равно нам ребѣнка какого-то!» Старушка: «Я уже робить не могу, посуду помыть, в избе подмести!» Вот оне взяли Курочку Рябу. Видно, какая-та старушка принесла: «Вот, Курочка Ряба. Я вам дам». Ну, оне Курочку Рябу взяли. А как оне уйдут с дому-то, Курочка Ряба превращалась в девочку. Потом тожно хозяйка со стариком придут домой, у них везде всё прибраное, на столе уже ужин готовый. Они своим глазам не верят: «Как это?» Курочка на окошечке сидит, их дожидается: «Ко-ко-ко-ко-ко, ко-ко-ко!» — радуется им, старикам. Старуха и спрашивает: «Ну, как ты смогла сделать это? Как ты всё делала?» А она отвечает: «Ко-ко-ко-ко-ко, ко-ко-ко, ко-ко!» Назавтре опять идут. Вот думает старуха: «Дай-ко я подкараулю, узнаю, как она чѣ». И вот она её подкараулила. В шилочку глядит, а эта вышла середь полу — фырк сделала, и пѣрышки все отпали, так, шкуркой всё. И она в девочку, такую красавицу превратилась. «Вот ведь у нас какая радость-то дома!» — старику сказывают старуха. А эта девочка тожно говорит: «А почему ты, бабушка в шилочку глядела? Вон ведь де как неплохо всё было, я, — говорит, — ведь заболела. Болеть буду, если ишо будешь глядеть. Ты поно-

рови маленько, больше не гляди. Я сама превращусь потом, когда мне срок зайдёт. Я де заколдованная, когда мне срок пройдёт, я превращусь назад». А научили старуху: «Ты-де её поцелуй!» Она её поцеловала, старуха-та, старик поцеловал, и курочка в девочку превратилась. И до сих пор они живут. Всё старушку слушают. (Зап. в д. Ефремова, от Суворовой А. И., 1932 г. р.)

Старик и рыбка

Жили-были старик со старухой, они долго жили вместе, тридцать годов. Жили у самого синего моря. Старик ловил рыбу, а старушка пряжу пряла. И вот пошёл старик рыбу ловить. Пришёл к синему морю. Один раз закинул, второй закинул, третий раз закинул – попала ему вот такая вот рыбина. Видела её! «Не лови меня, дедушка! Не бери меня с собой, оставь меня в море! Я тебя выкуплю!» Вот старик-от пришёл домой и говорит: «Старуха, я сёдня поймал вот такушшую рыбину, большущую. Она с меня просила выкуп. А чё, какой выкуп-от?» – «Ты, старик, ты, старик, дурак ты, дурак! Пошто ты рыбу-то не взял? Ты бы хоть выкуп от неё взял!» – «А выкуп-то какой?» – «Ты гляди, у нас корыто сломанное! Ты бы хоть новое корыто попросил!» – «Ладно, старуха, пойду я попрошу корыто!» Вот пришёл старик и просит снова у рыбки: «Чё, моя старуха меня заругала, что я тебя не поймал, рыбу-ту! Смилуйся, матушка-рыбка, дай мне новое корыто!» Дала. А старуха и говорит: «Дай нам новую избу!» Вот он вторично пошёл к рыбке, опять, она выплыла: «Что тебе надобно?» – «Моя старуха совсем разбесилась, не хочет жить у меня в старой избе, хочет просить, чтоб я, мол, жила в новой избе!» – «Иди домой, будет вам новая хата!» Старик приходит, а там уже старушка сидит, пряжу прядёт перед своей новой хатой. Потом старухе ишло мало: «Я не хочу жить в этой хате, хочу быть царицей! Чтоб передо мной слуги ходили!» – «Ладно!» Пришёл старик опять к морю синему. В море синее приплыла к нему рыбка: «Чего тебе надо,

старче?» – «Моя-то старуха совсем с ума сошла, не хочет жить со мной в этой хате, хочет в хоромах жить при царских, чтоб перед ней слуги ходили!» Потом много-много раз рыбка приходила. «Хочу, чтоб рыбка в служанках ходила!» Рыбка хвостом махнула и отплыла. Старик приходит: перед ним – разбитое корыто и старая избушка. (Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья.)

Лень да Отень

Лежат Лень да Отень в малиннике. Лень и говорит: «Вот бы упала бы мне в рот ягодка, я бы её съела». Отень долго молчала, а потом произнесла: «Лень ты, Лень, как тебе и баять-то не лень?» (Зап. от Гусевой К. П., 1937 г. р., д. Сергеева.)

Солдатская помощь

Шёл солдат с фронта с рюкзаком. Зашёл в одну деревушку, видит, вся деревня корову на баню вздымают. Он глядел, глядел на их, подошёл: «Чё вы тут делаете?» – «Да вот, на бане трава выросла, не знаем, как убрать. Пускай корова съест». Он сходил, где-то литовку нашёл, полез, выкосил траву: «Вот чё надо делать». Ладно, сейчас пойдём за стол, будем кушать. Зашли, а он не идёт, ждёт, когда позовут. Ждал-ждал, время уж полдень, вечер близко, они вместе обедают, сидят. Заходит, смотрит – они одной ложкой едят. Один хлебнёт и ложку на полати бросит. Кому надо есть, лезет за ложкой, потом другой. Вся деревня много ли наест одной ложкой. У их вовсе из чашки не убывает. Он достал, в рюкзаке у его были ложки, нате, возьмите, не ешьте вы одной ложкой... (Зап. от Найдановой М. К., 1933 г. р., д. Носкова.)

С того свету выходец...

Шёл солдат со службы, зашёл в деревню, попросился к старухе ночевать. Старуха его пустила, напоила, накормила. Наутро он дальше пошёл. Спрашивает у старухи: «Бабушка, нету ли у тебя аршин холста? Я – молодец, с того свету выходец. У тебя там сын, он весь обносился, я отнесу ему этот холст». Старуха отрезала ему холст, солдат ушёл с холстом. Потом она людям сказывала: «Вот, шёл де солдат, молодец, с того свету выходец, попросил холст. Твой де сын там овец пасёт, весь обносился, просит, чтобы я послала ему холст на штаны».

Скоро сын приходит домой из армии. «А как ты домой попал? Я тебе ведь на тот свет холст послала, получал его, нет?» – «Какая ты глупая. Я ведь не был на том свете, я в армии служил. Пожил он сколько-то с матерью, говорит: «Ну, вот ты холст отдала. Пойду я по свету, может, чё-то где-то найду». Вот едет на лошаде, видит, барыня стоит на крылечке, улыбается: «Куда, добрый молодец, поехал?» – «А поехал – наша свинья замуж идет, вашу свинью в гости зовёт». А она уж не улыбается, а свинью караулит, с поросятами. «А когда свадьба?» – «Да вот завтра. Давай, погрузим свинью с поросятами. Наша свинья пестра – вашей свинье сестра». Погрузили свинью, поросят, он и поехал. Хозяин у барыни пришёл домой, спрашивает: «Где свинья?» – «Вот, приезжал молодец. Ихняя свинья замуж идёт, нашу в гости зовёт. Я и отправила на свадьбу». Ну, он на лошадь сел и за мужиком. А мужик-от услышал, что за им гонятся, лошадь в лес загнал. Сам сел у пенёчка, шапку положил на пенёчек, и сидит. Мужик у барыни подъезжает, спрашивает: «Не видел, молодец не проезжал со свиньёй?» – «Да проехал, видел». – «Куда?» – «Вам не догнать, моя лошадь быстрее. Вы сядьте, покараульте шапку, только не берите, там у меня сидит птичка, под шапкой-то, пока я подъеду». Мужик сидел, сидел, а солдат, значит, обманул всех, свинью домой вместо холста привёл. (Зап. в д. Осинка.)

Репка

Вот дед на голубнице сажал репу. Выросла репа большая-пребольшая. Начал старик её рвать. Старуху позвал. Старуха за старика, рвали, рвали – вырвать не могут. Позвали внучку. Дед за репу, бабка за дедка, внучка за бабу, рвали – не могут вырвать. Позвали собачку Жучку. Бабка за дедка, дедко за репку, внучка за бабу, Жучка за внучку – не могут вырвать. Позвали кошку. Бабка за дедка, дедко за репку, внучка за бабу, Жучка за внучку, кыска за Жучку – не могут вырвать. Позвали мышку. Мышка подъела корень – вот тогда и вырвали. (Зап. от Першиной Е. Д., 1937 г. р., д. Таволожанка.)

Про кузнеца и молодую жену

Кузнец был молодой, ух какой славный, баской кузнец, ух; куёт там всё-всё: и подковы, и плуги – всё делает. А один тут сосед у кузнеца женился, взял молодую да красивую. Жена такая баская, кудрявая, работающая, ох, какая хорошая!

Жена как-то по воду пошла, кузнец у ворот стоит. Она воду черпат, а он: «Кха-кха». Она ничё не поняла, воду начерпала, домой. Спрашивает у мужика своёва: «Тамо кузнец, сосед, я воду черпаю, он давай кашлеть». Мужик-от понял, чё к чему, научил жену: «Другой раз пойдёшь, он скашлят – ты тоже кашлей». Так и сделали. Пошла по воду, мужик дома не был, кузнец увидел её и кашлят: «Кха-кха». Она ему то же самое: «Кха-кха». Он и понял, пошёл за ей.

Вот он к ей и пришёл, к жене. «А чё ты пришёл, Гришенька, у меня ведь хозяин дома нетука». – «Нету, дак и не надо. Мы с тобой посидим да поговорим». Ну, она это, на стол собирать. Угошшат его, брагу подаёт. Угостился, то да сё, она угошшат, чтоб дольше посидел. А тут уж её мужик обворачивается – забыл де взять с собой пешшорку с обедом. «А чё ты, кузнец, здесь делаешь?» – «Да я так пришёл», – кузнец испугался. «Чё ты пришел, хозяин нету

дома, а ты к моей жене пришёл? Всё, никуда ты отсюда не пойдёшь. Если хочешь, чтобы в деревне никто про тебя не узнал, сейчас ты у меня будешь заспу на шти толкчи – шти надо хлебать (шти раньше варили из ячменя). Принёс ему мешок ячмень, ступу, пест кованый: «Толки. Если не истолкёшь мешок ячмень, я тебя продам на всю деревню, что ты к молодой жене у меня пришёл. А истолкёшь – никому не скажу, прошу». Вот кузнец и толкёт. Всю ночь толкёт. Уж светат. «Ну чё, – говорит, – отпусти, там с ведро уж осталось». – «Нет, толки до конца». Толкёт. Тут уж день стал, светло, ушёл кузнец. А баба его спрашивает: «Ты чё, пошто дома не ночевал?» – «Дак к друзьям ушёл да записывал, уснул тамо». – «Ну, ладно», – хозяйка поверила.

Потом спустя время жена снова по воду пошла. А мужик-от её научил: «Ты увидишь его, скоря кашлей. Ну-ко, чё он тебе ответит». Ну, она пошла, черпнула воду – он стоит, смотрит, а не кашляет. Тогда она сама закашляла: «Кха-кха». Кузнец-от услышал и говорит: «Чё, сотона, все шти выхлебали что ли?» На этом у их и дружбе конец. (Зап. в д. Ефремова от Суворовой А. И., 1932 г. р.)

О Кате и соловье

Девушка была одна, любила парня бедного, а родители у неё были богаты. Так вот и они хотели, чтобы она за богатого вышла. Девушку звали Катя, а его – Рычарди. Она дома не спит, ворочается всячески: кавалера надо. Родители говорят: «Давай-ко мы её на балкон с койкой унесём, там прохладно, пусть слушает пенье соловья, и хорошо спать будет на свежем воздухе». Устроили её на балкон. А она кавалера-то на верёвке подняла, на балкон, и спят спокойно. Утром встают родители и говорят: «Пойдём, посмотрим, как наша дочь спит». Заходят, а они голые лежат. И она поймалась за место-то, и так и спят. Отец говорит: «О, наша Катерина хорошо сегодня ночевала, не то, что слышала пенье соловья, а в руку его поймала» (Зап. от Чеклецовых, д. Кукольная.)

Сказка для молодёжи

Три мужика жили, три соседа были. Вот одному сосед говорит: «Ты, – говорит, – знаешь, что у тебя хозяйка гуляет – не гуляет?» – «Не слыхал! У меня хозяйка хорошая!» Второй ему то же говорит. Потом говорят: «Пойдёмте на охоту дня на два-три, раз они хорошие, пойдём на охоту». Пошли на охоту, а тут дождь, всё перемокло, спички перемокли, а раньше плащей не было. Они идут с ружьями, всё перемокло, огонь зажигать нечем. Ночь пристигла их в лесу. Потом увидели далеко-далёко огонь. Послали которого помоложе: «Иди, сбегай!» Он пришёл – там старик седой, большой, здоровый сидит у костра, костёр большой горит. «Дедушко, дай нам огонь, мы там тоже расположились, у нас костёр, всё наложено, а спички замокли». – «А ты вот Расскажи, сынок, у тебя жена гуляет, не гуляет». – «Да ну, не должно быть, я не знаю!» – «Ну вот, Расскажи!» – «Нет, не гуляет!» – «Не дам огонь! Убирайся! Не дам огонь, не сказывашь про свою хозяйку!» А он, видно, нехороший был, не сказал, не признался, что у него хозяйка хорошая. Второго послали. «У тебя жена не гуляет?» – «Нет, у меня жена хорошая! Я её дома оставил!» – «Убирайся, не дам огонь!» Третьего послали. Третий и говорит: «Что у меня жена? Я ведь в душу ей не лажу! Хороша или плохая? Я не знаю, чё она там делает без меня». – «Вот, молодец! Ты всё-таки справедливо говоришь! Дам я тебе огонь!» И говорит: «Завтра пойдём вместе, я покажу тебе историю».

Поночевали, старик уже утром к имя подошёл и всех забирает с собой. В деревню идут, подходят к этому дому, которой говорил, что баба хорошая у меня, а этого мужика превратил в барана. Старик говорит: «Пусти де меня ночевать!» Пустила эта хозяйка. А там мужикам он сделал лица, что не узнала их хозяйка, что мужики деревенские. «Дак чё, ходили-ходили, заблуждали да все перемокли! Да барашек с собой». – «В конюшню запрячь!» – «Нет, мы его с собой берём, где ночуем сами!» Под порог барана привязали. Сама лежит на койке, её дружок уже здесь валяется – они ночью пришли дак. Поглядел, баран-от: «Ме-е!» Сер-

дится. «Чужой, – говорит – с бабой спит!» Он рогами как кырснет! А она полено взяла: «Какого барана привели?» Как даст барана по рогам-то, кровь побежала. Ладно. Старик говорит: «Не трогай, зачем ты барашка у нас бьёшь, ведь он хороший барашек!» Он взял, превратил мужика в самого мужика: «Ты чё, кого била-то, барана де била – вот баран стал мужиком!»

Мужик баню заставил топить. Мужик бабу стал парить. А как парить? А старик научил его: «Ты баню жарко испи, а есть трава татарник, такая высокая, цветок у неё розовый, розовый, как у шипицы». А взять-то её нельзя, траву, как кактус. Она баню истопила. Он: «Пойдём в баню, которой грех надо смыть с тебя». Он рукавички взял, татарника много набрал. И татарником стал парить: «Будеешь, нет? Будеешь, нет?» Она покаялась: «Больше так делать не буду!» А мужика-то не отпарил, мужик сорвался, убежал. Вот, чтобы такое дело до вас не дошло, а то татарником отпарят! (Зап. от Суворовой А. И., 1932 г. р., д. Ефремова.)

Золотая пяточка

Зять ко теще в гости приехал. А спать их на полати положили. Ну, он поиграл с бабой со своей, спят. А в полатах-ту шиль была, он как-то повернулся, у его и повешался в шиль-ту. Ну, теща идёт, думает, у ребёнка нога свисалась. «У, матушка, золота моя пяточка!» – и поцеловала. Мужик от проснулся: «О, теща у меня целует!» Так мужика и прозвали «Золотая пяточка». (Зап. от Мелешкиной А. Г., 1925 г. р., д. Чужья.)

МАЛЫЕ ЖАНРЫ

Пословицы, прибаутки

Местную речь отличает разнообразие выразительных средств, в том числе активное использование метких и образных речений, за которыми нередко стоят устойчивые местные культурные реалии. Так, выражение «*дорогой сырчик к Петрову дню*», имеющее примерно тот же смысл, что и выражение «*дорого яичко ко Христову дню*», отражает местное обыкновение готовить к Петрову дню особое творожное изделие – сырчик. Выражение «*найдётся по чёрту клобок, по Сеньке шапка*» о дружбе, связи в чём-то сходных людей, по словам местных жителей, мотивировано тем, что в старину здесь «носили какие-то клобуки на головах. Вот и говорят – найдётся-де по чёрту клобок, по Сеньке шапка» (Таволожанка). В других выражениях фигурируют сугубо местные слова: «*И в постный день поп колтыш пьёт*». Выражение шутливо комментирует относительность понятия праведности (слово *колтыш*, вероятно, от коми-пермяцкого *кольть кыш*, обозначает яичную скорлупу).

Многие местные выражения не имеют общеизвестных аналогов. Выражение «*липа всяко лист стелет*» (Балда), например, характеризует сложность жизни, разнообразие жизненных коллизий: «*Приехал один свататься, а сам уж женатый был. Липа ведь всяко лист стелет, всяко бывает, вот и надо отказываться*». Выражение «*артельный скот солому мнёт*» шутливо характеризует быстроту любого действия, которое выполняет человек не один, а вместе с другими (ср. также – «*у одного и каша во рту выстыла*»). Другие представляют любопытные варианты. Так, вместо распространённого в Прикамье выражения о переменчивости осенней погоды «*осень на семере ездит*» в Юрлинском крае говорят – «*осенью погода на семи подводах*».

Тематически разнообразие местного пословично-поговорочного материала может быть представлено в группах вы-

ражений о браке (*Крещение – девушкам решение, хороший жених – петушок-раностав, подольше в девках – покороचे в бабах, замужество – не красота, а только сердцу сухота, взамуж идти – по страшну рожу, по большу пузу*); в суждениях о времени, судьбе и жизни: *жизнь не верёвочкой связано, у Бога дни не с решето* (т. е. жизнь ограничена), *не столько смертей, сколько болезней* (о необходимости в болезни сохранять оптимизм), *жили не люди и умрём не покойники, день ото дня – к смерти поближе, годы не уроды, за годом – за морем*. Выражения «*чёрт силён, да воли нет*» и «*крест да молитва – всему голова*» подчёркивают характер религиозного сознания обитателей края.

(Помещённые в разделе пословицы и поговорки записаны Бахматовым А. А. от жителей д. Ананькина: Бахматова А. Е., 1893 г. р., Бахматовой Е. Е., 1894 г. р., Мелехиной А. Е., 1914 г. р.; д. Миронова: Бахматовой А. А., 1914 г. р., Суворова Т. Ф., 1898 г. р.; д. Лопва: Штейниковой О. Е., 1905 г. р., Штейникова П. Е., 1909 г. р., с 1971 по 2003 г.)

О браке и семье

Жениться – не в крапиву ср...ть садиться.

Гонись не за басиной, а за умом-разумом.

Ближняя невеста – с зарокотом, дальняя – с двумя, да тремя.

Кто выбирается, тому задняя нога попадает.

Какие ласки, такие и глазки.

Нет ребят, так и старикам рад.

О ремесле

Не клин да не мох, плотник бы сдох.

О судьбе

Счастливый – к обеду, злосчастный – к обуху.

Век правдой не проживёшь, где-нибудь да скриульнёшь.

С радости кудри выются, со кручинушки – секутся (выпадают).

О предусмотрительности

Что припасёшь, то и потрясёшь.

Будет день, будет и пища.

О наследственности

Каков дом, таков и тын.

Каков отец, таков и сын.

Какие сами, такие и сани.

Свинья гуся не родит.

О добре и зле

При худе худо, без худа ещё хуже.

Не двум добрам место.

Об умеренности

Сладок мёд, да не горстью в рот.

О своём и чужом

Девки – чужие детки.

В своей голове ума нет, так в чужой не займёшь.

Своя изба – молчанка, чужая – ворчанка.

Поговорки

Поговорки затрагивают самые разные темы. Шутливые оценки старости высказаны в выражениях: *«Когда смерть придёт, не знаю, жду, ожидаю», «Старость – не радость», «Сиди на печке, грей сердечко»*. Иронические характеристики родни даны в коротких фразах типа *«кум – большой ум», «сватья – залупай платье», «зять – нечего взять»*. О беспокойстве скажут: *«бьётся как муха в ухе», «то тебе недосуг, то я на сук»*. Некоторые темы местными поговорками разработаны особенно детально.

О замужестве и браке

То ли сеять, то ли жать, то ли замуж убежать.

Баска да слизка (говорится о красивой, но не лишённой недостатков девушке).

Не дыши тяжело, не отдадим далеко, хоть за Лыска да близко.

Тот же назём, да с издале привезён.

Невеста по нам, а если не по нам, то «гортэ мунам».

Запрягайте дровни – едьте ко своей ровне (ответ сватам при отказе).

Спереди молодка – сзади сковородка (иронически о неприглядной).

Прильнула к мужику, как муха к сметане.

Не договорила на берегу, а побежала за реку.

Люди парами, а наш вертит шарами (о парне, который долго не женится).

Праздник – баба мужика дразнит.

О застолье

Хороша бражка, да мала чашка.

Пил бы крепко, да подают редко.

Напьемся – со всеми дерёмся, проспимся – свиньи боимся.

Ему подадут, так он, как Алёнушка, пьёт до донышка.

Выпьем – чуху вытрем! (Призыв выпить.)

Девка пьяна, весела, в пагалёшки насяла.

Не мог отбиться, пришлось напиться.

Сладко не досыта, горько не допьяна.

Хлеб на столе, Бог на стене.

Спасибо миру – прокормили зиму.

Лишь бы хлеб был да капуста – вот и вся закуска.

Напекли пирогов, береги, тёща, зубов.

Подзакусим – меньше трусим.

Вставай с постели, пироги горячие поспели.

Зубы – на спичку, глаза – на вичку (т. е. когда нечего есть).

Гостьба

Богатых с крыльца провожают, чтоб не упали, а бедных, чтоб не украли.

Пришли гости – соликамских две Федосьи (иронически о малозначимых гостях).

Поехали – за орехами.

Ждём тебя как Христов день.

Хошь не хошь, а поезжай в Пож.

Лобаново село сыздаде весело.

Шёл бы дале, да лишь бы дали.

Хорошая висть, в избу влизь.

Спасибо на фатере, на тёплой постеле.

О недостатках

У неё в голове, как у петуха в заднице (о глупом).

Щёголь моду не теряет, в чём попало щеголяет.

С горя да с печали поравнялась шея с плечами (о растолстевшем).

Я – Леонтьева из Сулаю, хочу – работаю, хочу – гуляю.

С тобой баять – язык маять (о том, кто непонятлив).

Дружба – таракан да жужга.

Прибаутки

Чё им от меня надо: ступу, лопату или корову рогату?

Севастьян не узнал своих крестьян.

Хотела в рай, да, видно, задницей о край.

Хозяин как хочет, так и ворочат.

Не торопись – не шаньги исть!

Таракан – не поган, муха – от святого духа.

С плеч да в печь (об отсутствии запаса дров).

Тимошка – на подможку.

Уйди с дороги, кривые ноги.

Не ленись – подтянись.

Заяц косой, не ходи бороздой, ходи тропочкой, верти ж...почкой!

Мишка-медвидь, пойдём рюшек давить!

Посадили кузнеца на доску, повезли в Москву, разбивать тоску.

Из семи аршин дубас – это вылюдые у нас, а из трёх аршин – нет морщин.

Загадки

Был я на копанце, был я на хлопанце,

Был на пожаре, был на базаре.

Молод был – люди кормили,

Стар стал – пеленаться стал.

(Кринка, горшок.)

Утка в море, хвост на угоре.

(Ковш.)

Сам худ, голова с пуд

(Молоток.)

Хожу на голове, хотя и на ногах, хожу я босиком, хотя и в сапогах.

(Гвоздь в подошве сапога.)

Его бьют, он не плачет, только ножку прячет.
(Гвоздь.)

Залезла Варвара выше амбара, не ест, не пьёт, глядит в небосвод.
(Труба.)

Маленький, горбатенький, всё поле проскакал, домой прибежал и целый год пролежал.
(Серп.)

На улице рогато, в избе комоло.
(Угол сруба.)

Крылья есть, а не летает, ног нет, а не догонишь.
(Рыба.)

Что в сундук не закроешь?
(Солнце.)

За двором, двором стоит блюдо с молоком.
(Месяц.)

Бежит волчок, вырванный бочок.
(Залавочек – посудный шкаф в виде лавки на кухне.)

В избе пильчики-пильчики, на улице хлопоты-хлопоты.
(Стирка в корыте и полоскание белья на реке с валиком.)

Поля стеклянные, межи деревянные.
(Застеклённая рама.)

Стоит дуб, на дубу клуб, на клубу семь дыр.
(Человек.)

Сверху голо, внутри лохмато.
(Тулуп.)

Гостя идёт – яички несёт.
(Курица.)

Четыре сестрички в одну утку глядят.
(Корову доят.)

Пойду на гору-горушку, заколю тёлушку.
Кожу брошу, мясо брошу, только сальце одно съем.
(Березовый сок собирают.)

Стоит на обочине дороги старикашка одноногий.
Кто его касается, за каждого цепляется.
(Репей.)

За стеной спит барашек молодой.
(Ребёночек.)

Как у нас, так и у вас поросёночек завяз.
(Мох между бревен избы.)

Сквозь стены прошла.
(Супонь.)

Под гору тихонько, а в гору бегом.
(Сопли под носом.)

Возьму хохлушу, запихну голушу.
(Варежку надевают.)

Круг поля вожжи хватает, вокруг себя не хватает.
(Глаза.)

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР

В разделе представлен прежде всего традиционный репертуар: игровые, хороводные, плясовые песни. Большое место занимают песни любовного содержания, песни военной поры. Включены в раздел и песни самодеятельных авторов, широко популярные среди юрлинцев – «Вальс о Юрле» (слова В. Бартова, музыка А. Овчинникова) и «Песня о Елоге» (слова и музыка В. Копытова).

Вальс о Юрле

От взора укрыто лесными холмами,
 Как птицы таёжной гнездо,
 В низине туманной, над тихою речкой
 Раскинулось наше село.
 Шагают вдоль улиц дома-новостройки,
 Заняты люди трудом.
 Guestы долгожданных приветливо встретят
 Улыбкой, душевным теплом.

Припев:

Юрла, Юрла – край уральский,
 В душистой сирени окно.
 Где б мы ни жили, тебя не забудем,
 России простое село.

В суровое время, години лихие,
 Здесь не было жарких боёв.
 Но всех поимённо всегда в селе помнят
 Погибших своих земляков.
 На площади, в центре, у старого сквера
 В молчании скорбном стоит
 Защитник-солдат, символ памяти павшим,
 Истории веи хранит.

Припев.

Когда после жаркого дня трудового
 Утихнет родное село,
 Под трель соловья от вечерней прохлады
 Укроют туманы его.
 Пылают зарницей короткие ночи
 Летней, цветущей порой.
 До утренней зорьки влюблённые пары
 Гуляют за Лопвой-рекой.

Припев.

Песня о Елоге

Задумал старый прадед в тайге избу поставить
 И выстроить деревню, какую – не видать,
 Но только после дел своих труднее оказалось
 Название какое-либо той деревне дать.

Припев:

Объехал он весь свет, нигде названий нет.
 Обрато привела его дорога
 В еловые лога, где дом родной стоял.
 И он назвал деревню ту Елога.

И вот растёт деревня, как прадед мой задумал.
 Домов в ней стало столько, что в раз не сосчитать!
 Но только вот название, ну, странное какое-то,
 В какой энциклопедии его нам отыскать?

Припев:

Листаем мы словарь, похожий на букварь,
 И разных в нём названий очень много.
 Нашли мы и «луга», нашли мы и «лога»,
 Но не нашли название «Елога».

Загадка та простая, что нечего скрывать.
 Поможет тут природа её нам разгадать.
 Сходите за деревню, узнаете тогда,
 Откуда прадед слово то придумал в те года.

Припев:

А за деревней той красивый лес густой,
 Берёз, зелёных елей очень много.
 Еловые лога, еловые лога!
 Отсюда и название «Елога».

Да, е-хе, она спит, не спит, да, е-хе, свёкор-батюшко, идёт,
Да, е-хе, шёлковой плёткой трясёт,
Да, е-хе, принатряхивает, да, э-хе, приговаривает,

Как у Саши, у Саши, как у Саши, у Саши,
Разгорелось лицо, разгорелось лицо,
Хай, лю-ли, вот лицо разгорелось горячо.
Как шипичный алый цвет, не скосить, не сорвать,
Не скосить, не сорвать, его серпом не сожать.
Подарил милой кольцо. Я не знаю, куда деть.
Если на руку надеть, будет мамонька бранить,
В коробейку положить — будет миленький тужить.
Пойду с горя на реку, брошу кольцо во реку.
«Ты тони, кольцо, до дна, я у милого одна,
Я у милого одна ненаглядная была.
Хай, лю-ли, вот была, хай, лю-ли, вот была».
(Зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р., с. Юрла.)

Ты ле, вдовка, ле, вдовка моя

Ты ле, вдовка, ле, вдовка моя, слышно, вдовушка
прибраниват меня.
Ты, голытьба, голытьба моя, у голытьбы ни скота,
ни живота.
У голытьбы ни скота, ни живота, у голытьбы
есть ограда широка.
У ограды столбы точёные, вервеюшки подзолоченные.
Ворота были из чистого стекла, подворотинка —
из злата-серебра.
Под воротинкой сырой камень лежит, из-под камешка
быстра река бежит.
По той речушке гоголюшка плывёт, выше бережка
головушку несёт.
Выше бережка головушку несёт, выше леса крылья
взмахивает.
Да вот бежит, бежит удалый молодец, он тетивушку
подергивает.
Он тетивушку подергивает да калену стрелу
направляет:
«Да ты лети, лети, каленая стрела, выше леса,
выше тёмного,
Да выше садика зелёного».
(Зап. от Чеклецово́й З. И., 1926 г. р., д. Кукольная.)

Не велят Марше за реченьку ходить

Не велят Марше за реченьку, вот за реченьку ходить,
вот ходить.
Не велят Марше молодчика, вот молодчика любить,
вот любить.
Молодой парень-любитель, вот любитель дорогой,
дорогой,
Он не чувствует любви, вот любви никакой.
Какова любовь на свете хороша, хороша,
Есть у Марши призаплаканы глаза,

Вот глаза у лебёдки принатёрты, вот принатёрты.
От мила дружка побои, три побоя приняла.
Всё со этих трёх побоев три недели лежала,
На четвёртую неделю выздоравливала,
А на пятую неделю гулять с милым пошла.
Мимо рощи, мимо дома, мимо зелена сада
Пролегла туда дороженька, путь-дороженька торная,
Всё торным она торнёхонька, испробита она до дерна.
Ино кто эту дороженьку торил? Молодой парень
ко девице ходил.
Он ко девице ходил да ходил, много злата,
много серебра сносил.
(Зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р., с. Юрла.)

Посеяли девки лён

Посеяли девки лён, посеяли девки лён,
Девки — лён да девки — лён, живо,
браво девки — лён.
Посеяли под гору, посеяли под гору, под рощицу
зелёну.
Как на этот на лёнок, как на этот на лёнок
Повадился паренёк, повадился паренёк.
Со льна цветы сорывал, со льна цветы сорывал,
В Дунай-речку побросал, в Дунай-речку побросал.
Дунай-речка не примат, Дунай-речка не примат,
Дунай-речка не примат, ко бережку придвигат,
Ко бережку, ко ярку, ко бережку, ко ярку,
Ко серому камешку, ко серому камешку,
Ко жёлтому ко песку, ко жёлтому ко песку.
В сером камне огня нет, в сером камне огня нет.
В своей жене правды нет, в чужой жене правда есть.
Своей жене — лапото́к, лапото́к, чужой жене —
башмачок.
Своя жена — шур и шар, чужа жена — чик и чок.
Своей жене — лещичек, чужой жене — ящичек.
(Бадья, зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р.)

Как на горке, на пригорке тут стоит деревня нова.
Она нова Щеколова, в ней всего четыре дома.
Тут живёт вдова-вдовица, у вдовицы – три девицы.
Одна – Дарья, другая – Марья, третья дочь была
Катюша.
У Катюши – друг Ванюша, часто Ваня к Кате ходит.
Понемногу денег носит: когда рубль, когда полтину,

Утка шла по берегу, серая шла по крутому,
Детонек вела за собою.
«Детоньки, постойте, да малые, обождите,
Я схожу да недалечко, за двор, за дворечко,
За красно крылечко».
Украли у утки утёнка,
Немалого, большого, середнего, меньшого...
(Зап. от Подкиной М. Ф., 1941 г. р., д. Васькова.)
При соответствующих словах играющие «крадут», игра и
песня начинаются снова, когда перекрадут всех «утят».

Всем родным – по поклону, только мамоньке нет.
 Оттого ей нет, рано замуж отдала.
 Рано замуж отдала, не за милого дружка.
 Она обзарила на деньги, на высокие хоромы,
 На высокие хоромы да на медны самовары.
 Сколь я чаю не пила, больше слёз пролила».
 (Зап. Бахматовым А. А. в 1995 г. в д. Лобанова.)

Собирались голубки

Собирались голубки на синее море,
 Умывались голубки из моря водою.
 Утирались голубки травой-муравою.
 Размолоденький мальчишко трёх девчонок любит.
 Любит Сашу во Казани, Машу – во Сибири.
 Манюшеньку-раздушеньку в Нижнем городочке.
 Уж я этим трём девицам куплю по подарку.
 Куплю Саше алу ленту, Маше – голубую.
 Манюшеньке-раздушеньке – золото колечко.
 «Ты носи, Маня, колечко, носи да не хвастай.
 Если будешь похваляться, полно с нами знаться».
 (Зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р., с. Юрла.)

За двором, за двором

За двором, двором, за двором дворечиком,
 Там трава, там трава, там трава расстилалася.
 Здесь вода, здесь вода, вода разливалась.
 «Кто эту воду, кто эту воду, эту воду выпустил,
 Выпустил, выпустил? Был лебедь с лебедушкой.
 Лебедь-от, лебедь-от, лебедь-от Иванушка,
 Белой-от, белой-от, белой-от Степанович.
 Лебёдка, лебёдка, лебёдка Настасьюшка,
 Белая, белая, белая Ивановна».
 Та ровня, та ровня, та ровня сравнялася,

Есть люди, есть люди, есть люди сдивовались.
 Безлюдье, безлюдье, безлюдье рассмеялся.
 (Зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р., с. Юрла.)

Князевья, мы посвататься пришли

- Князевья, мы посвататься пришли, да, молодые,
мы посвататься пришли.
- Князевья, да у нас нет невест, да, молодые,
у нас нет невест.
- Князевья, да у вас есть невест, да, молодые,
у вас есть невест.
- Князевья, да недорослые, князевья, да, перерослые.
- Князевья, вам котора глянется, да, молодые,
вам котора глянется.
- Князевья, да вы позвольте выбирать, молодые,
вы извольте выбирать.

Мы придём да уведём, уведём.
 (Зап. от Ивановой М. Н., 1932 г. р., Митрофановой
 А. С., 1930 г. р., Усть-Зула.)

Как у пана было

Как у пана было, пана, у панских ворот.
 Остров мой, ой, да зелен мой.
 Тут две возыгрывают. Да, остров мой, зелен мой.
 Ино панья со паньей разговаривают.
 Остров мой, да зелен мой.
 Ино панья у паньи спрашивает. Да, остров мой,
да зелен мой.
 «Ино ты, панья, за кого взамуж пойдёшь?»
 Да, остров мой, да зелен мой,
 «Ино я, панья, я за купчика пойду». Остров мой,
да зелен мой.
 «Купец будет продавать, а я денежки считать».
 Остров мой, да зелёный мой.

Ино панья со паньей разговаривают. Да,
 остров мой, да зелёный мой,
 «Ино ты, панья, да за кого взамуж пойдёшь?»
 Да остров мой, да зелен мой.
 «Ино я, панья, за пахаря пойду, пахарь будет
 де пахать, я кокоры собирать».
 «Ино ты, панья, да за кого взамуж пойдёшь?»
 Остров мой, да зелен мой.
 «Ино я, панья, за писаря пойду». Остров мой,
 да зелен мой.
 «Писарь будет де писать, а я чернильницу держать».
 Ходят восемь по парам. Восемь парней ходят навстречу
 восьми девкам. (Зап. от Чеклецово́й З. И., 1926 г. р., д. Ку-
 кольная.)

Как на дубчике голубчики...

Как на дубчике голубчики сидят, меж собою
 разговаривают,
 Ой вы, розы, розы алые мои, меж собою
 разговаривают.
 Меж собою разговаривают, добра молодца
 выхваливают.
 Ходит Ваня, улыбается, на тросточку опирается.
 Ой вы, розы, розы алые мои, на тросточку опирается.
 Его тросточка серебряная, часы новы, подзолочены,
 Голова его кудрявая, походочка смелобравая.
 Ой вы, розы, розы алые мои, походочка смелобравая.
 Много Ванюшка в народе побывал,
 много Ванюшка деньжонок добывал.
 Ой вы, розы, розы алые мои,
 много Ванюшка деньжонок добывал,
 Из неволюшки сироток выкупал.
 Ой вы, розы, розы алые мои, из неволюшки
 сироток выкупал.
 (Зап. от Мазеиной А. Ф., 1923 г. р., с. Юм.)

Солдатские и казацкие песни

На возморье мы стояли

На возморье мы стояли, на германском берегу.
 На возморье мы смотрели, как волнуется волна.
 Не с моря туман поднялся, сильный дождичек пролил.
 Из-за этого тумана враг-германец выходил.
 Врёшь ты, врёшь ты, враг-германец, тебе
 неоткуль прийти
 Как у русских войско много, русский любит угостить.
 Угостим свинцовой пулей, на закуску – штык стальной.
 Штык стальной, четырёхгранный грудь немецкую
 пронзил.
 (Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

О чём задумался, служивый

– О чем задумался, служивый, о чем горюешь, молодой?
 Разве служба надоела, заболел твой добрый конь?
 – Конь болезни не боится, здоров он, весел, громко ржёт.
 Коню на месте не стоится, копытом землю грозно бьёт.
 – Скажи, товарищ, здесь нас двое, иль ты красотку
 полюбил?
 – Не люблю я той красотки и не по ней скучаю я.
 Люблю я сторону родную и улетел бы соколом.
 Взнялся, взнялся бы высоко и увидел бы далеко.
 Вижу новое селенье, стоит там старая изба.
 Перед иконою святою стоит старушка, мать моя.
 Она об сыне сомневалась, что сын далече от неё.
 Не успела слово молвить – сын ступал через порог.
 – Здравствуй, тятка, здравствуй, мамка,
 Здорово, вся моя семья!
 (Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Вы поля ли, поля

Вы поля ли, поля, вы широки поля,
 Как на тех на полях урожай-от нема.
 Только тот урожай – кучерява верба.
 Как под тою вербой солдат битый лежит.
 Он и бит, и побит, весь израненный.
 Голова у него вся иссеченная,
 Бела грудь у него вся израненная.
 На груди у него крест золотый лежал,
 А в ногах у него конь вороный стоял.
 Уж ты, конь ли, мой конь, конь,

товарищ ты мой,
 Ты бежи-ко, мой конь, во в Россию домой.
 Не скажи-ко, мой конь, что я битый лежу,
 А скажи-ко, мой конь, я женатый хожу.
 Оженила меня пуля быстрая,
 Обвенчала меня сабля острая.
 Всё невеста моя – гробовая доска.
 Всё де теща моя – мать сырая земля.
 Всё де тестюшко мой – крест дубовый стоит.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Мамашенька бранится

Мамашенька бранится, о чём дочи грустна.
 Сама про то не знала, кого ж я любила.
 Люблю дружка смертельно, люблю я всей душой.
 Как он меня не любит, смеётся надо мной.
 «Не смейся, друг любезный, не смейся надо мной.
 Господь тебя накажет, несчастного, судьбой.
 Несчастного, злосчастной, неверною женой».
 Не в поле ветер свищет, военный гром гремит.
 Никто так не страдает, как мой мил на войне.
 Пришло письмо печально, что мой милой убит,
 Убит и не схоронен, среди поля лежит.
 Шинель его, фуражка на кустике висит.

Сюртук и опояска под кустиком лежит.
 Была б я птичкой-пташкой, слетала бы к нему,
 Все косточки собрала, во гробичек склала,
 Во гробичек бы склала, цветами уклала.
 Цветами бы оклала, слезами б улила.
 (Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Маруся

Здравствуй, милая Маруся, здравствуй,
 цветик голубой!
 Мы приехали обратно с Красной Армии домой.
 По глазам тебя я вижу, что меня ты не ждала,
 Кари очи опустила, сердце бьётся у тебя.
 Я писал тебе, Маруся, писем двадцать от себя,
 А ты, милая Маруся, мне ответа не дала.
 Упрекала ты на это, что неграмотная я.
 Позвала бы кого-либо, написал бы от тебя.
 А ты думала, Маруся, что убит я на войне
 И зарыты мои кости в чужой, дальней стороне,
 Пуля меткая пробила шинель серую мою,
 И поэтому вернулся я на родину свою.
 Не страшна была мне пуля, не боялся
 я штыка,
 А страшна была мне слава, негодяйка,
 про тебя.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

В чистом поле, под ракитой

В чистом поле, под ракитой, где клубится по ночам
 туман,
 Там лежит в земле зарытый, там схоронен красный
 партизан.
 Я сама героя провожала в дальний путь,
 на славные дела,

Вечер опустился в тёмной, синей дымке,
Солнышко за лесом спряталось давно.
Бережком холмистым ехали танкисты
На ночёвку в ближнее село.
Молодых танкистов девушка встречала:
«Не видали, хлопцы, моего дружка?
Парень он плечистый, всех он голосистей,
Крепко бьёт в сражении врага».
Отвечали хлопцы: «Все мы здесь плечисты,
Все мы голосисты, крепко бьём врага,

Парни молодые, хлопцы удалые,
Крепко бьём в сражении врага».
Девушка смутилась: «Что же им ответить?»
Посмотрела вдаль и говорит:
«Вдоль реки едет, едет Ваня милый,
Орден красный на груди горит».

Поехал казак на чужбину далёку

Поехал казак на чужбину далёку на добром коне
на своём вороном.
Он край, свою родину навеки спокинул,
ему не вернуться в отеческий дом.
Напрасно казачка его молодая всё утро и вечер
на север глядит,
Все ждёт, поджидает с восточного края, откуда
мой милый казак прилетит.
Казак умирает, друзей умоляет насыпать курганчик
ему в зголовья.
На этом курганчике выросла калина, и разными
цветами она расцвела.
Там за горами метелицы выются и сильны морозы
весною трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны, и ели,
казацкие кости под снегом лежат.
(Зап. от Суворовой Т. Р., 1916 г. р., д. Булдыри.)

Бежит речка-невеличка

Бежит речка-невеличка, с бережками ровна.
Как за этою за речкой казак волю просит.
Отпустите, отпустите вы меня на волю.
«Я бы рад, бы отпустил, да ты долго не будешь.
Ты попей воды холодной, милочку забудешь».
Пил я воду, пил холодну, пил я, напивался,
Любел девуку черноброву, ею любовался.

Любовался, развлекался, померла надежда,
Тут остался конь вороный, сбруя золотая.
Коня ведут, меня несут, конь голову клонит,
Молодая каторжанка, она платье мыла.
Она мыла, колотила, туго выжимала.
Выжимала, уронила золото колечко.
С кем баяла, говорила, не молвил словечко.
(Зап. в д. Липухина, 2003 г.)

Из-за Дону-то, Дону тихого

Из-за Дону-то, Дону тихого, из-за крутого
бережочка,
Из-под синего камешочика вытекала река,
река быстрая,
Речка быстрая, хоботистая, хоботистая, омутистая.
По названью река – речка Кеженка.
Как по той реке плывёт лодочка, лодка новая,
лодка чернёная.
Лодка чернёная, лодка смолёная.
Как во той лодке – есаул с веслом, есаул с веслом,
атаман с ружьём,
А в корме-то у них красная девица,
Атаманская полюбовница.
(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Неверная жена

Один из казаков, другой из донских,
Третий из калужских сбирались на бой.
Три года на битве сражался с врагом,
На четвёртый годик поехал домой.
На плечах – погоны, на грудях – кресты.
Посреди дороги родитель попал.
«Здравствуй, мой папаша, здорова ль семья?»

«Вся семья здорова, случилась беда:
 Жёнка молодая родила дитя».
 Сын отцу ни слова, сам сел на коня,
 К дому подъезжает, к родительскому.
 Мать сына встречает с иконой святой,
 Братья его, сёстры – с бутылкой вина,
 Жёнка молодая – с малюткой на руках.
 Закипело сердце в солдатской груди,
 Заблистала сабля в могучей руке,
 Повалилась с плеч головка с неверной жены.
 Вышел за ворота людей созывать:
 «Собирайтесь, люди, жену хоронить.
 Жену – во могилу, меня – в кандалы,
 А маленьку малютку – в воспитательный дом».

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Тюремные песни

Не спится мне и не ложится

– Не спится мне и не ложится, и сон на ум нейдёт.
 Приди же, приди, дорогая, приуспокой меня.
 – Не раз я, не два приходила к тюремным воротам.
 Все камеры были закрыты, и стража по местам.
 – Ой, врешь же ты, врешь, дорогая, не раз ты не была.
 Все камеры были открыты, и стража вся спала.
 Уж выйду я, выйду на волю, жестоко отомстю,
 Все кости тебе приломаю, все жилки перерву.
 Живую в могилу зарюю, и сам в тюрьму пойду.
 (Зап. от Подкиной М. Ф., 1941 г. р., д. Васькова.)

Солнце низко, вечер близко

Пройдёт зима, настанет лето, в полях цветочки зацветут,
 Пройдёт и лето, настанет осень, в полях цветочки
 пропадут.
 Меня же, бедного мальчишку, в железны цепи закуют.

Назовуся я тогда бродягой, не помню я родину, верно,
 свою.
 Не помню тятку, не помню мамку, не помню брата
 и сестру.
 Вейся, вейся, чёрной ворон, до двенадцати, верно, часов,
 А в двенадцать вдоль по коридору повар ужинать несёт,
 Хлеба чёрствого да супа, да супа полно червяков.
 Вспомню тятку, вспомню мамку да вспомню родину свою,
 Вспомнил мягкую постелю да свой да соломенный,
 верно, матрас.

(Зап. в д. Липухина, 2003 г.)

Сижу я в неволе, в неволе такой

Сижу я в неволе, в неволе такой,
 В неволе такой.
 Пишу я записку своею бедной,
 Своею бедной.
 Пишу я другую, бросаю в окно,
 Бросаю в окно:
 «Товарищ, товарищ, давай полетим,
 На синее морё, за тёмны леса,
 Где солнце не греет, не светит луна,
 Где люди не робят, где праздник всегда.
 (Зап. в д. Липухина, 2003 г.)

Любовные песни

Зелёная веточка

– Зелёная веточка, ты куда, ветка, плывёшь?
 Ни краю, ни бережка, ветка, в море,
 право, пропадёшь.
 – Что мне за причинушка, моя жизнь недорога:
 На горе высокой два креста новых стоят,

При бурной ноченьке ненастной скрывался месяц
в облаках.
На ту зелёную могилу ко мне красавица пришла.
Она пришла на край могилы, главой на памятник легла,
Своими белыми руками мою могилу обняла.
Своим прелестным голосочком будила друга своего:
«Ты встань, проснись, мой друг любезный,
мне стало скучно без тебя».
И вдруг могила задрожала, из гроба голос раздался:
«Уйди, уйди с моей могилы, теперь уж ты мне
не нужна».
Девушка слёзно зарыдала и от могилы прочь пошла.
«Зачем, зачем было влюбляться, зачем златым
кольцом дарить?
Нам лучше было б обвенчаться и вечно друг
друга любить.
Золото твоё колечко, оно в коробочке лежит.
Моё ретивое сердечко всегда об миленьком болит».
(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Всё больша-та сама дочь, не спала она

всю ночь.

Не спала она всю ночь да всё-то слышала.

Всё она слышала, всё увидела.

Поутру она встаёт да в кухне трудится,

В кухне трудится да отирается:

«Уж ты, тятенька наш, да где мамонька у нас?»

«Ваша мамонька во темном лесу,

во темном-то лесу, во сыром бору,

Губки-ягодки берёт, в коробеичку кладёт».

«Уж ты, тятенька наш, не обманывай нас,

Наша мамонька во сырой земле,

во сырой земле, в гробовой доске.

В гробовой она доске, да в белом саване».

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Ночка

Ты ночка ли, ночка, ночка тёмная,

Ты заря ли, заря, заря вечерняя.

Ты Москва ли, Москва, Москва каменна.

Москва каменна, белокаменна.

Ино что же в Москве, в Москве деется?

Не мамашенька ль сынка породила,

До семнадцати лет его поростила,

Восемнадцати лет его поженила,

Завела-то сноху некорыстную,

Некорыстную, своебышную?

Молода-та жена мужа не любила,

Со кроваточки его содвинула,

Острым ножичком да зарезала.

На ноже-то, ноже кровь-та стрепескалася,

Молода-та жена испугалася.

В погребную яму его бросила

да сырой землёй призасыпала.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Отец, мать и дочь жили весело

Отец, мать и дочь жили весело, но изменчива злая судьба,

Надсмеялася над сироткою – мать в сырую могилу ушла.

Отец дочь любил после матери, но недолго уж было

тут ждать,

Он нашёл себе жену новую, говорил Наде:

«Будет нам мать».

Неродная мать ненавидела малолетнюю крошку сперва.

Но ни в чём её не обидела, а отцу-то задачу дала:

«Всей душой люблю тебя, миленький,

но а жить мне с тобою невмочь.

Говорить-то мне очень совестно: жить на свете мешает

нам дочь.

Ты убей её иль в приют отдай, только сделай ты всё

поскорей,

А не сделаешь, я уйду тогда и одна буду жить веселей»,

Мысли зверские вошли в голову, и не стал

отец дочку любить.

Во в приют отдать было совестно, и решил отец

дочку убить.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Скучно, грустно мне на сердце

Скучно, грустно мне на сердце без милого

без дружка.

Вы идите, приведите, кого верно я люблю.

Полюбила я Ванюшу с кучерявой головой,

С кучерявой, сам он бравый, его кудри в три ряда.

Расчесал он свои кудри, сам по девушкам пошёл.

Мостик, мостик, мостовинка,

вплоть до милкиных ворот.

Мостовина подломилась, милый в речке утонул.

«Эх, вы, хлопцы-рыболовы, закидайте невода,

Закидайте и заловите моего мила дружка».

Трудно, трудно в синем море мелки камешки собирать,

А ещё того труднее — думу на душе держать.
 Где мои молодые годы, где мои семнадцать лет?
 Утонули в сине море и нигде на свете нет.
 Тонет, тонет тройка коней, тонет мой милёночек,
 Вы тоните, тройка коней, выплывай, милёночек.
 (Зап. А. А. Бахматовым в д. Лобанова.)

Не вечерний дождичек

Не вечерний дождичек заливной идёт.
 На меня, на девицу, есть горе-печаль.
 Третий день тоскую: забыл мил меня.
 Забыть он не забудет, другую полюбил,
 Другую, любезную подруженьку мою.
 Милая подруженька чем лучше меня?
 Ростиком не больше, лицом не белей,
 Тем только получше — ходит пободрей.
 Больша сестра меньшую звала на бережок.
 «Пойдём, пойдём, сестрица, на крутой бережок».
 Чем он, этот берег, чем он украшен?
 Украшен он, украшен красною весной,
 Красною весною да белою пеной.
 Больша сестра меньшую толкала во реку:
 «Тони, тони, сестрица, до самого до дна.
 Дам тебе колечко своего жениха.
 Носи, сестра, колечко, носи, не утеряй.
 Если утеряешь, потонешь в реке».
 Рыбачили рыбаки в осенню тёмну ночь,
 Зарыбачили рыбаки царевну малу дочь.
 Царевна мала доченька всех лучше была,
 Всех она красивей, всех она белей.
 (Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Сад ли мой, садочек

Сад ли мой, садочек, сад зелёной такой.
 Мил ты мой милочек, разбесованный такой.
 При народе, при компанье стал девчонку целовать.
 А девчонке стыдно стало, стала плакать и рыдать.
 «Ты не плачь, не плачь, девчонка, не плачь,
 душица моя.
 Скоро буду я жениться, возьму замуж за себя».
 Твой-от тятенька богатый не позволит бедну взять.
 Твоя мамонька-гордячка не поедет по меня.
 Твои братья-гимназисты все будут меня смеять,
 Твои сестры-грубиянки не пойдут со мной гулять.
 (Зап. в д. Пож, 2002 г.)

Соловей кукушку уговаривал

Соловей кукушку уговаривал:
 «Полетим, кукушка, во дальние края,
 Ох, полетим кукушка во дальние края.
 Мы совьём, кукушка, себе гнёздышко,
 Ох, мы совьём, кукушка, себе гнёздышко,
 Выведем, кукушка, двух детёнышков.
 Выведем, кукушка, детёнышков,
 Тебе — кукушонка, а мне — соловья,
 Ох, тебе кукушонка, а мне соловья,
 Тебе куковати, а мне воспевать».
 Парень девуку сватал, уговаривал:
 «Поедем, девчонка, в Казань-город жить,
 Казань-город славный, на горе стоит.
 Речушка Казанка мёдом протекла,
 Мелки ручеёчки со сладкою водой».
 «Врёшь ты, врешь, мальчишка,
 врешь, обманывашь.
 Город Казань грязный, под горой стоит.
 Речушка Казанка кровью протекла,
 Мелки ручеёчки — горячими слезьми».
 (Зап. от Сабуровой А. А., 1938 г. р., д. Лобанова.)

Ой, кого дома сѣдня, кого нет...

Ой, кого дома сѣдня, кого нет,
 Ой, да он да уехал, милой, мол, далеко,
 Ох, на поминочки милой оставил
 Да с правой да ручки, ой, да перстенёк.
 Ой, да на рученьке колечико носила,
 Да, ой, к ночи в зголовы кольцо-то клала.
 Ой, были да были две пуховые подушки,
 Ой, оне потонули, ой, тожно во в слезах.
 Ой, было да было у меня тёплое одеяло было,
 Ох, оно не согрело мою белу грудь,
 Ой, оно не согрело, оно тожно не пригрело
 Да, ой, без милого тожно дружка.

(Зап. от Тотмяниной М. С., 1932 г. р., Моисеевой М. М.,
 1935 г. р., д. Васькова.)

Уж ты, Васенька

Уж ты, Васенька, Васенька, Васюточка,
 Ой, побывай-ко, Вася, да ты на час ко мне,
 Ой, ты да на часок ко мне, да на минуточку.
 Ой, проотведай, Вася, житьё моё,
 Ой, все да житьё моё да прекрасное,
 Всё житьё-то моё да некорыстное,
 Ой, не корыстное да небогатоё.
 Ой, я уж да днём-то сию одна молода,
 Ой, вечерочиком да с огонёчиком,
 С полу-то-ночи со причётима,
 Ой, со причётима, со начётима.
 Ой, с поутру-то встаю я ранёхонько,
 Ой, умываюся да я белёхонько,
 Ой, вытираюся да я сухохонько,
 Ой, одеваюся да я басёхонько.
 Ой, одеваю да я платье тёплоё,
 Ой, платье тёплоё, да платье лёгкое.
 Ой, выхожу жо я да на крылечико,

(Зап. от Тотмяниной М. С., 1932 г. р., Моисеевой М. М.,
 1935 г. р., д. Васькова.)

Я вечер в лужках гуляла

Я вечер в лужках гуляла, грусть хотела разогнать.
 Я цветочки там искала, чтобы к милому послать.
 Всё цветочки находила, одного лишь не нашла.
 Долго, долго я ходила, погасал уж солнца свет.
 Шла домой с душой унылой, недалёко от ручья
 Вижу вдруг цветочек милый, и его я сорвала.
 Сорывала я цветочек, слёзы капали на грудь,
 Я срывала и сказала: «Не забудь меня, мой друг».
 (Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

В саду зелёном я гуляла

В саду зелёном я гуляла, цветочки алые брала.
 Семнадцать лет мне миновало, я полюбила старика.
 Старик был старый-престарелый, а я как розочка
 цвела.
 Мы долго-долго с ним гуляли, не знал отец,
 не знала мать.
 Отец узнал, из дому выгнал: «Иди-иди прочь
 от меня!»
 А я пошла по той дороге, которая к линии вела.
 Иду, иду я той дорогой и повстречала старика.
 «Старик, старик, теперь твоя я!» Старик толкнул
 меня рукой.
 «А разве ты про то не знала, что я старик,
 а ты млада?»
 Я слышу, слышу – скорый поезд, и я на линию
 легла,
 Хотела жить свою покончить из-за седого старика!
 (Зап. от Андреевой В. Г., 1941 г. р., д. Бадья.)

За рекой, где играет луч солнца...

За рекой, где играет луч солнца, и вблизи протекает река,
Поселились гурьбою цыгане, и живёт беззаботно орда.
За реку, где селились цыгане, часто русский ходил паренёк.
Полюбил он цыганочку Зайду и открыл всю любовь

перед ней.

Зайда долго с любовью боролась, побороть же её не могла
И красивому русскому парню она клятву женой быть дала.
Но у русских бывает измена, изменил также Зайде и он,
И в одну из темнеющих ночек Зайда встретила парня

с другой.

Та была некрасивее Зайды, но отличной блондинкой была,
И сошлись две соперницы рядом, в этот миг появилась луна.
Зайда к милому другу подходит, вынимает серебряный нож.
«Знай, любовь у цыган вот такая!» – и вонзила изменщику
в грудь.

А блондинке, красивой и гордой, она громко сказала тогда:
«Поищи для себя ты другого, а цыганам не делай вреда».

И, сказавши, она побежала к быстрой речке,

что рядом текла,

И, бросавшись, она говорила: «Не любите цыган никогда».

(Зап. от Мазеиной А. Ф., 1923 г. р., с. Юм.)

Скрылось солнце за горою

Скрылось солнце за горою, утихли песни соловья.
С прелестной девой, чернобровой, прощался парень
навсегда:

«Прощай, карелка дорогая, служба кончилась моя.
Теперь я еду в край далёкий, где ждёт

родимая семья.

Я признаюсь: ждёт невеста, котора мною влюблена».
Карелка в обморок упала и от измены померла.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Катенька, Катюша, купеческа дочь

«Катенька, Катюша, купеческа дочь,
Где, Катя, гуляла сегодняшню ночь?»
Утром, на рассвете, ложилася спать,
Пришла её мати, начала ругать:
«Катенька, Катюша, пора уж вставать,
Пришли пароходы по морю гулять.
Один парус белый, другой – голубой,
Один матрос старый, другой – молодой,
Один будет Катин, другой будет мой.
Катенька, Катюша, поедem со мною
За высоки горы, за тёмны леса,
Где солнце не всходит, луна – никогда.
Катенька, Катюша, поедem туда,
Где все люди пируют, а мы – никогда.
Купим мы пол-литра, ты будешь моя».

(Зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р., с. Юрла.)

Раз девчонки

Раз девчонки во лесочек гурьбой собрались,
И дошли до чаши леса, все поразбредлись.
Они ходят и гуляют, топчут там траву,
И по лесу раздаётся весело «ау».
А одна из них девчонка, притаясь, стоит,
И грибов не собирает, и цветов не рвёт,
Об одном она мечтает, скоро ль он придёт.
Тут пред ней красивый парень молодой
стоит.

«Ждёшь ты, ждёшь меня, милая!» –

ласково сказал

И привлек её в объятья, нежно целовал.
«Не целуй меня, друг милый, душу не губи,
Ты другую, городскую лучше сплоти,
Меня, бедную крестьянку, позабуди скорей!»
«Нет, тебя я не забуду, милая моя,

Когда отбуду срок военный, возьму за себя,

Когда буду я жениться, возьму за себя!»

(Зап. от Бабиковой М. П., 1933 г. р., Пикулевой Н. Н.,
1939 г. р., д. Сергеева.)

Любила меня мать, уважала

«Любила меня мать, уважала, а я, ненаглядная дочь,
Со милым дружкой убежала в осеннюю тёмную ночь.
Бежала я лесом дремучим, бежала я рощей густой,
На небо взглянула, вздохнула, увидела свет голубой.
На што мене рощи зелёной, на што мене свет голубой,
Заслышу я милого речи, зальюся горячей слезой.
Беглянская жизнь надоела, я вспомнила дом
свой родной.

Десяток коробочек спичек в горячей воде размочу,
А в этом стакане взболтаю, запруся я в спальню одна.
А долго я думать не стану, я выпью отраву до дна.
Назавтра, подруги, приходите, я буду лежать на столе,
А только прощу, не судите, заройте мой труп
в тишине».

Кусточки уныло шумели однажды осенней порой,
А гроб опускали в могилу, в нём — труп
с отравленной душой.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Говорят, будто солнышка нету

Говорят, будто солнышка нету, хоть и есть,
да не греет меня.

Говорят, будто милого нету, хоть и есть,
да не любит меня.

Голова ль ты моя, удалая, до чего ж ты меня довела?
Для кого я жила и страдала, ну кому всю я жизнь отдала?
Как цветок ароматный весною, для тебя, милый мой,
расцвела.

Чудный месяц плывёт над рекою, всё в объятьях в ночной
тишине,

Но, увы, коротки наши встречи, ты спешишь на свиданье
с другой.

Ты спешишь на свиданье с другою, ты смеёшься, тиран,
надо мной.

Ну и полно с другою ласкаться, ну и полно другую любить.
Белый камешек ярко сверкает, точно память могиле моей.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Кругом, кругом осиротела

Кругом, кругом осиротела, кругом осталась сиротой,
Было счастье — улетело и не воротится назад.
Не идёт, не идёт мой ненаглядный, не идёт,
не любит он меня.

Он не любит и не хочет, знать, другую полюбил.
Он другую любовь хочет, любить подруженьку мою.
Гуляй, гуляй, моя подруга, гуляй, подруженька моя,
В твоих годах любить опасно, и ты повянешь,
как трава,

Когда цвет розы расцветает, то всяк старается сорвать.
Когда цвет розы процветает, то всяк старается стоптать.
Когда девчонка молодая, то всяк старается любить,
Когда девчонка пожилая, то всяк старается забыть.
(Зап. в с. Юм в 2002 г.)

Скрылось солнце за горами

Скрылось солнце за горами, сидит казачка у окна.
Сидит, душою приуныла, и слёзы льются из очей.
«Ты о чём, казачка, плачешь, о чём горячи слёзы
льёшь?

Ну, как мне, девице, не плакать, ну, как горячих слёз
не лить?

Одна печаль меня смущает: велят мне милого забыть.

Но я вовеки не забуду, и он на родину придёт.

Живой на свете меня не будет, в могиле

он меня найдёт».

Мамаша дочке говорила: «Ну, это что тебе не жених?

Ведь красив, с тобою кстати, его же можно

полюбить».

Буду я мамоньке покорна, исполню волюшку её.

Пусть будет мамонька виновна, когда несчастна

буду я.

Утром рано со слезами ведут казачку под венец,

Она дрожащими руками и придала себе конец.

На другое утро рано её на кладбище несут.

Гроб, усыпанный цветами, за ним старушка-мать идёт.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Шуточные песни

Я полю, полю лучок

Я полю, полю лучок, перепалываю,

Через тын-огород перебрасываю.

Я пойду к терему да послушаюся,

Ино что в терему свёкор бает, говорит.

Недобро говорит, недобрые словеса.

Своего сына бранит, моего мужа журит:

«Ино бей-ко жену, ты учи молодую.

Чтобы смолоду жена не попрыскивала,

Под старость жена не поморговала».

Привязал к нитке соломку, три раза

меня стегнул,

Три раза меня стегнул, три ребра переломил.

Тожно с этой немочи съела хлеба три печи,

Пять пудов толокна, девять вёдер молока,

Всё телёнка-лоньшака, жеребёнка-третьяка,

Дочку-супоросу, овцу-яловицу.

Вот тожно наша Настасья приоправилася,

Пошла к Сидору по сито, по частое решето.

Нет у Сидора ни сита, ни частого решета.

Одна руслена тряпица из мешочика сошита.

(Зап. от Бахматовой А. А., 1914 г. р., д. Миронова.)

Растворила я квашонку

Растворила я квашонку,

Положила ничего, поставила во чело.

Ино кисни, квашня, сама в гости ушла.

Три недели квашня кисла – не выкисла,

На четвёртую неделю стала пениться.

А на пятую неделю стала мягоньки катать.

По залавочкам катала, на лопате в печь садила,

Положила в коробок, повезла я в городок.

Никто мягоньки не купит, никто денег не даёт,

Никто денег не даёт, никто даром не берёт.

У соседа была сивая свинья,

была сивая, покасливая.

Она мягоньки не ела, только рыло замарала,

Три недели похворала, на четвёртую пропала.

Хоронили на угоре, вспоминали бабье горе.

(Зап. в д. Пож.)

Как по речке, по реке

Как по речке, по реке да плыла баба в решете.

Веретёнами гребла, юбкой парусила,

Юбкой парусила, ногой тормозила.

Как надумал родной батюшка да взамуж

выдавать,

Всё ко свёкру в дом да ко свёкрушке,

Ко деверьюшкам да ко золовушкам.

Как де свёкор говорит: «Нам медведицу

ведут».

Как свекровка говорит: «Людоедицу ведут».
 А деверья говорят: «Нам непряху ведут».
 А золовки говорят: «Нам неряху ведут».
 Шесть недель прошло, да говорить можно:
 «Разреши-ка, свёкор-батюшка, по горенке
 пройти.

Что по горенке пройти, слово вымолвити.
 Медведица-то, батюшка, во тёмном лесу,
 Людоедица-то, матушка, во сыром бору.
 Вы, деверья-соколы, ваши жёны таковы.
 Вы, золовочки, белые лебёдушки,
 Взамуж выйдете, таковы же будете».

Муж на лавке сидит, на жену косо глядит.

«Ты косись, не косись, не боюсь я тебя,

Не боюсь я тебя, не ударишь ты меня,

Заявляю вам, семья: хозяйкой в доме буду я».

(Зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р., с. Юрла.)

По юлице

По юлице, по юлице рамода, мода, мода
 Жена мужа продала, жена мужа продала,
 Продала-дала-дала-дала
 За три гроша серебра, серебра-ребра-ребра.
 Закупить бы мне коня, мне коня, коня,
 коня,

Распахать бы три поля, три поля:

Перво поле — под овёс, под овёс, овёс,

Другое поле — под ячень, под ячень,
 ячень,

Третье полюшко — под рожь, всё под рожь,
 под рожь.

Сделаю я солоду, солоду, солоду-лоду-лоду,

Наварю я пивушка, пивушка-ушка, ушка,

Созову я всех гостей, всех гостей, гостей...

(Зап. от Бахматовой М. Д., 1927 г. р., с. Юрла.)

Осиново полено по заморю летело

Осиново полено по заморю летело,
 По насту, по кусту, по белому свету.
 Туп-туп-туп, потерял мужик тулуп,
 Искал — не нашёл, ко черёмному пошёл.
 У черёмного спросил: «Чем ты бороду красил?»
 «Я на солнышке лежал, кверху бороду держал».
 Ванька бурку запрягал, по вино-то уезжал.
 Сколь вино-то привозил — помочан поил.
 Помочана-то не пьют, под окошко льют.
 Одна девка посмеля сороковку выпила!

(Зап. от Копытовой Н. М., 1915 г. р.)

Шуточная плясовая

Шуравей, муравей — да это мельникова.
 Да вот и калина, да вот и малина.

Большебрылы мужики — да все дубровские.
 Да вот и калина, да вот и малина.

Шалки заячьи — да то исаковчи.
 Да вот и калина, да вот и малина.

Чужedomы мужики — да то копытовчи.
 Да вот и калина, да вот и малина.

В Кобыляках-то паленина, мужики-те
 зырянине.
 Да вот и калина, да вот и малина.

Драчуны да матькуны — да то зарубинчи.
 Да вот и калина, да вот и малина.

Богомолы мужики — всё де подкинчи.
 Да вот и калина, да вот и малина.

Таки-сяки мужики – да то васьковские.
Да вот и калина, да вот и малина.

Все плешаты мужики – это корминчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Все разумны мужики – да то паньковские.
Да вот и калина, да вот и малина.

Баские мужики – да все сулайские.
Да вот и калина, да вот и малина.

Широкая пашня – это титовчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Ославлять да охаять – это зюздинчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Наперёд кончи – то это лопвинчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

А назад кончи – это юрлинчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Самодуры мужики – всё саранские.
Да вот и калина, да вот и малина.

Все де пьяны мужики – это чужьинчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Все богаты мужики-то – де келицки.
Да вот и калина, да вот и малина.

Широка дорога – там де кукольчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Большая гора-то – де юмская.
Да вот и калина, да вот и малина.

Грязная дорога – это Чёрная.
Да вот и калина, да вот и малина.

Все де белые штаны – таволжански мужики.
Да вот и калина, да вот и малина.

Плохое название – это шестинчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

То де белы шабуры-то – трошковски мужики.
Да вот и калина, да вот и малина.

В Кладовой-то угоры – мужики де тамо воры.
Да вот и калина, да вот и малина.

А широки рукава – то елогская шпана.
Да вот и калина, да вот и малина.

На Мысу растут пиканы – мужики-те
хулиганы.
Да вот и калина, да вот и малина.

Чусовские мужички – алкоголички.
Да вот и калина, да вот и малина.

Неумои мужики – все ивановчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Крутой косогор – то лобановчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

Отдалённое село – то де зулинчи.
Да вот и калина, да вот и малина.

(Зап. от Копытовой М. Ф., д. Кырова, Коротаевой
М. Т., 1940 г. р., с. Юрла.) В песне обыгрывались шутли-
вые прозвища жителей упомянутых в ней деревень, манера
одеваться, особенности рельефа местности и пр.

Вот спасибо игроку, да я уж наплясалася.
Ваши рученьки устали, да и мне досталось.

Разрешите поплясать на вашей территории.
У меня милёнка два, они меня расстроили.

Ой, девки, беда, потеряла брошку,
До смерти люблю, кто играет в гармошку.

Скоро будет Троица, берёзки листом кроются.
Скоро миленький приедет, сердце успокоится.

Меня сватать призывали с позолоченной дугой,
Когда кудрилась, румянилась, уехали к другой.

Я качалась, не боялась, дома пели петухи.
Я, в которой дом хотела, не попала во снохи.

Ох и я, ох и я, ох и я отчаянна.
Не повешу голову, не буду я печальная.

Картошку копать – руки пачкаются.
С кавалерами гулять – шибко матькаются.

Ох, и петь-то я, и плясать-то я,
На работушку я – болит головушка моя.

Мой-от милый Стёпочка, где пройдёт, тут тропочка.
Куда ступит – ямочка, не вырастет поляночка.

Полюбила дорогого, говорит, что генерал.
Посмотрела я наутро – он бутылки собирал.

Я иду, а милый пашет чёрную земелюшку.
Я прошла и говорю: «Запаши изменушку».

Нонче новые права: старых девок – на дрова,
Двадцати пяти – солить, лет семнадцати – любить.

Я частушки петь кончаю: я уже напелася.
У меня милёнка нет, на ваших нагляделася.

Я иду – гора-гориночка, иду – гора-горой.
Я сама-то сиротиночка, гуляю с сиротой.

Мой-от мил, нечистой дух,
в одной деревне любит двух.
Кабы через полюшко, не так бы брало горюшко.

С неба звёздочка упала бригадиру на сажень.
Кто грибовницей накормит, тому пишет
трудодень.

Что ты, милый, задаёшься: «Я хорошо
да я хорош?»
У меня таких хороших – восемь на восемь
помножь.

Девушки, внимание, девушки, внимание!
Он нашёл, и я нашла, идёт соревнование.

Ох, девки, беда, за кого я вышла:
По колен борода, широки голенища.

Не ругайте вы меня, ругайте мою мамку.
Она породила меня, такую хулиганку.

У меня милёнка два, два и полагается.
У обоих волоса кудрями завиваются.

Мама, бей, мама, бей осиновым поленом:
Начинаю я гулять с красивым кавалером.

Говорят, говорят, говорят, гуляю.
Я ещё молоденька, любовь не понимаю.

Я иду, я иду, я иду и встану.
Через ворожеечку тебя, милой, достану.

Запевай, моя подруга, запевай, мой самолёт.
Кроме нас с тобой, хорошая, никто не запоёт.

Мой милёнок не телёнок, не корова, не бычок.
Как оденешь колпачок – настоящий дурачок.

Ой, тёща моя, неполюбленная,
Становина три аршина неподрубленная.

Девки, ух, бабы, ух, на какой нам чёрт старух.
Надо девок берегчи, старух под берег волокчи.

Оторвали, оторвали, оторвали, оторвём,
Мы нигде не пропадали, и нигде не пропадём.

Ох, ох, не дай Бог старому жениться:
Молодая не пойдёт, стара не годится.

Глава V

СЛОВАРЬ ЮРЛИНСКОГО ГОВОРА

От составителей

История формирования островного Юрлинского говора начинается с XVIII века. Местная речь складывалась – это подтверждается лексическими материалами – из речи поселенцев с Вятки и Вологды (бытующее в крае слово *свестья* – 'сестра жены', также известно в вятском и вологодском краях). Юрлинский край осваивался русскими одним из первых. Диалектолог К. А. Фёдорова, описывая группы чердынских говоров бывшей Перми Великой, отмечала, что первыми по времени формирования говоров Прикамья были гайнские говоры (XVI в.), затем заселялись Нижняя Вишера, Колва и Юрла.

Условия замкнутой территории, компактно населённой русскими в окружении пяти коми-пермяцких районов, отдалённость от путей, по которым Пермь связывалась с центральными губерниями, повлияли на языковую изоляцию юрлинцев. Не последнюю роль сыграло и то, что благодаря особенностям почвы именно здесь имелись неплохие условия для развития земледелия, а значит, и для стабильного уклада жизни, формирования и развития своей материальной и духовной культуры. Это обстоятельство привело к тому, что в словаре говора сохранился значительный пласт русской лексики, нефиксируемый в других говорах Прикамья: *рушать* – 'резать хлеб'; *козица* – 'полотняный мешочек'; *колесуха* – 'водяная мельница'; *паужёнок* – 'обед в

поле', *шостя* – 'любимый, дорогой'. Общедиалектная и общерусская лексика в условиях языковой консервации демонстрирует любопытное семантическое саморазвитие. Таково слово *будёна* – 'девушка, забеременевшая вне брака'; связанное с другими диалектными формами типа отмеченного В. Далем глагола *будённичать* – 'работать, не гулять', с прилагательным *буденный* – 'обыденный'. В слове *будёна* «взросление» девушки, готовящейся стать матерью, соотносено с необходимостью выполнять (в отличие от подружек) повседневные работы. Ещё более сложный случай – пересмысление слова *ризы*, которое в юрлинском говоре стало обозначать не церковные облачения, а старую, ненужную одежду. Помещённая в словарь этнографическая лексика даёт представление об особенностях материальной и духовной культуры края. Широко представлена в нём оригинальная местная обрядовая терминология: *журёный пирог* – 'пирог, которым угощали жениха перед тем, как он увозил невесту из родительского дома'; *хлебный вечер* – 'посещение молодожёнами родителей невесты после свадьбы'; *пропевы* – 'духовные стихи и причитания по умершему'.

В Юрлинском говоре в большом количестве фиксируется образно-метафорическая лексика и фразеология. Слово *отопица* служит шуточной характеристикой старого человека, заросшие колхозные поля называют здесь иронически *горбачёвская рожь*, о нерасторопном, небойком человеке скажут, что он *полога лыжа*. Выражение *брылы расправить* обозначает 'обрадоваться'; *на большую воду выплыть* – 'достигнуть прочного положения, благополучия'; *горшки делать* – 'быть мёртвым, умереть'; *как из кобыльей (кобыльной) головы* – 'много, как из рога изобилия'; *под семью когтями* – 'в полной зависимости, кабале'. Богатая меткими наблюдениями и оригинальными аналогиями народная речь – показатель высокой культуры краснословия населения края.

Многими исследователями отмечались характерные черты фонетики говора, во многом связанные с воздействием на русскую фонетику фонетики коми-пермяцкого языка. Активная замена звуков [Ф] и [Х] на [К], [Ф] на [П] и

сейчас ощущается в словах типа *крам* (храм), *стик* (стих), *Кристос* (Христос), *греки* (грехи), *козяин* (хозяин), *куфайка* (фуфайка), *палалей* (иронически о разине – из имени собственного Фалалей). Влияние законов другого языка обнаруживается также в произношении конечных звонких согласных (общедиалектное русское слово *волок* – 'расстояние между населёнными пунктами' – звучит здесь как *волог*), в устранении звука [J] перед окончаниями (*пузання* вместо *пузанья* – 'о беременной', *сваття*, *браття*, *молоттё* вместо *сватья*, *братья*, *молотье* и пр.) Своеобразен грамматический строй местной речи. В ней немало архаичных форм (*дочерь*, *матерь* вместо *дочь*, *мать*), своеобразных частиц (*тожно-де*: «*Не согласны родители, делали тожно свадьбу крадше*»; «*В Великой четверг-де тпру-теньку надо гаркать в печку, это летом чтобы домой бежала с воли*»). Особенно бросается в глаза обилие пост-позитивных частиц, чаще всего используемых по согласованию с формой слова, к которому они примыкают: «*А мужик, хозяин-от, хлеб-от режет ножом. Мужик-от глядит: ножик-от его, евоный ножик-от*»; «*Он увидел русалку-ту, на колесе сидит, да и бросил в её пучни-те, лучину-ту...*»; «*В праздники-те все бодрые ходят*». Представление об этих явлениях дают не только контексты описываемой диалектной лексики, но и многочисленные тексты самого сборника, где составителями максимально сохранены живые особенности местной речи.

В словарь включён достаточно большой раздел лексики, заимствованной местным говором из коми-пермяцкого языка. Это слова междометного и звукоизобразительного характера (*мак*, *мак-мак* – 'возглас удивления или неодобрения', *май* – 'возглас удивления, сожаления'). Активно освоены говором звукоизобразительные глаголы коми-пермяцкого языка: *бобгать* – 'ворчать, недовольно бормотать' (ср. *бобгыны*), *выргать* – 'каркать' (ср. *выргыны*), *чижгать* – 'брызгать струей' (ср. *чижгыны*), *кажгать* – 'скрипеть' (ср. *кажгыны* – 'хрустеть'). Помимо звукоизобразительной лексики, говор заимствовал от соседей и оценочную лексику: *няпра* – 'о тихоне, робком ребёнке' (ср. *няпрасьны* – 'ка-

призначать'), *номыр* – 'о маленьком ребёнке' (ср. коми *номыр*, удм. *нумыр* – 'червяк'). Заимствуется также лексика, связанная с особыми состояниями, типа *вержиться* – 'блзнить, мерещиться' (ср. *вериктыны* – 'начать рябить'), *заузьмать* – 'поддаться сну, задремать' (ср. *узьны* – 'спать').

Общий объём публикуемого словаря – около тысячи двухсот диалектных слов и выражений. В нём не представлен пласт лексики, которая используется в говоре как местные прозвища, хотя она также является интереснейшим результатом народного языкового творчества. Следует отметить, что издавна юрлинских обзывали *парёнки*, *рогатые* (за пристрастие к *рогулькам* – 'рогатым женским кокошникам'), пожинцев называли *капустниками*, булдырёвцев – *шомшеедами* (от *шомша* – 'пиканы с квасом'), тиминцев – *киселятами*. Любовь к прозвищным именам у жителей края не исчезла и в наши дни. *Бражатами* могут назвать тех, кто «брагу беда любит», *гусятами* – род, представители которого «долги да худы». Много и других прозвищ, в основе которых либо особенности внешности, характера его носителя, либо какой-либо анекдотический случай из его биографии: «Мужик любил брагу из кастрюли пить – Кастрюля прозвали»; «Шаньгой одного звали: в детстве сам шаньги пёк. И теперь сына его Шаньгой зовут и внука. Он достать-то шаньги не мог, мал, полез в печку по шаньги, а вылезти не мог» (Пож). Такая лексика остаётся к настоящему времени несобранной. К задачам дальнейшей работы относится также сбор подобной лексики, а также местной микропонимики, названий ягодных и грибных мест, старых дорог, мест рыбалки и охоты, заготовки дров, сенокосных угодий и пр.

В корпусе словаря ударение у слов указано жирным шрифтом. Фразеология приведена после знака =, через разрядку. В ряде случаев применены специальные пометы (указание на часть речи, на грамматическую форму, на характер экспрессивной окраски).

Составители выражают признательность К. П. Гусевой, знатоку местной речи, оказавшей неоценимую помощь при работе над словарём.

А

АВЕРЬЯНА. Растение валерьяна. *Аверьяна растёт в огороде, кошки ходят всё время.* Пож.

АЛАКША. Густой кислый квас; то же что лакша; некачественный хлебный напиток. *Пить не подаю: квас-от у меня алакша только, кислой.* Лобанова.

АЛЯБУШКА. Лепёшка. *Пекли алябушки, муку смешашь с травой, вот и ели.* Лобанова.

АМИНЬ. = Г о с п о д и а м и н ь! Междометный возглас, реакция на необходимость согласиться. *Ну-к чё, как спили, так и ладно, да Господи, аминь, пушай, в другой раз лучше споём.* Юм.

АНГЛИЙЦЫ. Англичане. *Дед рассказывал, в гражданску английцев видел.* Юм.

АПРАК. Толк, умение. *Решили, что это уж мы Маньке-то не доверим: у её апраку нет. Какой она начальник?!* Сергеева.

АРАЙ. Топкое место на болоте. *Топко на болотине, арай, утонуть можно.* Юм.

АРТИРОВАТЬ. Выступать с концертом. *Вчера студенты хорошо в клубе артировали.* Юм.

Б

БАБКА. 1. Составленные шатром для просушки бревна. *Наготавли лес, бабкой составят, сушат.* Пож. 2. Тренога из жердей для устройства качелей. *Бабку ставят, две, жерди свяжут, на их брус, перекладину, и на верёвки доску, так и качаются.* Пож. 3. Охапка. *Маня-то с бабкой дров идёт.* Юм. 4. Основание для мельничного колеса. *Мельница-то остановилась, мельник-от зашёл, а она (русalka) на бабке сидит, на колесе.* Юрла. 5. Небольшая наковальня. *Литовку отбивают – есть бабка, как наковаленка, малинька.* Лобанова.

БАЗДАХНУТЬ. Ударить. Он его баздахнул как следует, тот и с ног долой. Юм.

БАКСА. Плесень. Бакса всю картошку взяла, исть нельзя. Юм.

БАКСАТЬ, БАКСЕТЬ. Покрываться плесенью. Брёвна в яме баксеют, надо менять видно. Пож. Грибы солила, да забаксали. Как исть? Пож.

БАЛАБОЛКА. Луговой цветок – купальница. Балаболка – это по-вашему «купальница», а также «болтунья». Юм.

БАЛТА. Выпивка, спиртное. Делали три бутылки балты, дрова пилить, всё мужики выпили. Юм.

БАНЯ. = Невестина баня. В свадебном обряде: баня, которую топили в последний вечер перед свадьбой для невесты. Невестина баня, когда подружки придут, в баню идут, там и песни попоют сколько-то. Тимина.

БАРАБАНЩИК. Коногон на конной молотилке. Барабанщик был, молотили барабаном дак, он коней гонял. Осинка.

БАСНЯ. Поговорка, речение. Я чё-то эту басню забыла, вроде говорили сваты, что, мол, пол вдоль, половицы вдоль, матица поперёк, невеста не поперечься. Это когда невесту зачуривали. Липухина.

БАХТАРМА. Верхняя тонкая кожа на бересте. Когда ранка болит, бахтарму с берёзы привязывают. Пож.

БАШ. Межд. Возглас со значением удаления, требования прекратить. Вон! Кыш, баш со двора – надоели! Комариха. Баш, больше хватит судачить! Юм.

БЕЗВЫХОДНО. Нареч. Не выходя никуда. Я сейчас безвыходно живу, всё в доме. Чёрная.

БЕЗДЕЛАТЬ. Бездельничать. До двадцати годов безделают нынче молодёжь. Юм.

БЕЗЛЮДЬЕ. Малоуважаемые люди. Вот воду невеста подарила, как ведь люди делают, так и безлюдье старается. Балда.

БЕЛЫЙ. = Бель-бело. Об обилии чего-л. белого цвета. Волменок нынче бель-бело. Юрла.

БЕЛЯК. Малоплодородная почва с большим содержанием

известняка. Тут чего народится-то – земля-то один беляк в огороде. Юм.

БЕЛЯНА. Устар. Плот в виде баржи из приготовленного для продажи леса. Беяны, их не плотили, не приплючивали; соберут как караб, а щели большие были, но дрова-те не выпадали. Юрла.

БЕНЬ. Звукоизобразительно о бренчании, звоне. Стали землю кидать на гроб, в могиле бень – забенькало, это не к добру. Булдыри.

БЕРЕЗНИК. Гриб подберёзовик. В лесу-то у нас и березники растут. Чёрная.

БЕРЁЗКА. 1. Березовый веник. Березки для бани надо вязать, веники. Тимина. 2. Праздник Троица. У нас не делали берёзку, я только раз была на берёзке, в Титово, в гости к тётке ходила. Юм. 3. Праздник после посевной в начале лета. Раньше был колхозной праздник, берёзка, день берёзки. На лугах гуляли. Липухина.

БЕРЁЗОВКА. Берёзовый сок. Весной берёзовку пили, берёзу подсочат и собирают. Юм.

БЕССТУЖИЙ. Не имеющий стыда, бесстыдный. Бесстужий, хоть бы посовестился про своих так говорить. Пож.

БИСЕРОЧЕК. Небольшая опухоль. Она у себя в груди-то бисерочек нашла, опухоль. Юм.

БИТЬ. = Шемелу бить. Беспреданно менять положение; вертеться. Ну что ты шемелу бьёшь? Совсем сидеть с тобой рядом нельзя. Дубровка.

БИТЬСЯ. = Погода бьётся. О переменчивой, неустойчивой погоде. Вот погода бьётся: то дождит, то солнце – и я бьюсь, маюся. Юм.

БЛЯХА. = Бляха ети. Бранный возглас. Был поясок, бляха ети, да куда-то делся. Юм.

БОБГАТЬ. Ворчать, недовольно бормотать. Ушла, поди, старуха, бобгает, нелюбо, видно, стало. Пож.

БОГ. = Бог подобрал. О смерти. Скорей бы уж бог подобрал – старая. Юм. Пусть Бог не велит. Оберег; то же, что не дай Бог. Нет, мне не казался ни раз никто, пусть Бог не велит, никакой покойник, никто.

- Тимина. Бог держит кого-л. Судьба милостлива для кого-л., всё кончается неплохо. *Есть вовсе нечего было, да как-то Бог держал, выжили.* Осинка.
- БОГОМОЛКИ.** Мн. Травянистое растение с едким или ядовитым соком и большей частью жёлтыми цветками; купальница. *У нас много богомолок растёт, ещё купальницы называют.* Юм.
- БОДРИТЬСЯ.** Наряжаться. *Я в девках-то бодрилась, всяки сарафаны были.* Юм.
- БОДРЫЙ.** Нарядный. *В праздники-те все бодрые ходят, принарядятся.* Пож.
- БОЛЕЛЫЙ.** Больной. Голова, голова болелая, давление. Липухина.
- БОЛТАТЬСЯ.** Жить, существовать бесцельно, одиноко. *Мужик умер, как перст одна болтаюсь.* Чёрная.
- БОРИТЬ.** Безл. Идти мелкому дождю. *Куртку одень, а то борит сегодня.* Юм.
- БОРЫ, БОРКИ.** Складки. *Сзади делают на спине борки мелкие.* Юм.
- БОРЧАТЫЙ.** С мелкими складками, со сборками; сборчатый. *На свадьбу мне свекровь дарила борчатый сарафан.* Юм.
- БОЯЗНЬ.** Боязнь, страх. *У которого человека перед смертью боязнь кака-то, всего боится.* Юм.
- БРАТИНКО, БРАТИНКО.** Ласк. Брат. *Я осталась четырнадцати годов, братинко – семи.* Юм. *Братико малый восе – надо его дозорить.* Юрла.
- БРЕДКО.** Нареч. Остро, легко срезая. *Бывало, как пойду косить, дак коса чутко, бредко идёт, трава только ух как ломится.* Юм.
- БРЕШЬ.** Собир. О группе лиц, собирающихся поговорить, поболтать. *Каждый вечер брешь собирается.* Чёрная.
- БРИНЬГАТЬ.** Звенеть. *Свадьба едут, колокольцы бриньгают.* Пож.
- БРОДА.** Брод. *Перво чем в воду лезть, мирейте броду.* Чёрная.
- БРОСОВЫЙ.** Плохой, дряхлый, никуда негодный. *Я уж кому нужна, бросова-то, стара-та?* Чёрная. *Подумала*

- тогда: я не бросова, возьмут взамуж кто-нибудь.*
- Пож.
- БРУСНУТЬ.** Срывать. *Пойдём лучше черёмуху бруснуть.* Пож.
- БРУСТЯШКИ.** Кандалы, цепи. *Надели брустяшки на ноги и в Сибирь погнали.* Юм.
- БРЫДНУТЬ.** Дать, добавить, подложить. *Сена скотине надо брыднуть.* Чёрная.
- БРЫЖЖИ.** Кружева. *Раньше тоже на нижние рубахи брыжжи пришивали.* Пож.
- БРЫЗГАТЬ.** Брызгать. *На воду надо наговорить и брызгать ребёнка-то.* Юм.
- БРЫЛА.** Губа. *Чё заревела-то, вон, брылы трясутся!* Пож. = Брылы расправить. Обрадоваться. *Вон, смотри: брылы-то расправила – радуется девка, что с собой возьмут.* Пож.
- БРЮНЬГИ.** О нестройных, беспорядочных звуках. *Выключи радио, а то одни брюньги.* Чёрная.
- БУДЁНА.** Девушка, забеременевшая вне брака. *Девка нагуляет – это уж будёна.* Юм.
- БУЛДЫРЬ.** Волдырь. *Накусили его шибок, вот таки булдыры были на руках, на ногах.* Юм.
- БУЛДЫХАТЬСЯ.** Бултыхаться, барахтаться. *Смотрю, кто-то в речке булдыхатся, шум стоит.* Пож.
- БУЛЫЧ.** Что-л. жидкое, слабое (о напитке, чаще о квасе). *Не стал пить квас: он как вода, булыч.* Юм. *Видно, овес плохой был, квас как булыч стоит.* Пож.
- БУРАК.** Туесок. *Хозяин живой был, делал и пестери, и бураки.* Зарубина.
- БУРГАТЬ.** Издавать громкий звук, греметь. *Вчера больно сильно гроза бургала.* Чёрная.
- БУРК.** Звукоизобразительно о всплеске воды. *Мельник придёт, русалка только бурк в воду, мельница опять пошла.* Чужья.
- БУРКИ.** Мн. Складки; то же, что боры. *Бурки-те мелкие у сарафана.* Комариха.
- БУРСИТЬ.** 1. Говорить торопливо, необдуманно. *Он бурсит, вы его слушайте, он мелет дак.* Пож. 2. Натужно,

быстро работать, делать что-л. Так сѣдни набурсил, руки ноют. Пож.

БУС. Пыль. Яичко лежит на божничке, старое станет, из старого яйца бус выходит, зелёный бус, пыль. Юм. Капусту подсыпать сверху надо золой четверговой и говорить: «Бросаю, глаза бусом залеплю!» Осинка.

БУСНО. Пыльно. Я чихать стала: бусно здесь. Осинка.

БУТ. = Бут-бут-бут. О ритмичном стуке, биении. Сердце послушала – бут-бут-бут, бьётся. Юм.

БУТОРИТЬ. Говорить невнятно. Стара уж, зубы нету, бутору тут вам. Васькова.

БЫВАНЬЕ. = Не в частом быванье. О редких визитах. Чѣ, Мария, у тебя разве гости? – Пусть погостят, эти дальние – не в частом быванье. Чус.

БЫГАЛЫЙ. Блѣклый, выцветший. Чѣ ты своими быгалыми глазами закосился? Пож.

БЫРГАТЬ. Смеяться, подшучивать. Невеста пол метѣт, над ней быргают, снова бросают деньгами, мусор. Та-воложанка.

БЫТЬ. Жить, существовать. Чѣ меня спрашивать, я в жизни-то плохо была, ничѣ не видела. Чѣрная. = Будь ты трою со свету! Вид брани. Будь ты трою со свету, ни послать, ни нарядить, всё напакостит. Юрла.

В

ВАГА. Кряж, бревно, используемое для подъѣма тяжестей. Машина застрянет, дак вагою поднимаем. Пож.

ВАЛОВЫЙ. Тихий, скромный. Шибко уж он валовый – ему и невесту-ту не видать. Пож.

ВАЛЮЩИЙ. Ненужный, брошенный. Валющую её в канаве подобрала. Пож. Из валющей одежды коврики де-лаю. Пож.

ВАЛЯТЬ. Рубить (о лесе). Целый день лес валяли, дак

шибко уставали. Лес раньше топорами бабы в войну валяли. Чѣрная. На дом я сама лес валяла. Зайцева.

ВАРАВИНА, ВАРОВИНА, ВОРОВИНА, ВОРОВИНКА. Тонкая верѣвка. За соломой пошла, взяла с собой вон эту варавину, ношу нести. Пож. Верѣвкой, варовиной, надо перевязать. Лобанова. Сумку-то воровинкой перевязали. Чѣрная.

ВАРАКОБА. = Чѣрная варакоба. Бранно о том, кто делает что-либо плохо, неправильно. Чѣрная варакоба, пошто ты такая неосторожная? Пож.

ВАРНЯ. Пища, что-л. сваренное. Варню какую состряпаю да так и живу. Чѣрная.

ВАСИЛИЙ. = Василии (Васьки) Капки. Весенний праздник Василия Капельника (12 марта). Закапает на Васьки Капки – год хороший будет. Кукольная.

ВЕДЕРУШКА. Большая крынка, корчага. Была ведерушка, крынка ведѣрная, пиво-то варить. Пож.

ВЕЗТИ. = Работу везти. Много, хорошо работать. Марья везѣт работу на ферме, дак ей и премии, и грамоты. Юм.

ВЕНИК. Название особым образом уложенной прически невесты. Если просватаешься, то венник тебе делают на голове: в косу ленту, на неё много-много ленточки. Юм.

ВЕРБОЧКА. Ласк. О красивом, стройном человеке. А молодѣжь-то! Такие вербочки все подросли, все работают. Теперя только живи да работай. Фокина.

ВЕРЖИТЬСЯ. Безл. То же, что блазнить, мерещиться. Темно, дак всё вержится, что кто-то стоит на дороге, а то столб. Юм. Муж, когда умер, дак шибко долго вержился, домой будто приходил. Пож. Когда покойные ходят – это всё вержится, значит. Кукольная.

ВЕРНОЧКИ. В самом деле, на самом деле. Натычешь вересом, если кто спит, верночки, потом весь год ребѣнок бойкий будет. Осинка.

ВЕРТЕТЬ. = На ходу пятау вертит кто-л. О бойком. Ох, какой он бойкой! На ходу пятау вертит. Юрла. Крути-верти (кути-верти). О беззаботной жизни. Жизнь-та у нонешней молодѣжи кути-верти. Живут

крути-верти, деньги есть, дак ладно, нет, дак тоже. Юм.

ВЕРТИГОЛОВЫЙ. Легкомысленный, ветреный. *Ольга у нас вертиголова.* Юм.

ВЕРТИХВОСТНУТЬ. Хлестнуть, ударить. *По заднице вертихвостнул девку парень-от, она побежала от овина. Ой, мужик беда злой попадёт!* Юм.

ВЕРШНИ. = На вершнях. Верхом на лошади. *Мы с Марьей на вершнях ездили.* Чёрная.

ВЕСЕЛЬСТВО. Веселье. *У меня сегодня такое весельство было: внук приехал.* Юм. *Обжинки устроят, праздник, браги наварят. Такое весельство было. Это уж в последний день жатвы.* Юм.

ВЕСНИНА. Шерсть с овцы, снятая к лету. *Веснина грубая, её снимали, чтоб летнина хорошая росла.* Шестина.

ВЕСТЬ. = Ни вести, ни памяти (ни грамоты). Нет никаких известий. *Сын как уехал, так ни вести, ни памяти.* Комариха. *Уедут – и всё, старухе ни вести, ни грамоты.* Пож.

ВЕТРЕНКА. Береста. *Мать много ветренки принесла, не на одну растопку будет.* Чёрная.

ВЕХОТЬ. = Хуже полового вехтя. О том, кого не ценят. *Хуже полового вехтя я была для его.* Васькова.

ВЕЧЕР. = Хлебный вечер. Посещение молодожёнами родителей невесты после свадьбы; то же, что хлебины. *После пирожного стола ушли к маме на хлебный вечер. Блины мама пекла. Таволожанка. Хлебный вечер – это после свадьбы, идут к родителям невесты блины есть.* Юм.

ВЕЧЕРКУ. Нареч. Вчера вечером. *Вечерку я у Марьи была.* Чёрная.

ВЕШАТЬ. = Черешлан (черешланги) вешать. Знахарский обряд с гаданием и лечением. *Помню, у нас корова не вставала в это же время, нет, попозже – под весну, корова не стала вставать. Дак у нас в Елоге была старушка. Она вешала черешлан. Дома, перед иконами это делала, хлебушко брала, как-то вешала на безмене этот челпашек, крестик нателный брала,*

у стола, у икон. Я не заметила, как, чё, в которую сторону он вертелся. Старушка сказала, что правде-душка просит обед. Юм.

ВЕШНЯГ, ВЕРШНЯГ. Запор, заслон на мельничных плотинах. *На мельнице – вершняг, воду запирает.* Юм.

ВЁРГАТЬ. Глухо греметь. *Где-ка туча видно накрывает. Гляди-ко ты, Петры и Павлы поехали на Петров день. Дожни, дождик, как следует, чё так вёргаешь?* Юм.

ВЗВАЛИТЬСЯ. Лечь ненадолго; прилечь. *Я сейчас взвалилась только на часик.* Чёрная.

ВЗГОЛОВЬЕ. Изголовье постели. *Если плохо спит ребёнок, кладут в зыбку Богородский сон, травка есть. Вот этот плат-от, которой на кокошник-от надевали, его клали взголовье ребёнку, чтоб спал.* Липухина.

ВЗДЫНУТЬСЯ. Подняться. *В Семик, когда солнышко вздынется, тогда уж люди идут на кладбище. Таволожанка.*

ВЗДЫНЬ. = Вздынь ненавидеть. Сильно ненавидеть, презирать. *Ты знаешь чё, Егор, я таких безвольных людей вздынь ненавижу.* Чус.

ВЗЯТЬ. = Справу взять. Выздороветь, поправиться. *Телёнок вовсе справу не взял, худой беда.* Юм.

ВИД. = Из-под виду (глаз). Для виду, небрежно. *Врачи нонче из-под виду глаз работают.* Чёрная.

ВИДАТЬ. = Раза не видеть. Не испытывать притеснений, побоев. *Чё ей не жить-то с ним? Катается как сыр в масле, раза не видала.* Юрла.

ВИКЛЕЦ, ВИХЛЕЦ, ВИХЛОК. 1. Копчик. *Болит, дак вихлеч пуще парь веником.* Юм. 2. Бедро. *Виклеч-от весь синий, пала дак.* Пож.

ВИЛАХА. Разветвление на дереве. *Прятаться от грозы надо под ель, но чтобы она была не вилаха, когда с одного места две ели, как две сестрёнки.* Лопва.

ВИЛЯВИТЬ. Уклоняться от какого-л. дела; отлынивать. *Ох, уж не люблю тех, кто вилявит от работы.* Чёрная.

ВИСЕЛЬНИЦА. = С висельницы. Неизвестно откуда.

Кто откуль с висельницы наехал к нам на участок-от тогда. Чус.

ВИТЬ. = Пьёт как верёвку вьёт. Шутл. О любители выпить. *Мужик у меня пил как верёвку вил, с вина и помер.* Осинка.

ВИЧУГА. Усилит. к вица. *Счас пойду, чирсну их, где ви-чуга-то у миня.* Юм.

ВИХАТЬ. 1. Лихорадить, трясти дрожью. *Малейшо вот она заревёт, и её завихат всю, и умирала.* Кукольная. *Трясти её, вихать начнёшь, она оживёт. Вот она у меня д пяти годов не говорила.* Кукольная. 2. Петь. *С работы, бывало, идёшь да ещё и песни вихаешь.* Юм.

ВИХРЬ. Леший. *В лесу вихрь, мне вот не казался, а ко-торым казался, дак это уж не перед добром.* Юм.

ВИЧЕННЫЙ. Сплетённый из виц. *Качули-те виченные делали, из виц.* Чёрная.

ВЛАЗИНЫ. Обрядовое вселение в новый дом, праздник по этому случаю. *Влазины делают, созовут соседей, род-ню, все с подарками приходят.* Юм.

ВОДА. = Вода мало держится на ком-л. О бойком, энергичном. *Я вот шустрая была, на мне вода мало держалась.* Ефремова.

ВОЖЖОЙ. Друг за другом. *Журавли летят вожжой, друг за другом тянутся.* Пож.

ВОЗДУШНИК. Служащий в Военно-Воздушных Силах. *Я в армии воздушник был, с голубыми погонами.* Таволожанка.

ВОЙНА. = Война отобрала (похитила). О погибшем на войне. *А война-та у меня мужика отобрала.* Юм. *Война всё похитила, мало кто пришли.* Чёрная. *Вой-на посадила. О пострадавшем на войне. Война меня посадила, ходить счас не могу, два ранения были.* Чёрная.

ВОЛОГ. То же, что волок; расстояние между населёнными пунктами, перегон по гужевой дороге. *До деревни моей далеко: одного волога километров двадцать будет.* Чёрная.

ВОЛОС. = Волосы (волосочки) подняло. О крайней

степени испуга. *Она сапог с его сдёрнула, а у его нога в шерсте, у её волосочки-то и подняло.* Говорит, завтра принесу тебе всё, и убежала. Пож. Волосы ежом. О крайнем страхе. *У мужика волосы ежом, дыбом встали, от страха.* Юм.

ВОЛОСАТКА. Русалка. *Ишо видели волосатку. У деда мельница была, он сказывал, вдруг мельница остано-вится. Он видел эту волосатку, на жернове сидела.* Юм.

ВОЛОТЬ. Рассыпанное сено, трава. *Волоть собрать граб-лями надо.* Кукольная.

ВОРОВАТЬ. = Дорогу (след) воровать. По суевер-ным представлениям, заставлять человека или животное терять ориентацию. *Дорогу ворует колдун у скота, чё-то сделает, и скотина дорогу домой не знает. Надо записку лешему писать тогда.* Тимина. *Воруют след у коровы, она домой не ходит.* Тимина.

ВОРОЖЕЙКА. Полевая ромашка. *Ромашка полевая, или ворожейка, — она от глаз.* Сергеева.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. = Вербенно воскресенье. Вербное воскресенье. *За неделю до Паски Вербенно воскресенье, по вербу ходили.* Осинка.

ВОСТРОГОЛОВЫЙ. Бойкий, подвижный; непослушный. *Ему, востроголовому, хоть говори, хоть нет, всё рав-но.* Юм.

ВОСТРОПУТЫЙ. Глупый, слабоумный. *Она непутёвая живёт, востропутая, и робята-те у её какие-то не-нормальные.* Юм.

ВОХЛИТЬ. Говорить. *Хорошая-то какая, весь концерт с нами вохлила.* Юм.

ВРЕМЕННОЙ. Взрослый, в возрасте. *Бабы-то как взрос-лые — временные это бабы, время уж проходит их, бабье-то.* Осинка.

ВРЫ. Ложь, неправда. *Картами гадают, да это всё вры, не вирю я.* Юм.

ВУСЬ. Межд. удаления; то же, что уходи, брысь. *Кричат гусям: «Вусь отсюда!»* Юм.

ВЫБРОСИТЬ. = Из головы выбросило. Забылось.

Совсем из головы выбросило, по чё пошла – не помню. Юрла.

ВЫВОРАЖИВАТЬ. Ворожить. Ой, плёхие вы: всё смерть вывоображиваете. Липухина.

ВЫДРИСНУТЬ. Принести потомство. Зайчиха выдриснет зайчиков и оставит их, убежит. Осинка.

ВЫЙТИ. = Из рамок выйти. Перестать повиноваться. Дочь-то у них вольная, давно из рамок вышла. Дубровка.

ВЫКУПАТЬ. = Воду выкупать. Обрядовое: на Крещенье бросать деньги в воду (колодец, ключ); то же, что дарить воду. Потом пойдёшь утром по воду первый раз, дак воду выкупаешь. Денежки надо бросать, вода как очистилась. Юм.

ВЫЛИВАТЬСЯ. Выходить, появляться. Я видела холст, пятинитенный называется. Так уж наберут, и на самом холсте узоры выливались. Нитинки-то попеременно переплетались. Шестина.

ВЫПАСТЬ. = Не из кистей выпал, как из костей выпал. Незнатного происхождения. Она от Ваньки-то бегат, что он из бедной семьи, а сама-то она тоже не из кистей выпала. Чус. Задирает голову, будто из костей выпала. Пож. Из роту выпадет. О рассеянном. Он палалей, у его из роту выпадет, не видать ему богатства. Пож.

ВЫПЛЫТЬ. = На большую воду выплыть. Достигнуть прочного положения, благополучия. Они в ту пору на большую воду выплыли, зажили. Чус.

ВЫПРОСИТЬ. = Снежины не выпросишь. О скупом. Он такой человек, у его снежины не выпросишь. Дубровка.

ВЫРГАТЬ. Каркать. Вороны выргают – дождь будет. Юм.

ВЫРВАТЬ. = Промеж глаз нос вырвет. Кто-л. беззастенчив, бесцеремонен. Эта девка така вертушка, не догадавши, промеж глаз нос вырвет. Чус.

ВЫРЯЖАТЬ. Требовать. Невеста выражала от жениха подарки, он деньги оставлял, прямо на скатёрку положит. Таволожанка.

ВЫТАРАПАТЬСЯ. Экспр. Выйти, выбратся. Опять куры на улицу вытарпались. Чёрная.

ВЫТНИЦА. Женщина, исполняющая песни и причитания на свадьбе. Вытници были, женщины, по свадьбам специально пели. Пож.

ВЫТЫШКАТЬ. Высосать. Телёнок вытышкат молоко у коровы – не надо его в стадо отпускать. Пож.

ВЫТЬ. Пища, корм. В войну-то ить выть надо было добывать. Чёрная. В войну-ту кусочек хлеба с коробок дадут – вот и вся выть была. Пож. Принесла корове сено оханку, корове на выть будет. Лобанова.

ВЫХОДИТЬ. = Из рук выходит у кого-л. Об умелом. Ну, ты мастерица какая! У тебя всё из рук выходит: и шьёшь, и вяжешь, и строчишь. Юрла.

ВЫШКА. Чердак. Уходит парень из дома, ему заставят в печку посмотреть, в хлев сходить, все конюшни поглядит, на вышку слазит. Юм.

ВЬЮН. 1. Мелкая речная рыба. В речке вьюны только, дак у нас в Лобановой их не едят, а в Ананькиной едят. Лобанова. 2. Речной червь. Не берём уж воду-ту, вьюны там, червяки. Юм.

ВЯЗАТЬ. = Килы вязать. Напускать порчу в виде грыжи. Он может килы вязать. Только скажет, пусть сядет-де кила с горшок – и всё. Ефремова.

ВЯЗКА. То, чем связывают. По ягоды пойдём, дак банку на вязку повесим. Юм.

Г

ГАРАДНЫЙ. Пьяный. Анюта, ты опять с утра гарадная ходишь? Чёрная.

ГАРКАТЬ. Звать, обращаться. Я её гаркаю, а она как не слышит, идёт и идёт. Юм. = Христа (Криста) гаркать. Обращаться к Иисусу Христу. В Паску свечку перед иконой ставишь, ладанок пустишь, мо-

лишься, Криста гаркашь: «Христос воскрес!» Сам и отвечаешь тожно: «Воистину воскрес!» Пож.

ГАРМОНЬ. Перен. О хрипах в лёгких. У его воспаление было, гармонь в лёгких-то признали. Юм.

ГАРМОШЕНА. Шутл. Гармонь. На улице гармошены заиграли, девки радехоньки. Юм.

ГАСНИК. Шнурок. В лапти гасники задёргнуты, а не шерстяные опояски. Пож.

ГАТЬ. = Етива гать! Бранный возглас. Ну, етива гать, я вас счас палкой! Юм.

ГИВИРГАТЬ. Петь (о птицах). Птички в лесу гивиргают. Пож.

ГИМЗЕТЬ. Кишеть. Клопы в каждой щели гимзят. Пож.

ГЛУХАРЬ. Особая колотушка для битья печей. Били печи глухарями. Глухари из дерева, чтоб сук был, обычно бывают словые. Осинка.

ГЛЯДЕНА, ГЛЯДЕНА, ГЛЯДЕНЫ, ГЛЯДИНЫ, ГЛЯДЯ-НЫ. Мп. Посторонние, приходящие посмотреть на свадьбу. Глядены – незваные гости на свадьбе, набьются полно в избу, до стола. Пож. На свадьбу глядины придут, смотрят на невесту. Юм. Глядена-те везде: на печке, на полатях. Усть-Зула. Глядяны придут, всем охота свадьбу поглядеть. Юрла.

ГОВОРИЛЬНЯ. = Говорильня работает у кого-л. О разговорчивом. Бежите к соседке, у ё говорильня работает. Пож.

ГОЛИЦЫ. Охотничьи лыжи, не подбитые с нижней стороны шкурками. Лыжи-то раньше обтянуты были – вот те-то – лыжи, а голы-то, на которых нынче катаются – просто голицы. На их ведь не подымеешься в гору, обратно катятся. Дубровка.

ГОЛОВА. = Как из кобыльной (кобыльей) головы (задницы). Много, как из рога изобилия. Она наскажет вам, у неё как из кобыльной головы. Откуль чё берётся? Пож. Вот и перебирает, как из кобыльей задницы, говорит и говорит. Тимина.

ГОЛОВКА. = Покойна головка. Умерший. Свекровь, покойна головка, послала меня в магазин. Юм. Добра

головка. Уважительное именование кого-л. Сестра, спасибо, добра головка, по меня пришла, увела домой. Юм.

ГОЛОС. = Голос под голос. В голос. В избу-ту захожу, а робятишки бросились ко мне, голос под голос ревут. Юрла. Некошным голосом. Истошно, иступленно. Тут она и заорала некошным голосом, так испугалась. Чус.

ГОЛОСОВАТЬ. Петь. Раньше, бывало, соберёмся и голосуем песни. Чёрная.

ГОЛУБЕНЦА, ГОЛУБИНКА, ГОЛУБЕНКА, ГОЛУБИНКА, ГОЛУБИЦА, ГОЛУБНИЦА. 1. Чердак; то же, что вышка. На голубенцах травы сушить-то надо, за солнышком. Юм. Зыбку-то на голубицу забросила. Юм. Дедушка посеял репку на голубенку. Таволожанка. Всё ветхое на голубницу бросила. Пож. 2. Крыша дома. Снег надо бы с голубинки счистить. Юм.

ГОЛЬ. = Голь-голь-голь. Звукоизобразительно о булкании. У ей в брюхе голь-голь-голь, голькат, это порча-та, дьявол-от в ей сидит. Юм.

ГОЛЯК. 1. Голень. По лесу пройдёшь, дак все голяки замерзнут. Юм. 2. Голое, свободное от чего-л. место. Там голяк на южной стороне, снег растаял. Юм.

ГОРАЗДЫЙ. Способный. Кто гораздый, тот, наверно, заговаривал, а мы ничё не знаем. Юм.

ГОРГАТЬ. Греть. Где-то горгат, гроза, наверно, будет. Лобанова.

ГОРЕСТЬ. Всё горькое. Вином не поминают, это ведь горесть, умер, дак и без того горько. Ефремова.

ГОСТЕБШАНА. Мп. Гости на свадьбе. Гостебшана – это приглашенные на свадьбе, родня. Пож.

ГОСТИДБА, ГОСТИДЬБА. 1. Пребывание в гостях, гощение. Раньше на каждый праздник такая гостидьба была. Юм. 2. Обрядовое посещение молодыми родственников после свадьбы. Мы поженились в январе, а гостидьбу-то только в июле сделали. Юм.

ГРАБИТЬ. Грести. Вы уж чисто грабьте-то. Таволожанка.

ГРАНКА, ГРАНЬ. Узкая гряда земли. Вон гранка кар-

тошки невыкопана. Лобанова. У меня уже восемь гра-ней картошки осталось. Юм.

ГРИБНИЦА. Грибной суп, грибовница. Насушишь грибы, зимой грибницу варишь. Юм.

ГРИБЫШНЫЙ. Из грибов, грибной. Делали на свадьбу пельмяни грибышны, ретешны. Чужья.

ГРОБОВИК. Гробовщик. Митя у нас был, гроба делал, его так и звали: вон де Митя Гробовик идёт. Юм.

ГРОЗОВИК. Грозовая туча. В которой стороне на Коны-грады морок стоит, в той стороне летом будут грозовики, грозы. Лопва.

ГРЯДКА. Большая полка, отделяющая кухню. Все зашли, а меня заставили на жениха через грядку поглядеть, это полка на середе. Таволожанка.

ГУБЫ. Грибы. Губы-те ишо мало нонче. Тимина. = Губы сеют. Идёт мелкий тёплый дождь. Сильно дождит, дак гриб червивеет; когда мелкой, лучше; так и говорят про его, про дождь-от – «губы-де сеют». Юм.

ГУЛЬНЫЙ. Гулящий. Гульна если баба была, ей грех умершего обмывать. Булдыри.

ГУНЯ. Одежда. Заблудишься – надо гуню на себе перево-рачивать. Тимина.

ГУРЕНЬКИЙ. Крепкий, хороший. Сыроежку берём, она гуренькая, крепкая солить. Ефремова.

ГЫЖНУТЬ. 1. Разбросать с шумом в разные стороны. Я как гыжнула в ведро овес! Юм. 2. Пройти дождю. Гыжнуло только, и нету дождя-то. Юм.

ГЫШ. Межд. Возглас, которым отгоняют птиц то же, что кыш. Гыш отседова! Чёрная.

Д

ДАВЕЛЬНИК. Самоубийца. Давельников-то со всеми вме-сте не поминают, они де к дьяволу. Таволожанка.

ДАВИЛЬНЯ. Приспособление для приготовления конопля-

ного или льняного масла. Давильни были: как бревно, продолблено насквозь. Запарят семя в печке, потом как пирог сделают, меж досок положат и в давилню. За-жмут доски с пирогом клиньями и подколачивают их, а снизу посудка, в её масло-то и бежит. Делали тоже шест, к стене его упрут, а у стены тоже доски с пиро-гом-то, клин подколачивают, и сок идёт. Юм.

ДАМКА. = Дамка мостовая. О сварливой, бранчливой женщине. Ходит по крылечкам по чужим, ругатся со всеми, дамка ты мостовая. Чужья.

ДАРИТЬ. = Речку (колодец, воду) дарить. 1. В сва-дебном обряде: бросать в реку денежки, платочки, лен-точки, кисточки, хлеб (о невесте). Воду дарят на дру-гой день: невеста бросат в речку, в колодец ли лен-точки, денежку, платки, кисточки с их и бросат. Ти-това. Невеста бросат в речку денежку и хлебушко краюшку покрошит: «Живи, матушка водичка». Фо-кино. Невеста на другой день рано, до солнышка, идёт водичку выкупат, как речку дарит. Бросит денежку или хлеб кусочек в воду или денежку в хлеб затолкат. Тимина. Невеста на колодец утром идёт дарить, хлеб краюшку бросит, воду зачерпнёт и скажет: «Возьми, колодец, мою краюшечку». Юм. Колодец дарят: бро-сит невеста четвертинку хлеб, потом в другой раз пойдёт по воду, зачерпнёт её, велят этой водой коро-ву попоить. Черепанова. Невеста по воду пойдёт, надо воду дарить. Бросат в воду хлебушек, денежку и соль. Кукольная. 2. В лечении болезней: бросать в воду де-нежку. Одна баба попила из ржавой лужи, у её такие коросты стали. Ей велели воду подарить, она поехала туда же, где пила, подарила, денежку бросила, потом всё прошло. Титово.

ДАТЬ. = Втыкала дать. Нанести побои. Вы уж, девки, хороших выбирайте, а то втыкала другой как дас. Тимина. Палтуху дать. Ударить. Крепкую он ему пал-туху дал, тот и с ног слетел. Усть-Бадья.

ДВОРИТЬ. Быть, приходится ко двору; вестись (о до-машних животных). Не дворит скотина, это быдто

жизнь плохое ей. Придёшь в конюшню, а корова вся мокрая, иней на ней. Осинка.

ДЕВА. Обращение между женщинами. Ты, дева, сходи в магазин, и мне купи хлеб-от. Юм.

ДЕВКА. Эвфем. Шутл. Женский половой орган. Как при-сушают: девку, которая внизу-ту пасётся, вымоют, воду соберут и напоят мужика, вот он и отстать не может. Тимина.

ДЕВЯТИЛ, ДЕВЯСИЛ. Трава девятисил. Девятил ухаю, в спирт ли, в водку ли, мяту-траву, брусничник, по-том по ложке надо пить. Тимина. Девясил тоже бе-рут, настаивают. Лобанова.

ДЕДУШКО. Леший. Дедушко называем мы его, лесной, он в лесу живёт. Пож.

ДЕКАТЬСЯ, ДЕКОВАТЬСЯ. 1. Колдовать. Некоторые де-каются над людьми – колдуют. Ефремова. Дековались раньше-то, счас не слышно. Пож. 2. Издеваться. Деку-ются над нами, над стариками. Лобанова.

ДЕЛАТЬ. = Горшки делать. Быть мертвым, умереть. Которой год уж старик нету, горшки делат. Юм. Делана на мужика. Умеет делать мужскую работу, физически сильна, вынослива (о женщине). Я на мужика делана была, сама с трактором управлялась. Чёрная.

ДЕНЬ. = Пирожный день. Второй день свадьбы. На другой день невесту стряпать заставляют, это пи-рожный день, молодка стряпат. Тимина.

ДЕРЕВО. Корпус хомута. Вот хомут, вот у его дерево, тут супонь затягивать. Пож.

ДЖЕЛЬКА. Молодая овца. Овечка двух джелек принесла. Миронова.

ДЖИРГАТЬ. Быстро и много, громко говорить. Не джир-гай, надоело уже тебя слушать! Пож.

ДЖИРОК. Утка чирок. Охотники вчера пять джирков убили, принесли. Лобанова.

ДОБЫВАТЬ. = Корчагу добывать. В обряде строи-тельства дома: угощаться по случаю окончания битья печи. Корчагу-то когда добывают, ведро браги прине-сут, тут пьют, на печке прямо лежат и пьют. Корча-

гу добывать – дак вот этот костёр-от корчагой и на-зывали. Липухина.

ДОБРО. = Куды с добром! Восклицание, выражающее волнение, печаль и пр. Помню, у нас корова не встава-ла в это же время, нет попозже – под весну, соберём людей, подынем, она ходит по двору, ест, пьёт и, ку-ды с добром, легет, встать не может. Липухина.

ДОБРОМ. Хорошо, как следует. О празднике-то, о, доб-ром набызгаешься, наешься. Липухина.

ДОЖЖИТЬ. Безл. Идти дождю. Небо затягат, дак не знаю, дожжыть долго будет, нет. Юм.

ДОЗИРАТЬ. Ухаживать, присматривать. Дедушка посеял репку на голубенку и стал дозировать. Таволожанка. Не-весту жених должен дозировать, то украдут. Булдыри.

ДОЗОРИТЬ. Присматривать. У кого родные есть, к им в Иванов день ходят дозорить. Титова.

ДОЗОРКА. Утренняя заря. Утром встанешь, дозорка красная – ведро будет. Осинка.

ДОКУДЬ. Докуда, до той поры. Невеста так и ходит с лентами, докудь за ей жених не приедет. Пестерёва.

ДОМОВОЙ, ДОМОВОД. Муж, пришедший жить в дом жены. Я его к себе в дом взяла, как домоводом. Юм. У наших родителей сыновьев не было, так тятя велел домового взять, женил дочь, взял на дочь-ту. Булдыри. Отец-от был домовод, в дом пришёл к жене-то. Таволожанка.

ДОТУНГАТЬ. 1. Понять, разобраться. Чё ты не мог до-тунгать башкой своей! Пож. 2. Вынудить, добиться. Всё же ки дотунгали мы начальство, денег стали больше платить. Чёрная.

ДРЕСВА. Песок для натирания полов. Раньше, чтоб пол белой был, его дресвой натирали. Пож.

ДРУЖКА. = Большой дружка. Старший дружка, рас-порядитель на свадьбе. Старший дружка, это он всё руководит. Пож.

ДУБ. = Дуб дуба лучше. О физически сильном, здоро-вом. Ничё не робят, по деревне шатаются, сами дуб дуба лучше. Титово.

ДУЖНЫЙЙ. Сильный, крепкий. *Сейчас робята дужные растут – еда-та есть.* Юм.

ДУМА. = Без думы. Без подвоха, умысла. Пельмени на свадьбу без думы делали. Таволожанка.

ДУМАТЬ. = Сказкой думать. Предполагать. Сказкой думаю, икотника не позвали на свадьбу – он наколдовал, и в трубу улетели свадебжана-те. Таволожанка.

ДУМНО. Беспокойно. На подушке другие люди будут спать. А тут, мол, если умрёт, то думно будет, что покойник умер на подушке, нам на ней спать. Юм.

ДУША. = Без души. В состоянии крайнего испуга. Снег полоть ходили – как доски-те захропали, мы без души убежали. Таволожанка. Душа выходит у кого-л. О испытывающем нестерпимое желание. Душа выходит – шибко охота рыбу поест. Чёрная. Душой да телом. Без ничего. Пожар случился у соседей, все сгорело, только душой да телом остались. Дубровка. С простой души. Просто, без сомнений, раздумий. Я с простой души и выпила, не подумаю, что она мне туда чё-то подсыпала. Васькова.

ДУШЕГРЕЙКА. 1. Теплая куртка из овчины без рукавов. Поддеть надо вот душегрейку. Лобанова. 2. Печка-буржуйка. Печь-ту летом не топлю, токо душегрейку; не по чё. Чёрная.

ДУШИНКА. Трава душица. Душинку от кашля пьют. Васькова.

ДУШНИЧКА. Комнатное растение с голубыми цветами, приятным запахом мяты. Душничка-та беда баско цветёт и пахнет сладко. Чёрная.

ДЫБАТЬ. Качаться. Мы малы были, кое-как еще только на ногах дыбали. Миронова.

Е

ЕВРЕЙ. = Еврей Евреевич. Леший. Бумажку, письмо ему пишут: «Товарищ Еврей Евреевич, выдай мне корову». Липухина.

ЕВРЕЙЧИК. Шутл. Воробей. Еврейчики вон прыгают. А чё, они ведь на готовом на всём живут. Ефремова.

ЕГИ-БАБА. Ведьма. Про какую-то Еги-бабу сказывала баушка. Пож.

ЕГИБИЦА. О вредной, неприятной женщине. Она егибича, живёт как кикимора. Липухина.

ЕГИПКА, ОГИПКА. 1. Тесто для пирогов, пельменей. Египка у нас говорят, а в Ананькиной – огипка. Это тесто. Пож. 2. Деревянный валик для раскатывания теста; скалка. На свадьбе невеста египкой сочни скёт. Юм.

ЕДИНОВА. Один раз. Заворачивали некрута единова, выйдет, снова велят идти в дом, рюмку подадут. Осинка.

ЕЗДИТЬ. = В песту ездить. Наниматься на работу в качестве няньки. Раньше бедно мы жили, дак я в песту ездила, у кого-ка маленький ребёнок, дак я пестовалась. Юм. На фурах ездить. Сердиться, проявлять неудовольствие. Ты чё опять летаешь, не смотришь на меня? Опеть на фурах издишь? Чус. По обедам ездить. В свадебном обряде: ездить с визитами по родственникам после просватанья. Невеста неделю ездит по обедам, к родне, с женихом, угощаются. Тимина.

ЕЗЖАЛЫЙ. Ездовой (о лошади). У нас были две лошади езжалые, три коровы дойные, ничё жили. Шестина.

ЕК. Больно. Смотри, стукнешь, ек, заболит. Пож.

ЕЛОДНИ. Нареч. Как-то, однажды. Елодни в магазин пошли, студёно было. Юм.

ЕЛЫСНИ. Сегодня, нынче. Елысни дождь моросит. Юм.

ЕМЛИТЬСЯ. = Не емлется. Безл. Неймётся. Ему хоть говори, хоть нет, не емлется ему. Пож.

ЕРЕТИНА. Шерсть с молодой овцы. С молодых овечек первая шёрстка – еретина, она самая хорошая. Летнина тоже хорошая, а еретина лучше. Шестина.

ЕРМОЛИТЬ. Тереть, натирать. Он ермолил, ермолил бумажку, дыра стала. Пож. = Глаза ермолить. Надоедать своим присутствием. Ушла бы ты, не ермолила мне глаза. Пож.

ЕРПЕСА. Егоза, непоседа. Она, ерпеса, на месте не сидит. Пож.

ЕРПЕСИТЬ. Торопиться, спешить. Куды-то всё ерпесит, не сидит на месте. Пож.

ЕРУШНИК. Продолговатый каравай (чаще из ячменной или пшеничной муки). Ерушники нынче редко пекут, муку только пшеничную берём дак. Пож. Счас уж, пожалуй, ерушники не пекут, а раньше пекли – из пшеничной муки, из ячменной. Юм.

ЕСТВА. Пища. Всю еству надо кадить, покадят, потом садятся есть на поминках-то. Тимина.

ЕСТОЛЬ. Вот столько. Естоль вырос: вершка на два, наверно. Юм.

Ё

ЁЖ. = Волосы ежом. О вставших дыбом (от страха) волосах. Как он увидел волка-то, у его и волосы ежом. Ефремова.

ЁЛТЫШ. Обрубок, кусок дерева. Свяжут руки-ноги – робёнок как ёлтыш лежит. Юрла.

ЁМ. Палисадник. Внук-от с крыши-то прямо в ём пал, чуть не зашибся. Осинка.

Ж

ЖАРЁНКА. Сковорода с высокими стенками. Где у нас большая жарёнка. Картошку сегодня на ужин нажарю. Юм.

ЖЕНИТВИНА. Оставшаяся от жатвы стерня. Женитвина на поле долгая осталась. Пож.

ЖЕЧЬ. Печь. На Рождество обязательно сочни жгут, девки в сочельник с ими гадают. Бадья.

ЖИТНИЦА. Место для хранения зерна (клеть, амбар). Тысяча и сваха молодых вели в чулан ли, в житницу, зимой – на полати, с собой молодым пирог нашивали. Пож.

ЖИТЬ. = Жить под ёлкой. Работать в лесу на лесозаготовках. Тожно всяково было: и конюшила, и под ёлкой жила. Сколь годов в лесу робила. Чёрная.

ЖИТЬЁ. = Житьё на верёвочке связано у кого-л. О бедной, скудной жизни. Житьё-то на верёвочке связано, хоть чё, а робить-то надо. Чёрная.

ЖИХМАРА. О скупом. Ну и жихмара же ты: копеечку пожалел! Юрла.

ЖНИВА. Уборка урожая. Жнива будет, всех собирают, из Юрлы приедут хлеб убирать. Осинка.

ЖНИМО. Время, период жатвы. Бывало так, что всё жнимо дождливое. Юм.

ЖОГНУТЬ. Ударить. Вот я тебя жогну счас, ты у меня получишь. Пож.

ЖОРКИЙ. Наделённый аппетитом. Молодые укусят, а по выкушенному смотрят, какие ребята у их будут, жоркие тамока или нет. Черепанова.

ЖУЛАН. Снегирь. В лесу у нас есть жуланы, маленька птичка, похожа на воробья, с красной головкой. Юм.

ЖУЛЬКАТЬ. Полоскать в воде. Стираю дома, а потом на речке жулькаю. Пож.

ЖУНИТЬСЯ. Прижиматься, ластиться. А он жунится к матери-то, всё бы жмётся. Ефремова.

З

ЗАБИРАТЬ. = Половицы забирать. В свадебном обряде: для удачного сватовства ставить ноги на две про-

дольные половицы. Когда сватались, половицы забирали, не на одну половицу чтобы ноги попали, а на две, тогда высваташь. Юм.

ЗАВЕСИТЬ. = Век завесить кому-л. Обречь на лишения, страдания. Но она — больная, токо старику век завесила; мается он с ей. А куды девашься? Чёрная.

ЗАВЕЧАТЬ. Загадывать. Когда капусту садили, завечали на родню: один кочешок — на одного, другой — на другого. Юм.

ЗАВСЁ. Всегда. Раньше завсё ходила эта воспа, счас нету её. Юм.

ЗАВТРАШНЁ. Завтра. Вот ночует этот костёр тамо, в печке, а на завтрашнё пирог перед печкой ели, брагу пили. Таволожанка.

ЗАГУЖАТЬ. Застыть, затвердеть. Дорога лучше стала: загужало. Пож.

ЗАДУМАТЬ. = Думу задумать. Замыслить. Разостнёшь тесто, как олашки, думу задумаешь, и тесто вместо мяса положишь. Таволожанка.

ЗАДУШАТЬ. Протухнуть. Суп-то задушал. Зайцева.

ЗАЙМОВАТЬСЯ. Заниматься. Всё равно чем-то надо займаться, чё-то делать. Пож.

ЗАКАЧКАТЬ. Занять, заполнить. Огород в этом году весь картошкой закачкала. Чёрная.

ЗАКОКОВЕТЬ. Затвердеть. Покойника моют, пока он не закоковел. Ефремова. Я чисто вся закоковела, застыла на улице. Юм.

ЗАКРЕЧКАТЬ. Закряхтеть, захныкать. Ребёнок закрепчат: «Ы-ы-ы», надо вставить, кормить. Бадья.

ЗАКРУГЛЯТЬ. = Дом закруглять. При строительстве дома: проводить особый обряд обхода, освящения дома. Дом построили, тогда свои обходят дом, закруглят. Лазины тоже сделают, заходят в новую квартиру когда, пир. На эти лазины несут кто вилки, кто ложки, кто там ерунду разную на новое поселение, чтобы богато жили сразу. Юрла.

ЗАКРЫВАТЬ. = Дорогу закрывать. По суеверным представлениям, сбивать с дороги (о лешем). Леший мо-

жет человеку дорогу закрыть и корове, она из лесу не может выйти. Таволожанка.

ЗАКРЯСНУТЬ. Загустеть, затвердеть. Закрясло на дороге-то. Пож.

ЗАЛАВОК. Шкаф на кухне для посуды, утвари. Залавок на середе, туда посуду ставят да чего. Пож.

ЗАЛОЖИТЬ. = Дело заложить. Начать что-л., приступить к чему-л. Где-то на празднике подсмострят невесту, где-ко что-нинабудь, приедут врасплох, дело заложат, тогда уже посылают сватов, договорятся, тогда уже просватывать приезжают с женихом. Пож.

ЗАЛУДЕТЬ. Засохнув, покрыться коркой; затвердеть. Дожда нет, земля вся залудела. Дубровка.

ЗАПУКИ. Предрассудки. Не вирю я про лешего, запукки это. Ефремова. Запукки это, приговаривают, что лесного этого вихрь называют. Ни с того ни с сего закрутит, закрутит. Юм.

ЗАРЯ. = Тёмная заря. Вечерняя заря, закат. Раньше-то с темны до тёмной зари робили. Чёрная.

ЗАСКРЁБЫШ. Младенец, последний в семье. Двое большие внуки, а вот этот заскрёбыш со мной сидит. Пож.

ЗАСТОЛЬНОЕ. В свадебном обряде: выкуп с гостей за право сесть за стол. Девки с гостей застольное стребуют, заставят выкупать стол гостей-то. Юм.

ЗАУЗЖАТЬ. Затвердеть (о мокром снеге). В Велик четверг заузжат — по насту ходишь в огороде, чтобы летом всё росло, снег-от держит. Дубровка.

ЗАУЗЬМАТЬ. Поддаться сну, задремать. Чё-то парень заузмал, сидит, чуть не падат, надо спать его тащить. Пож.

ЗАХВАРИВАТЬ. Заболевать. Захваривать мужик стал часто. Юм.

ЗАХЛЕСТНУТЬСЯ. Ударившись, повредиться. Кобыла понесла, он пал и сильно захлестнулся. Осинка.

ЗАХОЛУСТОК. Закуток. Там захолусток, коза у меня там. Пож.

ЗАХОМУТАТЬ. Вплести ленту в косу. Ленточку захомутают, и всё, с ленточкой ходит. Таволожанка.

- ЗАХРОПАТЬ.** Издать звук при падении на землю. *Снег полоть ходили, как доски захропали – без души убежали.* Таволожанка.
- ЗАХРЯПАТЬ.** Застучать. *Как доски повалились, захряпало.* Липухина.
- ЗАЧЕРЧИВАТЬ.** = Зачерчивать болезнь. Излечивать болезнь знахарскими и магическими способами. *Кто леворукий, те больше-то зачерчивали болезни-те.* Юм.
- ЗАЧИЖГАТЬ.** Забрызгать струей. *У малинького глаза болят, надо зачижгать материнным молоком.* Тимина.
- ЗАЧУРИТЬ.** Выбрать для себя. *Там, когда выбирали, его сразу зачурили: он ведь грамотный был, работник хороший.* Осинка. *Я чё-то эту басню забыла, вроде говорили сваты, что, мол, пол вдоль, половицы вдоль, матица поперек, невеста не поперечься. Это когда невесту зачуривали.* Липухина.
- ЗАЯГАТЬ.** Начать кричать. *Тебе уж ничё сказать нельзя, опять заягала.* Пож.
- ЗАЯДЛИВЫЙ.** Заядлый. *Охотники заядливые носят заячи лапки-те, хранят.* Осинка.
- ЗВЕЗДКА.** Звезда. *Звёздки и звёздки, как называть, ничё не знаю.* Липухина.
- ЗДАНУТЬ.** Ударить. *Мама-то сковородником меня ещё по спине зданула, на кухне-то, как могла, так и поздёрнула.* Балда.
- ЗДАРЬЁ.** Подарки, которые готовились невестой для новой родни. *Со здарьём-то позже приедут, молодые уж обвенчались.* Пож.
- ЗЕМЛЯНКА.** Земляника. *Мы с подружками часто по ягоды ходим: по землянку, по жимолось.* Юм. *В Петров день первый раз землянку едят.* Ефремова.
- ЗЕЯТЬ.** Безл. Светиться. *Идёшь по улице, во всех окошках зеет.* Пож. *Леший идёт, на ём пинжак, только пуговики зеют.* Таволожанка.
- ЗИМА.** = Зима морозом трясёт. О холодной зиме с частыми морозами. *Нынче зима морозом трясёт, сколько раз стужа была большая.* Пож.

- ЗИМНИК.** Воробей. *Зимники летают, воробьи.* Юм.
- ЗИМОГОР.** 1. Человек, любящий быть на морозе. *Вон на горке зимогоры-те.* Юм. 2. Человек, живущий беззаботно, беспечно. *Он ведь зимогор – никакого хозяйство нету.* Юм.
- ЗНАМЯ.** В свадебном обряде: какой-л. предмет, наделённый символическим смыслом. *Когда сватали девуку, она знамя давала: кто опояску, пояс, перчатки, кто опять полотенце, шарф приготовит, что согласна.* Пож.
- ЗНАТКОЙ.** Колдун. *Мужик тут в деревне недалеко беда знаткой был, мог свадьбу оборотить.* Титова. *Знаткие, они так могут сделать – свадьбу переверотить в волков.* Юм.
- ЗНАТЬЁ.** = Не на знатьё. Тайком. *Надо накормить ребёнка, только чтоб ему не на знатьё, рыбкой, которую из щуки добыдешь, он и перестанет под себя ходить.* Тимина.
- ЗОЛОТИТЬ.** = Стол золотить. В свадебном обряде: давать выкуп за право сидеть за столом с молодыми. *Надо гостям стол золотить, деньги положат и садятся.* Тимина. *Дружки вызовут кого, тот идёт, деньги несёт, он должен стол золотить, бросат денежки в чашку.* Булдыри.
- ЗЫБАТЬ.** Качать. *Всю ночь ребёнок проревел, всю ночь зыбала.* Пож.
- ЗЫБКА.** Люлька для младенца. *Зыбка вон на жерде висела, кольцо-то в потолке.* Пож.
- ЗЫЛЯ, ЗЫЛЬКА, ЗЫРЬКА.** Коровья лепёшка или кусок конского навоза. *Играли всяко, пинали зырьку коровью, побольше выберешь да гоняшь её.* Ефремова. *Ходят, пинают по дороге зыльки конские.* Юм. *Зыля лежит под ногами, коровья лепёшка.* Лобанова.
- ЗЯБЛЫЙ.** Прохладный, холодный. *Если снег не метёт на Чистый понедельник, мороз – лето зяблое будет.* Осинка.

И

ИВАН. = Иван-именинник. Иван Купала. Когда Иван именинник, надо напоротник идти смотреть, как цветёт. Кукольная. Иван-берестенник (берестник). Время сбора бересты, обычно в Петрово говенье. Иван-цветник живёт да Иван-берестенник, берёста липат тогда с берёз. Драть берёсты надо, оно само дерётся. Это разные праздники. В Петрово говинье Иван-берестенник. Липухина. Иван-берестник, на этот день бересто дерут, раньше чуть не возами возили. Титова. Иван-берестенник – дак лапти из бересты плели, шулики. Кукольная. Иван-цветник. Время цветения трав, хлебов до Петрова дня. Трава цветёт до Петрова дни – Иван-цветник живёт, хлеб-от цветёт. Липухина.

ИВГАТЬ. Ржать. Лошади ивгают, чутко, лягаются видно. Пож.

ИГОРЬ. = Игорев день. Весенний праздник Егорьев день. Если в Игорев день подожжит – трава вырастет хорошая, большая. Кукольная.

ИГРАТЬ. = Через человека играть. Троицкая, реже Рождественская, игра, подобная игре «Ручеёк». На Рождество соберутся в доме, который больше, через человека играют, парами ходят. Липухина. У нас в Петров день через человека ходили, с песнями. Пож.

ИКОТНИК. Колдун. Чтобы девка не попятилась, замораживал старик-икотник сани. Его садили вместе с гостями. Таволожанка.

ИДТИ. = Книзу идти. Умирать. Мне уж ведь книзу идти, старо дело-то стаёт. Юм. Иди к чёморе. Бранное. Иди к чёморе! Надоело твои басни слушать. Юрла.

ИЗБЫВАТЬ. Переживать. Мы боимся, дак не идём домой-ту, избывали, чтоб нам ничё не сделалось. Юм.

ИЗЛЕВАТЬСЯ. Издеваться. Колдуны и над человеком излеваются, и над скотиной. Тимина.

ИЗНОСИТЬ. = Щелчок (щелчка) не износить. Про-

жить с мужем в согласии. Век с им прожила, шелчок не износила, матюк не слыхала от его. Чус.

ИКОТА. По суеверным представлениям, насылаемая на человека порча в виде говорящего существа. У одной тут есть икота, дак она даже гадает. Спросят, если чего потеряли, она сообщат. Юрла.

ИЛЬЯ. = Илья-пророк в тележке проволоок. Шутл. о громах. Загремит в Ильин день. Ну, Илья-пророк в тележке проволоок! Ефремова.

ИМАТЬ. Ловить. Все бегают, а дежурный имат их, так играли. Пож. = Дорогу иматъ. В свадебном обряде: перегораживать путь жениху, требуя выкупа за невесту. Дорогу сколь раз имат. Это когда жених по невесту ехал, тогда и дорогу имат, бревно да чё кладут, дружка ему помогает: там бутылку бросит ли чё. Миронова.

ИМЕТЬ. = Мечту не иметь. Не мечтать, не надеяться. Мы раньше о конфетках и мечту не имели. Юм.

ИМУЩЕСТВО. Эвфемически о детородных органах. Страшно идти с женихом в баню, имущество ему казатъ. Чужья.

ИСТОШНИЦА. Колдунья. Она истошница, её все боятся, возьмёт и всю семью испортит. Пож.

К

КАВАРГАЧИТЬ. Делать, изготавливать что-л. наспех. Что, опять каваргачить пошла? Своих кормить? Юм.

КАГА. Маленький ребёнок. Кагу сосить надо, а молоко в грудях нету. Юм.

КАДИТЬСЯ. Исполнять обряд с окуриванием чего-л. ладаном. На Радальничу ходили на кладбище кадиться, покадишь на могиле ладанок, ну, еду сколь-то принесёшь, нищим раздашь. Тимина.

КАВЕРЗАН. Круглый ржаной хлебец. Утром ел каверзан, бабушка испекла. Чёрная.

- КАЖГАТЬ.** Скрипеть. Соль крупная попала, на зубах *кажгат*. Пож.
- КАЖЁНЫЙ.** Подвергнутый кажению (окуриванию ладаном). *Яичко кладут на полку, оно кажёное, хранят его*. Тимина.
- КАЗАНКА.** День Казанской Божьей Матери (4 ноября). *В Казанку начинали ходить нищие по деревням. Хлебушко им давали, молоко, спать клали. Так ведь и говорят – «сирота казанская»*. Кукольная.
- КАЛАУЗ, КЛАУС.** 1. Небольшой узкий мешок. *В калауз зерно насыплешь, идёшь на мельницу*. Юм. *Мешки коротеньки называют клаусом*. Юм. 2. Незаполненный до верху мешок. *В мешке неполон – это калауз*. Ананькина.
- КАЛЁНКА.** Печь-буржуйка. *Зимой калёнку ставлю, стужа в избе-то*. Пож.
- КАЛИГА.** Брюква. *Каши наделают из калиги, из картовки. Сварят, рассол выцедят, потом растолкут, муку потом разболтают, добавят, вот и каша калижная. За калижну кашу душу отдашь*. Осинка.
- КАЛИКА.** Калека. *Муж с войны каликой пришёл, без ноги*. Юм.
- КАЛЫМ.** Свадебный выкуп. *Выражали на свадьбу-то, если мяса не хватат, пусть мясо везут или муку, или пиво тоже пусть варят родители невесты-то. Это калым такой. Таволожанка. Жених приехал на просватанье, невестина мать блины несёт. Он должен на блины деньги положить, это калым*. Кукольная.
- КАМОЛА.** Мох, используемый в строительстве деревянных построек для заделывания щелей. *Завтра будем камолой щели заделывать*. Юм.
- КАМПАНИРОВАТЬСЯ.** Сочетаться, подходить. *Смотри, к этой да кофте этот платок-то кампанируется ладно*. Юм.
- КАНЬГАТЬ.** Хныкать. *А Ванюшка-то мой каньгаёт, исть просит или мокрый, переменить ему надо*. Чёрная.
- КАРАВАН.** Каравай. *Ешьте караван-то, горячий ещё*. Осинка.

- КАРЕТКА.** Корзина. *Целую каретку грибов наберём в лесу-то*. Юм.
- КАРПИВА.** Крапива. *Карпивы свиньям нарвала, нарублю да запарю*. Юм.
- КАТОВАЛ.** Человек, занимающийся изготовлением валенок. *Были в деревне которы валенки катали, катовалы назывались*. Шестина.
- КАШТАНИТЬ.** Командовать, требовать. *Пришёл пьяный домой и давай каштанить*. Пож.
- КАЯН.** Демонологическое существо, которым пугают детей. *Ну-ко, не реви, перестань, не то каян-то унесёт тебя. Каяном-то у нас малых пугают, кто не слушает*. Зарубина.
- КЕРЖАЧИТЬ.** Придерживаться старообрядческой веры. *Дедушко кержачил, помню, у его была своя отдельная деревянная чашка, только из её и ел*. Тимина.
- КЕРСКАТЬ.** Кряхтеть, беспокоиться. *Чё он и керскат? Видно, болит чё-то*. Пож.
- КИБИТА.** Небольшое строение; избушка. *Я в своей кибите нонче едва не замерзла: всё старо уж, домишко разваливается*. Чёрная.
- КИБИТКА.** Устанавливаемый на сани, телегу навес от ветра, дождя. *Делают кибитку, её ставят на сани, на телегу тоже, чтоб не мерзнуть*. Юм.
- КИЛА.** Грыжа. *Килы садили, человек не понравится, колдун ему сделает, у того такая тут опухоль станет*. Пож.
- КИЛОВОЗ.** Повозка, в которой ехали тысяцкий и жених. *Дружка впереди, потом родня, а потом уж тысяцкий с женихом, это киловоз едет*. Пож.
- КИЛОВЯЗ.** Колдун. *Колдун-киловяз может килу посадить*. Юм. *Киловяз-киловяз, сади килу себе на правой глаз*. Юм.
- КИПЕТЬ.** = (Как) в смоле кипеть. Мучаться. *С ребятами в войну одна осталась, дак этъ не жила – в смоле кипела*. Юрла.
- КИСЛИЦА.** 1. Красная смородина. *Из кислицы у нас тоже варенье варят*. Юм. 2. Щавель. *Кислицу на лугах нарвёшь и ешь*. Лобанова.

КИСТОЧКА. = Семибисерная кисточка. Украшение из бисера для причёски невесты. *Плели семибисерную кисточку, из бисера делали, в косу с ленточками невесте заплетали. Кукольная.*

КИЧАН. Кобель. *Кичан у нас был, зимой волки уволокли. Кукольная.*

КЛЕНЬГАТЬ, КЛЁНГАТЬ. Находиться в постоянной занятости, в тяжёлой работе. *Она в огороде может целый день кленьгать, не отдохнёт то есть. Юм. Целой день клёнгать приходится. Лобанова.*

КЛОБОК. = Найдётся по чёрту клобок, по Сеньке шапка. Поговорочное выражение о дружбе, связи в чем-то сходных людей. *Носили какие-то клобуки на головах. Вот и говорят «найдётся де по чёрту клобок, по Сеньке шапка». Таволожанка.*

КЛОПОВНИК. 1. Растение – багульник болотный. *У кого клопы не уйма, так клоповник брали. Он на болоте растёт, сильно пахнет; на ём цветков много, сам как метёлка – багульник по-вашему. Юм.* 2. Папоротник. *Клоповник из лесу носят, папоротник, кругом его накладешь – от клопов, да ничё не помогает, я пробоvalа как-то. Юм.*

КЛОЧИТЬ. Болтать, говорить вздор. *Слушайте её – она клочит, а вы сидите, пишете. Юм.*

КЛЮКАТЬ. Клевать. *Выпустила цыпущек на траву – вон они обрадовались, смотри, как клюкают молодую-то травку. Юм.*

КЛЯНУТЬ. Проклинать. *Скотину и то клянуть нельзя, поругашь её, она в лес уйдёт и не придёт. Титова.*

КНОШ. Валек для стирки грубого полотна. *Кношом-то половики стирали на мостках, трёшь их, и ладно получатся. Дубровка.*

КНЯЖНА. = Княжна ягода. Ягода княженика. *Берут и землянику, и малину, и княжну ягоду. Пож.*

КОБЫЛА. = Кобыла нагайская. Неодобрительное обращение к непослушному человеку. *Я если не напярсничаю, бабушка заходит в избу, она меня дубинкой:*

«Ах, ты, кобыла нагайская, ты опять не напярсничала!» Липухина.

КОБЫЛКА. Приспособление для катания с горок на Масленицу. *На Масленицу катались с горок на кобылках. Липухина. На Масленку все с кобылками на гору, кобылки подморозят, чтоб лучше катили. Юм. Кобылки делали как лавку, большую, человек 5–7 уйдёт, снизу доска и сверху, так и катались. Ананькина.*

КОБЫЛКА. Название святочной молодежной игры. *Кобылкой тоже играли. Девку выберут одну и вроде как её подковывают, бьют по ногам. Пож.*

КОГОТЬ. = Под семью когтями. В полной зависимости, кабале. *Взамужем – под семью когтями, сам себе не хозяин. Юм.*

КОЗИЦА, КОЗИЧКА. Небольшой мешок, сумка из полотна (обычно холщового). *Козица вон на заборе висит, сохнет; в ей хоть чё держим: песок ле, муку ле. Юм. Мы раньше в школу книги носили в холщовых козичках, в уголки рукавицы подложим, свяжем гасником и за плечи. Во, здорово! Чужья.*

КОЗОЛЬ. Цветки ели в виде красноватых шишечек на ветвях. *Весной-то хожу, собираю козоль и ем. Вкусно. Это как шишечка на ветках у ёлки. Нащиплем козоль с ёлки, можно хоть и лепёшки испекчи из их. Юм.*

КОКАТЬ. Обижать, причинять страдания. *Я чё, одна, все меня кокают. Таволожанка.*

КОКАТЬСЯ. Клеваться. *Берегитесь, девки, петух-от кокается. Зарубина.*

КОКОЛЕМ. О застывшем, затвердевшем. *Яма худая, нонче картошка коколем замёрзла. Ефремова.*

КОКЫШКА, КУКЫШКА. 1. Сустав пальца на руке в согнутом виде. *Кокышку вот так сделал, показал ему палец. Лобанова. Болит где, дак надо кукышкой зачерчивать, или потыкать в то место сколь-то раз. Тимина.* 2. Женская причёска в виде пучка. *Вон какая кокышка у деушки на голове, а раньше ведь девка косу плела. Чёрная.* 3. Шишка, вздутие. *Стала на руке кокышка, как бугорок. Лобанова.*

- КОЛЕСУХА.** Водяная мельница. *У нас были тут раньше на ричке колесухи, мололи хлеб.* Таволожанка.
- КОЛОБОВНИК.** Трава. *Трава такая есть, колобовник, высокая, по лягам растёт, листья у её большие. Нарвёшь, и колоба на этих листьях пекёшь.* Осинка.
- КОЛОДА.** Большое долблёное корыто. *Скота поили, кормили тоже в колодах, большие такие делали колоды, долблёные.* Пож.
- КОЛОКОЛО.** = Как колоколо. О чрезмерно разговорчивом, словоохотливом. *Соседка у меня как колоколо, всю дорогу болтат чё-то.* Чёрная. Колоколо деревяннo. Ирон. О чрезмерно болтливом. *Она колоколо деревянно, её не переслушаешь.* Усть-Зула.
- КОЛУШАТЬСЯ.** Делать что-л. с чрезмерным напряжением сил. *Больно колушались мы на работе в лесу.* Чёрная.
- КОЛЫБАТЬСЯ.** Качаться. *Играли ещё – «корыто колыбаться, невеста набивается».* Лобанова.
- КОЛТЫШ.** 1. Сырое яйцо. *И в постный день поп колтыши пьёт.* Юм. 2. Скорлупа от яйца. *Когда в Пасху стряпаешь, яичко разобьёшь, останутся колтыши, скорлупа-та, дак их прибираешь.* Осинка.
- КОЛЬКИШ.** Яичная скорлупа. *Пришла на гнездо, а там только колькиши, видно, сороки вытили яйца-те.* Пож.
- КОНОВАЛИТЬ.** Выполнять работу коновала, ветеринара. *Кто коновалил, дак раньше говорили «с ремнём де ходит», у его ремень – жеребчей путать.* Булдыри.
- КОПЁННИЦА.** Копна. *Мы на поле робили, копённицы собирали.* Юм.
- КОПОШИТЬ.** Грести, ворошить (о сене). *Косить которые не умеют, дак копошить будут.* Чёрная.
- КОПЫТЕНЬ.** Трава, используемая для лечения от алкоголизма. *Копытень, эта трава от пьянства.* Юм.
- КОРОБЕНИТЬ.** Гнуть, трясти. *Встала на колени, дак ишишо пуше стало коробенить, вот тогда и я родила.* Юм.
- КОРОВА.** = Как корова об порозе реветь. Сильно, громко. *На могиле не надо как корова о порозе – бабе об мужике – реветь, грех это.* Таволожанка.

- КОРТ.** = Иметь корт. Держать в аренде. *Земли у его мало было, дак он ещё корт имел.* Ананькина.
- КОРЧАГА.** = Корчагу доставать. В обряде битья печи: устраивать утощение бьющим печь. *Бьют печку, там в печку делают сруб из брёвен, костёр называют. На него пирог ставят. Вот ночует этот костёр там, а на завтрашнё пирог перед печкой ели, брагу пили. Корчагу-то когда добывают, ведро браги принесут, тут пьют, на печке лежат. Когда закончена вся печка, когда протопят её, наутро только добывают.* Осинка.
- КОРЧИТЬ.** Экспр. Делать что-л., затрачивая большие усилия. *Соседи-то вон дом новый корчат.* Чёрная. = Спину корчить. Много, напряжённо работать. *Мой муж сколько лет, маленький ещё, спину корчил на богатого мужика.* Юм.
- КОРЧУЖИТЬСЯ.** Принимать изогнутую форму; коробиться, корчиться. *Берестом баню покрывают. Чтобы не корчужилось, его покрывают досками.* Юрла.
- КОРЫСЯ.** Неодобрительно о человеке. *Ходит тут у нас одна корыся по домам.* Юм.
- КОРЮШКА.** Корь. *Корюшкой-то нонче не хварают, а раньше умирали от её.* Юм. = Корюшка юкает. Лихорадит от кори. *У нас парня-то корюшка юкает. Уж третий день не встаёт.* Юрла.
- КОСА.** = Коса красуется. О гуляниях невесты в последние дни перед свадьбой. *Невеста ходит по обедам, по родне, это, говорили, коса красуется последнее время.* Кукольная.
- КОСТЁР.** Деревянный сруб, укладка из брёвен, которые делают при битье печи. *Бьют печку, там в печку делают такой как сруб из брёвен, костёр называют, чтоб свод был у печки. Ещё в костёр кладут рыбный пирог, брагу ставят для строителей.* Липухина.
- КОТНИК, ИКОТНИК.** Колдун. *А про котников, про колдунов-то ничего говорить нельзя, они всё слышат.* Осинка.
- КОТОК.** Дойка (сосок) на вымени коровы. *Коток треснул, не даётся корова доиться.* Пож.

- КОТОЛОБИТЬ.** Экспр. Много и тяжело работать. *В войну все котолобили.* Чёрная.
- КОТОМКА.** Кила, грыжа. *Котомку сажают через воду, а чтобы не посадили – пейте всегда через большой палец.* Сергеева.
- КОЧЕРГА.** Детская болезнь. *Кочергу у ребёнка лечили материнным молоком.* Ефремова. *Кочергу лечили – надо натереть спину белой мукой, в бане, ну, крупчаткой, потом растирать, вот и выведёшь.* Тимина.
- КОЧКАТЬ.** Ударять, стучать. *Кочкают друг друга парни-те.* Юм.
- КОШЕНИНА.** Скошенная трава. *Коней кормят кошениной, не пасут.* Юм.
- КРАДШЕ.** Тайно. *Не согласны родители, делали тожно свадьбу крадше.* Юм.
- КРАСНОНОЖКА.** Травянистое двудольное растение, бальзамин. *Вон на окне у меня стоит красноножка – больно красивая.* Чёрная.
- КРАСОВАЛЬНЫЙ.** Благополучный. *Дома-то красовальное житье.* Зайцева.
- КРАСЬ.** Красно. *Помидоры на корню спели, под плёнкой. Придётся – крась только.* Юм.
- КРЕСТ.** = Крест на лоб. Истинно так, достоверно. *На мой глаз, раньше больше-то худо жили, а теперь ведь, крест на лоб, всего хватает.* Усть-Бадья.
- КРИВЛЯТЬ.** Вести себя нечестно. *Если женщина честно жила, её могут и в вечноном положить в гроб, а кривляла – дак нет.* Чужья.
- КРИВУЛЬКИ.** Домашние калачи. *Кривульки к свадьбе делали из теста, как калачики, с сахаром. Сначала их варили, а потом в печку ставили.* Тимина.
- КРОВЬ.** = По крови. По наследственности. *Порча, икотка-та, по крови передаётся, от родителей.* Таволожанка.
- КРУГЛИТЬ.** = Дом круглить. В обрядах строительства дома: обходить вокруг сруба. *Сруб готовый, надо дом круглить. Одного назначают, он обходит по бревнам сруб, по матке тоже.* Ефремова.

- КРУПА.** = Толстая крупа. Крупа из крупнодроблёных, немолотых зёрен. *Бабушка шти отрёпные сварила в русской печке, из толстой крупы; сейчас поедим со сметаной.* Юм.
- КРУТИК.** Высокая гора, угор. *Крутики высокие, вот с их и катаешься.* Таволожанка.
- КРУТИТЬ.** = Крути-верти. О беззаботной жизни. *Жизнь-та у нонешней молодёжи кути-верти. Живут крути-верти, деньги есть, дак ладно, нет, дак тоже.* Юм.
- КРЫЖИТЬ.** Гулять, искать самца (о собаке). *Вон сколько собак понабежало, это у нас сучка крыжит.* Осинка.
- КРЫЛЬЧИ.** Лопатки. *У маленького чаще на крыльях выходит кочерга.* Юм.
- КРЫШКА.** Название верхнего снопа на суслоне. *Крышку на снопы сверху-ту кладут, один сноп растеребят и как шляпу.* Юм.
- КУДЯКАТЬ.** Брякать, издавать звон. *Чую-де, как свадьба идёт, колокольчи кудякают, невесту везут.* Осинка.
- КУЛЫКАТЬ.** Мучиться, страдать. *Сколь годов в лесу проробил, с малолетства, вот тожно и кулыкаю, здоровье не стало.* Тимина.
- КУЛЬБАКА, КУЛЕБАКА.** О некрасивом. *Я молодая была кульбака, небаская.* Осинка. *Кулебака такая, на што фотографировать-то.* Ананькина.
- КУМЕЛЬКИ.** Кувырком, вверх ногами. *Кумельки только с ног, подкатишься и пал.* Юм.
- КУТЯ.** = Ни кути ни тпрути. Нет никого, никакого хозяйства. *Я и не тороплюсь домой, у меня никого нет, не кути не тпрути.* Юрла.
- КЫЖГАТЬ.** Жать. *Как уйдём ранёхонько, так и кыжгам до темноты.* Зайцева.
- КЫРСКАТЬ.** Хрустеть. *Корова в конюшне ест, кырскат.* Таволожанка.
- КЫРСНУТЬ.** Ударить. *Баран рогами как кырснет, кожу всю продрал!* Ефремова.
- КЫСАРКА.** Кошка. *Кысарку надо молоком напоить, а то, поди, голодная.* Чёрная.

КЫЧКАТЬ. Тормошить, теревить; обижать. *Деда они опять кычкуют, а он старый, немощный. Юм. Не надо маленького кычкать, не бейте его. Ананькина.*

Л

ЛАГУННИК, ЛАГУНЩИК. В свадебном обряде: участник свадьбы со стороны невесты, которому поручалось возить в дом жениха угощение (пиво, брагу) на свадебный пир. *Лагунники возут от жениха брагу да пиво, своё ведь пьют сначала-то, пока невесту не вывели жениху. Пож. Лагущик возёт с собой брагу, пиво. Лобанова.*

ЛАДИНЫ. Новоселье; то же, что влазины, лазины. *Соседи избу новую построили – скоро ладины будут. Титово.*

ЛАЗИНЫ. Новоселье. *Лазины сделают, когда дом построен, пир, на лазины соседи несут кто чего: кто вилки, кто ложки, ерунду разную – на новое-то поселение, чтоб богато жили. Ефремова.*

ЛАКША. Хмельный напиток типа браги (чаще некачественный). *Ты уж отведай моей лакши-то. Чёрная.*

ЛАПКА. = Заячья лапка. Лесное растение. *Заячья лапочка мохнатенька, в лесу есть, на конце как лапочки. Посуду мыть ей хорошо. Юрла.*

ЛЕВОРУКИЙ. Левша. *Кто леворукий, те больше-то зачерчивали болезни-те. Юм.*

ЛЕГОСТАЙ. Бездельник. *Я таких легостаев ещё не видела – по дровчика неохота скодить. Пож.*

ЛЕГОТА. Облегчение. *Личила баушка, да никакая легота мне не стала. Усть-Зула.*

ЛЕЖНИК. Нераспаханная полоса. *Раньше напашешься, ляжешь на лежник и уснёшь. Чёрная.*

ЛЕЗГУНЬЯ. Верхняя одежда в виде телогрейки, фуфайки, стёганной куделью. *Мы раньше лезгуньи всё носили. Юм.*

ЛЕЗЬГА. = Лезьга лезьгой кто-л. О вялом, раскисшем. *Сидит лезьга лезьгой, захворал, может. Пож.*

ЛЕСИНА. = Чёртова лесина. Деревья, считающиеся в народе дьявольскими. *Вереск да осина – чёртова лесина. Липухина.*

ЛЕТАТЬ. = С бороной летать. Беспричинно злиться. *Забегал он, записывал, а мама говорит: «Не выпил, видно, сёдни, с бороной летат». Чус.*

ЛЕТНИНА. Шерсть с овцы, снятая летом. *Летнина, летняя шерсть, хорошая прясть-то. Шестина.*

ЛЕШАК. = Лешаки ломают кого-л. О том, кто ведёт себя безрассудно. *И где это его опеть лешаки ломают? Дома сёдни не ночевал. Чус.*

ЛЁЖИТЬ. Укладывать, ложить. *Лёжили молодых-то раньше прямо вовсе в голбец. Тимина. = На подклет лёжить. В свадебном обряде: отправлять молодых на брачное ложе. На подклет лёжат молодых дружка да сваха. Дружка ишо с плёткой, стегат молодых-то. Тимина.*

ЛИПАТЬ. Отставать от ствола (о берёзовой коре). *Берёста липат тогда, драть берёсты, оно само дерётся. Липухина.*

ЛИПКО. = Липко-хорошо. Очень хорошо. *Раньше-то жили липко-хорошо! Ефремова.*

ЛИСТОВНИК. Мелкая трава, идущая на сено. *Овечкам-то стараюсь листовник давать, помягче сено-то. Та-воложанка.*

ЛИХО. = До лиха. Чрезмерно; достаточно. *Ну, опять до лиха наелась. Чёрная.*

ЛИХОРАД. 1. Нечистый дух. *Лошадь-та, она ведь лихорад, она враг – к худому снится. Юм.* 2. Злой, бранливый. *Лихорадам тоже большой грех, кто злой. Осинка.*

ЛИШАТЬ. Вести себя беспокойно от болезни, лишаев (о животном). *Корова-то лишала, домой не ходила. Юм.*

ЛИШКА. = В лишке. В избытке. *Чё есть в лишке, то и расподают на поминках, носки, варежки, платки. Юм.*

ЛОДКА. О физически здоровом, полном. *Вон лодка какая, а нигде не робит. Чёрная.*

ЛОДНИ, ЛОННИ. В прошлый год; то же, что лони. *Лодни* вырастили *двух* поросят, на мясо сдали. Пож. Лонни лето худое было. Лобанова.

ЛОДЫЖКА. Лентяйка. *Надька у нас* — такая лодыжка, ничего не делает дома, только перед зеркалом крутится. *Никуда не пошлѣшь: ни по воду, ни за дровами.* Юрла.

ЛОМАТЬ. = Соколов ломать. Петь свадебные песни за выкуп. *На свадьбе соколов ломали, писен-то скоко пели! Вот писня была «Соколы вы мои, соколы, троёпѣрыѣ да троёголосыѣ».* Юм. Соколов ломали — это когда свадебешны писньи пели у ворот. Девки поют, имя деньги дают. Юм. Дёнышко ломать. Отправляться на брачное ложе (о женихе и невесте). *Молодых отправят спать, денышко ломать.* Чужья.

ЛОНИ, ЛОНИСЬ. В прошлом году. *Лони* только добавили пенсию-ту маленько. Пож.

ЛОНШАК. Животное, прожившее год. *Жеребёнок-лоншак есть, зиму прожил.* Юм.

ЛОПАТНИК. Брусочек для натачивания косы-литовки. *Положишь где лопатник, за спину, за пояс — траву, заткнёшь и говоришь: «Не боли, спина, на сенокосе».* Кукольная.

ЛОПОТНЯ. Пренебр. об одежде (старой, плохой). *Мы раньше лопотню всяку носили.* Чёрная.

ЛОПУШКА. Мать-и-мачеха. *Вытью лопушки — и кашель проходит.* Юм. *Лопушка, широконьки листьѣ, низинька, мать-и-мачеха ли как ли она называются.* Липухина.

ЛОТОК. Приспособление, изготавливаемое на Масленицу для катания с горок. *На Масленицу лотки делали из плахи, а которы на конях катаются, которы дровни выволокут.* Липухина.

ЛУЖАНКА. Полянка, лужайка. *Шар катали по лужанке.* Ефремова.

ЛУЖБИТЬ, ЛУЖБИТЬ. 1. Молотить. *Снопы-те возили с овинов, потом лужбили.* Лобанова. *Лужбят снопы на гуне.* Юм. 2. Жадно есть что-л. *Кабаны овѣс лужбят.* Юм.

ЛУКАВЫЙ. Нечистая сила. *Верес приносят, он от лукавых, надо над воротами его втыкать.* Юм.

ЛУНУТЬ. Безл. Повезти. *Ходил вчера рыбачить, да не лунуло.* Юрла.

ЛУЧЕНКА. Лучинка. *Я малинька была, дак на вечорках меня светить заставляли. Стоишь, лученку держишь, если прикажут.* Осинка.

ЛУЧКОВКА. Пила с узким, тонким полотном для одного пильщика. *Раньше все лес валили лучковой.* Чёрная.

ЛЫБАТЬ. Жить, существовать. *Не выучилась, так и лыбаю здесь в деревне.* Юм.

ЛЫЖА. = Полога лыжа. О нерасторопном, небойком человеке. *А парень-то смирный, полога лыжа, тяжело ему придётся в жизни, все будут обижать.* Усть-Бадья.

ЛЪЯК. = Льяк вылитый. Очень похож на кого-л. *Дак он этъ льяк вылитый отец.* Дубровка.

ЛЮБЕНЬКИЙ. Симпатичный, хорошенький. *Ой, какі девки любенькие пришли.* Чёрная. *Если первый раз грибок найдѣшь в лесу любенький, такой и басенький жених будет.* Юм.

ЛЮБОЙ. Милый, дорогой. *Она мне беда любая, внучка.* = Любой-сердечный. Милый, дорогой (в обращении к собеседнику). *Любая-сердечная, я тебе вот чѣ скажу: не торопись взамуж-то.* Юм. *Косы-то расплетают невесте, как просвататся, в тот же день, она девок собирает, девки ей косу расплетают, одна-две расплетают, невеста им ленты подарит, кто любая.* Пестерёва.

ЛЮБОВИНКА. Шутл. Блюдо из грибов. *Я ещё вчера любовинку варила.* Осинка.

ЛЮДНЫЕ. В большом количестве. *Людных носили раньше, а робята не стояли: токо родится — умрѣт, родится — умрѣт.* Мухоморка.

ЛЯБУШКА. Лепёшка, некачественный хлеб, то же что алябушка. *Из крахмальной картохи лябушки делали.* Юм.

ЛЯВГАТЬ. Болтать; говорить не по делу. *Парни наши как соберутся, так начнутъ лявгать.* Юм.

ЛЯГА. Низина. Трава колобовник по лягам растёт, где посырее. Осинка.

ЛЯГУШАТНИК, ЛЯГУШНИК. Болотная трава (калужница). Лягушника у нас полно, таки листики широки, зелёны, растёт в болоте, цветы жёлтые, как шишки. Юм.

М

МАЗДАХНУТЬ. Экспр. Ударить с силой; то же что баздахнуть. Марья Иванна уж больно сильно маздахнула его. Чёрная.

МАЙ! Возглас удивления, сожаления и пр. Май, старуха, как на эки деньги жить! Юм. Май, я вовсе не слыхала про это, у нас опять так-ту не делали. Осинка.

МАК, МАК-МАК. Междометный возглас удивления или неодобрения. Мак, смотри, холодно, бежи греться. Пож. Мак-мак, десять классов кончит, а ничево не робит. Юм.

МАЛЬЧИК. Бычок. Нонче вон мальчика держу, на мясо, ходит с коровами в стадо. Пож.

МАЛЮТКА. Корова. Без малютки худо, есть нечего. Пож.

МАМЕНИХА. Пренебр. мать. Мамениха меня в восемнадцать лет одного бросила с хозяйством. Юм.

МАРЯ. = Слепая Маря. Обращение к слепому человеку. Ну, слепая Маря, гляди глазами, то запнёшься где. Липухина.

МАСКАРОВАТЬСЯ. Ходить ряжеными. Маскаровались – марлю наденут или сажей измажутся, ходят, пугают всех. Юм.

МАСЛЕНКА. = Маленькая Масленка. Праздник спустя неделю после Масленицы. Неделя пройдёт, тогда Маленька Масленка, чё засушили с Масленицы, давали маленьким есть. Таволожанка.

МАСЛО. Лекарственное средство, мазь, густой настой из

растений и пр. Делают масло из мухомора, его в банку и в тепло поставишь, стоит, потом растает как, вот этём и мажешь ноги, помогает. Тимина. Мурашово масло делают, муравьёв наберут, надавят и потом они выстоятся, этим и лечат ноги. Бутылку в муравьище поставят, они и нападают. Только вот на кого идут они, а на кого и нет, бутылка простоит, в ей даже хлама никакого не будет. Тимина.

МАСТЁРЫЙ. Опытный. Звали на девишник в баню кого-нибудь мастёрую, девки косу невесте расплетают, она и наговариват: «Раскатися наша банюшка...» Булдыри.

МАТНО. Безл. в знач. сказ. Беспокойно, шумно; неприятно. Больно матно у вас, дети бегает. Юм. Чё вы делаете, глядеть на вас матно! Лобанова.

МАТУШ. Ласкательное обращение к мужчине. Егор-матуш, пойдём-ко домой, хватит, побыли. Юм.

МЕДВЕЖОНОК. = Колючий медвежонок. Шутл. о репье. Репей – колючий медвежонок, иматся за подол. Лопва.

МЕЖНИК. Межа на границе леса и поля, а также растущая грядой полоска леса. Бывало, прямо в межнике наберём грибов каретку. Юм.

МЕЛКОНЬКИЙ. Эвфемическое обозначение нечистого духа, появляющегося на Святки. У мелконьких-то, бают, свадьба в Святки-те, они на лошадях де ездят, шиши-те. Юм.

МЕРИТЬ. = Улицу мерить. Летняя молодёжная игра с хороводами. На Троицу ходили улицу мерить, со всех деревён гости будут, пойдут как с песнями по всей деревне, улицу меряют. Пож.

МЕДОГУЗ. Любитель потискаться. Парни, они чё, медогузы, им только девок щупать. Пож.

МЕЧЬ. То, что мечут; сено. Мужики мечут зарод, а маленькие лошадыми мечь возят. Юм.

МЁЖА, МЁЖИ. Период времени между ущербом луны и новолунием. Сегодня мёжа ночью-то будет, луна на ущербе. Чёрная. Картошку садишь, когда луна нарас-

тает. *Лучше в мёжи – это посередине, значит, месяц, луна.* Дубровка.

МИНДУЛЬ. Гриб кульбик. *Кульбики у нас, а где ещё и миндули их зовут.* Ананькина.

МИР. = Миром да собором. Сообща; при помощи соседей, родственников. *Пусть девка со мной живёт; ревить, просить будём, да зато вместе, миром да собором и проживём.* Юрла.

МИРОВА. Праздничный вечер у родителей невесты после свадьбы уходом. *На мирову ехать надо с вином, с хлебом. Надо всё стоять, пока родители согласятся, помирятся, тогда уж за стол, в ноги родителям падёшь.* Кукольная.

МИРОН. Рожденный вне брака. *После войны бабы всё миронов таскали, где мужа-то взять.* Булдыри.

МИРОНЬИЦА. Женщина, родившая внебрачного ребёнка. *Танька-то у нас мироньца, мужика-то у неё и не было, так уж завела детей.* Юм.

МИРОНЬЯ. Ребёнок женского пола, рождённый вне брака. *Да так и говорят: «миронью-де принесла», если девка, а если парень, то мирона-де принесла.* Чёрная.

МОГИЛА. = Ушла могила от кого-л. Кто-л. избежал смерти. *Ушла всё же могила от меня, спасибо, тут баушка одна была, она меня вылечила.* Васькова.

МОГОТНЫЙ, МОГУТНЫЙ. Сильный, способный к физической работе. *Сын-то у меня шибко моготный, беда здоровый.* Юм. *Могутные мужики не могли лошадь удержать.* Пож.

МОДОМ. Медленно, постепенно. *Модом всё тут всё равно изгниёт со времём.* Пож.

МОЙ. = За моё-моё. С большим удовольствием. *За моё моё на лошадке-то издить.* Юм.

МОЛИТВА. = Тьфу-тьфу, с молитвой, со Христом! Оборонительный возглас. *Вылечили меня, тьфу-тьфу, с молитвой, со Христом, больше не хворала.* Юм.

МОЛОДКА. Женщина после свадьбы, молодая жена. *На другой день невесту стряпать заставляют, это пирожный день, молодка стряпат.* Тимина.

МОЛОДЯЖНИК. Молодёжь. *Всю неделю молодяжник катаются, кто на санках, кто на чём.* Пож.

МОЛОМОЛКИ. Трава (богомолки, богомольник, купальница). *Моломолки – цветы такие, жёлтые, на одной ножке, в лягах растут.* Келич.

МОЛОТОЧЕК. = С молоточка. О новой вещи, предмете; то же что с иголки. *Вон лапти – с молоточка, ненадёванные.* Ефремова.

МОЛОТЬЁ. Предназначенное для помола зерно. *Дядя у нас поехал на мельницу молотье молот.* Ефремова.

МОРГОВАТЬ. Брезговать. *Он опять чё-то моргует мои грибы есть.* Пож.

МОРГОВИТЫЙ. Брезгливый, разборчивый; то же, что моргутный. *Он мужик морговитый, это есть не будет.* Лобанова.

МОРГУТНЫЙ. Брезгливый. *Вы не моргутные? Ешьте, у меня руки чистые, хоть и бедно я одета.* Дубровка.

МОРОК. Туча. *Морок идёт, надо скорее сено метать.* Пож.

МОРОСЁК. Мелкий морозящий дождь. *Мелкий дождь, у нас моросёк, бают.* Юм.

МОСТ, реже **МОСТЫ.** Холодные сени между передней и задней избой. *Через мост-то говорить нельзя, заходи в избу.* Чёрная. *Там у меня мосты где, беда крыша бежит, худая.* Юм.

МОСТОВОЙ. Относящийся к сеням. *Я зашла, на крючок мостовые двери закрыла.* Юм.

МУДЕ. = Бараньи муде. Жимолость. *Бараньи муде – жимолось по-вашему, от печени, говорят.* Юм.

МУДРЯТЬ. Укорять. *Кто без свадьбы женится, дак мудрят люди-те.* Келич.

МУМРА. 1. Высокое зонтичное растение. *Это мумра, она ядовитая, в руки вовсе не надо брать.* Пож. 2. Невесёлый, портящий всем настроение человек. *Сидит мумра, смотреть вовсе на его неохота.* Пож.

МУРГАТЬ. Мычать, нечленораздельно говорить. *Я вроде чё-то бы сказать хочу, а не могу, только мургаю, мургаю.* Юрла.

- МУРЬЯ.** = Как в мурье. Грязно, неопрятно. *Девки, мстите-ко в избе-то, а то как в мурье.* Юрла.
- МУСНИК.** Хлеб, испечённый на сочне, обычно из ячменной муки. *Мусники пекли, тесто на сочень накладёшь, зацipleшь, испекёшь.* Осинка. *Мушники пекли: тесто заведено ячменной мукой, потом сочень пшеничный, на его тесто и кладёшь, как на шаньги.* Мушники все больше на Сочельник стряпали. Дубровка.
- МУТНО.** Неприятно, противно, тошно. *Уж больно мне мутно про него говорить.* Юм.
- МУШНИК.** = Мушников получить. Быть побитым, наказанным. *Ты у меня сегодня мушников-то получишь, раз не послушался!* Лобанова.
- МЫТЬСЯ.** Эвфем. О месячных. *Ох, девка уж моется у меня, когда и выросла!* Юм.
- МЯКИНА.** Ботва. С мякиной раньше, со всем сварят. Липухина.
- МЯТА.** Смятая трава, сено, солома. *Наташат полно мят, накидают, в мятую-ту деньги мелочь валят, заставляют молодых мести.* Липухина.

Н

- НАБЕЛКИ.** = Только набелки щёлкают. О болтливом. *Она молчать несколько не может, затараторит, затрещит как сорока, только набелки щёлкают.* Чужья.
- НАБИРОЧКА, НАБЕРОЧКА.** Корзина для сбора ягод. *Набирочку возмёшь и в лес по ягоды.* Юм.
- НАБЫЗГАТЬСЯ.** Насытиться. *О, добром набызгашься, наешься.* Липухина.
- НАВАЛЬНЫЙ.** Назойливый, надоедливый. *Навальна у нас кошечка, прогони её. Она ко всем наваливается.* Юм.
- НАВЫКНУТЬ.** Привыкнуть, приучиться. *Я ишо в девках навыкла вязать-то, вот и счас всё вяжу.* Тимина.

- НАГЛАГОЛИТЬ.** Наговорить излишне много. *Я вам тут наглаголила, уж не осудите, всё склала.* Васькова.
- НАГРУДКА.** Расшитая узором вставка-полочка на рубашке. *Тут вот вшита полоска на рубахе, это нагрудка.* Пож. *Невеста вышивает нагрудку перед свадьбой жениху на рубаху.* Юм.
- НАДЕЙНЫЙ, НАДИЙНЫЙ.** Надёжный. *Сговорятся, встретятся у кого-нибудь надейного, у соседа хоть, и едут венчаться.* Юм.
- НАДИЯ.** Надежда. *Худая на его надия, он нескоро приедет, сын-от.* Юм. = Надия как на Фаддия. Шутл. *О том, на кого не следует надеяться. На тебя надия как на Фаддия, подведёшь.* Лобанова.
- НАЖИТОК.** Внебрачный ребёнок. *Первой-от у ё нажиток, в девках набегала.* Пож.
- НАЗЁМ.** Навоз. *Назём надо вывезти из конюшен.* Пож.
- НАЗИМОК.** Оставленное на зиму животное. *Назимки поросята были, пришлось срочно продавать.* Осинка.
- НАКАЧКАТЬ.** Накачать. *Воды накачают нонче и поливаются.* Липухина.
- НАКЛОНЯТЬСЯ.** Перен. Жать, убирать урожай серпами. *В августе досуг за ребятами глядеть, наклоняться надо, в поле жать.* Пож.
- НАЛЕВНИК.** 1. Особый сладкий пирог из крупы (чаще на свадьбе, на празднике). *Из крупы испекут налевник, он как большая оладья, на стол прямо со сковородой несут, а сверху на его блины положат.* Пож. 2. Изделие из теста (обычно квашеного), испечённое с варёной крупой (чаще заспой), картошкой. *Налевники вон пекём да едим.* Лобанова. *У нас налевники стряпают, сверху наливают картошку.* Липухина.
- НАОХИТИТЬ.** Запастись, наготовить. *Ведь сколь бересты наохитили – полну телегу из лесу везут.* Тимина.
- НАПЛУХАТЬСЯ.** Намаяться, натрудиться. *На гумне-то за день наплухаешься, спишь как стенка.* Юм.
- НАПРЕВАТЬ.** Постепенно усиливаться. *Гляди, мороз-от напреват, печку топить надо.* Лобанова.
- НАПРЯСНИЧАТЬ.** Напрясть. *Я если не напрянничаю, ба-*

бушка заходит в избу, она меня дубинкой: «Ах, ты, кобыла нагайская, ты опять не напрясничала!» Липухина.

НАРУШИТЬ. Испортить, повредить. Лошадь-та некованая, по щепельям-то все ноги нарушит. Пож.

НАРУШИТЬСЯ. Погибнуть. Сын-от у меня как нарушился, дак я поседела. Юм.

НАСЕРДИЕ. = По насердию. Со злым умыслом. Вот жених по невесту ехал, ему дорогу перегораживали по насердию, она чья-то подруга была, вот они и перегораживали, раз изменила. Пож.

НАСЛЕЖАТЬ. Заботиться о ком-л. Ходим наслежаем Алёну, всё делаем: и печку топим, и хлеб купим. Юрла.

НАСЛЕПУЮ. Наугад. Ни с кем не дружила, посватался парень, я за его наслепую вышла. Тимина.

НАССЯТЬ. Выказать неприятие, презрение. Родня не помогла, дак насси на их, муж всё равно прокормит. Юм.

НАТАРИВАТЬ. Повторять, заучивать. Сашка, натаривай сиди, скоро экзамен. Чужья.

НАФИГУРИТЬ. Обмануть. Картам-то беда-то не верь – нафигурит это всё, обманет. Юм.

НАХЛЕБЕННО. Гощение молодых у родителей невесты после свадьбы. После свадьбы неделя, может, две, будет нахлебенно, жених едет в гости, деньгами дарит. Черепанова.

НАЧАТЬСЯ, НАЧЕТЬСЯ. Надеяться. Я уж не началась сама-та в школу-ту, не смела родителей послушаться. Сергеева. Начеюсь съездить ещё её, попроведать. Лобанова.

НАШВАХАТЬ. Побить, отхлестать. Кто хварат, того хлебной лопатой по задку нашвахают, чтоб не болел больше. Юм.

НАЯНКОВЫЙ. Нахальный, настырный. Алёшка нигде не пропадёт – такой наянкОВый. Пож.

НЕБАСКОЙ. Нечистый дух. Ходит ведь с кладбища не покойник, это уж небаской только ходит. Сергеева.

НЕБО. = Небо матерится. О громе в Ильин день. В Ильин день небо матерится, нашего брата ругат.

Дубровка. = Небо моргает. Небо затягивается облаками, тучами; хмурится. Небо-то уж совсем моргат. Чёрная.

НЕВЫВОРОТНЫЙ. Неповоротливый. Она лежит вовсе невыворотная, не повернётся. Комариха.

НЕДЕЛЯ. = Крестовская неделя. Пасхальная неделя. На Крестовской неделе не пекли на сковороде ничего, стряпали блины-те только с Радольницы. Тимина. Вшивая неделя. Неделя после Пасхи, считающаяся неблагоприятной для посадки в огороде. Вшивая неделя, она всегда парная: четвёртая, шестая, восьмая от Пасхи. В это время не сажают, в Девятую неделю надо садить. Кукольная.

НЕДОКУМЕННЫЙ. Неразвитый; бестолковый. Недокуменный ребёнок – год большой ему, а ничего не может. Юм. Вот недокуменная, мне надо было сообразить, я бы с има уехала. Таволожанка.

НЕДОМЕРОК. О подростке, невзрослом. Некому робить было в войну, только недомерки оставались да бабы. Осинка.

НЕДОПЫРЬ. Необщительный, замкнутый, угрюмый человек; малознающий. С им не набаяшь, такой недопырь. Тимина.

НЕДОРОСТОК. Невзрослый, молодой. Мы недоростки были, дак велили отец-мать копить копеечки к Велик четвергу, потом их считаешь. Пож.

НЕДОУМНЫЙ. Отстающий в умственном развитии. Два были ребёнка, один недоумный, мало и пожил. Пож.

НЕМИНЯ. Необходимость, нужда. Какая неминя тебя в эку стужу гонит? Юм.

НЕМО. Немой. Немо, ничё не говорил парень, только мычал, так и звали Коля Немо. Юм.

НЕПОГОДЬ. Буря, непогода. Такая непогодь поднялась, такая пурга. Ефремова.

НЕПОКОШНОМУ. Нареч. Громко, истошно. Ты что непокошному заорал? Чужья.

НЕТУНАЙ. Бестолковый. Чё с его спросишь? Нетунай. Юм.

НЕБО. Внутренняя верхняя часть печки. *Небо-то всё выпало у печки, она у нас старая, вверху-то в печке.* Кукольная.

НОГА. = Ноги выпадают. О рваной обуви. *Как ходили – идёшь, ноги выпадают, рваньё накидали дак.* Пож. У холодных ног. Про покойника. *Умру, дак не приедут, наверно, никто. Чё у холодных-то ног делать?* Юм.

НОГОТЬ. = Синего ногтя не стоять. Не быть достойным; мизинца не стоять. *Она ему и говорит: «Ты моего синего ногтя не стоишь».* Чус.

НОЖНЯ. Чехол для ножа, ножны. *Из бересты хозяин много чё плёл – вон ножня.* Ефремова.

НОМЫРЬ, НОМЫРЯТА, НОМОРЯТА. Собирает. о маленьких детях. *Номырь полно бегают.* Пож. *Номырята-то наплодили полно, чем и кормить.* Пож. *Вон номорята по улице бегают.* Юм.

НОРОС. Мелочь (о детях). *Вы чего, норос, раздурелись?* Чужья.

НОС. = С тюлькин нос. Крайне мало. *Раньше везде поля были, а счас с тюлькин нос засевают.* Таволожанка.

НЫРОК. = Речной нырок. Лекарственная трава. *Есть речной нырок, от бессонницы и, если маленький испугается.* Пож.

НЮХНЯ. Тихоня. *Я вот счас стала нюхня, тихо шевелюсь.* Миронова.

НЯПРА. Тихоня, робкий. *Такая вроде няпра была, а парня вычихнула!* Пож. *Вот, няпра, опять худо сделала!* Миронова.

О

ОБАБИТЬСЯ. Родить ребёнка. *Быват, и в девках котора обабится.* Пож.

ОБЕЗЛИЧИТЬ. Принизить, умалить, обидеть. *Нас обезли-*

чили: пенсию заработать не змогли – дали маленькую. Юм.

ОБЕЗОРУДОВАТЬ. Лишить чего-л., нанести вред. *Сестра-то приехала и обезорудовала меня.* Чёрная. *Весь лук хороший-то обезорудовали, одни бублики на гряде остались.* Чёрная.

ОБЖИНКИ. Праздник по случаю окончания уборки. *Обжинки устроят – праздник, браги наварят.* Такое весельство было. *Это уж в последний день жатвы.* Юм. *Если последне поле осталось – жниво, то обжинки делают.* Липухина.

ОБИЗОРНЫЙ. Короткий, куций. *Не покупай куфайку, она сама обизорная, и рукава обизорные.* Пож.

ОБЛИТЬ. = Как (ровно) водой облило. Об испуге, сильном беспокойстве. *Когда он сказал мне новость, меня ровно водой облило.* Юрла.

ОБМАНСТВО. Обман. *Обманство – грех большой, не надо его на себя брать.* Пож.

ОБМЫВАТЬ. = Луну обмывает. О дожде на новолуние. *Новая луна, дак дождь день-два, это луну обмывает.* Пож.

ОБОЛОКАТЬСЯ. Одеваться. *Погоди, вот только оболокись и за тобой поволокусь.* Пож.

ОБОРВАТЬСЯ. Умереть. *Болела я сильно, думала, уже вовсе оборвусь.* Чёрная.

ОБПЕВАНЬЕ. На свадьбе: обрядовое исполнение песен в честь гостей. *Когда обпеванье, гости, про кого спили, отдариваются, и жених, и тысячка, и сваха.* Пож.

ОБРЕМИЗИТЬ. Поставить в неловкое, унижительное положение. *Обремизил он девку-то, а сам хороший остался.* Чёрная.

ОБРЕКНУТЬ. Располнеть. *Вон как обрекли бабы-те.* Пож.

ОБРЁХЛЫЙ. Толстый. *Поли-ко, какая баба обрехлая идёт, как я.* Чёрная.

ОБРЁХНУТЬ. Запыхаться. *Пока воду несла, обрехла.* Чёрная.

ОБРОТКА. Узда. *В его правой руке узда да оброточка.* Комариха.

- ОБСИКАТЬ.** = Обсикать пороги. Настойчиво ухаживать, навязываться. *Парни-те вам уже все пороги обсикали.* Юм.
- ОБСОЛЯРИТЬСЯ.** Остаться без соляры. *В лесу трактор пришлось оставить – обсолярились, потом на лошади привезли солярку.* Таволожанка.
- ОВЕРЯТЬ.** Досматривать, посещать. *В Радальничу поминуют, дак крошки, скорлупки птичкам оставишь, чтоб они могилку оверяли.* Усть-Зула.
- ОВИННИК.** Дрова для протапливания овинов (обычного большого размера). *Свёкор по овинники ездил, из берёзы, кражи такие, зерно-то сушить.* Липухина.
- ОВОЩНЯ.** Овощная яма. *В овощню кабанчики залезли.* Юм.
- ОВСЯНКА.** Напиток, квас из овсяной муки. *Мужики наши всё овсянку пьют, а бабы кто как.* Юм.
- ОГИБКА.** Пресное тесто для сочней. *Завели огибку и сделали пельмени.* Дубровка.
- ОДНАКО.** Одинаково. *Сейчас гроб ставят все однако, хоть мирские, хоть староверы.* Ефремова.
- ОЖГУРЬ, ОЖГУЛЬ.** Грязнуля. *Ходит как ожгурь, сколько уж в бане-то не был.* Юм. *Она ожгуль, так и зовут Ожеговна.* Пож.
- ОЖЕГ.** Кочерга (чаще – обожжённая палка, которой мешают в печи). *Возьмут с собой ожег из бани, им чертятся в кругу и слушаются – так гадали.* Пож.
- ОЖЕГОВНА.** = (Как) Ожеговна. Неопрятный, неприбранный. *Надо хоть переодеться, а то хожу как Ожеговна, людей-то пугаю.* Чус. *Её за грязь в деревне прозвали Ожеговна.* Пож.
- ОЖЕРЁЛОК.** Большой воротник. *У тулупа был ожерёлок, беда большой.* Пож.
- ОКОРИТЬ.** Укорить, уязвить. *Окорить каждый может.* Юм.
- ОКУПАТЬ.** Выкупать, арендовать, снимать на время. *Избу молодёжь окупала, собирались на игришиа.* Бадья.
- ОМЕГ.** Болотная трава, болиголов. *Омег есть трава, мышами пахнет.* Миронова.

- ОПЕВАТЬ.** Петь величальные песни. *Опевают нас, молодых, гостей.* Таволожанка.
- ОПЕТЬ.** = (Все) уши опеть. *Надоесть разговорами. Все уши она мне опела со своим зятём.* Юрла.
- ОПОРОМИТЬСЯ.** Управиться. *Опоромиться надо со скотиной, потом уж пойдём на спевку.* Пож.
- ОПОЯСКА.** Домотканый шерстяной пояс, надеваемый поверх одежды. *Мать у меня красивые опояски ткала, я от неё и переняла.* Чёрная.
- ОПРЕЖЬ, ОПРЕЖКИ.** Нареч. Раньше, прежде. *Опрежки шибко худо жили.* Зайцева.
- ОПРЕЖЬ.** Опять. *Пенсия счас стала хватать, опрежь на книжку копейку кладу.* Осинка.
- ОПРЯСТЬ.** Быстро съесть. *Мама блины стряпает, носит, а хозяин-то мой блины бросат на лавку, за стол: «Ну, тёща, я ведь у тебя всё опрял. Больше не стряпай».* Таволожанка.
- ОРАЙ.** Топкое, сырое место, то же, что арай. *Там орай, топко, не пройти будет.* Юм.
- ОРАИНА.** Промоина возле реки. *Там у реки ораина, промыло.* Лобанова.
- ОРАТНИК.** Колдун. *Оратники были раньше, колдовали, портили людей-ту.* Тимина. *Когда ставят дом, копают столбы, колдун-оратник мог в это время подложить кость от скота, и тогда в доме будут часто умирать.* Тимина.
- ОРОШВЕНСКИЙ.** Относящийся к Рождеству. *Орошвенски писни мало помню: «Пошли деушки», «Утка шла по бережку».* Липухина.
- ОРОШВО.** Рождество. *Орошво придёт, девки собираются играть по избам.* Липухина.
- ОРУДОВАТЬ.** Работать, трудиться. *Раньше пуще орудовали, а сейчас бездельничают.* Зайцева.
- ОСИЛЯТЬ.** Одолеть, осилить. *Меня вот остехондроз осиллял, ходить не могу.* Ефремова.
- ОСИНИТЬ.** Выкрасить синей краской. *Осинят холст синей краской, сошьют, вот и штаны.* Липухина.
- ОСОСОК.** Молочный поросёнок. *Ососка жарили на Ва-*

сильев вечер. Крупу ячменную в его, и жарят, и пироги всякие пекут. Юрла.

ОСТАВИТЬ. = За лоханью оставить. Выйти замуж раньше старшей сестры. *Я рано взамуж убежала, перед сёстрами, дак говорили «ты де сестёр за лоханью оставила».* Черепанова. Оставить в колодах. Жениться раньше старшего брата. *Раньше брата старшего кто женится – значит, в колодах оставил.* Миронова.

ОСТАЛЕЦ. Тот, кто остался неженатым. *За которых девки не пойдут, они остальчи, не гожи.* Чужья.

ОТБОРАНИВАТЬСЯ. Обороняться. *Смотри, своим маленьким хвостиком как отбораниваются.* Юм.

ОТЕМНЕТЬ. Ослепнуть. *Она отемнела совсем.* Чёрная.

ОТКОЛОТЬ. = Как отколоть. Поступить решительно, резко. *Она ему как отколола – не пойду за тебя.* Юрла.

ОТЛИШИТЬ. Лишить чего-л. Он знающий, отлишил меня, хворала долго. Юм.

ОТОВСЮД. Отовсюду. *Гости отовсюд наедут, полна деревня.* Пож.

ОТОПИЦА. Шутл. О старом, некрасивом. *На что меня на карточку снимать, такую отопичу?* Пож.

ОТПОНОСИТЬ. Перестать приносить приплод (о животных). *Кошка-то у меня отпоносила котят.* Юм.

ОТПРЕКАТЬСЯ. Отказываться. *Ты от подарка-то не отпрекайся.* Чёрная.

ОТРЫВАТЬ. = Отрывать щиблетки. Скрываться, убежать. *Не отрывай шибиблетки-то, всё равно узнаю где.* Чёрная.

ОТСУД. Отсюда. *Отсуд высылали которых побогаче-то, колхозы-те делали когда.* Юм.

ОТУДОБЕТЬ, ОТУТОВЕТЬ. Прийти в себя, в норму. *Вчера беда много выпили, только сейчас маленько я отудобел.* Юм. *Седни я уж маленько отутовела.* Лобанова.

ОТЧАХАТЬ. Отругать. *Отчахаю их хорошенько, а то всё бегают.* Чёрная.

ОТШАТИТЬ. Отвадить, оттолкнуть. *Мать-то отшатила его от меня.* Чёрная.

ОТЬЕСТЬСЯ. = От семи собак отъестся кто-л. О том, кто не даёт никому спуску. *Ты така и есть, с тобой нечѣ связываться. Ты от семи собак отъешиша.* Чус.

ОХОЛОДИТЬ. Оставить без дров, без тепла. *Охолодили меня, машину не дали, не знаю, чем зимою топить буду.* Чёрная.

ОХОТЛИВЫЙ. Испытывающий желание. *Если невеста не охотливая, она не станет мести, веник бросит, психанѣт.* Чужья.

ОХРАНЩИК. Тот, кто охраняет. *Охраничка жених оставит за себя, если куда от невесты надо отойти.* Пож.

ОХРОПОТЬЕ. Старые, полусгнившие доски, брёвна. *Дрова кончились, придётся охропотье пилить.* Лобанова.

ОЧЕП. Жердь для подвешивания люльки-зыбки. *В старинных избах всё ещё кольцо в матице, в него очеп продевают.* Пож.

ОЧЕРЕДИТЬ. Наводить (навести) порядок. *Посижу маленько, и очередить надо в огороде.* Чёрная.

ОЧЕСЛИВЫЙ. Вежливый, культурный. *Он за столом-то ест очесливо, очесливый паренѣ.* Сенькина Дворина.

ОЧЕСЬ. Возможно, может быть (?) *Чѣ смотришь вдоль по носу? Чѣ-то не по тебе, очесь, баю?* Чус.

ОЧИТОК. Трава. *Трава очиток – она суставы лечит.* Юм.

ОШЕМЁТКИ. Старая, сношенная обувь. *Нынче-то уж никто ошемётки-те не носит.* Пож.

ОЯТНЫЙ. В текстах заговоров: нечистый. *Оятную силу отгоняю.* Зарубина.

П

ПАГОЛЁШКИ. Длинные вязаные из шерсти чулки. *Паголѣшки бабы носили раньше, а счас всё больше капрон.* Миронова.

- ПАДЕРА.** Вьюга, метель. *Падера прошла, то и следов-то не видно.* Пож.
- ПАЖИТЬ.** Пожитки, нажитое. *Пажить всё равно какая-то была, всё бросили.* Пож.
- ПАЛАЛЕЙ.** Разиня. Он палалей, у его из роту выпадет, не видать ему богатства. Пож.
- ПАЛЁВКА.** Тетерев; то же, что пальник. *Палёвки налетели, тюргают, штук двадцать.* Осинка.
- ПАЛКА.** = Немая палка. Неразговорчивый человек или ребёнок, который долго не начинает говорить. *Эта девка-та была немая палка, шибко долго не разговаривала в детстве.* Чус.
- ПАЛЬКАТЬСЯ.** Плескаться. *День на день угланы в реке палькаются.* Пож.
- ПАЛЬНИК.** Тетерев-косач. Убивали которы, в лес ходили, носили пальников. Юм.
- ПАЛЬЦЫ.** = Со своих пальцев. От своих рук. *Раньше ведь всё со своих пальчей было – лён вырастишь, уберёшь, тожно пряли, ткали.* Осинка.
- ПАНТЁШКИ.** Рукавички без матерчатого верха. *Пантёшки ли как их называли, рукавицы из шерстки, которы на подарки-то дарят, их холстом-то не отделявают.* Черепанова.
- ПАНТЯ.** Медлительный, нерасторопный человек. *Пантя вовсе сын-от был, никуда не пошлешь.* Пож.
- ПАПОРОТ.** Папоротник. *Папорот, говорили, найдёшь с цветом, в любой магазин лазай, тебя не увидят.* Тимина.
- ПАРНЯК.** Парень. Один парняк уж был, сын-от, большинкой. Ефремова. *Два парняка помогают мне.* Осинка.
- ПАРОВИК.** Сорная трава мокрица. *Трава есть паровик, длинная, кудрявая, на грядках растёт, вот её сушат, потом заваривашь и ванны делаешь ногам.* Тимина.
- ПАРЯ.** Обращение к мужчине в разговоре. *Я, паря, ничё уж не могу делать.* Чёрная.
- ПАСКА.** Пасхальное блюдо из яиц. *Паску делали: яйца набьют, сметану с мукой намешают и пекут.* Усть-Зула.

- ПАСМО.** = Бессчётное пасмо. Малограмотный, бестолковый человек. *Опять продащица тебя обсчитала, бессчётно ты пасмо.* Чус.
- ПАСТУШИТЬ.** Пасти. *Мы в логах всё коров пастушили.* Таволожанка.
- ПАСТЬ.** = С ног пасть. Утратить трудоспособность. *Пали с ног старики, дак бросовы не стали, подобрали дети.* Дубровка. В шай пасть. Растеряться. *Как сказали, что дом сгорел, я и в шай пала вовсё.* Осинка. На ум пасть. Вспомниться, подуматься. *Мне на ум пало – сын доложён приехать.* Пож.
- ПАУЖНО, ПАВЖНА, ПАУЖЕНОК.** Обед в поле, в лесу во время работ. *Паужно будет, шли сок сосьти с дерева. Так соком да чё наешься.* Осинка. *Павжна как будет, сядем под зарод, едим.* Лобанова. С Семёнова дня не брали с собой еду, журавли пролетели и пауженок унесли. Чёрная.
- ПАХНУТЬ.** = Землей пахнуть. Быть старым, готовиться к смерти. *Старик уж землёй пахнет, сколь и поживёт.* Пож.
- ПЕГАНЫЙ.** Пегий мастью. *Суседка плетени плетёт, если не ко двору, и масть ему может не нравиться, вместо чёрной купят пеганую если, он её мает.* Тимина.
- ПЕЛЕНАЛЬНИК.** Длинный вязаный пояс или узкая полоса для пеленания младенца. *Пеленальник как тельник, тряпка широкая; свяжут руки-ноги – робёнок как ёлтыш лежит.* Юрла.
- ПЕННИЧАТЬ.** Пенять, упрекать. *Не стану пенничать, до меня доглядывают дити-те.* Юм.
- ПЕПОЧКА.** = На пепочках. На цыпочках, на носочках. *Девчонка-та всё ходит на пепочках.* Васькова.
- ПЕРЕВАЛКА.** Небольшая дождевая туча. *Перевалка идёт, маленько, может, брызнет.* Пож.
- ПЕРЕГРЕБАТЬ.** = С печи на полать сажу перегребать (уехать, отправиться). О несостоявшихся планах ехать, отправляться. *Куды уж старым-то? Вот и остались. Это уж только с печи на полать сажу перегребать.* Юм.

ПЕСНЯ. = Провоженные песни. Рекрутские песни. *Были такие провоженные песни, пели некрутам.* Ефремова. Плясковые песни. Плясовые песни. *Вот плясовая песня – «Ванька не был, Ванька был».* Пож. Рождественские песни. Песни, исполненные на Рождество. *Рождественски песни поют, парами ходят по избе.* Юм.

ПЕСТОВАТЬ. Нянчиться с ребёнком. *Кагу пестовать, сосить надо, доглядывать.* Юм.

ПЕСТУНЬЯ. Нянька. *Меня ишо малиньку отдали к богатым людям в пестуньи.* Юм.

ПЕСЯК, ПЕССЯК, ПЕСЬЯК. То же, что ячмень (с печи ячмень); конъюнктивит. *Песяк очень просто лечат, надо, бают, плюнуть в глаз-от.* Юм. *Песьяк, дак надо хлебушком тёплым прижигать.* Пож. *Ячмень у нас называют пессяк. Пессяк, пессячок, сходи на базар, купи топорок.* Юм.

ПЕЧЬ-ЯЧМЕНЬ. То же, что ячмень (с печи ячмень), песьяк; конъюнктивит. *Печь-ячмень тёплым мякишем лечат, приложишь и собаке скорми или кошке.* Пож.

ПЕШОРКА. Сумка через плечо из берёсты. *Пешорка есть из берёста, хозяин плёл, живой был дак, в ей еду на покос носим.* Ефремова.

ПЁТР. = Петры и Павлы поехали. Шутл. О дожде, грозе на Петров день. *Где-ка туча, видно, накрывают. Гляди-ко ты, Петры и Павлы поехали на Петров день. Дожни, дождик, как следует, чё так вёргашь.* Юм.

ПИРОГ. = Соковый пирог. Пирог с начинкой из густого отвара конопля. *Семя конопляно натолкут, высеют, мелко-то отварят, отвар не выбрасывают, на отваре грибовницу варят. А густое, как кисель, его накладывают на тесто, вот и будут соковые пироги.* Юм. *Журёный пирог.* Пирог, которым угощали жениха перед тем, как он увозил невесту из родительского дома. *Как невесту везти, корят жениха. Ставят его к залавку на середе, велят журёный пирог есть. Невестины подружки его в это время за волосы дергают.* Пож.

Позорёный пирог. Пирог (из рыбы), с которым молодых отправляли на брачное ложе. *Молодых уведут спать, на подклёт, с собой дают пирог позорёный, пирог как пирог, рыбный, а так звали.* Липухина. *Калижный пирог.* Пирог с брюквой (калегой). *На свадьбу калижные пироги стряпали. Калегу-ту изрубят в корыте, добавят сметану, яички и на тесто накладывают.* Таволожанка.

ПИРОЖНОЕ. Название второго дня свадьбы. *Расходятся, а на утро приходят на пирожное, шаньги, пироги тогда делают.* Таволожанка.

ПИТЬЁ. = Кержацкое питьё. Напиток из сусла. *Раньше не пили хмельно-то. Положат в сусло хлеб, закиснет, вот это и пили, это кержацкое питьё.* Тимина.

ПИЧУЖИТЬ. Давить. *Девоч парни пичужат для смеху.* Юм.

ПЛАТ. Большой нарядный домотканый платок. *Плат надевали на кокошник сверху-ту, побасся.* Ефремова. = Браный плат. Деталь женского костюма, домотканый платок с узорами; то же, что плат. *Плат хранили, в котором взамуж шли. Ребёнок худо если маленький спит, ему под голову клали.* Юм.

ПЛАТИТЬ. = Платить земле. Задабривать поле, огород перед началом работ, высадки овощей. *Земле ходили платить, чтобы урожай на следующий год был хороший.* Юм.

ПЛАТОЧЕК. Сало с брюшной части животного. *На брюшине сало тонкое, платочек называли, его снимут и хранят. Если температура – кладут этот пласт, нагреют и прикладывают, и помогает.* Шестина.

ПЛЕСТИ. = Плести нетунаину. Болтать пустое, говорить вздор. *Ты же плетёшь нетунаину, ничего никто не понял.* Дубровка.

ПЛЕТЕНЬ. Коса. *Невесте плетни плетут после венчания, заедут к кому-то к родне, и своя хрёстна, и женихова плетут.* Пож. *Плетёт лошадям плетени соседко.* Тимина. *Сваха лицо моет, руки невесте, заплетает два плетня.* Таволожанка.

ПЛЁХА. Ласкательное обращение к человеку. *Ну чё, плёха, чё делать будем?* Юм.

ПЛЁХИЙ. Глупый. *Ой, плёхие вы, всё смерть выворачиваете.* Липухина.

ПОБАЯТЬСЯ. Поговорить. *Когда язык прикусишь – побаяешься с кем-то или разругаешься.* Пож.

ПОВЕТРИЕ. Пущенная по ветру порча. *Колдуны пускали поветрие, сейчас этого нету вроде.* Юм.

ПОВЕТРИЩЕ, ПОВИТРИЩЕ. Болезнь, насылаемая колдунами по ветру; то же, что поветрие. *Это уж поветрище, наслано по ветру, порча-та.* Пож.

ПОВОДЬ. Паводок. *Ильинска неделя дождливая живёт, Ильинская поводь бывает.* Келич.

ПОВОЙНИК. Укладка волос вокруг головы. *Бабы как замуж выйдут, носят повойник, косы круг головы завязывают.* Пож.

ПОГОДА. О буре, ненастье. *Лопату хлебную выбрасывали, если погода сильная дак, особенно град.* Ефремова. = Погода придавила. Об изменившейся погоде. *Погода придавила: тепло было, а стала стужа.* Пож.

ПОГОНЯХИ. В свадебном обряде: те, кто везут в свадебном поезде молодых (обычно родители невесты). *Погоняхи были, везли молодых.* Пож. *Погоняхи-те приезжают, когда свадьбашана уж из-за стола у жениха выходят.* Осинка. *Погоняхи привезли подушки, одеяла, они и слали постель сразу.* Таволожанка.

ПОДВЕСНУ. Перед весной. *Помню: у нас корова не вставала в это же время, нет, попозже, подвесну, корова не стала вставать.* Липухина.

ПОДКРАДШЕ, ПОДКРАДЬША. Тайно. *Подкрадше придут в деревню, у того спросят, у другого, визнают всё помаленьку. Вот кто-то скажет, мол, у нас невеста есть хорошая, вот и поехали.* Балда. *Подкрадьяша я, крадом ушла замуж. Потом мириться приезжали.* Дубровка.

ПОГРЁБ. Сгребённое в валок сено. *Погрёбы сделали, потом копны стали метать.* Тимина.

ПОДАТЬ. = Воду со льдом не подать. Проявить пол-

ное безразличие. *Я захвораю, дак эть не одна мне внучка воду со льдом не подаст.* Юрла.

ПОДВОЛОКА. Чердак, вышка. *Первым веником парились. Он как целебный считался, а выпарились, так на подволоку закинут.* Таволожанка.

ПОДГОГУЛИТЬ. Присвоить. *Старики-то умерли, дак от их Ольга много подгогулила.* Пож.

ПОДЗЕМЕЛЬНИК. Опора (обычно в виде особого столба) при строительстве дома. *Подземельники сделаны, дом изгнул, а они стоят, их стали сверлить, дак токо искры.* Пож.

ПОДКЛЕТ. Подпол, место, используемое для хранения продуктов. *В подклете свету нету, так уж ходим.* Пож. = Вести на подклет. В свадебном обряде: отправлять молодых на брачную постель. *Сват кнотом иишо молодых-то ишелкат, на подклет-от ведёт дак.* Юм.

ПОДНИМАТЬ. = Вшей поднимать. Шутл. Отправляться на войну. *Тут война с япончима, отец только и сказал – вшей поднимать надо, ушёл.* Осинка.

ПОДОБРИТЬ. Побить, наказать. *У меня полешки есть, если придёт, дак я его подобрю.* Липухина.

ПОДРУКИ. = За подруки. Под руки. *Меня к жениху-ту двое вывели за подруки.* Юм.

ПОДСЫПАТЬ. Добавить. *Подсытал дождь-от, ещё раз прошёл.* Пож.

ПОДТУГА. Подтуги при родах. *Если подтуги нет, родильницу трясут старухи за ноги.* Ефремова.

ПОДФУКИВАТЬ. Иронически комментировать, встречать. *Не подфукивай мне, а то сейчас отсюда вылетишь.* Миронова.

ПОДЧАСТУЮ. Часто. *Я им подчастую говорю, сыновьям-то: «На вас бы старое время, как бы жить-то стали?»* Юм.

ПОДШЕЛЕШИТЬ. Понужнуть, подстегнуть, ударить. *Он подшелешил жеребца, тот рванул, мужика оглоблей стукнуло.* Юм.

ПОДКАТЫВАТЬ. = Коляски подкатывать. Стараться

- понравиться, подольщаться. Он и ко мне коляски подкатывал. Ефремова.
- ПОДКЛЕТ.** Подполье, голбец. На подклет лежат молодых дружка да сваха. Дружка ишо с плёткой, стегат молодых-то. Тимина.
- ПОДКРАДЫША.** Тайком. Которы подкрадыша взамуж уходили, если родители не согласны. Кукольная.
- ПОДНАВЕСЫ.** Расшитые занавесы для кровати. Невеста шьёт поднавесы, вышивает, наволочки готовит, всё. Юм.
- ПОДСАДИСТЫЙ.** Низкий. Подсадистая ёлка да раскидистая. Ефремова.
- ПОЗАДЕ, ПОЗАДИ.** Потом; впоследствии. Позаде пошлите фотографии. Зайцева.
- ПОКЛОН.** = Поклон да вон. О недолгом визите. Сын от приедёт на выходной, только поклон да вон. Чёрная.
- ПОКОЙСКИЙ.** Принадлежащий умершему, покойнику. От колдуна бают покойская иголка помогает, с собой надо носить. Тимина.
- ПОЛЕ.** = Домашнее поле. Поле, находящееся рядом с селом. Домашнее поле самое хорошее, удобрено навозом. Юм.
- ПОЛОУСНЫЙ.** С плоскими краями. Эта тарелка полоусная, края низко. Юм.
- ПОЛУСОРОЧИНЫ.** Двадцать дней после смерти человека. В полусорочкины не собирают, а только так уж помянут сами по себе и стараются милостинку подать. Ефремова.
- ПОЛУНОШНИЦА, ПОЛНОЧНИЦА.** Детская болезнь, бессонница. Полуношницу как лечили – в зыбку клали лапоток недоплетённый и коточик. Ефремова. В зголовье девочки кладут пресенку, чтобы полночица пряла, а не маяла ребёнка. Если ребёнок и день, и ночь плачет, день и ночь смешал, отец девке прясенку делал, а парню – топорик. Мухоморка.
- ПОЛУСЕРЫЙ.** Больной, изможденный. Леший водил – на третьи сутки пришла, вся измученная, полусерая, не спала нисколько. Юрла.

- ПОЛЫЙ.** = Полым-полый. Полностью открытый. Изба стоит полым-полая, иди, кто хочет. Пож.
- ПОЛЮХА, ПОЛЮШКА.** Рябчик. Муж у меня носил полюшек, так, мелочь только. Юм. Полюх столько набьёт мужик, в кадушки полно насолим. Осинка.
- ПОМОЧЬ, ПОМОЧИ.** Совместные работы. На помочи собирались семьи и вместе работали. Деньги помочанам не давали, едой расплачивались. Осинка. Собирались семьи на помочи и вместе работали. С помочами расплачивались едой. Комариха.
- ПОНАЧАТЬСЯ.** Понадеяться. Поначалась на дочь, не стала косить, а она не смогла приехать-то. Зарубина.
- ПОНИТИНА.** Ткань, домотканый материал, изготавливаемый из льняных продольных и шерстяных поперечных ниток. Понитки шили из понитины, её ткали с шерстяными нитками. Лобанова.
- ПОНИТОК.** Вид теплой верхней одежды из сукна (шерсти), обычно узкой вверху и расширяющейся книзу, без воротника. Носили понитки раньше-то весной, осенью, сейчас ни у кого уж нету. Пож.
- ПОНОВИТЬ.** = Воду поновить. В свадебном обряде: бросить в воду хлеб с монеткой; то же что речку дарить. Велят воду поновить невесте. Надо в воду бросить серебро денежку и хлеб кусочек. Келич.
- ПОНОРОВИТЬ.** Подождать. Рано ещё лук сеять, надо поноровить. Пож. Луна большая, дак не надо овечек стригчи, надо поноровить. Липухина.
- ПОПАСТЬ.** = Под лесного (дедушку) попасть. Заблудиться в лесу. Корова или ещё кто зайдёт в лес, а обратно дорогу найти не может. Вот это и называется под дедушку попасть. Читают молитву, когда идут искать. Сергеева.
- ПОПЯТИТЬСЯ.** Отказаться от обещания. Чтобы девка не попятилась, замораживал старик-икотник сани. Его на свадьбе садили вместе с гостями. Таволожанка.
- ПОРА.** = Глухая пора. Опасное время. После двенадцати часов глухая пора, в баню нельзя ходить. Ефремова.

ПОРВАТЬ. = Здоровье порвать. Подорвать здоровье. *Здоровье порвала, двадцать пять лет с фермы не уходила, коров дошла.* Носково.

ПОРОТЬ. = Сердце порет. О сильном волнении. *Как старо спомлю, дак сердце порет.* Юм.

ПОРХОВКА. О мягкой земле. *В огороде земля порховка, мягкая как пух.* Пож.

ПОСЛАТЬ. = Ни послать ни нарядить. От кого-л. нет толку. *Будь ты трою со свету! Ни послать ни нарядить, всё только напакость.* Чус.

ПОСПЕТЬ. Умереть. *Лёг на лавку сам, руки сложил, и поспел, готов.* Пож.

ПОСМОТРЕТЬ. = Посмотреть стопочку. Немного выпить. *У тестя я только стопочку посмотрел.* Юм.

ПОСТАТЬ. Место, отведённое для разработок определённой семье, хозяйству (покос, участок земли, место в лесу для заготовки дров). *У нас постать была в лесу, там и жали, полоски были.* Пож.

ПОСЫКАТЬ. Потакать, способствовать. *Не надо робятам посылать, вот и не будут деньги манить.* Пож.

ПОТАЙКА. Время, когда начинают течь ручьи. *Кросна ставили весной. Прясть можно до весны, до потайки.* Шестина.

ПОТРОСЫ. Шаловливые дети. *Потросы вовсе прямо не разболакаются, так и нарыют в речку.* Пож.

ПОТРУСЫ. Суеверия, страшные истории. *Рассказывают старухи всяки потрусы.* Юм.

ПОТРАСТИ. Безл. = Дождиком потрясло. О незначительном дожде. *Сёдни дождиком немного потрясло.* Юм.

ПОЩУПАТЬ. = Пощупать рёбра. Избить. *Придёшь домой, я тебя сегодня переберу, рёбра тебе пощупаю.* Беляево.

ПРАВДЕДУШКА. Прадедушка. *Лекарка сказала, что правдедушка просит обед, то ли у тяти моёва отец, то ли у мамы, не знаю.* Юм.

ПРЕДВОРОТНЯ. Место у ворот. *Снярядят душу, выйдят на улицу, душа стоит в предворотне, у ворот-то, с ей прошишаются.* Бадья.

ПРЕСЕНКА. Прялка. *Парню дак топорик сделают, подарят, а девочке сделают пресенку маленькую.* Сергеева.

ПРИБИРАТЬ. Перечислять. *Когда прощаются, душе-то всё прибирают: «Прости-ка, прощай, и как, мол, хорошо жили, и вместе-то робили, и всё».* Лобанова.

ПРИВЕРЖИТЬСЯ. Показать, померещиться. *Привержится – дак крестись, молитву твори.* Пож.

ПРИВОРОТНОЕ. Сущ. В свадебном обряде: выкуп за невесту, который брали у ворот, на въезде во двор невесты. *Братья у ворот встречают гостебшан, им приворотно дают – то деньги, а то больше-то вином.* Юм.

ПРИЙТИ. = Прийти на чужой пол. Прийти жить в чужой дом. *Невеста раз на чужой пол пришла, она старается, гостям пить подаёт.* Пож.

ПРИЛЬНУТЬ. Присоединиться. *Надо было к ребятам прильнуть, а не захотела, счас одна живу.* Таволожанка.

ПРИНЕСТИ. = В приполе принести. Забеременеть вне брака. *Ты, девка, добегаешь по вечерам-то, в приполе принесёшь, я пестоваться-то не буду.* Чус.

ПРИКАПУТИТЬ. Убить. *Увижу, что мухи, и шлёпалкой прикапую.* Юм.

ПРИПАСТЬ. = Припасть к сердцу. Сильно понравиться; прийти к сердцу. *Привёз мне сын сноху из города, молоденьку, славную, так она мне сразу к сердцу припала.* Дубровка.

ПРИПЕЖИТЬ. Притеснить, прижать. *Припежить надо, пускай отдаёт долг.* Пож.

ПРИПОЛ. Подол. *В припол снегу наберёшь, трясешь его, приговариваешь: «Полю-полю снежок, перепалываю. Где мой жених, там собачка злай, корова змычи».* Юм.

ПРИПЯТИТЬ. = Ко стенке припятить. Вынудить что-л. сделать. *Ко стенке меня припятил: отдай и всё.* Юрла.

ПРИСМЕЛИВАТЬ. Пытаться присвоить. *Старик на воду поглядел, да и говорит: «О, девка, ты чужого мужика к себе присмеливаешь!»* Кукольная.

ПРИСМИЛЕНИЕ, ПРИСМИЛИНИЕ. Заговор-молитва,

предназначенная для избежания мужских измен. *Присмиление* — это молитва, чтобы он в сторону не смотрел. На кружку наговарят, на питье, ему подадут и сразу в сторону смотреть не станет. Таволожанка.

ПРИСМИЛЯТЬ. Влюблять в себя мужчин, делать их послушными с помощью молитвы, заговора. *Чтобы руки не распускал, молитвами присмиливали.* Таволожанка.

ПРИСПИШНИК. Любовник. *К Марие ходит помогают один, приспишник у её есть дак.* Ефремова.

ПРИСТИГНУТЬ. Застичь. *Ночь пристигла их в лесу.* Ефремова.

ПРИЧАЩАТЬ. = Колодец причащать. В свадебном обряде: бросать в колодец хлеб; то же, что дарить колодец. *В колодец невеста бросала хлеба краюшку — колодец причащат, это уж у жениха. Кому эта краюшка попадёт, тому счастье принесёт.* Таволожанка.

ПРИЧЁЛКА. Полка. *Жениху сказали — ты-де у невесты-то ищи в шерсте. Вот парень и полез искать шерсть, на причёлке шерсть-та была. Смеху-то было.* Таволожанка.

ПРИЧЁТЧИЦА. Плакальщица, исполняющая похоронные причитания. *Была одна причётчица, всё досканально знала, а умерла весной.* Пож.

ПРОБИВАТЬ. = Вечю пробивать. В свадебном обряде: отправляться на брачное ложе (о молодых). *Свадьба к концу, тожно молодых поведут на подклет вечю пробивать, сваха ведёт, остальные остаются догуливать.* Кукольная.

ПРОВЕРГАТЬ. Оспаривать чьи-л. слова, выражать несогласие. *Вы меня не проверяйте, я ишо себя помню.* Зарубина.

ПРОВОЖАНЫ. Проводы. *Я была на провожанах у племянника.* Зайцева.

ПРОВОЖАТЬ. = Душу провожать. В похоронном обряде: прощаться с душой умершего на сороковой день. *На сороковой день душу провожают, одна женщина как душа будет, котора обмывала, с ей проишаются, в ноги*

падают, дадут ей котомочку, она с ей тожно уйдёт. Пож. Душу провожают: со свечой утром выходят в передний угол, потом на улицу идут, стихарят. Юм.

ПРОГАГАРИТЬ. Упустить момент, потерять. *Прогагаришь, вот и подгорит в пече.* Бадья.

ПРОЗВОНЧИК. Поддужный колокольчик. *Приехала свадьба, и кто-то прозвончик с дуги отрезал. Такой шум стал, вот у нас и жизнь так худо с мужиком прошла.* Кукольная.

ПРОМЁЖЕК. Часть стога сена, смётанного между кольев-стожаров. *Тут палку воткнёшь, тут палку воткнёшь — называется промёжёк. На этой полянке вышло пять промёжков сена.* Чужья.

ПРОНИЗКА. О бойком. *Она пронизка, бойкая, везде пронырнёт.* Юрла.

ПРОПАДИННЫЙ. Принадлежащий падали. *А если попортить хотят, то в угол, когда строят, какую-нибудь пропадинную кость кладут.* Ефремова.

ПРОПЫШКАТЬСЯ. Продышаться. *Маленько пропышкаюсь, потом снова запою.* Юм.

ПРОСТЕНЬ. Количество пряжи, наматываемой на одно веретено. *Это называется простень — то, что напрядено на веретено, на веретено навивают которое. Простень этот мотают на мотовило, получается мот. Потом эти моты вымоют, они мягкие станут, их тогда на сновалину растянут, снут. Если женщин в доме мало, и мужики пряли.* Шестина.

ПРОХВОСТЫВАТЬ. Оставлять следы от побоев. *Мама дочь-ту берёзовой вичей стегала, та не шла замуж дак, девка так с синяками и шла взамуж, берёза-та ведь прохвостыват.* Юм.

ПУЗАНИЯ. О беременной. *Пузанья нонче родит, дак сколько время дома сидит, не как раньше.* Юм.

ПУРКАТЬСЯ, ПУРХАТЬСЯ. Барахтаться, возиться. *Птички пуркаются вон на дороге.* Ефремова. *Жениха с невестой на Масленицу в снегу валяли, катались, пурхались в снегу.* Липухина.

ПУТАНКА. Неразбериха. *Когда народ, дак путанка, не могу работать.* Зайцева.

- ПУХОВА.** В свадебном обряде: один из участников свадьбы, который распоряжался приданым невесты (особенно постелью). *Пуховы приедут уж после, привезут приданно-то.* Пож.
- ПУЧЕНЬ.** Пук, пучок. *Он увидел русалку-ту – на колесе сидит, да и бросил в её пучни-те, лучину-ту.* Юм.
- ПУЧНЫЙ.** Собранный в пучок. *Свет не был, жгали лучину пучную, так и светили.* Юм.
- ПЫШКАТЬ.** Тяжело дышать. *Да тише ты пышкай-то.* Зайцева.
- ПЯЖМИНА.** Место в огороде, не занятое ничем. *Тут пажмина, а тут на посадку место.* Юм.
- ПЯТА.** = С пяты до пяты. Полностью, основательно. *Вам с пяты до пяты всё надо узнать, всё спрашиваете.* Осинка.
- ПЯТАК.** Шутл. Петух. *Один пятак у меня есть да с им три курочки.* Юм.
- ПЯТНИЦА.** = Большая пятница. Летний праздник Девятая пятница. *Девята, или Большая пятница, у нас шибко признавали, не работали. Замечали, что на Девяту уж всегда гроза.* Пож. Великоденная пятница. Пятница перед Пасхой (Страстная пятница). *В Великоденную пятницу перед Пасхой часто громы были.* Ефремова.

Р

- РАДЕТЬ.** Хотеть, испытывать желание. *Мужик радел спляснуть.* Юм.
- РАЗМЕНИВАТЬ.** = Разменивать на холщовый мех. Поступать безрассудно, глупо. *Раньше женились, дак боялись, чтобы племя не испортить, не сошлись чтобы один умный, другой безумный. Этого боялись, кому охота жизнь на холщовый мех разменивать.* Пож.

- РАЗОРВА.** = На разорву. Грубое пожелание. *Принесла ему еду: «На, ешь на разорву!»* Лобанова.
- РАСКОЛЫБАТЬСЯ.** 1. Раскачаться. *Девки расколыбаются на качулях, высокушиш.* Пож. 2. Перен. Потерять нравственные устои. *Молодёжь-то нынче совсем расколыбалась.* Юм.
- РАСТИ.** = На слезах расти. В горе, печали. *Молода-то была, на слезах росла, без матери-то маленька осталась.* Юм.
- РАСТРОНУТЬСЯ.** Подняться (о тесте). *Тесто растронется, поднимется.* Кукольная.
- РАЩЕПЕРИВАТЬ.** = Руки расщеперивать. Жить свободно, без запретов. *Раньше молодёжи-те не давали руки расщеперивать.* Чёрная.
- РАШКАТЬ.** Ходить, задевая подошвами, шаркая. *Мало рашкат старый, ноги вот худо подымат.* Тимина.
- РЕБЁШЕК.** Ребёнок. *Где-то надо всё равно нам ребёшка, думают старик со старухой.* Ефремова.
- РЕВМА.** Плакса. *Есть такие ревмы, с ими ни день ни ночь не знаешь, всё время зыбку качашь.* Тимина.
- РЕМКИ.** Тряпки, старые одежды. *Вон ремки валяются, выбрасывать надо.* Пож.
- РИЗА.** О ветхих одеждах. *В зыбке у ребёнка ничё такого-то нету, кладут только ризы, старьё.* Осинка.
- РОГУЛЬКА.** Кокошник. *У Матрёнихи рогулька была, она богата невеста была дак.* Юм.
- РОДИТЕЛЬНИЦА.** Родившая ребёнка. *Родительнице не давали никаку грязну работу.* Тимина.
- РОДИТЬ.** = Родить краснопёрку. Родить девочку. *Баба девку принесёт, о, бают, краснопёрку родила.* Юм.
- РОДИТЬСЯ.** Безл. Получаться. *Не родится уж мне писни-то петь, такие годы.* Пож. = Родиться ночью. Быть неграмотным. *Я ночью родился – ничего не знаю.* Юм.
- РОД.** = Род-племень. Родня. *У меня род-племень был мал, никто уж не остались.* Таволожанка.
- РОДИНА.** = С родины. С рождения. *С родины он у меня такой больной.* Юм.

- РОДИМЫЙ.** = Родимые волосы. Волосы, не стриженные ни разу после рождения. *У меня на голове родимые волосы.* Осинка.
- РОЖЬ.** = Горбачёвская рожь. Иронически о заросших, заброшенных колхозных полях. *По грибы далеко не хожу, вот только на горбачёвскую рожь, поля-те вон затянуло.* Осинка.
- РОК.** = Не в рок молвить. Обереговый, оборонительный возглас (при разговоре о чем-л. опасном). *Не в рок молвить, одинова на меня тоже напускали, баушка одна была тут, вылечила.* Юм.
- РОМШИТЬСЯ.** Примыкать, быть вместе. *Ты чё к нам не ромшишься, бежи скорее.* Юрла.
- РОНКИЙ.** Меткий, пристреленный (о ружье). *Ружьё должно быть ронким.* Лопва.
- РОСА.** = Иванова роса. По суеверным представлениям, роса на Иванов день, обладающая особыми магическими свойствами. *Под Иванову росу цветёт папоротник, надо идти искать его, найдёшь цветок, и сможешь невидимым стать, да не каждому, говорят, кажется.* Тимина.
- РОСНО.** О пасмурной погоде с морозящим дождем. *Росно было, сенокосить нельзя.* Пож.
- РОССТАНЬЕ.** Росстань, перекрёсток. *И мы ушли на росстанье, на перепутье, три бумажки всё расклали, испекли пирог маленький, из рыбы.* Юм.
- РУБАШНА, РУБАШНАЯ.** О женских месячных. *Рубашной раньше у баб называли.* Юм.
- РУДЯНКА.** Травя чистотел. *Рудянка есть, хорошо её брать, когда в груди болит. Она все болезни внутри очищает. Лечит тоже, если сербёжь, чёшешься.* Юм. *Рудянку много пить нельзя: давит на мочевой пузырь.* Таволожанка.
- РУЖЕЙЦЕ.** Ружьё, ружьецо. *Ружейце надо взять да испугать коршуна.* Тимина.
- РУЗАК.** Рюкзак, вещмешок. *Отец полной рузак рябчиков принесёт из лесу, их и впрок солили, на зиму.* Липухина.
- РУКА.** = Своя рука, свой глаз. *Всё решу, сделаю са-*

- мостоятельно. У меня рука своя, глаз свой, ничьей помощи не хочу.* Чёрная. *Со своих рук.* Самостоятельно. *Мне теперь всё со своих рук приходится.* Юм.
- РУКАВ.** = Дарить на рукава. Особый вид свадебного дарения, когда невеста дарила новой родне (деверьям и старшим в семье жениха) отрезы холста. *На рукава тоже надо дарить родне новой, вот невеста и старатся.* Пож.
- РУКОТЕРНИК, РУКОТЯШКА.** Полотенце. *Невесту выводят ко столу жених да сваха за рукотяшку.* Юм. *Рукотерник вон висится, возьми.* Пож.
- РУПОСЕЙ.** Мелкий морозящий дождь. *Этот дож ненадолго, рупосей.* Пож.
- РУПОСЕЯТЬ.** Идти мелкому дождю. *Рупосеяло как раз тогда маленько, грести-то нельзя.* Пож.
- РУШАТЬ.** Резать (о хлебе). *Я как раз хлеба рушаю, садитесь кушать.* Пож.
- РЫБКА.** = Как рыбка сердце у кого-л. О частом сердцебиении. *Сердце как рыбка запрыгат, застучит.* Кукольная.
- РЮХАТЬ.** Хрюкать. *Каки уж от меня писни, я только свиннёй рюхаю дак.* Осинка.
- РЮШКА.** Свинья. *Рюшек держат многие.* Осинка.

С

- САВАН.** 1. Накидка из белого материала для покойника. *Саван шили из двух полотен.* Юм. 2. Накидка на одежду от пыли, снега и пр. *Чтобы одежда меньше пачкалась, саван накидали, сзади до лопаток, спереди до колен.* Юм.
- САДИТЬ.** = Садить чужих ворон на свои сады. *Допускать измену супруга. Нет уж, мой не гулял нисколько. Это чё – садить чужих ворон на свои сады, я уж не понимаю.* Ефремова.

САДНИК. Сад, небольшая посадка деревьев около дома. *Отец развёл садник, посадил черёмухи да чего. Таволожанка.*

САМОЕДЬ. Кто-л. из животных, поедающие себе подобных, хищник. *Щукой не поминают – она самоидь дак. Тимина.*

САПНУТЫЙ. Задетый. *Которые с войны пришли вовсе не сапнутые, конечно, какие-то слова, наверное, помогли. Осинка.*

СВАДЬБА. = Собачья свадьба. Свадьба не по обычаю. *Нонче выходят живо-два, собачья свадьба. Келич.*

СВАДЬБАШАНА, СВАДЬБАШАНЕ, СВАДЕБШАНЕ, СВАДЬБОВШАНА. Участники свадьбы. *Пока молодые на подклете, свадьбашане готовятся к столованию, тут и родители невестины приезжают. Пож. Свадебшане пируют, а молодых уводят на подклет. Лобанова. Свадьбовшана за столом сидят, а молодых на подклет уводят. Юм.*

СВАДЬБЕННЫЙ. Свадебный, относящийся к свадьбе. *Свадьбенны колокольчи раньше были, их по три вешали на дугу. Юм.*

СВАТ. = Предварительные сваты. В свадебном обряде: сваты, которые приезжают для получения согласия невесты. *Предварительные сваты, они высватают, и всё, а потом ещё будут, надо ведь всё обговорить. Пож.*

СВАХА. = Сваха, немыта рубаха, неколоченный дубас. Пренебрежительно о свахе. *Молодых на подклет ведёт сваха – немыта рубаха, неколоченный дубас. Таволожанка.*

СВАШИТЬ. Исполнять на свадьбе обязанности свахи. *Мне всё крёстна делала, она всё свашила за мной. Таволожанка.*

СВЕСТЬЯ. Сестра жены. *Свестенька, испей бражку. Пож.*

СВЕТ. = Весь белый свет (обойти, оббежать). *Побывать во многих местах. Ты в Загарье ли чё была, Васильевна? Дак в Загарье весь белый свет я обежала. Дубровка.*

СВЯЗАТЬ. = Кудельку связать. Шутл. Крепко дёрнуть за волосы. *Она моёй-то дочере кудельку связала, а свою-то на руки взяла. Чус.*

СВЯТЫ. Иконы. *Умрёт человек, его перед святы положат. Женщину – дак на женску лавку, на поперечную, мужика – на мужскую, потом уж в гроб перекладывают. Пож.*

СГОРАТЬ. Умирать. *Человек сгорит, ему надо исповедоваться. Пож.*

СДАВАТЬ. = Сдавать скота на руки Егорию. О первом выгоне скота. *В Егорьев день скота на руки Егорию сдавали. Выведешь, дашь хлебушко с солью, отпустишь благословясь в стадо. Тимина.*

СДИРАТЬ. = Кожу сдирает. Мороз по коже. *Как вспомнишь старую жись, так кожу сдирает. Юм.*

СДУБАСИТЬ. Отнять силой, забрать. *Все деньги с нас сдубасили. Чёрная.*

СЕБЯ. = На себе жить. Быть беременной. *Женица на себе живёт когда, старатся не казаться чужим. Осинка.*

СЕМИСЁЛКА. О бойком, непостоянном человеке. *Она такая семисёлка, всех вокруг пальца обведёт. Пож.*

СЕНОКОСНО. Сущ. Время сенокоса. *Счас сенокосно, робят своих дожидаю, косить приедут. Тимина.*

СЕРБЁЖЬ. Чесотка, зуд. *Рудянка есть, хорошо её брать, когда в груди болит. Она все болезни внутри очищает. Лечит тоже, если сербёжь, чёшешься. Юм. Сербёжь такой, баню надо. Лобанова.*

СЕРДЦЕ. = С не смога сердца. Сам того не желая; без сердечной привязанности. *Он шибко не хотел ё брать, да в райкоме робил – заставили. Так и живёт с ей с несмога сердца. Чус. Сердце радуется. О сильном желании. Сердце бы радуется к бабе, беда её охота, а сил-то нету. Тимина.*

СЕРЕДЬ. Кухня. *Все зашли, а меня заставили на жениха через грядку поглядеть, это полка на середе. Таволожанка.*

СЕРЕНЬ. Средний в семье ребёнок. *Сын-от Миша-та – серень, в семье-то средней был. Пож.*

СЕЯТЬ. = Губы сеют. Идёт мелкий тёплый дождь. *Сильно дождит, дак гриб червивеет; когда мелкой, лучше, так и говорят про его, про дождь-от – губы-де сеют.* Юм.

СИВОЛОБЫЙ. Грубо о седом, старом. *Ну чё, сиволобая, куды засобиралась?* Юм.

СКАЗЮЛИВАТЬ. Рассказывать. *Мама раньше сказюливала, были каки-то русалки.* Пож.

СКЛЁКТЫВАТЬ. Причитать, плакать. *Невеста на девшнике сильно ревёт, склётывают.* Кукольная.

СКОК. = Скок да лёк. Бездумно, беззаботно. *Мама всё сказывала, велела: «Учитесь, девки, у меня лечить-то. А мы чё – скок да лёк, молодиньки».* Тимина.

СКОРОДУМКА. Яишница из взбитых яиц. *Я на скору руку всё больше скородумку делаю.* Пож.

СКОРУША. Скорлупа. *Красна-та скоруша, пасхальна-та, она лечебная, её заваривали и пили, от всех болезней помогает.* Келич.

СКОТИНА. = Поручная скотина. Домашний скот. *Поручная скотина у многих, счас без этого как.* Тимина.

СКРИПУН. Ядовитый гриб, похожий на белый груздь. *Скрипуны у нас не берут, это белый груздь, они как скрипят. Червяк их не ест, и мы тоже не едим.* Юм.
= Скрипун-трава. Лесная трава. *Скрипун-трава тоже суставы лечит хорошо.* Юм.

СКЫРКАТЬ. Скрипеть. *Мальчишки-то опять скыркать начали.* Зайцева.

СЛИВНОЙ, СЛЕВНЫЙ. = Сливной дождь. О сильном, залильном дожде. *Сливной дождь был, как ровно из ведра.* Пож. *Слевный дождь, хорошо прольёт землю.* Лобанова.

СЛЯКИША, СЛЯКИЦА. Дождь со снегом. *Слекиша, прямо в лицо снег да дождь.* Юрла. *Дороги не были вовсе раньше у нас, как слякица, всё развезёт, только пешком попадай.* Ефремова.

СМОТРЕТЬ. = Смотреть вдоль по носу. Сердиться, дуться. *Чё смотришь вдоль по носу? Чё-то не по тебе, очесь, баю?* Чус.

СНЕЖНИК. Снеговик. *На Масленицу делали, катали снег, снег накатают и наставят снежников.* Чёрная.

СНЕЖНИЦА. Сугроб. *Вон снежницу нанесло, надо грести.* Юм.

СНОВАЛИНА. Столбик и рамки для снования нитей. *Простень этот мотают на мотовило, получается мот. Потом эти моты вымоют, они мягкие станут, их тогда на сновалину растянут, снуют.* Шестина.

СОБАКА. = Рукава собаки оборвали. Шутл. О безрукавой одежде. *Ходят нонче – рукава собаки оборвали, мне не надо такое платье.* Пож. *Затянуло как собаку в колесо. О вынужденном заниматься чем-либо. Приехала сюды на три года, да вот затянуло как собаку в колесу, сколькой уж год живу.* Юрла. *Немая собака. О малословном человеке. Ой, нема собака, молчит ведь, а?* Чус.

СОВЕРША. = Своя соверша. Самостоятельность, независимость поступков и решений. *У них своя соверша, чё задумают, то и делают.* Юрла.

СОЗЛЫЙ. Настоящий, истинный. *Девка-та обворотень была. Это созлые колдуны были, свадьбы так делали. Тут дружка действовал, оберегал свадьбу-то молитвами.* Тимина.

СОЛНЦЕ. = Солнце умывается. О солнце в дождь. *Солнце умываются, это к теплу.* Пож.

СОЛЬ. = Четверёжная соль. Приготовленная в Великий четверг соль. *Клали соль на божничу, это будет четверёжна соль, её потом скотинке давали.* Тимина.

СОН. = Сон Богородицы, Богородицкий сон. Богородская трава, чабрец. *Трава есть, сон Богородицы, частики по-вашему, её кладут взголовь в зыбку малинькому, не спит дак.* Тимина. *Марья в лес ходила, принесла Богородского сна от бессонницы.* Чёрная. *Если плохо спит ребёнок, кладут в зыбку Богородский сон, травка есть. Вот этот плат-от, на кокошник-от надели, плат тоже клали взголовье.* Липухина.

СОРОТИНЫ, СОРОЧИНЫ. Поминки на сороковой день.

- В соротины собирались, поминали, ходили душу провожать.** Пож.
- СОСТИ.** Доставать сок; сочить дерево. *Паужно будет, шли сок сосъти, с дерева. Так соком да чё наешься.* Осинка.
- СОТОНСКИЙ.** Относящийся к сатане. *Дед обмирал, сказывал, что у сотоны был, ему он свой сотонской хлеб давал.* Булдыри.
- СОШЕНЬ.** Тонко раскатанная пресная лепёшка, сочень. *А я на сошнях шанешки когда делаю из творога.* Липухина.
- СПЕГАНЫЙ.** Близкий к тёмному, потемневший. *Роженица спеганая — у её тёмные пятна на лице.* Сергеева.
- СПЕЛЕХАТЬСЯ, СПЕЛЯХАТЬСЯ.** Спешно взобраться. *Беда страшно, я спелехалась на ёлку.* Юм. *Куда токо не спеляхашься, испугашься дак.* Осинка.
- СПИРЯ.** Шутл. Спирт. *Спирю больше счас пьют, водка дорогая.* Зарубина.
- СПИЦА.** = Хоть бы спицу в говно. Хоть самую малость. *Делили хозяйство — мне ничё не досталось, хоть бы спицу в говно.* Таволожанка.
- СПЛЯСНУТЬ.** Станцевать, сплясать. *Ой, мама, как я рада спляснуть!* Юм.
- СПОРИНА.** = Спорина стряпать. Пожелание управляющему по хозяйству. *Спорина стряпать! Опять ты ради воскресенья стряпню развела.* Юрла.
- СПОРХНУТЬ.** Подняться, взойти (о тесте). *Надо чтобы квашоночка вспорхнула, в тёплое место ставь.* Юм.
- СРЁХАТЬСЯ.** Опьянеть; досыта напиться вина. *Дед-то у меня срёхался.* Осинка.
- СРОК, СТРОК.** Работа по найму. *Отца не было, дак отдавали по срокам. Семь строков прожил в людях мужот у меня.* Юм.
- СТЕЛИТЬ.** = Много стелить. Много говорить, болтать. *Анна Семёновна больно много уж стелет.* Зайцева.
- СТЕНКА.** = Как стенка (спать). Крепко, беспробудно спать. *На гумне-то за день наплухаешься, спишь как стенка.* Юм.
- СТИНЬ.** Тень. *Ребёнка пугали: «Ли, это чё?» — А там стинь на стене.* Мухоморка.

- СТИХ.** = Умерший стих. Похоронное причитание. *Спою вам умерший стих — «Уж вы ангелы вы господниё».* Булдыри.
- СТИХАРИТЬ.** Петь, исполнять духовные стихи. *Стихают, когда душу-ту провожают.* Юм.
- СТОЛ.** = Пирожный стол. Второй день свадьбы. *На другой день пирожной стол, невесте сковородку дадут, она пекёт уж.* Пож.
- СТОЛОВАНЬЕ, СТОЛОВАНЬЕ, СТОЛОВЬЕ.** В свадебном обряде: праздничный пир в доме жениха. *Когда родители невесты приедут, столованье будет. Потом молодых уводят ненадолго на подклет, а гости дальше столовали.* Пож. *Второй день — столовье. Молодка стряпат пироги калижные, сочни, блины.* Таволожанка.
- СТОН.** = Стон стоит. О громких звуках. *Песни старухи заведут в праздник — стон стоит в деревне.* Тимина.
- СТОПАТАТЬСЯ.** Умереть. *Свекровка-то у меня быстро стопталась.* Зайцева.
- СТОЯТЬ.** Жить, оставаться в живых. *Людных носили раньше, а робята не стояли: токо родится — умрёт, родится — умрёт.* Мухоморка. *С молитвой стоять. Верить в Бога. Я с молитвой стою, верю в Бога-то. Не роблю, дак время хватат молиться-то.* Пож.
- С(Т)РАНЬЁ.** Неправда. *Гадают на картах, дак это всё странье, вры.* Юм.
- СТЫНДИТЬ.** Стащить. *Надо стындить кошелёк, чтобы ты поискала, да ещё спрятать, вот было бы тогда.* Беляева.
- СТЮВАТЬ.** Одёргивать. *Ребят стювают, а они кричат — голова уж заболела.* Пож.
- СУББОТА.** = Широкие субботы. Название осенних праздничных суббот, в которые полагалось поминать умерших. *Осенью широкие субботы — четыре недели.* Ефремова.
- СУД.** = Торый суд. Суд на том свете. *И-и-и, чё ты и баёшь? Грешно это, за это мы все ответ будём держать на тором суде.* Чус.

СУЕТА. О не в меру активном, подвижном человеке. *Слушай, Люда, ты вроде суета, только туда-сюда, нисколько даром не сидишь. Десять работ занимаешь и везде успеваешь.* Чужья.

СУПРЯДИНА. Часть совместного процесса прядения. *Сядут и в середину бросают куделю, супрединой называлось.* Шестина.

СУПРЯДКИ. Собрание женщин для совместного прядения. *Супрядки делали, если тепло, то во дворе, если холодно, то в бане.* Липухина. *На супрядки приходили после работы. Хозяйка кормили, когда люди приходили в дом. Песни пели, потом расходились по домам.* Юм.

СУРГАТЬ. Косить. *На лугах народ-от, сургают, сухо стоит дак.* Пож.

СХРОПАТЬ. Съесть быстро. *Люди, когда голодны, всё схропают.* Зайцева.

СШИБАШКА. Небольшая подработка; шабашка. *Вот как далеко я ходила, сшибашки сейчас называются, раньше так в срок нанимались.* Липухина.

СЫРЧИК. Мучное изделие в виде шариков из творога, яиц, сметаны. *К Петрову дню сырчики делали: катали из коровьего творога, как клубочки каки, их с яичками, творогом, со сметаной размешают, посолят, потом на солнце их, чтобы жидкость выходила, а потом в печку посадят на сковорде.* Липухина. *Сырчики стряпали: творог, ичко убьёшь, масло, и запекали. К Петрову дню обязательно: дорог сырчик к Петрову дню: старая пословица.* Пож.

СЮСЬКАТЬ. Шепелявить. *Одной баушке досталась порча, дак она стала нечисто говорить, суськать.* Пож.

Т

ТАКОСКИЙ. = Таковский был. Пожелание в адрес того, кто заслуженно пострадал. *Чуть не утонул, а тако-*

ский был – не надо было ходить за речку-ту, говорили ведь. Пож.

ТАМБУР. Вид узорной вязки, вышивания сплошными петлями. *На рубашке-то тамбур – крючком вывязывали всё всплошь.* Юм.

ТАРАКАН. = Сибирский таракан. Одна из разновидностей тараканов. *Сибирские тараканы, они серые, поют: «Зир-зир-зир-зир»; как-то развелись много-много, даже в рассаднике жили. Ночью спать не дают, как кузнечики трещат, а днём не слышно.* Кукольная.

ТАРАС. Шутл. Карась. *Мало рыбы было, ловил только тарасов – карасей.* Юм.

ТАРАТЫ. = На вон-тараты. Задом наперёд. *Колдун письмо-то пишет на вон-тараты, не поймёшь, чё написано.* Ефремова.

ТЕЛЫКНУТЬ. Проговориться, проболтаться. *Я ему велю – ты только не телькни, ни-ни.* Юм.

ТИП, ТИПКА. Цыплёнок. *Типки ходят по полянке.* Юм. *Типов много было, дак которые умерли.* Юм.

ТОВНАТЬ. Делать, заниматься с чем-либо. *Варя, вставай, пойдём калигу товнать. Надо убрать уж её.* Ананькина.

ТОЛСТОЛИСТНИК. Лечебная трава. *Толстолистник – его берём, когда суставы болят, от боли.* Юм.

ТОМЛЁНКА, ТОМЛЮХА. Крепкая брага. *Пили бы томлюху, а то всё спирт пьют, травятся им.* Юм. *Напили томлёнкой и сразу уснул.* Юм.

ТОПОР. = Как топор за поясом. О человеке, готовом в любой момент помочь, услужить; послушном. *Муж-от у её – как топор за поясом, уж всегда послушат.* Юм. *Раньше ведь как говорили: «У меня парень как топор за поясом!»* Значит, всю дорогу со мной везде, который послушный. Пож.

ТОРГАТЬ. Безл. Греть. *Торгало, да стороной прошло, не стал дож.* Юм.

ТОРСИЙ. Единственный ребёнок в семье. *Чё он, торсий, один взрос.* Юм.

ТОРШЕНЬ. Небольшой по вместительности мешок. *Торшень муку дадут, её надо растянуть.* Пож.

ТОЩО. = На сердце тощо. Кто-л. испытывает чувство голода. *Чё-то ела, ела, и всё на сердце тошило.* Юрла.

ТПРУТЬКА, ТПРУТЕНЬКА. Корова. *В Великой четверг де тпрутеньку надо гаркать в печку, это летом чтобы домой бежала с воли.* Юм.

ТРАВА. = Бесплодная трава. Растение, используемое как противозачаточное средство. *Если не надо, чтоб ребёнок был, была такая бесплодная трава, она в лесу.* Пож. Бесплодная трава какая-то есть, её пьют, чтобы ребёнка не было. Чужья. Дурман-трава. Белена. Дурман-трава, у её коробочки ещё, белена значит. Юм. Нырун-трава. Лекарственное растение. *Нырун расстилается по шутьму, листочки маленькие, цветочки как коробочки, мелконьки; идёт она от нарывов, от цирьей.* Чус. Уразная трава. Зверобой. *Уразная трава — зверобой, чтобы застой желочи не был.* Таволожанка. *Теплей будет, дак пойду за уразной травой.* Юм. Царь-трава. Трава, внешне сходная с крапивой, но не жгучая, ясколка. *Белая крапива — царь-трава, она лечит тело.* Чужья. Тягун-трава. Невысокая трава, растущая по берегам, с сиреневыми цветками, с мелкими листьями, используется как лечебное средство (от грыжи и пр.). *Жилы на ногах тянет, надо пить тягун-траву. Она в сырых местах растёт, листочки мелконькие, как у гороха. Заваривают и пьют.* Тимина. Голубая трава (травка). Василёк. *Василёк — голубая травка, чтоб глаза не болели, настоем мыли.* Таволожанка.

ТРЕСКОТОК. Треск, трескотня. *Женщина не вовремя выйдет — и такой ураган, только трескоток идёт!* Бадья.

ТРЕТИНЫ. Третий день после смерти человека, похороны. *Хоронят на третий день, в третины все поминают, кто был на похоронах.* Ефремова.

ТРЁПАНЕЦ, ТРЁПАНЦЫ. 1. Пирог из кислого теста. *Трёпанцы иные стряпают — из кислого теста, туда в серединку его растрепleshь, добавляют листики с яичком, со сметаной.* Тимина. 2. Хлебная лепешка низкого

качества. *Когда и напекёшь, скорее чтобы, трепаницы, как алябушки.* Юм.

ТРОЕВЕКИЙ. Живущий очень долго. *Бывают троевеки, долго живут, а нонче-то всё рано умирают.* Юм.

ТРУБА. = Трубу чистить. О летней хороводной игре «Трубочист» с песнями. *Ходили по деревне, трубу чистили, парами, с песнями.* Пож.

ТРУБИЦА. = Как трубица. Перен. Полная женщина. *Ну, Валя, разнесло тебя, ровно трубича ходишь, а вон другая трубича идёт.* Юм.

ТРУБОЧИСТ. = Трубочистом играть. Летняя луговая молодежная игра типа «Ручейка». *Играли летом трубочистом, ходили по деревне.* Юм.

ТРЯСТИ. = Трясти ж...пой. Суетиться. *Чё ты тут, старик, ж...пой трясёшь, сядь, не мешай.* Чёрная. Трясти холодец. В святочном обряде: в Васильев вечер готовить холодец, оглаживать кости. *Как Васильев вечер, всем нам тятя велит холодец трясти. Мы радёхоньки, кости гложем да облизываем.* Осинка. *Лето дождём трясёт. О дождливом лете. Нонче лето дождём трясёт, тепло-то мало было.* Юм.

ТУГАН. Молодые побеги сосны, используемые в народной медицине. *Туган — его настаивать на спирту — от лёгких.* Юм.

ТУЕСОК. = Целый туесок. Много. *У баушки целый тусок сказок-то.* Булдыри.

ТУМЕЛЬКИ. Кувырком, вверх ногами. *Тумельки улетишь с крыльца.* Пож. *Кумельки только с ног, подкатишься и пал.* Юм.

ТУНГОТОК. Шум, грохот. *Пляшут в избе, дак только тунготок.* Юм.

ТУПОСКА, ТУПОСЬКА. Творожная запеканка, оладья (без крупы). *Надо тупоску испечь.* Юм. *Тупоська — она из творога.* Юм.

ТУРАСКАТЬ. Наказывая, таскать за волосы. *Он её давай за волосы тураскать.* Пож.

ТУРОСИТЬ. Бормотать, говорить неразборчиво про себя. *Старуха туросит, бормочет про себя.* Пож.

- ТУТКАТЬ.** Куковать. *В лесу туткун туткат.* Ку-
кольная.
- ТУТКУН.** Самец кукушки. *В лесу туткун туткат.* Ку-
кольная.
- ТЫКАТЬ.** = Хоть вилами тычь. О дряхлом человеке.
*Да старуха-та хоть вилами тычь – кровь не пойдёт,
второй год не ходит.* Чус.
- ТЫСЯЧА, ТЫСЕЧА.** Тысяцкий на свадьбе. *Тысяча и сва-
ха молодых вели в чулан ли, в житницу, зимой – на
полати, с собой молодым пирог нашивали.* Пож.
- ТЫСЯЧНИК.** Полевая ромашка. *Ромашка мохнатая, ты-
сечник, она лечит по-женски.* Сергеева.
- ТЬФУ.** = Тьфу, не слушайся! Оборонительный воз-
глас, используется в разговоре о чём-либо опасном.
*Воспа во всё личо, тьфу, не слушайся, коросты по
пятаку, и потом люди корявые остаются. Раньше
завсё ходила эта воспа, счас нету её. Воспу не сер-
дите, молчите уж, не ругайтесь нисколечко.* Юм.
- ТЮРГАТЬ.** Петь (о токовании тетеревов). *Палёвки нале-
тили, тюргают, штук двадцать.* Осинка.
- ТЮПОРОШНИ, ТЮПОРШНИ.** Обувь, сплетённая из
кудели. *Мама сделала из льна толсто и сплела тю-
порошни, как тапки.* Юм.
- ТЮТЬКА.** Птенец. *У птиц уж тютки выводятся.* Пож.
- ТЯГУН.** Лечебная трава. *Когда грыжа грызёт, дак есть
трава тягун, синенькая, маленькая, растёт сразу, ко-
гда снег сходит. Делают чай и капельками ребёнка по-
ят.* Чужья.

У

- УБЕГОМ, БЕГОМ.** Тайно. *Раскулачивать-то стали, дак
они тожно убогом уезжали, ночью.* Юм. *Бегом де уез-
жали, чтоб вовсе никто не знал.* Таволожанка. = Убе-
гом убежать. Выйти замуж без согласия родителей.

- Я-то ведь у родителей не спрашивалась, убогом убе-
жала.* Юм.
- УБРОДНО.** Глубоко (о большом количестве снега). *Уб-
родно идти в деревню, туда только на лошаде, пешком
намаешься.* Юм.
- УГЛАН.** Мальчик. *День на день угланы в реке палькают-
ся.* Пож.
- УГОДИТЬ.** = Семи пестами в ступе не угодишь. С
кем-л. невозможно наладить отношения. *Она такая,
что ей семи пестами в ступе не угодишь. А уж он-то
стареется...* Дубровка.
- УГОЛ.** = Как в углу. Всеми забыт, брошен. *Забыли нас
сейчас, как в углу живём.* Юм.
- УГОРЕТЬ.** Устать. *Старуха, напой-ко робят-ту, оне ведь
угорели, целый день ходят.* Тимина.
- УЖГАТЬ.** Кричать, шуметь. *Детвора-то уж больно уж-
гат.* Зайцева.
- УЗОР.** = Тайный узор. Выбитый на ткани рисунок. *Ду-
басы были с тайным узором, это выбивали так.* Юм.
- УЙТИ.** = В мешок не уйдёт. Очень много. *Я наговорю
вам, дак в мешок не уйдёт.* Чёрная.
- УКРАСТЬ.** = Промеж глаз нос украдёт кто-л. Не
растеряется; вывернется из любой ситуации. *Сын у со-
седей растёт такой, что промежу глаз нос украдёт.*
Дубровка.
- УМЫВАЛЬЩИК, УМЫЛЬЩИК.** В похоронном обряде:
тот, кто обмывает покойника. *Подают ещё из одёжи,
что осталось, умывальщику.* Юм. *Одёжду ё умыльщи-
кам раздают.* Юм.
- УПЕКОРЧИТЬ.** Уничтожить. *Его упекорчить надо, злыд-
ня такого, чтоб другим неповадно было.* Дубровка.
- УПИТЬ.** Выпить. *Упила я сегодня – ничё не вспомню.*
Чужья.
- УРОКИ.** Порча, сглаз. *Старуха была, от уроков к ней
таскались. Она брызнет водичкой с углями у порогу,
угли наладёт, ребёнку легче, он и спать будет.* Ли-
пухина.
- УРОС.** Беда, несчастье. *Русалки, они так-то тоже не ка-*

жутся, если уж к уросу, если чё-нибудь получится, к не хорошему. Могут задавить, за горло схватить, если мало ли в воде переругаешься. Юм. = На урос. К беде. Капуста-та уродилась у нас на урос, беда много, видно, не к добру. Пож.

УСАЧ. Мелкая речная рыба типа выюна. Мужики в озере усачей ловят да карася. Юм.

УСИЖА. В сидячем положении. Всю ночь усижка просидела в подушках. Васькова.

УСИПНУТЬ. Ослабеть, потерять силы. Собираала ягоды, собирала и усипла, не могу больше. Усть-Берёзовка.

УСНУТЬ. = Крепким сном уснуть. Умереть. У меня старик в прошлом году крепким сном уснул. Чёрная.

УСПЕШЬ. Сила, сноровка. Вот я уже немолодая, успеешь уже не та. Усть-Берёзовка.

УСТУКАТЬ. Погубить. Счас хвораю, это лесок меня устукал, всю жизнь в лесу я проробил. Тимина.

УСЬ. Подзывные слова для свиней. Усь-усь-усь, дочки, бежите сюда, домой. Пож.

УТАРАПКАТЬСЯ. Уйти, убраться. Он беда пьяной был, дак вот и утарапкался поздно, кое-как. Пож.

УТИТЬ. При тканье – пропускать поперечную нить. Понитки раньше делали, основа-та у их – лён, а утили шерстью. Шестина.

УТОДИТЬ, УТОДИЛИТЬ. Разместить, поместить. Сено надо где-то утодить, на сарае место мало. Тимина. В ящике надо утодилили барахло-то. Юм. Баба перво-то терпела, а потом всё, утодилили, в тюрьму посадила. Таволожанка.

УТОЛОКА. Место для игр, сбора. Была в деревне утолока, вся молодёжь собирались играть. Пож.

УТУГА, УТЮГА. Большая группа, толпа людей. Утугой идёшь, людно. Осинка. Утюга девки соберутся, играют. Юм.

УТЮПОК. Медлительный, вялый человек; недотёпа. Мой-то утюпок сегодня даже за хлебом не сходил. Юрла.

УХАТЬ. Класть, помещать. Девятил ухаю в спирт ли, в

водку ли, мяту-траву, брусничник, потом по ложке надо пить. Тимина.

УЩЕРБАТЬ. Идти на ущерб (о месяце). Старый месяц заходит за леву сторону – это ущербат, в ущерб идёт. В то время если садишь картошку, она меньше получается. Дубровка.

Ф

ФИГА. = Фига с ковригой кому-л. Отказ. Деньги просит, да фига ему с ковригой. Пож.

ФОЛЬКЛОРНИЦА. Знаток фольклора (о женщине). Она такая фольклорница, к ей бежите. Юм.

ФРОЛ. = Фролы голы. О запрете сеять после Фролова дня. Надо успевать сеять-то до сентября, до Фролова дни, старики говаривали – Фролы голы. Пож. Фролы голы – с Фролова дни лист падёт дак. Юм.

ФУ. = Фу-фу! Возглас-побуждение с требованием лошади прибавить шаг. «Фу-фу!» – скажешь, лошадка и бежит бойчей. Таволожанка.

ФУРЫ. = Фуры сделать, делать. Эвфемическое обозначение полового акта. Валеются прямо посреди полу, чё, мол, это? А это они фуры делают, издят на друдышке. Липухина.

Х

ХАРЧ. Мелкая огородная растительность. В огороде харч – мелочь-то вся, картошка, всё это. Кукольная. Покров скоро, надо харч убирать, какой есть, редька там, ка-лега. Черепанова.

ХВОСТ. = Хвост завяз. Вынужден находиться где-л.

К сестре не еду: хвост завяз, с робятами-то сидеть некому. Чёрная.

ХВОСТИТЬ. Хлестать, бить. В Великий четверг по насту рано, до солнышка, идут за вересом и хвоишут потом — кто долго спит. Бадья.

ХЛАМ. Мошкара. Хлам много, капусту у меня как бы нонче не сгубили. Пож.

ХЛАМОСТИТЬ. Мусорить. Гости хламосят, а невеста должна мести пол. Юм.

ХЛЕБ. = Хлеба есть! Пожелание сидящим за столом. Мы обедали, когда Никита полез в избу; поздоровался, сказал: «Хлеба ись!» Юрла. Хлебушко, не слушайся. Оберег в разговоре за столом, когда упоминается что-л. нечистое. Хлебушко, не слушайся, я в аккурат тогда с им, с колдуном-то с этим пересеклась по дороге. Юм.

ХЛЕБИНЫ, ХЛЕБЕННО, ХЛИБИНЫ. Гощение молодых у родителей невесты после свадьбы; то же что **НАХЛЕБИНЫ.** Хлибенно после свадьбы живёт, едут угощаться к теще, мать невесты блины напекёт, оладьи, наливники. Черепанова. Хлебины когда и на Маслену попадут, едут блины есть. Пож. Хлибины, дак жених с подарком едет к теще. Юм.

ХЛОПАТЬ. = Руками хлопать. Выражать удивление. Угробили человека, а теперь руками хлопают. Чёрная.

ХМЕЛЬ. = Дикий хмель. Травянистое лекарственное растение; княжик сибирский. Я слыхала, что диким хмелем опухоли лечат. Чус. Хмель дикой от головы пьют, вместо подушки ложат. Таволожанка.

ХМЫРЬ. О человеке с трудным характером, непокладистом. Иван Николаевич — хмырь, если он в духах, то побает хорошо с человеком, а если не в духах — не разговаривает. Липухина.

ХОДИТЬ. = С ремнем ходить. Устар. Быть коновалом. Кто коновалил, дак раньше говорили «с ремнем де ходит», у его ремень, жеребчий путать. Булдыри. Под лесным ходить. Блуждать. Переругашь скотину, как на волю провожашь, дак она под лесным ходит, он

по неделе её не кажёт людям-то, а потом отпустит. Чус.

ХРОПАТЬ. Стучать. Чтобы не бояться покойника, у нас гроб снесут, на табуретках нужно посидеть, потом дверями хропают три раза. Липухина.

ХРУСТОК. Косточка. Хрусток не на месте, надо его вправлять. Ефремова.

ХУДОБА. Припадки. Худоба у маленького, тогда его поят овечьим молоком. Юм.

ХУДОЕ. Сущ. Эпилепсия. Худое — это когда бьёт. Худое бьёт ребёночка, от людей в основном от этого личат. Человека позовут, он наговариват, поит ребёнка. Юм.

Ц

ЦЕРП, ЧЕРП. Серп. А жали церпами раньше, я ещё застала, тоже ходила в поле. Осинка. Черпом-то сейчас токо крапиву жну. Юм.

Ч

ЧАЙ. = Чай-Ваня. Иван-чай. Травя есть, ворожат ей девки в Рождество, чай-Ваня — вот такой высокой. Цветочек такой баской, розовенькой. И чай простой пьют. Ефремова.

ЧАКНУТЬ. Ударить с силой. Чё-то росспорили, он взял его да и чакнул, и всё — убил. Таволожанка.

ЧАКНУТЫЙ. Ненормальный. Чакнутые вовсе стали, пьют столько. Тимина.

ЧАМГАТЬ. Чавкать. Сидит за столом, дак ровно как поросёнок чамгат. Пож.

ЧАСОВАТЬ. Нести дежурство; охранять. Я нонче по де-

ревне часовала, моя очередь, дак то счас спать-то хочю. Юм.

ЧАЧА. 1. Игрушка. *Надо ребёнку чачу дать.* Юм. 2. О красиво одетом. *Вон идёт – чача, баско ходит.* Пож.

ЧЕЛОНОЖНЫЙ. Сильный, здоровый, крепкий. Он здоровой был. *Таких-то челоножных берут в армию хорошо.* Осинка.

ЧЕЛПАН. Высокий каравай. *Раньше челпаны из пшенисной муки пекли, счас хоть из какой.* Пож. *К жениху-то невесту везут, ей дают от жениха-то родители хлеб-челпан.* Липухина. *Молодых встречают с челпаном, с иконой, челпан невесте на голову ложат.* Таволожанка.

ЧЕЛЫЖ. Гриб красноголовик. *Челыж гриб, он хорошей, крепкой, твёрдой.* Юм.

ЧЕРВЬ. = (Как) кислый червь. О человеке, который любит кислые и острые напитки. *Я как кислый червь, без браги нисколько не могу жить.* Чус.

ЧЕРЕДИТЬ. Делать уборку; прибирать. *У меня в доме не чережено, вы уж не смотрите.* Осинка.

ЧЕРЕМИЧНИК. Травя с широкими листьями. *Пекли хлеб и на капустных листьях, и тоже – была трава черемичник – нащиплешь листы, и на их.* Юм.

ЧЕРЕМОНИХА. О привередливой. *Она такая черемониха – то ест, друго не ест.* Таволожанка.

ЧЕСНУТЬ. Выскочить. *И ещё примета есть, двери мы открыли, кошка как чеснула из избы, это нехорошо.* Юм.

ЧЕТВЕРГ. = Велик четверг. Великий четверг. *В Велик четверг по мутовки ходят по насту, в лес – три мутовки надо сделать: квас мешать, пиво мешать, сметану.* Осинка. *Мы недоростки были, дак велили отец-мать копить копеечки к Велик четвергу, потом их считаешь.* Пож.

ЧЕТВЕРОЖНЫЙ. Относящийся к Великому четвергу. *Быват соль четверожна и хлеб тоже.* Булдыри. = Четверожный хлеб. Хлеб с Великого четверга, используемый в разного рода обрядах. *Четверожный хлеб с солью клали в Велик четверг на божничку, потом скоту скармливали – для здоровья.* Пестерёва.

ЧЕТВЕРТНОЙ. = Четвертная соль. Соль, заготовленная на Великий четверг; то же, что четверговая, четверожная соль. *Четвертную соль ребёнку дают, чтобы не урочился.* Дубровка.

ЧЕЧЁТКА. О девушке, женщине, любящей наряжаться. *Вырядилась, вишь какая: шаль пуховая, пальто новое, сапоги на каблуке, а дома – страшно поглядеть, а снарядилась сама, как чечётка.* Чужья.

ЧЕЧКА. Игрушка. *Раньше такие чечки не бывали, счас всякие маленьким продают.* Пож.

ЧЁМОРА. = Иди к чёморе. Бранный возглас. *Иди к чёморе, дурак такой!* Ананькина.

ЧИБИШЛЯЙКА. О бесстыдной девушке, женщине. *В телевизере смотрела: Пугачёва вышла как чибишляйка, вовсе стыда нет.* Пож.

ЧИБОЛЬКА. Жеребёнок. *Кобыла всё домой ладит, не идёт – у ё чиболька там осталась.* Пож.

ЧИВЕРА. Междометный возглас удивления, недовольства и пр. *Вот, чивера, смотри, маленький, а осилил всех!* Миронова. = Всякая чивера. Всякая всячина. *Всякими чиверами поят, лечат дак.* Юм.

ЧИВЕЧКА. Катушка в челноке ткацкого станка. *Чивечка тут ставится, на её нитки мотают.* Пож. = Как чивечка. О стройной, красивой девушке. *Привезли невесту, мы ходили глядеть – с косой, как чивечка, такая тонкая.* Пож.

ЧИВЫКАТЬ. Манерно говорить. *Съездила в город, вот и зачивыкала, будто городская.* Пож.

ЧИЖГАТЬ. При дойке коровы: дергать за соски. *Доишь, дак чижгаешь, попеременке.* Юрла.

ЧИКША. = Как чикша. Худой, тощий. *После второго робёнка я уж и не была больше в теле, стала как чикша и больше не справилась.* Чус.

ЧИРСНУТЬ. Хлестнуть, ударить. *Расшалились, ну-ко, чирсну их. Где вичука-то у миня?* Юм.

ЧИСЛО. = Не в числе. Не закреплено в календаре на определённый день. *Троица-то ведь не в числе: когда 1 июня, а когда и 20 июня быват.* Дубровка.

ЧИСТЫШКО. Полностью, совсем. *Пять домов в деревне чистышко сгорели, ниче не осталось.* Осинка.

ЧИЧАН. Толпа; табун; множество людей или животных. *Каждый день чичаны тут собираются.* Чёрная. *Вон чичан – полно лошади ходят.* Юм.

ЧИШНУТЬ. Гореть. *Лес чишнёт, мы убегаем бы, а огонь-то кругом – бежать некуда.* Юм.

ЧУМАН. Сделанный наскоро из цельной берёсты короб для грибов, ягод. *Ягоды некуда класть, тут же чуман сделаешь из берёсты.* Пож.

ЧУМПЕЛЬ. Сделанный из берёсты кулёк для ягод. *В лесу чумпели сделали, полно ягод набрали.* Пож.

ЧУПОРШНИ, ЧУПОРОШНИ. Тапочки. *Чупоршни вон надела да пошла.* Юм. *Припасти надо ко смерти как-ко чупоршни.* Юм.

ЧУПОТРАЙКА. Грязнуля, неряха. *Молода была, дак следила за собой, а счас как чупотрайка стала.* Пож.

ЧУРГАТЬ. Греметь. *В Ильинску пятницу всё большинство гремело, чургало. В Ильинску пятницу сено убирай, из огорода подбирай. Дождь будет – траву сташишит.* Дубровка.

ЧУРСНУТЬ. Глотнуть. *Чурснула из банки, пить не стала: кисло дак.* Пож.

ЧУХА. Подбородок. *Стали драться, дак Васька надавал ему под чуху.* Пож.

ЧУХАТЬ. Стегать. *Курочку надо на Велик четверг вичкой почухать.* Юм.

ЧУХМАРЬ. Деревянная колотушка для битья печи. *Сучья напилят это чуркимя, и расколют, и вычешут чухмари, как называли, чухмари деревянны. Вот имя и долбили печку-то, били чухмарями этими.* Липухина.

Ш

ШАБУР. Верхняя одежда для прохладной погоды. *Раньше лето студёное, дак шабуры накидали. Шабуры, их из льняных ниток ткали, потом синили.* Пож. *Тоже одежда была – шубы, зипуны, шабуры. Они были исключительно из холста, изо льна.* Шестина.

ШАЛАБОЛИНА. О ветхой, старой одежде. *Ходят по Святкам-то и счас, наденут на себя всяки шалаболины и ходят.* Юм.

ШАЛАПУГА. Ведущий себя легкомысленно, бездумно. *Он так и прожил шалапугой до старости, проболтался.* Пож.

ШАНЬГА. = Заспанные шаньги. Шаньги с начинкой из заспы (крупы-сечки). *Шибко уж я люблю заспанные шаньги.* Пож.

ШАР. = Собачьи шары. Экспр. Собака. *Ну, собачьи шары, всех кур распугала.* Юм.

ШАРГА. Уха. *Шаргу варили в праздник, уху рыбную, пироги жарили.* Келич.

ШАРГАТЬ. 1. Шуршать. *Ноги не подымат, ходит, шаргат.* Юм. 2. Говорить, болтать. *Бабы шаргают, чё имя, бабам-то.* Пож.

ШАРОМ. Укладка снопов на поле. *Хлеб клали, шаромы назывались, вот такой стог, всё с поля свозишь, все снопы, хоть ячень, хоть пшеничу укладывали так, чтоб колосья с двух сторон.* Липухина.

ШАРЧИТЬ. Шаркать. *Ходит, ровно старик, шарчит.* Юм.

ШАХТЁРЫ. Шутл. Чёрные грузди. Чёрные грузли, шахтёры это, мы их не берём. Юм.

ШАШМУРА, ШАШМУРКА. Головной убор замужней в виде чепца с завязками. *Баба – дак шашмурку носит, не снимат, как вот чепчик, завязывается.* Пож.

ШВАЛ. Опухоль, вздутие. *Колдун посадит килу, такой швал будет.* Усть-Зула. *У коровы-то у меня на горле швал образовался.* Юм.

ШВЫРКНУТЬ. Бросить, вышвырнуть. *На кого рассердятся, дак готовы в окно швыркнуть.* Юм.

ШВЫЧУР. О бойком. Такой швычур, на месте не сидит. Юм.

ШЕВАРТУН. О косноязыком. Он большой, а худо баят, шевартун, буквы не все говорит. Юм.

ШЕБАРЧАТЬ. Дребезжать, нечисто звучать. Худо уж поется, голос у меня шебарчит. Юм.

ШЕВЕЛИТЬ. = Мякиной шевелить. Соображать. Я мякиной шевелю и супротив его делаю. Чёрная.

ШЕСТ. = Ни шест, ни весло. Кое-как, без особой пользы. Мы чё, прожили тут ни шест, ни весло, худо. Таволожанка.

ШИМА. О лохматом, имеющем неприбранные волосы. Утром встала, не причесалась, вы и увидели меня, как шиму. Пож.

ШИНДАРИТЬ. Играть. Пойдём играть в карты, шиндарить, чё делать-то? Юм.

ШИНЬГАТЬ. Медленно делать что-л. Да долго ты ещё шиньгать-то будешь? Зайцева.

ШИРГАТЬ. Косить траву. Худая нонче трава, а всё равно ширгать надо. Чёрная.

ШИШ. 1. Домовой. Шиш в доме бывает, я вот не видала, а люди рассказывают. Пож. 2. Чёрт, нечистый дух. Который давится человек, к нему ведь шиш подлетает, петлю затягивает. Усть-Зула.

ШИШИ. О домашних вредителях (хомяках, крысах и пр.). Шиши всякие заведутся в доме много, крысы, мыши там, это не к добру. Пож.

ШИШКОВЬЁ. Собирает. о детях. Учили нас играть, а мы чё, шишковьё, лет по девять, совсем малы шишо были. Усть-Зула.

ШИШОНОК. Маленький ребёнок. Я худо помню, чё, тогда ещё вовсе шишонок была дак. Таволожанка.

ШИШОЧЕК. 1. Дух, появляющийся в святочное время. В святки эти шишочки живут, у их нос пятачком, сами они с хвостом, волосатые, маленькие. Кукольная. Гадать будешь, шишочка нарисуешь, с рожками, кругом на бумаге буквы, иголку потом держишь, куда покажет шишочек. Таволожанка. 2. Ряженный в Святки.

Шишочки бегают в Святки, в избу забежат, пляшут, поют, их опять угощают, конфетки дашь, пряники. Юм.

ШКУРА. = Шкура на огород. О смерти. Поживёшь, поживёшь, и шкура на огород, закопают. Юм.

ШЛЯКОТЬ. Слякоть, мокрый снег. На свадьбу шлякоть — это уж не жди хорошей жизни. Пож.

ШМАТАНУТЬ. С силой толкнуть, бросить. Смотри, заработашь у меня! Как шматану — улетишь в угол и не встанешь. Беляева.

ШМОТНУТЬСЯ. Упасть. Он, видно, беда шмотнулся, синяк будет. Пож.

ШМОЧКАНУТЬ. Ударить; то же, что шматануть. Я как шмочкану, вылетишь отсюда. Чё лезешь без очереди? Беляева.

ШМЫКНУТЬ. Быстро проскочить; шмыгнуть. Охраняли, а то ведь на место кто шмыкнет, потом уж выкупать его надо. Пож.

ШОЛАТЬ. Обильно пить, есть. На свадьбах у нас здесь широко шолают, много стряпают, брагу, пиво ставят. Юм.

ШОЛУХА. Узкая полоса поля, отведённая кому-л. для пользования. Поле одно, а тут шолухи нарезаны каждому. Пож.

ШОМША, ШЕМША. Блюдо из варёных пиканов с квасом. Шомшу я и сейчас ем, и робята у меня тоже любят, пиканы с квасом сделаешь. Пож.

ШОРГАТЬ. Тереть. Пол дресвой надо шоргать. Лобанова.

ШОСТЯ. Общерусск. Предмет любви; возлюбленный. В нашей деревне у его шостя есть. Зайцева.

ШОТЬ. Щеть. Вот я у Гальки кочергу-то выживала, она так навтыкалась даже на грудушку, как шоть. Липухина.

ШОШМА. Женский чепец, то же, что шашмура. Баба ведь, на неё уж шамшурку, шошму одевают. Пож.

ШТИ. = Отрёпные (толстые) шти. Особые щи с крупой. Бабушка шти отрёпные сварила в русской печке,

из толстой крупы; сейчас поедим со сметаной. Юм. Я и сейчас когда варю толсты шти. Пож.

ШУЛИКИ. Лапти из берёсты. Иван Берестенник – дак лапти из берёсты плели, шулики. Кукольная.

ШУЛЬ. Узкая лента из лыка для плетения. Шуль такой узенький, вот и клетки-те плетёшь им. Пож. Мячики из берёсты делали, когда коров пасли. Шули нарежешь – больше кулака – и из их мячики сплетёшь. Юм.

ШУНЬ. = Шунь-мань. Тихо, медленно. Не дождёшься его, надо уж давно выйти, а он всё шунь-мань. Чус.

ШШАНУТЬ. С силой толкнуть. Шшанул мужика, тот с ног долой. Юм.

ЩЕДРО. Активно. Состарилась, уж не надо щедро шагать. Юм.

ЩЕЛКЧАТЬ. Говорить, болтать. Я им тут щелкчу: «Иди, поможешь мне». Юм.

ЩЕПЕЛЬЯ. Застывшие комья грязи на дороге. Лошадь-та некованая, по щепелям-то все ноги нарушит. Пож.

Ю

ЮКАТЬ. Мучить, лихорадить, трясти. У нас парня-то корюшка юкает. Уж третий день не встаёт. Юрла.

Я

ЯЗЫК. = На языке сыр-масло у кого-л. О словоохотливом и льстивом человеке. На языке-то у её есть сыр-масло, каждому глаза замажёт. Чус.

ЯИЧИНКА. Яичница. На поминки яичинку делали или раздавали просто по яичку. Говорят, одно яичко заменяет сорок милостынь. Юм.

ЯКУНЬКА. Свёкор. Свёкор – якунька, так раньше звали. Юм.

ЯРО. Со всей силой. Яро они, пермяки-то, песни-те поют. Юм.

ЯЧМЕНЬ. = Ячмень не ломится. Нет необходимости спешить, беспокоиться. Я сейчас живу как в малине, ячмень не ломится, никто никуда не гонит. Осинка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От авторов</i>	3
I. СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ ЮРЛИНЦЕВ	19
Родинный обряд и детство.	19
Юрлинская свадьба.	29
Проводы в армию.	141
Похоронный обряд	148
II. КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ.	207
Весенние праздники и обряды	210
Летние праздники.	231
Праздники и обряды осеннего периода	240
Зимняя обрядность	246
III. БЫТОВАЯ ОБРЯДНОСТЬ И НАРОДНАЯ МАГИЯ	271
Хозяйственные обряды	272
Бытовые традиции	282
Народная медицина и лечебная магия	292
Колдовство, порча, сглаз	305
Демонологические представления	309
IV. ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ	321
Народная проза	322
Малые жанры	335
Песенный фольклор	343
V. СЛОВАРЬ ЮРЛИНСКОГО ГОВОРА	395

Ю 64 Бахматов А. А., Подюков И. А., Хоробрых С. В., Черных А. В.

Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX–XX вв.: Материалы и исследования. – Кудымкар: Коми-Перм. кн изд-во, 2003. – 496 с.; илл.

ISBN 5-87901-080-5

Издание представляет локальную культурно-языковую традицию одного из интереснейших регионов Прикамья, предназначено для историков, этнографов, фольклористов и диалектологов. Оно представляет интерес для краеведов, работников образования и культуры, а также для широкого круга читателей, неравнодушных к народной культуре. Издание может быть использовано как пособие при подготовке историков и филологов, при преподавании предметов регионального цикла в образовательных учреждениях Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области.

Ю $\frac{470210206-92}{5P(03)-03}$ Без объявл.

ББК 63.5(2)

Научное издание

**Бахматов Анатолий Андреевич, Подюков Иван Алексеевич,
Хоробрых Станислав Валерьевич,
Черных Александр Васильевич**

**ЮРЛИНСКИЙ КРАЙ
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РУССКИХ
КОНЦА XIX – XX ВВ.**

Материалы и исследования

Научный редактор *И. А. Подюков*
Художественный редактор *Н. Ю. Новикова*
Технический редактор *В. В. Бормотова*
Корректор *В. Н. Коколева*

Сдано в набор 25.09.03. Подписано в печать 25.12.03. Формат
84x108¹/₃₂. Бумага ВХИ. Гарнитура Кудряшевская. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 26,14.
Уч.-изд. л. 24,26. Заказ № 1468. Тираж 700 экз.

Коми-Пермяцкое книжное издательство.
619000, Пермская область, г. Кудымкар, ул. 50 лет Октября, 30.

Верстка и печать в ГОУП «Кудымкарская типография».
619000, Пермская область, г. Кудымкар, ул. Герцена, 50.

Вклейка отпечатана в ООО Печатный салон «Гармония».
614000, г. Пермь, ул. Кирова, 34.

Обложка отпечатана в ОГУП ИПК «Пермское книжное издательство»
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 16.